

ЖРД

1424082

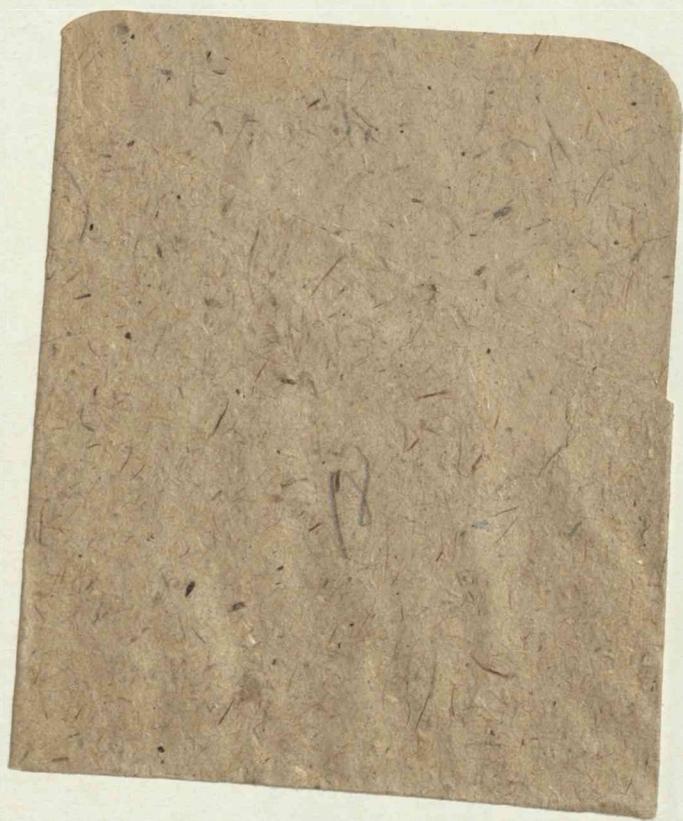
4

Новое о Есенине

**ИЗДАНИЯ
ЕСЕНИНА
И О ЕСЕНИНЕ**

**ИТОГИ
ОТКРЫТИЯ
ПЕРСПЕКТИВЫ**

Кр 88

Кр
83.3(2=РХС)7-8
ИЗБ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А.М. Горького

ИЗДАНИЯ ЕСЕНИНА И О ЕСЕНИНЕ

ИТОГИ ОТКРЫТИЯ ПЕРСПЕКТИВЫ

Есенинский сборник

Выпуск IV

Международная научная конференция,
посвященная 102-й годовщине
со дня рождения поэта
1-2 октября 1997 г.

1424082

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНО-
БИБЛИОТЕКА ИМ. ГОРЬКОГО

Москва

ИМЛИ РАН, "Наследие"

2001

ББК 83.3 (2-Рос-Рус) 6

Ответственный редактор:
Ю.Л.Прокушев, доктор филол. наук

Составитель:
А.Н.Захаров, кандидат филол. наук

Художник:
Е.К.Самойлов

Рецензенты:
Н.Н.Воробьева, доктор филол. наук;
А.П.Зименков, ст. науч. сотрудник

ИЗДАНИЯ ЕСЕНИНА И О ЕСЕНИНЕ: ИТОГИ. ОТКРЫТИЯ. ПЕРСПЕКТИВЫ. Есенинский сборник. Новое о Есенине. Вып. IV. — М., ИМЛИ РАН, “Наследие”, 2001. — 309 с.

Настоящий сборник посвящен издательскому и филологическому аспектам изучения творчества и деятельности Есенина: это проблемы есенинской археографии; истории деловых отношений Есенина с издательствами; влияние Первой мировой войны на сочинения поэта; ранний период жизни как основа художественного мастерства; хронология и адреса Петербургского периода и поездок в Азербайджан; есенинские штудии и публикации за рубежом; особенности библиографического исследования; анализ книжных собраний есенинских музеев; находки в академических комментариях и в школьном и вузовском обучении.

ISBN 5-9208-0075-5

© ИМЛИ РАН, “Наследие”, 2001
© Коллектив авторов

ЕСЕНИН — ЭТО РОССИЯ

(до и после столетия поэта)

Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

Сергей Есенин

Есть такие вершинные даты, такие незабываемые события Отечественной истории, которые навсегда остаются в памяти народной. Несомненно, одной из таких примечательнейших дат России в канун XXI века стало столетие Сергея Есенина, торжественно, всенародно отмеченное в 1995 году.

Неодолим и стремителен полет времени. Казалось, еще совсем недавно десятки тысяч паломников Прекрасного, буквально со всего света, собрались на высоком Окском константиновском берегу в начале октября — в светлый день рождения поэта. Они пришли сюда по зову души и сердца, чтобы причаститься Есениным, поклониться его родным рязанским раздольям. Пришли, чтобы выразить несказанную благодарность любимому поэту за все, что он сделал для сохранения души родного народа в чистоте и благородстве; чтобы доброта, правда, справедливость победили зло, тьму, бездуховность. То была неповторимо-потрясающая картина духовного озарения и соборного единения народа. Это невозможно передать словами. Это надо было видеть, чувствовать, пережить **лично**. Каждый, кому посчастливилось быть в эти, по своему исторические дни в Константинове, на родине поэта, сохранит их свято в памяти навсегда.

А накануне — второго октября — свершилось еще одно знаменательное, долгожданно-радостное событие. В Москве, рядом с Пушкиным, на Тверском бульваре, встал, теперь уже на века, звенящей бронзой прекрасный, словно живой, Сергей Есенин. В этот торжественный день, выступая на открытии памятника поэту, мне довелось счастливо положить только что вышедший

первый том Академического собрания Есенина к подножию монумента, созданного народным художником России Анатолием Бичуковым.

Глубоко судьбоносно и справедливо, что в преддверии нового XXI века рядом с гениальным Пушкиным встал достойный его преемник — гениальный Есенин.

Естественно, встает вопрос: что же принесло России и миру первое столетие Есенина как великого поэта-пророка? Каковы здесь итоги, открытия, перспективы? Что в этом плане объективно особенно очевидно ныне на рубеже двух веков; что в будущем, “на расстоянье”, станет еще более значительным и бесспорным. Сразу же оговоримся, что мы ни в коей мере не пытаемся объять необъятное и уж тем более не претендуем на истину в последней инстанции. Подытожить, обобщить многолетнюю, разностороннюю деятельность не одного поколения есениноведов по изучению наследия Есенина, возрождению памяти поэта и его творчества — возможно лишь коллективными усилиями современных ученых-филологов, писателей, критиков. Практическое тому подтверждение — наша конференция и, прежде всего, научные доклады и выступления ее участников — есениноведов России, а также ближнего и дальнего зарубежья. Именно эти материалы составили основное содержание данного сборника. Исходя из сказанного выше, как один из тех исследователей, кто еще **полвека** тому назад стоял у истоков современного есениноведения, попытаюсь: во-первых, хотя бы кратко, тезисно обозначить основные итоги первого столетия Есенина; во-вторых, очертить, как нам представляется, круг важнейших проблем современного есениноведения (некоторые из них получили частичное освещение в настоящем сборнике); в-третьих, рассказать, опять же тезисно, о новых научных программах и новых фундаментальных трудах современного есениноведения.

* * *

Главный итог первого столетия Сергея Есенина состоит в том, что многолетний и многотрудный процесс возрождения Есенина как великого национального поэта ныне окончательно завершен. Народу, России, Миру сполна возвращено чудесное художественное наследие поэта, его светлое доброе имя.

Впервые юбилей Сергея Есенина был отмечен Президентским Указом и проводился официально на высоком государственном уровне, как одна из знаменательнейших культурных и патриотических дат современной России. Помимо Москвы, в Санкт-Петербурге, Туле, Черкесске были установлены памятники поэту. В дни столетия гостеприимно распахнул двери Мос-

ковский государственный музей Сергея Есенина, созданный в доме, где в годы юности жил поэт. Заметим, что наш Есенинский писательский комитет, родные и близкие поэта **не одно десятилетие** добивались открытия этого музея, также, как увековечивания на государственном уровне памяти поэта на его родине — в Константинове, Клепиках, Рязани и других местах, связанных с именем Есенина. Что говорить! Еще сравнительно недавно все было далеко не так просто. Тем исторически значительнее все то радостное, светлое, весомое, что удалось, как говорится, сообщая “всем миром” сделать, чтобы достойнейшим образом подготовиться, а — главное всенародно отметить столетие со дня рождения русского гения. Выше говорилось о новых есенинских памятниках, музеях. И все же, все же главным для каждого поэта всегда было и будет: это жизнь его стихов, его “песенного слова” в народе. Случается, стихи “умирают”, как это ни огорчительно для автора, еще при его жизни; случается — вскоре после его кончины.

Истинная же поэзия, озаренная “чувством родины”, любовью к человеку, ко всему живому на земле бессмертна. Сердце народа хранит ее вечно, оберегая, защищая от любых злых напастей. Так, в годы фактического запрета Есенина русский народ бережно хранил в своей душе и сердце стихи любимейшего поэта. Наступило возрождение Есенина. С каждым годом произведения поэта стали издаваться все чаще и чаще. Тиражи книг Есенина увеличивались. Теперь едва ли не в каждой семье, и не только русской, бережно хранится заветный томик стихов поэта. Вопреки всем невзгодам и преградам, **Есенин пришел к своему** народу. Это, несомненно, самый знаменательный, самый потрясающий, **наиглавнейший итог первого столетия великого поэта России**. Достаточно сказать, что помимо многочисленных стихотворных сборников, однотомников, начиная с конца пятидесятых годов, только в Советском Союзе вышло восемь Собраний сочинений Есенина. Все они были напечатаны фантастическими для поэзии тиражами: от пятисот тысяч экземпляров до семи миллионов¹.

Именно таким тиражом в издательствах “Советская Россия” и “Современник” в 1990 году было выпущено Собрание сочинений Есенина в двух томах². В нем впервые за многие годы все тексты поэта были напечатаны полностью, без каких-либо купюр и изъятий, сделанных в предыдущих изданиях.

Особенно “урожайными” на новые издания Есенина стали предъюбилейные и юбилейные годы. В это время практически почти каждое российское издательство, каждый печатный орган участвовал в этом благородном деле. Выходят сборники стихов

поэта, однотомники, новые Собрания сочинений Есенина. Издаются отдельно поэмы “Пугачев”, “Анна Снегина”, “Черный человек” и др. Выпускаются подарочные и малоформатные иллюстрированные издания. Несомненный интерес, особенно для библиофилов, представлял выпуск ряда репринтных воспроизведений прижизненных книг поэта. 100-летию Есенина также были посвящены многие юбилейные номера журналов. В целом — это десятки отдельных изданий и сотни публикаций есенинских стихов в газетах и еженедельниках. Естественно, здесь невозможно хотя бы назвать и перечислить все юбилейные есенинские издания. Тем более их аннотировать. Это предстоит сделать в дальнейшем библиографам совместно с исследователями творчества поэта. Вместе с тем уже сегодня следует отметить те новые издания Есенина, которые вызвали положительную оценку и наибольшую заинтересованность в научных кругах, литературной критики, библиофилов, среди поклонников творчества поэта. Каждое из этих изданий значительно обогащает наше представление о богатейшем наследии поэта. В первую очередь отметим выпущенное в 1994 году “Современным писателем” Собрание сочинений поэта в одном томе³. “Этим изданием,— подчеркивалось в кратком обращении к читателям,— мы открываем серию мировой классики “Вечные спутники человечества”. Одинаковые по форме книги будут иллюстрированы, снабжены фотографиями автора и его близких, репродукциями известных картин.

Перед вами книга сочинений Сергея Есенина, изданных к 100-летию со дня рождения поэта. В нее вошло практически все, созданное русским национальным гением”.

Остается заметить, что книга “Сергей Есенин. Стихотворения” по полноте состава, выразительным фотопортретам поэта, его родных, прекрасным есенинским гравюрам художника Сергея Харламова, наконец — высокому полиграфическому исполнению,— по-настоящему уникальна, даже среди лучших юбилейных есенинских изданий. В год 100-летия выходит еще одно примечательное издание — “Сергей Есенин в стихах и жизни”⁴. В нем впервые были объединены как произведения и письма поэта, так и письма, документы и воспоминания современников о Сергее Есенине. Первые три книги: “Стихотворения”, “Поэмы. Проза”, “Письма. Документы”. В четвертой наиболее полно, по сравнению со всеми предыдущими изданиями, представлены воспоминания о поэте. Часть их публикуются впервые.

Среди репринтных изданий следует в первую очередь выделить трехтомник поэта, абсолютно точно воспроизводящий

(включая переплет и художественное оформление), давно уже ставшее библиографической редкостью, знаменитое “Собрание стихотворений” Сергея Есенина, составленное самим поэтом в последний год жизни и выражающее последнюю волю автора⁵.

“Этого собрания я желаю до нервных вздрагиваний,— писал Есенин.— Вдруг помрешь — сделают все не так, как надо”⁶. Поэт словно предчувствовал, что “Собранию”, которое он рассматривал в известной мере как итоговое, суждено было стать завещательным. Знаменитые три есенинских томика “с березками” увидели свет после смерти поэта в 1926 году⁷. При этом было решено дополнить “Собрание” еще одним томом — четвертым. В него вошли все известные к тому времени поэтические и прозаические произведения Есенина, не представленные ранее в “Собрании стихотворений” поэта.

Картина юбилейных изданий Есенина в известной мере будет односторонней и неполной, если хотя бы кратко не сказать о переводах и публикации стихотворений поэта на других языках.

Это, во-первых, издание произведений Есенина в переводах более чем на **семидесяти языках** братских народов Советского Союза, а позднее — СНГ.

Это, во-вторых, публикация произведений Есенина: от отдельных стихотворений и сборников до Собрания сочинений во многих зарубежных странах. Следует сказать, что интерес к творчеству Есенина за рубежом проявлялся еще при жизни поэта. В первой половине двадцатых годов стихи Есенина печатаются в переводах во Франции, Италии, Англии, Германии, Болгарии, Югославии, Польше, Чехословакии и других европейских странах, а также в Китае и Японии. С каждым годом, каждым десятилетием растет число изданий Есенина на иностранных языках. К столетию Есенина появляется целый ряд новых замечательных зарубежных изданий поэта. Среди них одно из лучших юбилейных подарочных изданий: “Сергей Есенин. Голубень века”, проиллюстрированное известной югославской художницей Ольгой Иваницкой. Каждое произведение поэта напечатано в книге на двух языках: в переводе на сербском и русском оригинале⁸.

В наше время великий русский поэт “разговаривает” со своей многомиллионной читательской аудиторией (в переводах) более чем на **ста пятидесяти национальных языках** народов мира и бывшего Советского Союза.

Сергей Есенин является одним из самых известных, а главное — читаемых поэтов XX века. Мировое значение Есенина ныне особенно очевидно. **Таков еще один объективный и впечатляющий итог первого столетия поэта.**

Выше говорилось об издании богатейшего художественного наследия Сергея Есенина. Подготовка и выпуск этих книг и прежде всего Собрания сочинений требовали и были невозможны без глубокого, всестороннего, многолетнего научного изучения и исследования творчества и жизни поэта в контексте его времени, его эпохи; невозможны без огромного объема поисковой, составительской, текстологической, комментаторской работы. Достаточно сказать, что **только** научный комментарий академического Собрания сочинений Есенина составляет **свыше ста авторских листов**. Это больше половины всего объема данного издания. В годы возрождения Есенина, изучения наследия поэта, выпуска его собраний сочинений складывается одно из самостоятельных направлений в отечественной литературоведческой науке — **есениноведение**. Оно включает в себя: монографические труды о поэте, публикацию неизвестных ранее автографов и других архивных документов, докторские и кандидатские диссертации, научные конференции и международные есенинские симпозиумы, обширную мемуарную литературу, библиографические издания и др.

По мере приближения столетия современное есениноведение получает дальнейшее плодотворное развитие. В этот период значительно раздвигаются прежде всего тематические границы и расширяется круг авторов новых содержательных исследований, посвященных Есенину, защищаются диссертации, включая докторские. В монографиях, коллективных научных сборниках и альманахах, многочисленных журнальных публикациях получают всестороннее освещение и углубленную разработку как “старые”, так и заявленные вновь научные проблемы, концепции, идеи, взгляды, касающиеся важнейших сторон жизни, творчества, эпохи поэта. В первую очередь тех, которые по ряду объективных и субъективных причин долгое время фактически не анализировались, не изучались должным образом, оставаясь как бы в тени отечественного есениноведения. Среди них такие значительные научные проблемы и темы, такие в прошлом явные “белые пятна” в изучении Есенина, как религиозные, нравственные искания поэта, его философско-эстетические взгляды и трактат об искусстве “Ключи Марии”; развернутый монографический анализ поэтики Есенина, его языка и стиля; изучение творческой истории и текстологический анализ поэм Есенина, особенно таких сложнейших в философско-историческом плане, как “Черный человек”, “Страна Негодяев” и др.; идейно-художественный анализ прозы Есенина, изучение, комментирование

его эпистолярного наследия; характеристика особенностей прижизненной критики творчества поэта; Есенин и литературное движение двадцатых годов, имажинизм поэта, русское литературное зарубежье и Есенин и другие. Многие из этих проблем и тем были практически впервые всесторонне исследованы, раскрыты и подробно прокомментированы научным коллективом, подготовившим к изданию академическое полное Собрание сочинений Сергея Есенина⁹ (о нем еще будет сказано ниже).

Наряду с этим в девяностые годы, особенно по мере приближения к 100-летию, этим и некоторым другим важным, зачастую малоисследованным проблемам и темам посвящают свои научные труды многие современные исследователи великого русского поэта. Среди них хорошо известные в отечественном и зарубежном есениноведении: С.П.Кошечкин, Т.К.Савченко, Л.Л.Бельская, А.Н.Захаров, А.Д.Панфилов, О.Е.Воронова, С.И.Субботин, А.И.Михайлов, Л.А.Киселева, Н.Г.Юсов, Н.И.Шубникова-Гусева и более молодые — Е.А.Самоделова, М.В.Скороходов и другие. Оговоримся сразу, что мы попытались выявить и представить лишь главную линию развития, главную характерную особенность современного есениноведения. Обобщить и дать конкретную оценку всему, что было сделано по изучению наследия поэта к его столетию, призвана была настоящая есенинская конференция. Ход ее и итоги свидетельствуют, что она с этой непростой задачей справилась.

На конференции, а затем в данном сборнике предпринята плодотворная коллективная попытка, фактически впервые, обозначить целостную, развернутую картину современного есениноведения, проанализировать то, что сделано, и вместе с тем определить научные ориентиры на будущее. В связи с этим обратим внимание еще на одно очень важное обстоятельство. **В девяностые годы, особенно в преддверии столетия поэта, произошло знаменательное качественное изменение в науке о Есенине: возникло единое мировое есениноведение.** В этом легко убедиться, обратившись, например, к сборникам-спутникам ПСС Есенина¹⁰, особенно последнему (“Столетие Сергея Есенина”)¹¹ и составу его авторов, выступивших до этого с научными докладами и сообщениями на Московском международном есенинском симпозиуме: Мишель Никё (Франция), Анна Маймиескулова (Польша), Гордон Маквей (Англия), Мария Павловски (США), Миодраг Сибинович (Югославия), Эдуард Мекш (Латвия), Эммануил Штейн (США), Людмила Киселева (Украина), А.Захаров, Ю.Мамлеев, С.Семенова, Т.Савченко, Ю.Прокушев, Н.Шубникова-Гусева, О.Воронова, М.Айвазян, С.Кошечкин, Н.Юсов и др.

Важно при этом подчеркнуть: отечественные и зарубежные ученые, представленные в этих сборниках, развивая и отстаивая свои индивидуальные взгляды на те или иные проблемы изучения Есенина, ведя порой между собой активную научную полемику, как правило, в своих исследовательских трудах **концептуально едины в главном**: Сергей Есенин для них не только великий национальный поэт России, но и один из гениальных художников XX века, мировое значение творчества которого очевидно и бесспорно.

Возникновение единого мирового есениноведения с единой основополагающей научной концепцией — **еще один важнейший и поучительнейший итог первого столетия поэта**.

Все это вместе взятое, о чем говорилось выше, позволило еще в конце восьмидесятых годов начать подготовку Полного академического собрания сочинений Сергея Есенина. Известно, что в любом большом, серьезном деле, тем более живом творческом литературном процессе, всегда есть такие **ключевые, вершинные события**, которые, явившись однажды, освещают и озаряют духовно, нравственно до самых дальних далей бескрайний горизонт народной жизни. В этом отношении выход накануне дня рождения Есенина **Первого тома** его академического собрания по-праву счастливо венчал собой юбилей поэта, венчал достойно, радостно, всенародно, как едва ли не самое знаменательное и памятное событие тех незабываемых дней. Сегодня, когда академическое собрание Есенина завершено, это становится особенно очевидным и бесспорным. Также как и то, что в наши дни выпуск академического издания Есенина все больше воспринимается как одно из примечательных и благодатных событий в духовной и культурной жизни современной России.

* * *

Теперь несколько подробней об истории академического издания Есенина, его структуре, композиции, содержании, наконец, отличии от всех предыдущих Собраний сочинений поэта. О последнем следует сказать особо еще и потому, что вскоре после того, как началась работа научной группы, готовящей академическое собрание, раздавалось немало скептических голосов. Говорилось, что, к сожалению, те же самые есениноведы будут готовить новое академическое издание. Поэтому оно вряд ли будет сильно отличаться от уже выпущенных в разные годы изданий поэта, включая его Собрания сочинений. Вот что, к примеру, было заявлено в столетие Есенина на страницах, казалось бы, серьезного научного журнала “Литературное обозрение”: “...Академическое изучение творчества Есенина находится в за-

стое, законсервировано в результате деятельности ряда ученых-есениноведов”. И далее: “...В какой-то момент есениноведы образовали как бы замкнутый коллектив, круг, куда они не хотели бы пускать посторонних”. Говоря об “общем кризисе современного есениноведения”, автор пытается “вскрыть” его причины, указывая, что “Пушкинисты, к примеру, создали школу пушкинистики — при всех издержках этой школы. В “есениноведении такого, к сожалению, не произошло: тут пять-шесть фамилий с 1955 по 1995 год, один и тот же круг”¹².

Сегодня, когда завершён выпуск академического собрания Есенина, в подготовке которого участвовал научный коллектив, объединяющий исследователей творчества поэта всех поколений, направлений и взглядов, и не только России, но стран ближнего и дальнего зарубежья, суждения, оценки, прозвучавшие со страниц “Литературного обозрения”, воспринимаются как досадный анахронизм и полное отсутствие знаний о том, чем занимается в действительности современное есениноведение. Но что было, то было. Вернемся к самому академическому собранию сочинений Есенина, к его семи томам.

Поначалу немного истории. Еще в конце шестидесятых годов в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) были рассмотрены мои предложения по подготовке академического собрания сочинений Есенина, одобрены его композиция и проспект. Тогда же состоялось решение Бюро Редакционно-издательского совета Академии наук СССР от 28 июня 1968 года, в котором, в частности, указывалось: “1. В связи с приближающимся 75-летием со дня рождения С.А.Есенина подготовить и издать академическое собрание сочинений и писем поэта в 6 томах общим объемом 120 а.л. Возложить подготовку издания собрания Сочинений и писем С.А.Есенина на Институт русской литературы (Пушкинский Дом).

2. Просить Комитет по печати при СМ СССР дать указание “Союзкниге” открыть подписку на Собрание сочинений и писем С.Есенина в дни юбилея. <...>

4. Издательству “Наука” совместно с Институтом русской литературы разработать график выпуска томов в течение 1971-1972 гг., обеспечивающий издание шеститомника...”¹³

Спустя некоторое время, Бюро Отделения литературы и языка АН СССР своим постановлением от 17 декабря 1968 года утвердило редколлегию академического Собрания Есенина “в составе: Шолохов М.А.— академик (Главный редактор), Храпченко М.Б.— академик, Базанов В.Г.— член-корреспондент АН СССР (зам. Главного редактора), Тимофеев Л.И.— член-коррес-

пондент АН СССР, Прокушев Ю.Л.— кандидат филологических наук, Федоров В.Д. — поэт”¹⁴.

Однако в силу целого ряда обстоятельств тогда, в семидесятые годы, выпуск академического собрания сочинений Есенина, к сожалению, не был осуществлен.

Следует вместе с тем отметить, что работа по подготовке есенинского академического Собрания, проделанная в те годы, не пропала зря. Более того, многое, что предполагалось сделать в академическом собрании Есенина, в известной степени было реализовано и осуществлено во время подготовки наиболее полного по тем временам научного шеститомного Собрания сочинений Есенина под общей редакцией В.Г.Базанова, А.А.Есениной, Е.А.Есениной, А.А.Козловского, С.С.Наровчатова, В.О.Перцова, Ю.Л.Прокушева и М.Б.Храпченко. Оно было выпущено издательством “Художественная литература” в 1977-1980 гг. к 85-летию со дня рождения Сергея Есенина тиражом пятьсот тысяч экземпляров!

Путь длиною в десять лет. В преддверии столетия Сергея Есенина стало особенно очевидно, что пришла пора вновь вплотную заняться подготовкой академического собрания сочинений великого поэта России.

В мае 1989 года Ученый совет ИМЛИ рассмотрел и одобрил предложения, внесенные мной от имени Всероссийского писательского Есенинского комитета о подготовке восьмитомного академического собрания сочинений Есенина, включая композицию и состав томов. Спустя некоторое время начала свою деятельность научная есенинская группа. В состав ее с самого начала вошли известные исследователи творчества поэта, участвовавшие в подготовке предыдущих изданий Есенина, все те, кто изъявил желание и у кого был опыт, независимо от личных пристрастий и групповых интересов. Всех объединял Есенин и важность предстоящей работы. Благодаря этому удалось до минимума сократить по времени организационно-подготовительный и поисковый периоды, составить развернутый проспект “Собрания”, окончательно затвердить его композицию. Соблюдение (максимальное) авторской воли, авторского замысла по подготовке самим поэтом в 1925 г. своего “Собрания стихотворений” и вместе с тем исчерпывающая полнота издания, — вот что прежде всего определило композицию академического собрания сочинений С.А.Есенина, количество и состав томов.

Выпущенное Институтом мировой литературы имени А.М.Горького Российской академии наук и издательством “Наука” совместно с издательством “Голос” при участии издательства “Наследие” к 100-летию со дня рождения Есенина при

финансовой поддержке Правительства Российской Федерации и РГНФ (Российского гуманитарного научного фонда) Полное собрание сочинений великого русского поэта обобщает результаты, достигнутые отечественными и зарубежными исследователями в изучении литературного наследия Есенина.

В академическое Собрание сочинений С.А.Есенина вошли все выявленные к настоящему времени художественные произведения поэта, его литературно-критические статьи, очерки, письма, автобиографии, автографы-посвящения на книгах, в альбомах, литературные декларации и манифесты, подписанные Есениным, его интервью в газетах, включая зарубежную прессу, авторские афиши и программы выступлений, произведения, созданные Есениным в соавторстве с другими писателями. А также ряд неопубликованных документов, авторизованных Есениным, освещающих его жизнь и творчество.

Подчеркнем особо, что при подготовке академического Собрания выявлено около 50 ранее неизвестных рукописных источников произведений поэта. Среди них — единственная в творческом наследии Есенина рукописная книга “Страна Негодяев”, автографы “Сказки о пастушонке Пете...”, поэм “Ус”, “Отчарь” и других.

Впервые дается канонический, тщательно выверенный, научно установленный текст. Именно он должен в дальнейшем стать “эталонным” для всех последующих изданий произведений поэта. Для творческого наследия Есенина это приобретает особое значение, так как в прошлом цензурой изымались отдельные строфы, строки и имена из ряда его стихов и писем. Кроме того, до сих пор Есенину “приписывается” авторство произведений, к которым поэт не имеет никакого отношения. И еще: сопоставительный анализ всех источников позволил освободить тексты от допущенных ранее искажений и опечаток.

Впервые в систематизированном виде печатаются все варианты и другие редакции текстов Есенина. Благодаря проведенному текстологическому анализу, удалось ввести в издание фрагменты неизвестных есенинских строф и строк.

Одной из ключевых проблем при подготовке академического собрания сочинений Есенина стала проблема авторских дат. Известно, что Сергей Есенин, как правило, не датировал свои стихотворения в автографах. Не датировал поэт их, за редким исключением, при публикации в своих сборниках. Готовя рукопись “Собрания стихотворений”, Есенин **впервые** решает датировать все свои произведения и, прежде всего, лирические стихотворения, составившие первый том. Смерть не позволила поэту довести эту работу до конца. В результате третья часть сти-

хотворений первого тома (61) осталась, к сожалению, не датированной автором. Они имеют лишь редакционные даты. Все эти даты, так же как и авторские, были исследованы, изучены. В результате — были уточнены даты написания ряда стихотворений, маленьких поэм и “Черного человека”, а также нескольких есенинских статей и заметок. С учетом документальных данных и палеографических особенностей текста пересмотрена датировка писем Есенина к Г.А.Панфилову и М.П.Бальзамовой, а также некоторых других. Одной из наиболее сложных остается проблема датировки ранних стихотворений. Ее не удалось разрешить до конца. Вместе с тем, все, кто участвовал в изучении и обсуждении данной проблемы, однозначно пришли к важному и принципиальному заключению: **на сегодня мы не располагаем достаточно вескими, объективными текстологическими документальными основаниями и источниками для пересмотра и, тем более, отмены авторских дат ранних стихотворений, которые были определены и проставлены лично самим поэтом при подготовке рукописи первого тома “Собрания стихотворений”**¹⁵.

В развернутом комментарии излагается с возможной полнотой творческая история произведений поэта, впервые столь широко и разносторонне представлены высказывания современной поэту отечественной и зарубежной литературной критики.

Издание делится как бы на две части: первая (1-3 тома) — произведения, отобранные Есениным для включения в трехтомное “Собрание стихотворений”, подготовленное поэтом. Вторая часть (4-7 тома) включает все выявленные к настоящему времени произведения поэта, не вошедшие в трехтомное “Собрание стихотворений”, а также письма и другие документы. Эта часть строится по жанрово-хронологическому принципу.

Прошло десять лет с начала работы над академическим собранием сочинений Сергея Есенина. В октябре 1989 года собралась научная группа, а впоследствии сектор ИМЛИ по подготовке ПСС Есенина. Развернув с первых шагов напряженную фронтальную поисковую, составительскую, текстологическую, комментаторскую работу, удалось за 10 лет подготовить все семь томов академического собрания сочинений, причем, последний том в трех книгах¹⁶.

Говоря о научных результатах работы по подготовке академического собрания, ее новизне, актуальном значении для есениноведения, и шире — современного литературоведения и текстологии, хотелось бы на конкретных примерах, связанных с его подготовкой, показать всю сложность, объемность этой работы, ее высокий научный уровень и во многом действительно новаторский характер.

Так, к примеру, за всю 75-летнюю историю издания “Пугачева” **впервые** при подготовке текста поэмы для академического издания были расшифрованы и **полностью выявлены все варианты** строф и строк чернового автографа поэмы. Этот свод вариантов, публикуемый в третьем томе, **по своему объему (количеству строк) более чем в четыре раза превышает окончательный текст “Пугачева”**. Он составляет не одну тысячу строк.

Другой характерный пример, касающийся поэмы “Черный человек”. В результате всестороннего рассмотрения и **текстологической экспертизы** всех известных и выявленных вновь источников текста “Черного человека” и, в первую очередь, автографов поэмы редколлегией академического собрания было принято единодушное решение: печатать и впредь десятую строку “Черного человека” по автографу поэмы и первой ее публикации, подготовленной Есениным для “Нового мира”: “**Ей на шею ноги**”. Было также установлено и подтверждено, что нет никаких текстологических и других документальных оснований для любого иного варианта прочтения автографа десятой строки, включая наиболее часто предлагаемый “на шею ночи”.

Таким образом, впервые в есениноведении при подготовке текста поэмы “Черный человек” для академического издания был дан научно аргументированный, четкий, однозначный текстологический ответ на вопрос, практически остававшийся открытым и дискуссионным с первых публикаций “Черного человека” в 20-е годы¹⁷. Немало подобных чрезвычайно важных **по своему научному значению и новизне** текстологических и комментаторских проблем и вопросов приходилось исследовать и решать тем, кто непосредственно участвовал в подготовке рукописи третьего тома к изданию. С полным основанием это же можно сказать обо всех других томах академического собрания. Еще один характерный пример, связанный с подготовкой заключающего собрания седьмого тома. Первоначально предполагалось, что это будет сравнительно небольшой по объему том, в который войдут отдельные тексты Есенина, не включенные в предыдущие тома: автобиографии поэта, дарственные надписи, литературные манифесты, некоторые деловые бумаги, отдельные заготовки поэта для своих произведений, наконец, справочно-библиографический материал. Более того, при этом даже такой достаточно опытный комментатор текстов Есенина, как А.А.Козловский, стремился убедить всех, включая дирекцию ИМЛИ, что первоначальное решение о выпуске академического есенинского издания в восьми томах было ошибочным; что надо было этого делать. И пока не “поздно”, надо поправить эту “ошибку”. Ибо не только не найдется материала на 8 том, но

даже 7 том будет по объему не превышать 20–22 авт.листов. Чтобы избежать конфликтной ситуации и продолжить “спокойно” работу над академическим собранием, по предложению директора Института Ф.Ф.Кузнецова было принято решение дирекции — издавать ПСС Есенина в 7-ми томах. Хорошо представляя количество материала, которое должно было быть напечатано в 7 и 8 томах, мной было замечено, что всего вероятнее 7-й том тогда будет состоять из двух полноценных по объему книг. Время показало, что А.А.Козловский оказался плохим “пророком”. Огромная поисковая, исследовательская работа **всего** научного коллектива, занимающегося подготовкой академического собрания поэта, привела объективно к тому, что 7-й том действительно пришлось выпускать — и даже не в **двух книгах**, а в трех, общим объемом более 70 авторских листов. Одним словом, любой первоначальный “проект”, сколь бы настойчивым ни был его автор, проверяется практикой. При этом следует иметь в виду, что до работы над академическим изданием эта часть литературного наследия поэта была исследована есениноведами, включая и А.А.Козловского, явно недостаточно: здесь было немало “белых пятен”. Она также не была представлена в должной степени **ни в одном** из предыдущих собраний сочинений Есенина.

В результате напряженной работы всего научного коллектива, готовившего предшествующие тома, а также привлечения к подготовке седьмого тома других известных есениноведов, таких как доктор филологических наук Т.К.Савченко, удалось в сжатые сроки на высоком текстологическом и комментаторском уровне завершить еще в 1996 году подготовку рукописи первой книги седьмого тома. В эту книгу впервые были включены и развернуто прокомментированы около 300 дарственных надписей — автографов Есенина на его книгах, подаренных писателям, художникам, родным и близким. Такая же **новизна** материала, высокий уровень текстологии и комментирования характерны для всех других разделов и частей седьмого тома: “Автобиографии поэта”, “Литературные манифесты”, “Частушки”, “Фольклорные записи”, а также раздел “Приложений”.

Вторая книга седьмого тома первоначально имела следующие разделы, каждый из которых по своему содержанию является, по сути дела, уникальным и неповторимым. Первый раздел “Дополнения”. Здесь впервые публикуется по автографам ряд стихотворений Есенина, которые стали известны после выхода 1-4 томов академического собрания. “Рукою Есенина” — второй раздел включает в себя все ныне выявленные автографы поэта: заготовки для новых произведений, а именно: отрывки, отдель-

ные строфы, строки, слова, “стихомашину”, выписки из собственных сочинений и произведений других авторов, заметки для памяти, владельческие надписи на книгах и др. Всего более 100 автографов поэта. Третий раздел — “Деловые бумаги” — состоит из заполненных или авторизованных Есениным текстов анкет, издательских договоров, литературных уставов, показаний по “делу 4-х поэтов”, заявлений, расписок, коллективных писем, обращений, подписанных поэтом, и др. В четвертом разделе, опять же впервые в изданиях поэта, печатаются тексты более тридцати афиш литературных вечеров и программ, в которых объявлялось выступление Есенина. В подавляющем большинстве случаев поэт участвует в этих вечерах. О чем, в частности, свидетельствует комментарий к этому разделу. Своеобразным и впечатляющим является пятый раздел. Он содержит данные о неосуществленных изданиях поэта с указанием состава и документов, подтверждающих их предполагаемую публикацию и место хранения. Трудно представить, но таких возможных изданий, выявленных к настоящему времени, известно около ста. Это еще одно убедительное объективное свидетельство, сколь напряженным и плодотворным был в действительности поэтический труд Сергея Есенина. В шестом — обозначены утраченные и найденные художественные произведения, письма, деловые бумаги, дарственные надписи Есенина. “С.А.Есенин в фотографиях” — седьмой раздел книги. Представлено более 100 фотографий, как индивидуальных, так и групповых, где поэт снят вместе с родственниками, друзьями, знакомыми; с их точной датировкой, историей каждого снимка, указанием, кем была сделана фотография. Одним словом, дан развернутый научный комментарий. В академическое собрание писателя такой раздел вводится впервые. “Хронологическая канва жизни и творчества С.А.Есенина” составляет содержание восьмого раздела. В девятом представлена полная библиография прижизненных изданий Есенина и коллективных сборников, в которых он принимал участие. Завершают книгу алфавитные указатели: имен и названий; периодических и продолжающихся изданий; географических названий; произведений Есенина, упомянутых в собрании; произведений поэта, вошедших в 1—7 тома издания.

Когда был подготовлен оригинал-макет второй книги 7 тома, выяснилось, что ее окончательный объем составил более пятидесяти авторских листов (свыше тысячи страниц плотного текста). Между тем, как максимально допустимый объем тома при оформлении, в котором выходит академическое издание Есенина, не может быть более 38—39 авт. листов.

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. ГОРЬКОГО

1424082

В силу этого объективного обстоятельства было принято решение редколлегии выпустить 7-й том не в двух, а трех книгах.

При этом вторую книгу завершает раздел “Афиши и программы выступлений”. А последующие разделы, о которых говорилось выше, составили, в конечном итоге, — третью книгу 7 тома.

При подготовке ПСС Есенина научному коллективу, редколлегии издания приходилось практически заново решать многие научно-теоретические, методологические, методические проблемы и вопросы, связанные с академическим характером издания. Это — и структурное построение всего собрания и отдельных его томов, и содержание каждого из томов, и выбор основного источника текста, и имеющая свои особые сложности проблема авторских датировок произведений, и воссоздание творческой истории и конкретной реальной обстановки, в которой создавались есенинские стихи и поэмы, и характер реального комментария, и др. Успешному их решению и теоретическому обоснованию во многом способствовали проводимые в процессе работы над ПСС Есенина научные конференции и международные симпозиумы ученых-филологов, научных сотрудников литературных музеев и архивов, краеведов, известных поэтов. На них широко обсуждались и рассматривались важнейшие проблемы современного есениноведения. Особое внимание уделялось при этом тем вопросам и проблемам, которые были непосредственно связаны с подготовкой Полного собрания сочинений. Так, в 1994 г. в ИМЛИ прошла Международная научная конференция “Есенин академический: проблемы научного издания произведений поэта”. Самое активное участие в ее проведении приняли научные сотрудники сектора ИМЛИ по подготовке ПСС Есенина.

В декабре 1995 г. вышел сборник материалов конференции “Есенин академический” (объем 15 авт.л.). В сентябре-октябре 1995 г. в Москве в ИМЛИ состоялся Международный научный симпозиум “Есенин в XXI веке”, посвященный 100-летию поэта. На пленарных и секционных заседаниях было заслушано более 60 научных докладов и сообщений известных отечественных и зарубежных исследователей творчества Есенина. При этом многие участники симпозиума посвятили свои выступления проблемам, непосредственно связанным с академическим изданием Есенина.

Об объеме проведенной работы по подготовке академического собрания наглядное представление дает и такой “статистический” факт. За десять лет проведено более 400 научных заседаний сотрудников научной группы, текстологической комиссии и ред-

коллегии, на которых рассматривалось множество проблем и вопросов, связанных с подготовкой ПСС Есенина.

В 1996 г. практически тем же научным коллективом, готовящим ПСС Есенина, был выпущен третий сборник-спутник академического издания поэта “Столетие Сергея Есенина” (по материалам симпозиума) объемом 33 а.л. В октябре 1997 г. изд. “Наследие” при финансовой поддержке РГНФ выпустило этот сборник тиражом 1000 экз.

В 1996 г. опять же при непосредственном участии в качестве авторов и составителей членов научной группы, готовящей академическое собрание, вышла книга “Смерть Есенина. Документы. Факты. Версии” (изд. “Наследие”, 26 а.л.). Книга содержит ранее неизвестный фактический материал, касающийся биографии и творчества Есенина¹⁸.

В заключение еще раз подчеркнем: академическое Полное собрание сочинений Есенина, обобщая результаты, достигнутые исследователями в изучении жизни и творчества поэта на его родине и за рубежом, дает целостный свод всего выявленного к настоящему времени литературного и эпистолярного наследия великого русского поэта.

Полное собрание сочинений С.А.Есенина — это первое академическое издание русского поэта XX века. Первое! Этим объективно определяется новизна, новаторский характер издания, его весомый вклад в отечественную и мировую филологию, в духовно-культурную жизнь современной России.

* * *

Итоги первого столетия соборной поэзии Есенина впечатляют и несомненно радуют всех и каждого, кому дорога и близка отечественная культура и духовность России. Без ложной скромности можно сказать, что в современном есениноведении мы имеем действительно весьма значительные реальные научные достижения и результаты, как в издании наследия великого русского поэта, так и в изучении жизни, творчества, эпохи Есенина. Вместе с тем было бы в высшей степени опрометчиво и недалекновидно посчитать, что все уже сделано, изучено, напечатано. Наука, как и жизнь, не стоит на месте. Она всегда в движении, всегда объективно устремлена в будущее, в завтрашний день. При этом едва ли не важнее всего для каждого нового этапа в любой области науки вовремя определить и разработать главные, перспективные, стратегические направления и основополагающие задачи ее дальнейшего развития. Филология, и одна из ее живых ветвей — современное есениноведение, естественно, не являются в этом отношении исключением. Вот почему после

столетия Есенина и особенно завершения выпуска академического издания поэта вполне закономерно встал вопрос: что можно и нужно сделать дальше? На каких новых фундаментальных научных есенинских программах и изданиях следует сосредоточить внимание современного есениноведения. И в первую очередь: как с наибольшей отдачей использовать в новых научных программах и капитальных трудах о поэте мощный исследовательский потенциал коллектива ученых, выпустивших академическое собрание и обладающих уникальным “банком данных” о поэте. В процессе работы в этом коллективе был накоплен богатейший и плодотворнейший опыт всестороннего изучения наследия поэта, его жизни, творчества — зримо год за годом, месяц за месяцем, день за днем. Научный комментарий к томам — это тысячи и тысячи конкретных фактов и источников текстологического, литературоведческого, биографического, исторического, библиографического характера. Так, лишь комментарий к тому писем поэта составляет более 30 авторских листов. Учитывая все это, еще в 1997 году нами был разработан план дальнейших фундаментальных научных программ и дальнейших исследований наследия Есенина на 1998-2005 гг. Это, в первую очередь, вслед за академическим собранием, создание “Летописи жизни и творчества Сергея Есенина” в трех томах, всего объемом 90-100 авторских листов. Параллельно с этим пойдет накопление и систематизация материалов для “Библиографии Сергея Есенина” в 4-х томах. **Первый** — составит аннотированный указатель всех произведений поэта, изданных на русском языке в России, ближнем и дальнем зарубежье; **второй** — переводы стихов, поэм и есенинской прозы; **третий** — критика о Есенине на русском языке; **четвертый** — на иностранных языках. Далее — два есенинских тома литературного наследия, Есенинская энциклопедия (по типу Лермонтовской). Затем многотомное издание “Жизнь Сергея Есенина, рассказанная его современниками”; вслед за этим — словарь языка Есенина и словарь рифм поэта. Кроме этого, выпуск в 2-х томах (каждый объемом 40-45 авт. листов) критических материалов о поэте: очерков, статей, рецензий, заметок, отзывов и интервью, опубликованных при жизни и после смерти Есенина в периодической печати (журналы, альманахи, газеты и др.). И самое последнее — публикация с комментариями протоколов заседаний Есенинского сектора (затем группы), текстологической комиссии и редколлегии академического собрания за 1989-1999 гг.

В 1998 году Ученый совет ИМЛИ имени А.М.Горького РАН рассмотрел и одобрил предложенный нами перспективный научно-исследовательский план работы Есенинской группы по под-

готовке и выпуску фундаментальных трудов, посвященных поэту. **Определив при этом, в качестве первоочередной задачи, создание “Летописи жизни и творчества С.А.Есенина” в трех томах.**

Возможно, кому-то поначалу все это может показаться недостаточно реальным и невыполнимым. Особенно в наше время, весьма затруднительное для подобных фундаментальных научных трудов. Но ведь истина — конкретна. Заметим, что когда в 1989 году мы приступили к подготовке академического собрания Есенина, скептиков было более чем достаточно. По разным причинам они сомневались, что вряд ли к 100-летию поэта выйдет хотя бы первый том ПСС Есенина. А когда он вышел, то стали говорить, что другие тома появятся не скоро. А тома продолжали выходить один за другим. И за четыре года после выхода первого тома издание было завершено. Многие из тех, кто вначале сомневался в подобных результатах, в дальнейшем, в меру своих сил, поддерживали и помогали есенинской группе в ее работе. Мы им искренне благодарны.

Заметим при этом, что созданная, как уже отмечалось, в 1989 г. Есенинская группа ИМЛИ начинала свою деятельность практически с чистого листа. Теперь обстоятельства изменились. За десять лет сложился опытейший коллектив единомышленников, способный практически в сжатые сроки активно осуществлять новые фундаментальные исследования, связанные с дальнейшим изучением жизни, творчества, судьбы поэта в контексте его времени, его эпохи. Реальным, конкретным подтверждением сказанного выше является развернувшаяся в 1998-1999 гг. деятельная работа Есенинской группы над “Летописью жизни и творчества С.А.Есенина” (по научно-исследовательскому проекту Российского гуманитарного научного фонда. Руководитель проекта Ю.Прокушев). “Летопись...” должна быть подготовлена в течение трех лет (1998-2000 гг.). На сегодня, к концу 1999 г., подготовлены (в первом варианте) **все три тома** “Летописи...”. Они включают в себя свыше трех тысяч сведений и фактов жизни, творчества поэта — день за днем, месяц за месяцем, год за годом. В следующем — 2000 году — рукопись всех трех томов будет подготовлена в окончательной редакции объемом свыше 90 авт. листов. Будет также подготовлен для печати оригинал-макет первого тома, за ним — два последующих. Заметим, что помимо “Летописи...” идет накопление материала для других проектов. Прежде всего “Есенинской энциклопедии” и, как уже отмечалось, “Библиографии поэта”.

Сколько гроз и бурь отшумело над миром за прошедшие сто лет; сколько шумных поэтических имен навсегда кануло в Лету... А Сергей Есенин?! Это просто чудо! Для каждого нового поколения, включая наше время, Есенин был и, по праву, остается **современнейшим из современных поэтов**. В самом деле, в сегодняшних суждениях, дискуссиях и спорах о России и революции, о пути, пройденном нашей родиной за последние восемьдесят лет, о самодержавии и монархии, Западе и России, национальном и общечеловеческом, о духовности и бездуховности, нравственности и безнравственности, путях развития искусства XX века — реализме, постмодернизме, авангардизме, романтизме, литературных школах, течениях и группах, народности языка, о гармонии человека и природы и экологической катастрофе, надвигающейся на мир, об антикоммунизме и социалистической идее, путях русского крестьянства, Вере, Боге и православии, гуманизме, патриотизме и любви к Родине, наконец, — связи нашего земного мира и каждого из нас с космосом и шире — мирозданием, Вселенной, и многие другие вопросы прежде всего духовной, нравственной жизни России и мира, равно как и пути России и человечества в свое будущее, не говоря уже о современной жизни, — во все вторгается Есенин, его вечно живая поэзия. Это также, по-своему, едва ли не один из самых весомых, пророчески озаренных, неодолимо устремленных в будущее итогов первого столетия гениального поэта России.

В блистательной многовековой истории русской поэзии немного найдется имен, о которых со всей справедливостью и определенностью можно так же, как о Есенине, без колебаний сказать во всеуслышанье: “Это сама Россия”. Как ни суди, ни ряди, а имен таких, как говорится, раз, два — и обчелся! В наши дни в современном мире, когда то и дело звучат оскорбительные голоса, что во всем виноваты “эти русские”, что они “ленивы”, “ограничены”, что у них чуть ли не “психология рабов”, Есенин — великий сын России, воплощающий лучшие, благородные черты своего народа, — зримо и недвусмысленно опровергает эти злопахательские и клеветнические утверждения. Да, Есенин — это как сама Россия, ее душа и сердце.

Пророческие стихи поэта — это библия русской души, людского милосердия, веры в человека.

Пришло время **сполна** взять для духовного возрождения, национального единения и сохранения государственности России в высшей степени патриотическое, чудодейственное наследие Есенина.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сергей Есенин. Собрание сочинений в 5-ти томах.— М., Гослитиздат. 1961-1962. Тираж 500 тыс.экз.; Сергей Есенин. Собрание сочинений в 5-ти томах. — М.: Худож.лит. 1966-1968. Тираж 500 тыс.экз.; Сергей Есенин. Собрание стихотворений в 3-х томах.— М.: Правда, 1970. Тираж 2 млн.экз.; Сергей Есенин. Собрание сочинений в 3-х томах. Общая редакция и вступительная статья Ю.Прокушева.— М.: Правда, 1977. Тираж 375 тыс.экз.; Сергей Есенин. Собрание сочинений в 6-ти томах.— М.: Художлит., 1977-80. Тираж 500 тыс.экз.; Сергей Есенин. Собрание сочинений в 3-х томах.— М.: Правда, 1983. Тираж 700 тыс.экз.
- ² Сергей Есенин. Собрание сочинений в 2-х томах.— М.: Советская Россия. Современник, 1990-1991. Тираж 7 млн.экз.
- ³ Сергей Есенин. Сочинения.— М.: Современный писатель. 1994. Тираж 50 тыс.экз.
- ⁴ Сергей Есенин в стихах и жизни. В 4-х томах. М.: Республика, 1995. Тираж 15 тыс.экз.
- ⁵ Сергей Есенин. Собрание стихотворений в 3-х томах. Рукопись (“Наборный экземпляр”), подготовленная поэтом. Хранится в отделе рукописей Гослитмузея (Москва).
- ⁶ Полное собрание сочинений Сергея Есенина в 7 т. М.: Наука — Голос, 1995—2000, т.6, с.184.
- ⁷ Сергей Есенин. Собрание стихотворений в 4-х томах. М:Л: ГИЗ, 1926-27.
- ⁸ Сергей Есенин. Голубень века.— Белград, изд. Интерпрес, 1994, 79 с.
- ⁹ ПСС Есенина в 7-и томах.— М.: Наука — Голос, 1995-1999.
- ¹⁰ О, Русь, взмахни крылами... Есенинский сборник. Вып. I.— М.: Наследие, 1994 — 267 с.; Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания. Есенинский сборник. Вып. II.— М.: Наследие, 1995, 320 с.
- ¹¹ Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сборник. Вып. III. М.: Наследие, 1997.— 528 с.
- ¹² Есенин и миф о Есенине. Беседа с С.В.Шумихиным.— М.: Литературное обозрение, 1996, № 1, с. 10.
- ¹³ См. О, Русь, взмахни крылами... Есенинский сборник. Вып. I.— М.: Наследие, 1994, с.265.
- ¹⁴ Там же, с.266-267.
- ¹⁵ Подробней об этом смотри: Ю.Прокушев. Истина — всегда конкретна. (О некоторых проблемах академического издания Есенина).— Сборник-спутник “Новое о Есенине”. Вып. II. М.: Наследие, 1995, с.11-42. См. также Ю.Прокушев. О датировке Есениным стихотворений первого тома своего “Собрания” (заметки текстолога).— Есенинский сборник. Рязань, 1994, вып. 3, с. 15-18.
- ¹⁶ В этой напряженной исследовательской работе участвовали те, кто готовил (индивидуально или коллективно), в разное время, к изданию очередные тома ПСС Есенина. Это, прежде всего, текстологи, составители, комментаторы — ведущие научные сотрудники ИМЛИ: Н.И.Шубникова-Гусева, А.Н.Захаров, А.А.Козловский, С.И.Субботин, доктор филологических наук Т.К.Савченко, член редколлегии, ст.научн.сотруд-

ник С.П.Кошечкин, ст.научн.сотрудники М.В.Скорородов, Е.А.Самодолова, научный сотрудник Н.Г.Юсов, редактор Т.С.Шеханова, историк Л.М.Шалагинова; члены редколлегии и научные редакторы томов — Председатель текстологической комиссии РАН и ИМЛИ, доктор филологических наук, член редколлегии, научн.редактор 3,4 и 6 томов ПСС Есенина, Л.Д.Громова, члены редколлегии Н.В.Есенина, С.П.Есенина, В.В.Сорокин, Г.И.Ломидзе, Л.А.Озеров, научный редактор первого тома — А.М.Ушаков, рецензенты томов — доктора филологических наук Н.Н.Воробьева, А.И.Чагин, В.В.Петелин, кандидат филологических наук В.Н.Дядичев, литературовед А.П.Зименков, библиофил и поэт Ю.А.Паркаев и др.

17 Подробнее см.: *Прокушев Ю.* Только одна буква. (Текстологические заметки) — Российский литературоведческий журн. М.: 1997, № 11, с.121-148.

18 *Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии.* — М.: Наследие, 1996. — 415 с.

І. ИЗДАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

А.И. Чагин

НЕСКОНЧАЕМЫЙ ДИАЛОГ (ЕСЕНИН СЕГОДНЯ)

Сравнительно недавно, когда вышли в свет 1-ый и 4-ый тома академического Полного собрания сочинений С.Есенина, я писал об этом событии в “Литературном обозрении”, и рецензию свою заканчивал словами о том, что новый диалог с Есениным начался. Сегодня же, когда это большое дело — выход в свет академического Есенина — завершается, все отчетливее осознаешь, что диалог этот, диалог поэта с нами, с нашим временем все еще только начинается, и конца ему нет. Диалог этот многомерен, и сегодняшняя моя задача — обратиться лишь к некоторым аспектам этой большой темы.

Прежде всего, стоит сказать о том, что академическое Собрание сочинений, объединив в своих пределах (как и полагается такому изданию) максимально полный свод знаний о поэте и его творчестве, представив есенинские произведения во всех редакциях и вариантах, предложив читателю богатейшие комментарии к произведениям Есенина, вобравшие в себя опыт, накопленный за десятилетия нашими есениноведами и обогащенные многими вновь найденными сведениями и материалами — вся эта сумма знаний, дополненная сопутствующими трудами, выходит в своем значении за рамки собственно есенинской темы, дает возможность увидеть яснее, а иной раз и по-новому и саму фигуру поэта, и некоторые весьма важные страницы литературной истории.

Это становится очевидным при обращении, скажем, к проблеме, неизбежной в разговоре о творческом пути Есенина и одной из центральных, узловых в истории литературы нашего столетия: поэт и революция, поэт в переломный момент истории отечества. Читая внимательно есенинские произведения после-революционных лет во всех редакциях и со всеми вариантами (т.е. входя в творческий мир поэта), знакомясь с комментариями, сопоставляя все это с найденным в других изданиях последних лет, мы видим, как усложняется портрет поэта, как очищается он от шелухи расхожих представлений, утверждаемых в свое время и у нас, и в русском зарубежье.

Обращаясь, скажем, к произведениям И.Бунина, З.Гиппиус, других писателей зарубежья, видишь, что события революции,

гражданской войны осознаны в их воспоминаниях и произведениях как прокатившаяся по стране стихия вандализма — и одним из поэтических выразителей этой стихии был, в их представлениях, С.Есенин. Конечно, истоком этого мифа была, прежде всего, совершенно определенная оценка духовного диапазона личности и творчества поэта, который на страницах яростных бунинских статей представал как “хам”, “маляр”, “хулиган”¹, о котором З.Гиппиус в статье 1925 года “Поэзия наших дней” (упомянутой в комментариях к 5-му тому есенинского собрания сочинений) писала вполне типичные в этом контексте слова: “... Есенин, в похмелье, еще бормочет насчет октября...”². Слова эти естественно дополняются далеко не случайным высказыванием З.Гиппиус из другой, написанной год спустя, статьи “Судьба Есениных”: “Нетронутая культурой душа, как есенинская, это молодая степная кобылица. На кобылицу, если хотят ее сохранить, в должное время надевают узду. Но тут-то как раз никаких узд для Есенина и не оказалось... А перед инстинктом — лежало открытое поле. Не диво, что кобылица помчалась вперед, разнесла, растоптала, погубила все, что могла — вплоть до самой себя. На Есенине это ярко и просто, пил, дрался — заскучал, повесился. Прimitивный рисунок всегда нагляднее”³.

Итак — “хам”, “маляр” (у Бунина), “нетронутая культурой душа”, “голый, не знающий удержу инстинкт”, “прimitивный рисунок” (у Гиппиус), добавим еще — “от сохи”, “черноземный” (у Дон-Аминадо) — все эти представления проецировались авторами на отношение поэта к происходившим в стране революционным событиям. Как же в действительности воспринимал поэт эти события? Интереснейшее, весьма значительное свидетельство на этот счет мы находим в комментариях ко второму тому собрания сочинений, где приводится отрывок из воспоминаний В.С.Чернявского, относящихся к периоду 1917–1919 годов. “Его любимыми книгами в это время,— пишет В.С.Чернявский,— были Библия, в растрепанном, замученном виде лежавшая на столе, и “Слово о полку Игореве”. Он по-новому открыл их для себя, носил их в сердце и постоянно возвращался к ним в разговорах, восторженно цитируя отдельные куски...”⁴

Библия и “Слово о полку Игореве” — вот какими вехами мерил в те годы Есенин масштаб происходивших событий. Вдумываясь в это свидетельство, вспомним “Окаянные дни” Бунина, вспомним обращенные к революционным событиям дневниковые записи и стихотворения З.Гиппиус. И мы вдруг обнаружим, как переворачивается, ставится с головы на ноги миф, выстроенный эмигрантскими авторами. Ведь в то время, как куль-

турнейших, образованнейших писателей — И. Бунина и З. Гиппиус — захлестнула в первую очередь именно стихия революционных событий, определив и содержание, и тональность написанного ими, — С. Есенин, бывший, в их представлениях, “хамом”, “нетронутой культурой душой”, сумел не только пропустить через душу и разрушительные, и очистительные вихри этой стихии, но и возвыситься над нею, увидеть ее в масштабах вечности и национальной истории.

Это подтверждается элементарными фактами творческой биографии поэта — скажем, содержательной направленностью его произведений тех лет. Обратим внимание — в самый разгар событий Есенин пишет одну за другой целый ряд маленьких поэм, уже названия которых достаточно красноречивы: “Октоих” (август 1917), “Пришествие” (октябрь 1917), “Преображение” (ноябрь 1917), “Иорданская голубица” (1918), “Инония” (1918), “Небесный барабанщик” (1918), “Пантократор” (1919). Можно расходиться в оценке этих произведений, можно по-разному воспринимать их обращенность к библейским сюжетам. (Это, собственно, и происходило после опубликования маленьких поэм, когда, например, М. Слоним рассматривал их в русле традиции “мессианистической” поэзии, рожденной “Двенадцатью” А. Блока с ее “уподоблением революционной России воскресающему Христу”⁵; а В. Ходасевич доказывал “псевдохристианский” характер образности маленьких поэм С. Есенина, предшествующих “Инонии”⁶; а на родине, в советской России критики упрекали поэта за религиозность, утверждая, что он “все еще плутает среди трех сосен отжившего православия”⁷). Однако за чертою споров остается одно, объединяющее маленькие поэмы 1917–1919 годов, свойство — утверждение вселенского масштаба происходивших событий, подчеркнутое обращением к идущим из вечности библейским образам. Этот максималистский замах в толковании событий революционного преобразования России очевиден и там, где поэтическая речь свободна от христианских образов (которые, между тем, возникают в других строфах или главах произведения, определяя духовную высоту поэтического повествования):

Ей, россияне!
Ловцы вселенной,
Неводом зари зачерпнувшие небо,—
Трубите в трубы.

(“Преображение”)

Эти строки, достаточно характерные для есенинских произведений революционных лет, перекликаются и со многими обра-

зами, возникавшими в те годы в русской поэзии. Можно было бы оспорить мысль М.Слонима, увидевшего у истоков этой традиции “Двенадцать” А.Блока,— достаточно вспомнить “Облако в штанах” В.Маяковского (1914–1915), где прозвучало пророческое “в терновом венце революций / грядет шестнадцатый год”, где все построено на соотношении и уравнивании небесного и земного, на ясном осознании библейского масштаба нынешних и будущих жизненных, исторических потрясений, на утверждении поэта как “тринадцатого апостола”. Главное, однако, не то, кто первым сказал слово; гораздо важнее сам факт, что эта идея жила в русской поэзии и непосредственно перед революцией (в предчувствии ее), и в революционные годы. И творчество С.Есенина в самый момент слома эпох стало особым звеном в развитии этой традиции: написанные за три года (с 1917 по 1919) семь его маленьких поэм — написанные в одном ключе, подчеркивающие вселенский, часто обозначенный библейскими образами, смысл революционных событий в России,— ясно свидетельствуют о том, как важен был для поэта именно такой взгляд на происходящее.

Отсюда, от этих есенинских произведений, протягивались нити и в будущее русской поэзии. Ведь читая, скажем, строки из “Октоиха”: “О Боже, Боже, / Ты ль / Качаешь землю в снах? / Созвездий светит пыль / на наших волосах” и соединяя эти строки с возникающим в “Инонии” образом “главы ... власозвездной” поэта,— видишь, как тропа эта ведет в 30-е годы, к поэту следующего поколения, Павлу Васильеву, в чьем стихотворении, обращенном к любимой, рождается яркий и не случайный в нашей поэзии образ: “Рассыпаясь, летят по твоим волосам / Вифлеемские звезды российского снега” (“И имя твое, словно старая песня...”). Речь идет, разумеется, не о прямом влиянии одного образа на другой, а о преемственности в русле одной поэтической традиции: от утверждения вселенского смысла переворота, происходящего в стране и в душах людей — до воспевания библейской глубины великой повседневности любви.

Важно и другое — уже в этих поэмах С.Есенина современникам открылась черта, в полную силу давшая знать о себе в его поэзии в 20-е годы: обращенность поэта к теме исторических путей России. В рецензии на поэму “Преображение”, опубликованной в софийском журнале “Русская мысль” в 1921 году, П.Н.Савицкий писал: “...никогда, быть может, за все существование российской поэзии, от “Слова о полку Игореве” и до наших дней,— идея Родины, идея России не вплеталась так тесно в кружева и узоры созвучий и образов религиозно-лирических и символических вдохновений, как в этих стихах...” Об-

ращаясь к началу третьей главки поэмы (процитированному ранее.— А.Ч.), П.Н.Савицкий находил в есенинских строках созвучие с духом и стилем карамзинской “Истории Государства Российского”⁸.

Эта мысль о сегодняшней России, увиденной на просторах ее исторических путей, неизменно присутствует в маленьких поэмах 1917–1919 годов, существуя в подтексте произведений или воплощаясь на языке “символических вдохновений”. Наиболее открыто (среди поэм трех революционных лет) она дает знать о себе в “Инонии”, возникая на поверхности стиха именами — знаками отвергаемого прошлого: *Китеж, Радонеж, Московия*, воплощаясь в символическом образе плачущих “стен Кремля”. И хотя поэму эту С.Есенин писал в ощущении, “что связь со старым миром порвана”⁹, — обратим внимание на то, что в первоначальном ее варианте, опубликованном во 2-ом томе академического собрания, возникал образ Петра как фигура, созвучная новому времени:

Колокольные над Русью клики —
Это плачут стены Кремля.
Ныне,
    как Петр Великий,
Вздыбливаю тебя, земля!

В окончательном варианте “Инонии” этот образ отсутствует, — однако сам факт обращения С.Есенина к нему в ходе работы над поэмой далеко не случаен*. Фигура Петра возникает и в поэме 1924 года “Песнь о великом походе” — более того, оказывается здесь в основании сюжета. И вот характерная подробность: в своем развитии от замысла и первоначальных вариантов до окончательного текста образ Петра в этой поэме “движется” в том же направлении, что и в “Инонии”. Там, правда, образ этот в своем движении выпал за пределы произведения; теперь же, в работе над “Песнью о великом походе”, он претерпевает принципиальные изменения. Задумывая поэму, С.Есенин видел в Петре историческую личность, родственную новой эпохе. Об этом вспоминал В.Эрлих, приводя слова С.Есенина, рассказывавшего ему о замысле новой поэмы: “Гвоздь в том, что я из Петра большевика сделаю! Не веришь? Ей-богу, сделаю!”¹⁰ Действительно, в первоначальном варианте (опубликованном в “Звезде”, 1924, № 5), в заключительной части поэмы, описывающей революционный “Питер-град”, есть строки: “Бродит тень

* Обратим внимание и на то (об этом речь пойдет позже), что образ Петра возникает здесь как скрытая цитата из “Медного всадника”.

Петра / Да любитесь, / На кумачный цвет / В наших улицах”. В дальнейшем, дорабатывая текст поэмы, С.Есенин меняет вторую строку приведенного отрывка сначала на нейтральное “И дивуется”, потом же, в окончательном варианте, — на “Грозно хмурится”, откровенно противопоставляющее Петра новому времени. Об этом подробно рассказано в комментарии к поэме в 3-ем томе академического Есенина¹¹. Есть здесь и свидетельство о том, что эта эволюция образа Петра осуществлялась не без влияния извне: в комментарии приводится письмо И.Вардина, где он, предлагая С.Есенину внести в текст поэмы поправки, замечал: “Петр должен быть дураком, чтобы тень его могла “любоваться” “кумачовым цветом” улиц *Ленинграда*”. И далее — замечательная в своем роде реплика: “Блок испортил “Двенадцать” Христом, неужели Вы испортите Вашу прекрасную вещь Петром?”¹²

Конечно, эволюция образа Петра в поэме заслуживает серьезного внимания, тем более, что она не может быть объяснена только воздействием извне: окончательный, третий вариант процитированных строк был найден поэтом самостоятельно, в ходе подготовки текста для публикации в “Заре Востока”¹³. И все же, при всей принципиальной значимости изменений в смысловой структуре образа, поэма в конечном счете осталась “испорчена” — если воспользоваться выражением И.Вардина — Петром. Ведь как бы ни менялся внутренний смысл образа Петра, сама фигура царя — основателя города была сохранена в тексте поэмы, оставаясь одним из временных, исторических полюсов повествования.

Во всей наглядности открывается здесь вторая составляющая творчества С.Есенина в пореволюционные годы — стремление к осмыслению исторических путей России, к тому, чтобы увидеть смысл происходящего сегодня в масштабах национальной истории. Вспомним, что после созданных в 1917–1919 годах семи маленьких поэм, насыщенных библейскими образами и подчеркивавших вселенский смысл революционных событий, С.Есенин в 20-е годы создает произведения, прямо обращенные к российской истории, высвечивающие в ней исток сегодняшнего дня: поэмы “Пугачев” (1921) и “Песнь о великом походе” (1924). В этом ряду можно было бы назвать еще и “Песнь о Евпатии Коловрате” (написанную в 1912 г., но во второй редакции — в 1925 г.); можно было бы вспомнить и о не сохранившемся “драматическом отрывке”, который С.Есенин читал И.В.Грузинову в 1920 г., действующими лицами которого были Иван IV, митрополит Филипп и т.д.; и о замысле поэмы “Пармен Крямин”, на-

звание которой было дано по имени единственного вымышленного персонажа из “Пугачева”¹⁴.

Этот несомненный интерес к историческому прошлому России имел и свою особенность: история представляла у Есенина не просто в виде поэтической зарисовки той или иной ушедшей эпохи, а как процесс, движение, определяющее смысл событий и связующее времена. Не случайно, видимо, в названиях обеих поэм 20-х годов возникает слово “поход”: “Песнь о великом походе” и черновой вариант названия другой поэмы — “Поэма о великом походе Емельяна Пугачева”. И если в первоначальном названии поэмы о Пугачеве слово “поход” употреблено в его прямом, хотя и расширенном, значении, то в поэме 1924 года “великий поход” заключает в себе идею исторического пути народа от петровских времен до эпохи революционных потрясений XX века. А в связи с этим особый смысл открывается в жанровом определении этой поэмы — “песнь”, — восходящем к “Слову” и к стоящей за ним фольклорной традиции, определившем место поэмы в одном ряду с другими “историческими” произведениями поэта¹⁵ и, таким образом, подчеркивающим историческую глубину и эпический масштаб событий революционной эпохи.

Так проецируется на творчество С.Есенина частное, казалось бы, наблюдение В.С.Чернявского о двух любимых поэтом книгах, не случайно ставших в 1917—1919 годах для него настольными: о Библии и “Слове о полку Игореве”. Существовал, однако, и третий, не менее важный для С.Есенина, ориентир в пореволюционном его творчестве — об этом тоже сказано в воспоминаниях В.С.Чернявского, приводимых комментаторами академического Есенина: “Незадолго до отъезда (из Ленинграда в июле 1924 г.) он утром, едва проснувшись, читал мне в постели только что написанную им “Русь советскую”, рукопись которой с немногими помарками лежала рядом на ночном столике. Я невольно перебил его на второй строчке: “Ага, Пушкин?” — “Ну да!” — и с радостным лицом твердо сказал, что идет теперь за Пушкиным”¹⁶.

Естественно, речь здесь шла, в первую очередь, о поэтическом слове, об интонации, о слышащихся в есенинских строках отзвуках пушкинского стиха. Поэт, издавна черпавший для своих произведений богатства народно-поэтической традиции, прошедший в пореволюционные годы и через опыт формального эксперимента (не вмещаясь при этом в тесные рамки имажинизма и не теряя веры в “органический образ”), пришел в 20-е годы к пушкинской традиции. Не случайны в этом смысле отзывы критики, реакция современников поэта на его произведения

20-х годов. Н.Никитин, восхищаясь есенинским стихотворением 1921 года “Не жалею, не зову, не плачу...”, замечал: “Удивителен медный пушкинский стих Есенина”¹⁷. А.Лежнев, обращаясь к поэме “Русь советская” (1924), специально подчеркивал: “Поэт все дальше отходит от имажинизма к классическому стиху, к Пушкину”¹⁸. О том же писал обозреватель тифлисской газеты, отмечая отчетливо проявившийся в есенинской поэзии 20-х годов “уход от бурного имажинизма к спокойному пушкинскому стиху”¹⁹.

Устремленность поэтического пути Есенина в первые пореволюционные и в 20-е годы “за Пушкиным” имеет и другое измерение, не ограничиваясь вопросами поэтики. Стоит в связи с этим вспомнить слова другого русского поэта, сближавшего в своих размышлениях имена Пушкина и Есенина. Трудно заподозрить Г.Иванова в том неприятии Есенина, которое бросалось в глаза в упоминавшихся уже высказываниях И.Бунина, З.Гиппиус. В своей статье 1950 года, открывающей подготовленный Г.Ивановым том стихотворений С.Есенина (факт сам по себе значимый), он пишет о своей любви к есенинским стихам и к “неотделимому от них Есенину — человеку”. Но даже здесь, соединяя имена Пушкина и Есенина, Г.Иванов исходит из того же представления о “примитивном рисунке” души поэта, что и некоторые его собратья по эмиграции, возвращается все к тому же образу поэта — выразителя стихии варварства, охватившей страну в годы революции: “Есенин — типичный представитель своего народа и своего времени. За Есениным стоят миллионы таких же, как он, только безымянных, “Есениных” — его братья по духу, “соучастники-жертвы” революции. Такие же, как он, закруженные ее вихрем, ослепленные ею, потерявшие критерий добра и зла, правды и лжи, вообразившие, что летят к звездам, и шлепнувшиеся лицом в грязь. <...> Судьба Есенина — их судьба, в его голосе звучат их голоса. Потому-то стихи Есенина и ударяют с такой “неведомой силой” по русским сердцам, и имя его начинает сиять для России наших дней пушкински-просветленно, пушкински-незаменимо”²⁰.

В самом соединении у Г.Иванова имен Пушкина и Есенина сокрыт яд обличения, “развенчания” есенинской поэзии. Вспоминая слова, сказанные Достоевским: “Пушкин — наше “все”*, Г.Иванов видит в этом определении уравнивание величия Пушкина и “величия породившей его культуры”. Есенин же, в его представлении, с пушкинской полнотой выразил эпоху духовно-

* Достоевский, как известно, повторил здесь слова Ап. Григорьева.

го оскудения и позднего прозрения нации: “Значение Есенина именно в том, что он оказался как раз на уровне сознания русского народа “страшных лет России”, совпал с ним до конца, стал синонимом и ее падения, и ее стремления возродиться. В этом “пушкинская” незаменимость Есенина, превращающая и его грешную жизнь и несовершенные стихи в источник света и добра. И поэтому о Есенине, не преувеличивая, можно сказать, что он наследник Пушкина наших дней²¹.”

Итак, Пушкин — синоним величия России; Есенин же — синоним ее падения и стремления к возрождению. Так ли это? Трудно, конечно, спорить с тем определением места Пушкина в русской культуре, которое дает здесь Г.Иванов. Несомненно и то, что вихри революции пронесли по есенинским стихам, ставшим, помимо всего прочего, ярким выражением кризиса национального духа на разломе истории.

И все же — в самом характере сближения двух этих имен есть некая приблизительность, недосказанность, если не лукавство (что вполне характерно для Г.Иванова, которому Дон-Аминадо не случайно, имея в виду его славу сокрушителя литературных репутаций, дал прозвище “Жорж опасный”). Обратим внимание — Пушкин, по Г.Иванову, оказывается синонимом не России вообще, а именно “Великой России”, т.е. “России до революции”²². Есенин же у него равновелик той падшей России, той “стране пролетарской культуры”, которая оказалась недостойна Пушкина, потеряв право назвать его “нашим всем”, которой предстоит теперь вновь долго подниматься до Пушкина, а пока ее “все” — это Есенин²³. Иными словами, высочайшее, казалось бы, звание для поэта, которым Г.Иванов “одаряет” Есенина — “наследник Пушкина наших дней” — изначально обесценено, в нем сокрыта мысль о чудовищном падении нации от “золотого века” русской культуры до “нового татарского ига”, пришедшего с революцией.

Вспомним, однако, что “формула” Достоевского, продолжающая гоголевскую мысль о Пушкине как “русском человеке в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет”, означает не просто равновеликость поэта и породившей его культуры, но включает в себя и временную составляющую: в Пушкине — и *сегодня*, и *завтра* русской культуры. Стало быть, Пушкин в понимании Гоголя и Достоевского (которое стало традиционным в национальном сознании и было подтверждено временем) оказывается не просто синонимом русской культуры, но — линией ее горизонта, тем “потерянным раем” русской литературы, о котором так точно сказал П.Палиевский²⁴. И “подняться до Пушкина” — эта задача была первостепенной не толь-

ко для советской России, как утверждает Г.Иванов, но и для России былой, и, позднее, для России зарубежной. С момента ухода Пушкина эта цель всегда была естественной для русской культуры, эта линия горизонта всегда стояла над ней — и всегда ускользала, открывая все новые и новые духовные пространства.

Поэтому роль “наследника Пушкина” заключена не в достижении того уровня “божественной, нравственной и творческой гармонии”²⁵, что был явлен в пушкинских произведениях (это был бы уже не наследник, а новое “солнце русской поэзии”), а в том, чтобы, устремляясь к этому уровню, с пушкинской полнотой выразить духовные чаяния нации на новом историческом этапе, выдерживая при этом пушкинскую высоту творческой позиции, высоту той точки обзора, откуда увидены и восчувствованы человек, мир, национальная история. В этом смысле Есенин, вслед за Блоком, действительно был наследником Пушкина в XX веке — наследником подлинным, а не тем исподволь приниженым, чей образ возникает в статье Г.Иванова. Одно из свидетельств этому — проявившаяся, как уже говорилось, у Есенина в первые пореволюционные и в 20-е годы пушкинская высота взгляда на происходящее — высота, отмеренная двумя вершинами: Библией и “Словом о полку Игореве”.

Важно и то, что в этом выборе высоты творческой позиции Есенин вполне осознанно шел “за Пушкиным” — об этом говорят, помимо всего прочего, возникающие в его маленьких поэмах явные и скрытые цитаты из Пушкина. Не случайно, конечно, в поэме “Октоих” (1917) звучит восклицание: “Восстань, прозри и вижди!”, в несколько измененном виде повторившее строку из пушкинского “Пророка”. Пророческая суть пореволюционных маленьких поэм Есенина была увидена и отмечена современниками. И.А.Оксенов в статье “Слово пророка” замечал: “Не всякому дано сейчас за кровью и пылью наших (все же величайших) дней разглядеть истинный смысл всего совершающегося. И уже совсем немногие способны поведать о том, что они видят, достаточно ярко и для всех убедительно”, — утверждая при этом, что к таким “немногим, отмеченным Божией милостью счастливым”, принадлежит Есенин²⁶. О том же писал Иванов-Разумник²⁷. То же, исходя из противоположных взглядов на происходившее в России, признавал и В.Ходасевич: “...Несомненно, что Есенин высказывал, “выпевал” многое из того, что носилось в тогдашнем катастрофическом воздухе. В этом смысле, если угодно, он действительно был “пророком”. Пророком своих и чужих заблуждений, несбывшихся упований, ошибок, — но пророком”²⁸. Обратим внимание и на то, что эта мысль Ходасевича, сближающаяся вроде бы со словами Г.Иванова о “со-

участниках-жертвах” революции, в дальнейшем развитии своем, напротив, разделяет двух поэтов русского зарубежья в их понимании пореволюционного творчества и художественской позиции Есенина. Ведь дальше Ходасевич прямо пишет о том, что Есенин, принявший революцию, “раньше, чем многие другие”, увидел горький смысл происходящего²⁹.

И здесь стоит сказать о другом мифе о Есенине, утверждавшемся у нас, на нашем берегу разделенной русской литературы. Я имею в виду отстаивавшееся во многих наших историко-литературных работах идиллическое представление об отношении поэта к событиям переломной эпохи, сводящееся к более или менее безоговорочному тезису о приятии Есениным революции. Приведу лишь один достаточно характерный пример — вышедшую в 80-е годы двухтомную “Историю русской советской поэзии”, подготовленную в ИРЛИ. Обращаясь к творчеству Есенина в пореволюционные годы, автор соответствующего раздела “Истории” пишет о рождающихся в эти годы в есенинской поэзии образах “радостных предчувствий и ожиданий”, о “радостных надеждах, вызванных революцией”. Выводы эти, подкрепленные обращением к маленьким поэмам 1917–1918 годов, сами по себе совершенно справедливы. Но что следует дальше? Нарастающие в последующие годы мрачные, трагические ноты, звучащие в поэзии Есенина, объясняются здесь лишь предчувствием гибнущей под валом технического прогресса деревни (в “Сорокоусте”) да упадническими мотивами “Москвы кабацкой” и “Черного человека”, где поэтические образы рождаются “в затуманенном алкоголем мозгу богемного поэта”. Завершаются же эти размышления поразительной сентенцией: “Пессимистические настроения 1920–1923 гг. во многом обусловлены общением Есенина с группой московских поэтов-имажинистов, профанирующих творчество и цинично относящихся к жизни”.³⁰

Напоминаю об этом лишь для того, чтобы яснее стало, как далеко вперед ушли наши представления о Есенине, не в последнюю очередь благодаря изданиям последних лет, включая и академическое Собрание сочинений. В первом его томе, например, стихотворение 1922 года “Снова пьют здесь, дерутся и плачут...” впервые дано полностью, с запрещаемой прежде и многое объясняющей в поэзии Есенина 20-х годов шестой строфой — об “октябре суровом”, что “обманул в своей пурге”. Читая эту строфу, яснее видишь смысл и других поэтических строк Есенина, убеждаешься, что осознание трагической стороны происходящего часто проникает у него в сердцевину образов, т.е. воплощается в наиболее непосредственной форме. Примером тому — поэма “Кобыльи корабли” (1919), где возникают страшные образы:

“бешеное зарево трупов”, “облетает под ржанье бурь / Черепов
златохвойный сад”, “Злой октябрь осыпает перстни / С корич-
невых рук берез”; где в стремлении передать ужас происходяще-
го рождается подлинно сюрреалистический образ: “Посмотрите:
у женщин третий / Вылупляется глаз из пупа. / Вот он! Вылез,
глядит луной, / Не увидит ли помясистой кости...” Здесь же зву-
чат и строки, исполненные обличительной силы: “Веслами от-
рубленных рук / Вы гребетесь в страну грядущего”. Смысл этих
строк был ясен современникам — к ним обращался в приведен-
ных здесь размышлениях Ходасевич, в комментарии к этой
поэме во 2-ом томе собрания сочинений дано высказывание
Н.Асеева о “правдивости попыток отобразить искаженные гне-
вом и болью черты мученического лика народа”³¹. И обратим
внимание — поэма написана в 1919 году, в разгар событий. Как
видим, и в вихрях революционной стихии поэт, вопреки утверж-
дениям Г.Иванова, не потерял “критерий добра и зла”, не стал
обманутой жертвой, “шлепнувшейся лицом в грязь”, — но, на-
против, сумел подняться над хаосом происходящего, увидеть и
ярко выразить (одним из первых в русской поэзии) и огромный
масштаб, и чудовищную противоречивость событий. Вот какова
была высота творческой позиции поэта — и истинная цена ей
становится особенно ясна, если мы осознаем, что в отличие от
многих поэтов-обличителей из среды литературной эмиграции,
изначально не принявших революцию, Есенин сумел возвыситься
над революционной стихией *изнутри самой стихии*, и с этой
высоты увидеть и живущие в людях надежды на грядущую Ино-
нию, и жестокие ветры “злого октября”. Он и здесь был проро-
ком, верным пушкинским заветам.

В этом был смысл и есенинского “Пугачева”, написанного,
как свидетельствуют многие материалы, приведенные в собра-
нии сочинений, в споре с Пушкиным — автором “Истории Пу-
гачева” и “Капитанской дочки”, но вслед за Пушкиным — ав-
тором “Бориса Годунова”³². Возражая против “дворянской точки
зрения” Пушкина на Пугачева и пугачевское восстание, Есенин
стремился нарисовать яркие, крупные фигуры Пугачева (прежде
всего) и его соратников. Правда, и здесь, вроде бы отталкиваясь
от Пушкина, Есенин был — как точно заметил С.Городецкий —
его “сознательным учеником”³³, и в есенинском Пугачеве замет-
ны черты Пугачева “Капитанской дочки”. Но в гораздо большей
степени для поэта в работе над “Пугачевым” был важен опыт
“Бориса Годунова” — не случайны слова В.Мейерхольда о пре-
емственной связи между этими двумя произведениями³⁴. Вслед
за Пушкиным, строившим своего “Бориса Годунова” “по систе-
ме отца нашего Шекспира”, Есенин ставит своего героя в центре

народной трагедии, решая на ярких образах Пугачева и его соратников вечные проблемы русской и мировой исторической драмы: проблемы власти и народа, возвышения героя и цены, за это заплаченной (отсюда — тема самозванства), доблести и измены, великих надежд и жестокого их крушения. Разумеется, достаточно обстоятельный разговор о “Пугачеве” — это тема специальной работы. Здесь же стоит лишь обратить внимание на то, что, обращаясь к этим вечным проблемам, неизменно возникающим на крутых поворотах истории, Есенин естественно выразил в “Пугачеве” и свое ощущение происходящих на его глазах эпохальных событий. В утверждаемых есенинским пером величии и трагедии истории Пугачева слышен отзвук (никак, конечно, не нарушающий историзма повествования) величия и трагедии нового переломного времени. Это поняли многие современники поэта, разглядевшие в “Пугачеве” “русскую муку сегодняшнюю”³⁵, назвавшие эту трагедию “поэмой наших дней”, нашего “героизма и предательства”³⁶. Опять в произведении Есенина взгляд и на минувшее, и на сегодняшнее поверяется критериями вечности и национальной истории, и эта (пушкинская) высота точки обзора позволяет поэту увидеть в изображаемых событиях и буйное “чувство жизни”, и “мятеж свирепый”, и встающую над мятежной землей гибельную осень с “невеселой холодной улыбкой”.

Обращаясь к опыту академического собрания сочинений С.Есенина, непременно надо сказать и о другом значительном его достоинстве, прямо включающем обновленный, усложнившийся образ поэта в диалог с нашим временем, с потребностями и сегодняшнего читателя, и сегодняшнего дня науки о литературе. Речь идет о широком использовании нового, не включавшегося ранее в научный обиход, материала — откликов, воспоминаний, суждений писателей, критиков русского зарубежья. Я имею в виду, кстати говоря, не только собрание сочинений, но и сопутствующие труды — прежде всего, превосходный двухтомник “Русское зарубежье о Есенине”, подготовленный Н.И.Шубниковой-Гусевой. Фигура Есенина возникает теперь в контексте тех проблем, к которым устремлено сегодня внимание и читателей, и историков литературы, культуры — она вырисовывается на фоне происшедшего после революции раскола культуры, существования двух потоков разделенной русской литературы. Читая комментарии к томам академического Есенина, воочию убеждаешься, как велико и неизменно было внимание русского зарубежья к творчеству поэта. Теперь уже в размышлениях о есенинской поэзии трудно будет обойти молчанием и суждения К.Мочульского о метафоризме поэта, и меткие наблюдения

Р. Гуля о цветописи у Есенина, и статьи Ходасевича, и воспоминания М. Цветаевой, и многое другое. Но дело не только и не просто во внимании русского зарубежья к Есенину. Имеющиеся теперь материалы позволяют ясно увидеть ту исключительную роль, которую играл Есенин в литературном развитии 20-х годов и упоминания о которой, конечно, начисто отсутствовали в нашем литературоведении в минувшие десятилетия. Речь идет о том, что Есенин оказался той единственной фигурой, которая в 20-е годы объединяла оба потока русской литературы. Вот об этом Г. Иванов сказал совершенно точно: "...На любви к Есенину сходятся и шестнадцатилетняя ... комсомолка, и пятидесятилетний, сохранивший стопроцентную непримиримость "белогвардеец". Два полюса искаженного и раздробленного революцией русского сознания, между которыми, казалось бы, нет ничего общего, сходятся на Есенине, т.е. сходятся на русской поэзии"³⁷. Напомню в этой связи, что в первом томе собрания сочинений, в комментарии к стихотворению 1922 года, о котором шла уже речь — "Снова пьют здесь, дерутся и плачут..." — приводится и совершенно другой его вариант, не дошедший до нас в рукописи, но услышанный и частично записанный Г. Бениславской после возвращения поэта из-за границы (Есенин читал его с эстрады). Текст этот поразителен — здесь поэт единственный, видимо, раз прямо говорит о трагедии русского рассеяния:

Защити меня, влага нежная,
Май мой синий, июнь голубой.
Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой.

Знаю, если не в даях чугуных
Кров чужой и сума на плечах,
Только жаль тех дурашливых, юных,
Что сгубили себя сгоряча.

Жаль, что кто-то нас смог рассеять
И ничья непонятна вина.
Ты Расея моя, Расея,
Азиатская сторона.

Текст этот, конечно, далеко не случаен, лучи от него идут на большие пространства русской поэзии, высвечивая и написанные в том же 1922 году строки Ахматовой: "Темна твоя дорога, странник, / По льдью пахнет хлеб чужой...", и появившееся позже цветаевское: "Нас рас — ставили, рас — садили". Но здесь стоит обратить внимание не только на то, что объединяет строки трех великих поэтов, но и на то, чем позиция Есенина отличается здесь от того, что мы видим у Ахматовой и Цветаевой. Разни-

ца здесь принципиальная: если стихотворение Ахматовой (“Не с теми я, кто бросил землю...” — это голос человека, сделавшего свой, совершенно определенный выбор (остаться на родине, разделить судьбу народа); если у Цветаевой мы слышим голос человека, которому в те годы была уготована иная судьба — судьба скитальца, оторванного от родной земли, — то герой Есенина как бы возвышается над фактом раскола нации, с грустью осознавая его, но равно принимая в свое сердце оба берега расколотого “русского сознания”. Ничуть не принижая позиций Ахматовой и Цветаевой, в которых есть и своя правота, и свое высокое достоинство, заметим, вместе с тем, что в приведенном здесь есенинском отрывке ясно сказалась позиция наследника единой, неразделимой национальной культуры, позиция поэта-объединителя. Иными словами, здесь опять звучит голос наследника Пушкина.

Опыт Есенина, максимально приближенный к нам благодаря изданиям последних лет, необходим сегодня и самой литературе. В наши дни, когда формируются еще не вполне увиденные и осознанные нами очертания нового литературного периода, когда литература развивается в условиях массированного вторжения стереотипов и ценностей иных национальных культур, в обстановке языковой свистопляски, в ситуации, когда большая часть произведений нынешних авторов захвачена коррозией всепоглощающей иронии, рассудочности и вошедшей в моду вторичности, — опыт Сергея Есенина становится уроком неиссякаемой силы национальной культурной традиции, веры в спасительную силу Слова, обращенного к глубинному содержанию жизни и к вековым народным ценностям. Именно поэтому сегодня Есенин становится для нас одним из тех немногих имен, которыми, как было сказано когда-то о Пушкине, мы можем “аукаться, ... переключаться в надвигающемся мраке”³⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бунин И. Самородки // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2. М., 1993. С. 68–70.
- ² См. Есенин С. Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1997. С. 517.
- ³ Гиппиус З. Судьба Есениных // Русское зарубежье о Есенине. Т. 1. М., 1993. С. 85–87.
- ⁴ См. Есенин С. Полное собр. соч. Т. 2. М., 1997. С. 276.
- ⁵ Там же. С. 321.
- ⁶ Там же. С. 322.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 329.
- ⁹ Там же. С. 343.

- 10 См. *Есенин С.* Полное собр. соч. Т. 3. М., 1998. С. 588.
- 11 Там же. С. 586–587.
- 12 Там же. С. 595, 596.
- 13 Там же. С. 597.
- 14 Там же. С. 457.
- 15 Там же. С. 608.
- 16 См. *Есенин С.* Полное собр. соч. Т. 2. С. 405.
- 17 См. *Есенин С.* Полное собр. соч. Т. 1. М., 1995. С. 584.
- 18 См. *Есенин С.* Полное собр. соч. Т. 2. С. 411.
- 19 Там же. С. 407.
- 20 *Иванов Г.* Есенин // Русское зарубежье о Есенине. Т. 1. С. 43.
- 21 Там же. С. 43–44.
- 22 Там же. С. 43.
- 23 Там же. С. 44.
- 24 См. *Палиевский П.В.* Литература и теория. М., 1978. С. 34–40.
- 25 *Иванов Г.* Есенин. С. 43.
- 26 См. *Есенин С.* Полное собр. соч. Т. 2. С. 346–347.
- 27 Там же. С. 350.
- 28 *Ходасевич В.* Есенин // Русское зарубежье о Есенине. Т. 1. С. 60.
- 29 Там же. С. 62.
- 30 См. История русской советской поэзии. 1917–1941. Л., 1983. С. 400.
- 31 См. *Есенин С.* Полное собр. соч. Т. 2. С. 382.
- 32 См. *Есенин С.* Полное собр. соч. Т. 3. С. 467–470, 473, 479.
- 33 Там же. С. 468.
- 34 Там же. С. 479.
- 35 Там же. С. 478.
- 36 Там же. С. 491.
- 37 *Иванов Г.* Есенин. С. 38.
- 38 *Ходасевич В.* Колблемый треножник. М. 1991. С. 205.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН В АКАДЕМИЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЯХ

1

Из записных книжек А. П. Чехова:

— Не Шекспир главное, а примечания к нему!

Эта шутливо-парадоксальная мысль вложена Чеховым в уста некоего отрешенного от суетной жизни профессора. Однако во всякой удачной шутке есть своя доля правды.

Научно выверенные *примечания, комментарии*, помогающие проникнуть в художественный мир писателя, осмыслить литературный текст и его контексты, сегодня представляются безусловными необходимыми для полноценного издания классики.

Те же сонеты, драмы, комедии Шекспира становятся известны уже со школьной скамьи, с вузовской аудитории, оказываются “растворенными” в самом “воздухе” культурной жизни. И в какой-то момент для равнодушного читателя “главными”, интересными (особенно — в каждом последующем издании классика) могут оказаться именно примечания, комментарии к хорошо знакомым, уже живущим, звучащим в подсознании, но как бы заново прочитываемым текстам*.

Переходя к Сергею Есенину, мы прежде всего должны констатировать, что поэт Есенин, как и Шекспир, Пушкин, Чехов... — тоже *классик*, причем классик первого ряда, классик

---

* Интересно, что раскрытие своей “творческой лаборатории” на примере работы над стихотворением “Сергею Есенину” В. Маяковский (в статье “Как делать стихи”) предварил цитированием “гениального”, как он считал, четверостишия Б. Пастернака:

В тот день всю тебя от гребенок до ног,
Как трагик в провинции *драму шекспиrowу*,
Носил я с собою и *знал назубок*,
Шатался по городу и репетировал.
(Выделено мною — В. Д.).

мирового уровня. И пожалуй, самый молодой классик из русских поэтов, кто внятно, громко, ясно заявил о себе еще до революции 1917 года.

Тем примечательней тот факт, что именно наш “самый молодой” классик свое столетие (1995 г.) отметил началом выпуска Полного собрания сочинений (ПСС) академического типа¹.

Выход этого собрания и серии других изданий Есенина и о Есенине в 1993–1997 годах показал, что в эти годы произошел качественный сдвиг, своего рода прорыв в науке о Есенине. На наших глазах формируется *новое есениноведение*, по глубине анализа, широте охвата, доказательности не уступающее большинству иных “поэто-ведений” XX века, в которых каждая строка, каждый поворот, каждый троп изучаемого автора разбираются уже казалось бы “на молекулярном уровне”.

Естественно, наиболее показательным примером такого подхода должно было стать и действительно стало завершающееся ныне ПСС Есенина, призванное собрать, сконцентрировать все важнейшие и новейшие достижения в области есениноведения, отразить сегодняшний день науки.

2

Ознакомление с текстами, сводом вариантов, других редакций, сопоставление комментариев ПСС с краткими “примечаниями” предыдущих есенинских изданий (а сопроводительный научный аппарат занимает в каждом томе объем, не меньший, чем основные тексты Есенина) убеждает в весьма плодотворной научной работе коллектива текстологов, составителей и комментаторов академического ПСС Есенина.

В ходе подготовки издания исследователям удалось выявить значительное количество ранее не использовавшихся источников (рукописных, печатных) и других документальных материалов, проясняющих историю текстов, обстоятельства возникновения и реализации тех или иных замыслов поэта и т.п.

Так, свыше двадцати автографов Есенина впервые привлечено для научной подготовки 1-го тома, содержащего “стихотворения, которые Есенин включил в первый том подготовленного им в 1925 году трехтомного «Собрания стихотворений»” (т. 1, с. 391, 400). Среди впервые вводимых в научный оборот источников 2-го тома (содержащего стихотворения, определенные Есениным как “маленькие поэмы”) — автографы поэм “Ус” и “Отчарь”; авторизованные машинописи и список “Возвращения на родину”, “Руси советской”, “Моего пути” и “Сказки о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве”; печатные тексты с

авторской правкой “Письма от матери”, “Ответа” и “Руси бесприютной” (т. 2, с. 269). В 4-м томе (содержащем все выявленные стихотворения Есенина, не включенные в подготовленный им трехтомник «Собрания стихотворений») впервые учтены девять ранее неизвестных автографов поэта и два списка рукой С.А.Толстой-Есениной (т. 4, с. 331). (О 3-м т. см. статью Н.И.Шубниковой-Гусевой в наст. сб-ке.)

С опорой на всю источниковедческую базу в комментариях дается описание автографов, исследуются обстоятельства появления прижизненных публикаций, доказательно обосновывается степень авторского участия в этих публикациях. Это позволило в ряде случаев уточнить датировку, максимально объективно выявить авторскую волю в отношении текста произведения.

Так, на основе анализа истории текста восстановлена полная авторская редакция стихотворения “Снова пьют здесь, дерутся и плачут...” (т. 1, с. 598–600); реконструированы последовательные редакции поэмы “Ленин” (т. 2, с. 248–254, 440–444)...

Не всякий читатель при *скорочении* в новом издании хрестоматийно памятных ему стихотворений Есенина обратит внимание на вроде бы мелкие, но очень существенные уточнения отдельных строк, слов, букв. Текстологический комментарий помогает вернуться к таким стихам для *медленного чтения*, оценить важность и обоснованность сделанных уточнений...

Стихотворение “Русь советская” печатается в ПСС “по наборному экземпляру (вырезка из Стр. сов.) с исправлением в ст. 85 («Когда на всей планете» вместо «Когда во всей планете») по всем остальным источникам” (т. 2, с. 94–97, 405). Среди этих источников — черновой автограф, авторизованная машинопись, газетная и журнальная первопубликации, публикации в трех прижизненных стихотворных сборниках. Учитывая обстоятельства издания сборника “Страна советская” и формирования “наборного экземпляра” (см. т. 2, с. 268–269), нельзя не согласиться с тем, что в ПСС наконец-то представлена *подлинная* авторская воля в отношении текста “Руси советской”:

Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названием кратким “Русь”.

Научно обоснованные, соответствующие авторской воле уточнения сделаны в стихотворениях “Сорокоуст” (ст. 9: “И

всыпают вам в толстые задницы” вместо “...нам...”), “Стансы” (ст. 44: “Не фунт изюму нам” вместо “Не фунт изюму вам”) (т. 2, с. 81, 134–136, 385, 431–432).

В знаменитом “Письме к женщине” читаем:

Тогда и я
Под дикий шум,
Незрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Представляется, что текстологи, комментаторы ПСС (т. 2, с. 123–124, 426–427) ставят наконец-то точку в затянувшемся неточном истолковании этого места (иногда печаталось ошибочное: “...Но зрело знающий работу”).

По автографам, спискам, первым публикациям внесены обоснованные уточнения в тексты стихотворений “Брату Человеку”, “Пороша”, “Возвращение” (т. 4, с. 331–336, 356, 426); восстановлена первоначальная редакция, история создания и бытования коллективной “Кантаты” (авторы М.Герасимов, С.Есенин, С.Клычков; т. 4, с. 480–484)*.

Устранены искажения прежних прочтений “Яра”, “Отчего слова” (т. 5, с. 334–346, 419–420); важные исправления внесены по автографам в печатный текст “Железного Миргорода”, “Ключей Марии” (т. 5, с. 388–394, 433–436). Ввиду значительных редакционных сокращений текста в прижизненной газетной публикации, в разделе “Других редакций” полностью воспроизведена по автографу допечатная редакция “Железного Миргорода” (т. 5, с. 265–278)... В целом уровень научной текстологической подготовки есенинских текстов в ПСС представляется на сегодняшний день практически исчерпывающим.

Следует отметить и живой, “незасушенный” язык комментариев, вполне совместимый с научной строгостью. Принятый в ПСС стиль изложения истории текстов обладает несомненной привлекательностью для широкого читателя по сравнению с традиционным, сугубо констатирующим, максимально “отстраненным” комментарием, свойственным, например, и начавшему недавно выходить новому академическому изданию А.Блока². В некоторых же случаях такое повествовательное изложение представляется если и не единственным возможным, то, пожалуй, научно более убедительным, доказательным.

* Дополнительные новонайденные (уже после сдачи в печать 4-го тома ПСС) материалы по истории этой “Кантаты” включены в 7-й том ПСС.

Таковы, например, описания истории невышедших есенинских сборников “Телец” и “Руссеянь”, истории формирования наборного экземпляра «Собрания стихотворений» 1925 года (т. 1, с. 391–415), сложной истории текстов различных редакций поэмы “Ленин” (отрывков из поэмы “Гуляй-поле”) (т. 2, с. 439–444), истории предсмертного стихотворения “До свиданья, друг мой, до свиданья...” (т. 4, с. 445–451) и др.

Однако подобный неформализованный стиль комментария имеет свою оборотную сторону. Иногда описание особенностей автографов настолько *плавно* переходит в изложение истории текста, в анализ вариантов или обоснование датировки, что читателю очень трудно понять, а сколько же, собственно, автографов, сколько рукописных или авторизованных источников данного произведения имеется в наличии (или учитывается составителями, текстологами). Да и стандартное указание на выбранный основной источник — “Печатается по...” — в одних случаях появляется в комментарии *до* описания имеющихся автографов, сразу же после перечисления печатных источников (т. 1); в других — *после* такого описания (т. 2). В 4-м и 5-м томах ПСС встречаются оба отмеченных варианта. Иногда же указание “Печатается по автографу...” просто совмещается с описанием самого этого автографа (т. 4). Об отсутствии рукописных источников комментируемого текста читателю сообщается: “Автограф неизвестен”. Однако в некоторых случаях об этом приходится догадываться “по умолчанию” (т. 2, с. 283; 294). Подобная стилевая “раскованность” приводит и к тому, что описание черновиков, автографов, хронологически исходных, предшествующих, в комментарии иногда оказывается *после* описания более поздних рукописей — беловиков, машинописи (см., например, т. 4, с. 394; 400; 413).

3

Для современного академического издания исследование истории текста, аргументированный выбор основного источника и установление критически выверенного текста, действительно являющегося выражением авторской воли,— лишь необходимая часть работы. Необходимая, обязательная, но сегодня уже явно недостаточная.

Потому не менее важными, чем свод вариантов, других редакций и текстологический комментарий, представляются ныне историко-литературная, реально-историческая, лингвистическая части научного аппарата издания.

Серьезным достоинством нынешнего ПСС является введение в комментарий значительного объема мемуарных свидетельств, оценок творчества поэта в прижизненной критике всех направлений, в отзывах современников.

Практически с самых первых шагов в литературе творчество Есенина стало объектом острых и нередко противоречивых суждений. Острота полемики зачастую усиливалась духом политического размежевания, вульгарного социологизма, привнесенного переломной революционной эпохой. Сам поэт не без интереса следил за критикой. Она, несомненно, играла известную роль в его литературном развитии. Сохранились две тетради Есенина в вырезках газетных и журнальных статей, ему посвященных. По воспоминаниям известна и острая реакция поэта на некоторые критические отзывы о его творчестве. В иных случаях комментаторам ПСС удалось проследить, как отдельные суждения современников находят какое-то опосредованное отражение в его последующих произведениях, тем самым становясь фактом творчества.

Впервые в комментариях учтено значительное количество свидетельств и критических отзывов, опубликованных в изданиях Русского зарубежья, множество иных ранее труднодоступных материалов (отзывов репрессированных авторов, впоследствии “изъятых”, находившихся на спецхранении, документов следственных дел и т.д.).

Все это позволило не только включить то или иное произведение в *контекст эпохи*, показать особенности его восприятия современниками, но также рельефней раскрыть идейный замысел и содержание самого комментируемого текста. Вообще, это, пожалуй, одно из важнейших, принципиальных новшеств и достоинств научного комментария данного ПСС — *включение литературных произведений в литературно-исторический и реально-исторический контекст своего времени*. Стихи, поэмы, проза Есенина, оставаясь актом творчества, явлением искусства, явлением самоценным, “вневременным, созданным для вечности”, благодаря комментариям обрели как бы еще одно измерение, обрели запахи и краски своей эпохи, задышали, запульсировали “шумом времени”. *Того времени...*

Так, в комментарии к стихотворению “Весна на радость не похожа...” сообщается, что в автографе зачеркнуто посвящение Леониду Каннегисеру (1896–1918), начинающему поэту, с которым Есенин близко сошелся в феврале-апреле 1915 г. и который “летом 1915 года гостил у Есенина в Константиново”. А через три года... “Л.И.Каннегисер 30 августа 1918 г. убил председателя петроградской ЧК М.С.Урицкого. Был тогда же расстрелян”. И

здесь же — пронзительная цитата из мемуарного очерка М.И.Цветаевой: “Леня. Есенин. Неразрывные, неразливные друзья. В их лице, в столь разительно-разных лицах их сошлись, слились две расы, два класса, два мира. Сошлись — через все и вся — поэты... Так и вижу их две сдвинутые головы — на гостинной банкетке, в хорошую мальчишескую обнимку, сразу превращавшую банкетку в школьную парту... Лёнина черная головная гладь, Есенинская сплошная кудря, курча. Есенинские васильки, Лёнины карие миндалины...” (т. 1, с. 508–510).

В комментарии к стихотворению “Да! Теперь решено. Без возврата...” прослежена сложная история формирования и публикации стихотворного цикла “Москва кабацкая”. А в разноголосице приводимых критических отзывов на этот цикл обращает внимание то, что в обличении “деградации” поэтического таланта Есенина “левые” пролеткультовско-напостовские голоса (“Октябрь”, “Красная газета”...) на сей раз практически сомкнулись как с “консервативным” петроградским “Русским современником”, так и с раздавшимся из Парижа голосом Зинаиды Гиппиус (т. 1, с. 588–598). В комментарии к следующему стихотворению этого цикла “Снова пьют здесь, дерутся и плачут...” приводится известный только из воспоминаний Г.А.Бениславской факт, что по возвращении из зарубежной поездки (август 1923) Есенин иногда читал это стихотворение в варианте, существенно отличающемся от опубликованного:

...Защити меня, влага нежная.
Май мой синий, июнь голубой.
Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой.

Знаю, если не в даях чугунных
Кров чужой и сума на плечах,
Только жаль тех дурашливых, юных,
Что сгубили себя сгоряча.

Жаль, что кто-то нас смог рассеять
И ничья непонятна вина.
Ты Расея моя, Расея,
Азиатская сторона (т. 1, с. 599).

Такие историко-литературные экскурсы помогают лучше постичь всю многогранность есенинского поэтического гения, включить его творчество в единый поток русской (отечественной и Русского зарубежья) литературы XX века.

Живая история столкновения разноречивых суждений и свидетельств воссоздана в комментариях к таким стихотворениям (маленьким поэмам), как “Марфа Посадница”, “Певущий зов”,

“Преображение”, “Инония”... (т. 2, с. 278–283, 294–298, 325–336, 343–366) и др.

Проведена кропотливая реконструкция истории создания и бытования поэмы “Ленин”, связанных с ней стихотворных редакций (“Повстанцы”, “Отрывки из поэмы «Гуляй-поле»”). Убедителен и предложенный в комментарии генезис образа главного героя поэмы. Было проведено систематическое обследование литературы о вожде 1917–1924 годов, тонкое лингвистическое и стилистическое сопоставление текста поэмы с возможными источниками, на которые поэт опирался (или от которых отталкивался). В результате комментатору удалось выявить наиболее вероятные источники есенинской портретной характеристики Ленина (т. 2, с. 439–449; подробное описание — в работе³).

В комментарии к последнему, написанному кровью предсмертному стихотворению “До свиданья, друг мой, до свиданья...” объективно и доказательно представлены и история появления этого текста и сумятица мнений об этом поэтическом завещании Есенина его современников, а также некоторых последующих толкователей (т. 4, с. 445–455)...

Кстати, во многих случаях именно мемуарные свидетельства современников, отзывы критиков, издательских работников, научные экспертизы документов позволили точнее провести критическую подготовку текста и вариантов.

4

Отдельного разговора заслуживает комментирование литературных параллелей и сопоставлений, аллюзий, реминисценций, парафраз, коннотаций, скрытых цитаций и других интертекстуальных связей есенинских произведений.

В новом ПСС значительно расширено и углублено комментирование мотивов, понятий, фраз, текстов, восходящих к славянской мифологии, фольклору, к религиозным, библейским источникам.

Интересные и убедительные сопоставления есенинских образов с ветхозаветными и новозаветными, анализ переосмысления поэтом библейских сюжетов, истолкование богоборческих мотивов, встречающихся у Есенина, находим, например, в комментариях стихотворений “Тучи с ожереба...”, “О пашни, пашни, пашни...”, “Проплясал, проплакал дождь весенний...” (т. 1, с. 519–520, 533–534, 542–545); “Певущий зов”, “Пришествие”, “Инония” (т. 2, с. 291–298, 318–325, 343–366). Новое прочтение, переосмысление образной системы получила в ПСС одна из загадочных “маленьких поэм” Есенина — “Сельский часослов”,

представленная полным сводом всех черновых вариантов и раз-
ночтений (т. 4, с. 296–305, 400–404).

Фольклорная, славянская мифологическая подоплека многих
текстов Есенина вообще впервые в ПСС дана столь системати-
чески. Тут в первую очередь следует отметить комментарии к ма-
леньким поэмам “Отчарь”, “Октоих”, “Преображение”, “Иор-
данская голубица”, “Пантократор” и др. (т. 2, с. 306–577); ком-
ментарий к стихотворению “Форма” (т. 4, с. 416–421), к повести
“Яр” (т. 5, с. 365–384).

Особо следует отметить комментарий к “Ключам Марии”, где
представлен обстоятельный и скрупулезный анализ возможных
идейных и типологических источников этого основного теорети-
ческого труда Есенина (т. 5, с. 433–500). Здесь нашли отражение
как результаты работ предшественников, так и наблюдения
самих комментаторов. По-видимому, справедливо замечание ис-
следователя о том, что “если Есенин писал, так или иначе ори-
ентируясь на конкретные источники,— например, полемизируя
с оппонентами,— он иногда произвольно переходил на их
язык, делая своими и “чужие” выражения, и даже отдельные
слова...”⁴. Представленные в комментарии сопоставления и па-
раллели текста “Ключей Марии” с фольклорными и историко-
литературными памятниками (Библия, Веды, Калевала, “Слово
о полку Игореве” и т.д.), с трудами В.В.Стасова, Ф.И.Буслаева,
А.Н.Афанасьева, В.И.Бутовского, других фольклористов-славя-
новедов, как правило, вполне наглядны и убедительны. Общий
же объем этих сопоставлений близок к исчерпывающему.

Среди удачных наблюдений над связями есенинских текстов
с творчеством русских классиков XIX в. в первую очередь следу-
ет отметить комментирование пушкинско-лермонтовских моти-
вов таких стихотворений, как “О Русь, взмахни крылами...”,
“Пушкину”, “Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!...”
(т. 1, с. 323, 522, 620–621, 635); “На Кавказе”, “Письмо к сестре”
(т. 2, с. 419–423, 451–452)...

Известны непростые жизненные и творческие взаимоотноше-
ния Есенина с Николаем Клюевым. Авторы комментариев ПСС,
опираясь в первую очередь на тексты самих поэтов, высказыва-
ния их современников, доказательно и глубоко раскрыли твор-
ческий диалог Есенина и Клюева, их поэтические пересечения и
отталкивания. Упомянем комментарии к таким произведениям,
как “Опять раскинулся узорно...”, “Пойду в скуфье смиренным
иноком...”, “Тучи с ожерёба...”, “О Русь, взмахни крылами...”,
“Теперь любовь моя не та...” (т. 1, с. 445–464, 516–565); “Ино-
ния”, “Кобыльи корабли”, “Исповедь хулигана”, “На Кавказе”

(т. 2, с. 351, 381, 396, 420); “Отчее слово”, “Ключи Марии” (т. 5, с. 419–431, 433–498) и некоторые другие.

Нашли отражение в комментариях и весьма многообразные текстовые взаимосвязи Есенина с другими поэтами и писателями XX века, с его современниками. Тут и Александр Блок, и В.Маяковский, и Андрей Белый, и Алексей Ремизов, и Демьян Бедный, и Лев Троцкий, и поэты круга Есенина... Сложность и неоднозначность взаимоотношений с писателями-современниками аргументированно комментируется применительно ко многим уже упомянутым произведениям Есенина. К ним можно добавить такие вещи, как “Под красным вязом крыльцо и двор...” (т. 1, с. 503–506), “Исповедь хулигана” (т. 2, с. 392–400), “Железный Миргород” (т. 5, с. 388–410), некоторые другие.

Представляется, однако, что в раскрытии интертекстуальных связей есенинского творчества сделано еще далеко не всё. В этой части комментарии ПСС нередко несут так сказать “вынужденный” характер. Они лишь раскрывают, расшифровывают вполне явные указания самого Есенина — посвящением, упоминанием в тексте, акrostихом, прозрачной цитатной отсылкой... (Приятное исключение — клюевская тема, прослеженная значительно глубже и всесторонней).

В то же время, например, “кольцовские” строки в стихотворении “О Русь, взмахни крылами...” (“По голубой долине, / Меж телок и коров, / Идет в золотой ряднине / Твой Алексей Кольцов”) никак не откомментированы. (Лишь в цитируемом в комментарии отзыве Н.Ангарского вскользь упомянута фамилия Кольцова.) Речь, понятно, не об общеизвестных сведениях из энциклопедий, не о тривиальных соображениях о влиянии А.Кольцова на творчество Есенина. Но упоминание, что Сергей Есенин читал это стихотворение 3 ноября 1918 г. на открытии памятника А.Кольцову, представляется вполне уместным.

В качестве одного из перспективных вопросов для исследования можно указать на наличие явных параллелей, перекличек есенинского “Сельского часослова” с “Человеком” В.Маяковского. Не здесь ли лежит возможная отгадка странной публикаторской судьбы указанной маленькой поэмы Есенина, этаким нелюбимой “поэмы-Золушки” автора?..

5

Относительно принципов комментирования литературных параллелей, интертекстуальных связей, в преамбуле 1-го тома ПСС встречаем такие как бы все объясняющие строки: “... широкое исследование литературных связей и параллелей <...> в

рамках комментария провести <...> представляется нереальным, хотя бы по причине обилия материала и ограниченности объема. Поэтому в комментариях указание параллелей между стихами Есенина и других поэтов вынужденно ограничивается указанием лишь таких случаев, когда следование тем или иным стилистическим приемам других поэтов, прямое или завуалированное цитирование их стихов имело целенаправленный характер и входило в художественную задачу самого Есенина” (т. 1, с. 435). И там же: “... Не раз говорилось, например, об интертекстуальных связях между “Отговорила роща золотая...” и “Выхожу один я на дорогу...” М.Ю.Лермонтова и “Давай ронять слова...” Б.Л.Пастернака... <...> Многое в этом отношении <т.е. в исследовании литературных связей и параллелей есенинских текстов.— В.Д.> уже сделано большой группой ученых и критиков (прежде всего, А.М.Марченко, А.К.Жолковским и др.)...” (т. 1, с. 433, 435).

Жаль, что “много сделавшая большая группа ученых и критиков” практически оказалась скрытой за безличным “и др.”.

К тому же представляется, что меньше всего А.К.Жолковскому можно “поставить в вину” исследование именно есенинских текстов. Даже несмотря на то, что свою основополагающую, принципиальную работу об интертекстуальных связях — “Чужих певцов блуждающие сны” — А.Жолковский начинает так:

“Откуда это?..

Уже не спросишь Есенина, сознательно ли он позаимствовал вот это:

Как дерево роняет тихо листья,

Так я роняю грустные слова,—

(“Отговорила роща золотая...”, 1924)

у Пастернака:

Давай ронять слова,

Как сад — янтарь и cedру...

(“Давай ронять слова...”, 1922)⁵.

Да, действительно, Есенина уже не спросишь...

Но давайте вспомним хрестоматийное, Пушкинское:

Роняет лес багряный свой убор,

Сребрит мороз увянувшее поле...

(А.С.Пушкин. “19 октября”, 1925).

Разве не эти строки приходят на память при чтении приведенных двустижий и Есенина и Пастернака?..

С другой стороны, вспомним и устойчивую словесную связку, фразеологизм, типичный лингвистический пример сочетае-

мости слов русского языка: “Не проронил ни единого слова...” (и подобные речевые обороты. В частности, В.И.Даль на слово *ронять* приводит примеры: “Не роняй слов на глушь”, “Что не ронишь слова ласкового?”⁶).

Ясно, что источник рассматриваемых строк Есенина здесь, в творческом акте столкновения подобных образов и высечения, создания нового поэтического образа, новой яркой метафоры. А отнюдь не в “заимствовании” (“сознательном” или “бессознательном”) у Пастернака, создавшего в те же годы свой поэтический образ. Образ, в чем-то подобный есенинскому, а в чем-то — совершенно отличный от есенинского.

Да и требовалось ли какое-то “заимствование” поэту, который, говоря о наших пращурах, славянах-язычниках, писал в “Ключах Марии” (1918): “Они увидели через листья своих ногтей, через пальцы ветвей, через сучья рук и через ствол — туловища с ногами, — обозначающими коренья, что мы есть чада древа, семья того вселенского дуба, под которым Авраам встречает Святую Троицу. На происхождение человека от древа указывает и наша былина «о хоробром Егории»” (т. 5, с. 189)?..

По-видимому, небезынтересно было бы проследить, как уже не лишенный некоторой “красивости” пушкинский образ — Роняет лес *багряный* свой *убор* — переосмысливается в соответствии с образной системой, с поэтикой каждого из названных поэтов XX века*. В одном случае (у Есенина) это переосмысление идет в сторону большей простоты, ясности и, в то же время “утепления”, сближения человеческого начала с растительным. В другом случае (у Пастернака) образ еще более “эстетизируется” за счет введения “живописных”, “экзотических” метафор (янтарь, цедра); при этом пейзаж превращается в антропохорный, городской, лишается природной первозданности, “дикости” (не *лес*, а *сад*, где деревья посажены человеком).

Любопытно также, что, создав в 1924–1925 годах целый цикл (книгу) стихов о “шафранном крае” — “Персидские мотивы”, Есенин даже в этих стихах ни разу не употребил сходных с пастернаковскими (янтарь, цедра) метафор.

Все же перед нами — действительно любопытное совпадение тропов Есенина и Пастернака. Но это — то совпадение, коих вообще немало и в жизни и в искусстве.

Кстати, и само название цитированной работы А.К.Жолковского — “Чужих певцов блуждающие сны...” (это — строка из

* Эволюция образной системы Сергея Есенина подробно рассмотрена в работе⁷. Разбору поэтической системы Б.Пастернака посвящена работа⁸.

стихотворения О.Мандельштама “Я не слыхал рассказов Оссиана...”), по-видимому, восходит к тому же первоисточнику — “19 октября” А.С.Пушкина:

... *Чужих небес* любовник беспокойный... <...>

Ты сохранил в *блуждающей судьбе*

Прекрасных лет первоначальны нравы:

Лицейский шум, лицейские забавы

Средь бурных волн мечталися тебе...⁹

Воистину: “Пушкин — наше всё...”

Приведенный выше пример показывает, сколь осторожно, осмотрительно следует вводить в комментарий конкретные имена, фамилии, события.

Комментируется, например, есенинская «Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве»: “... Из содержания «Сказки...» явствует, что среди не понравившихся Есенину детских стихов поэтов-современников было сочинение В.В.Маяковского «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий»...” (т. 2, с. 456). Готов согласиться с комментатором, что именно так и было. Но чего же мне не хватает в тексте комментария?.. Не хватает одного вводного слова: “возможно”, “по-видимому”, пусть даже — “скорее всего”...*.

Это же относится и к ряду других излишне категоричных утверждений. Например, к некоторым утверждениям об источниках образного мира Есенина в “Ключах Марии” (т. 5, с. 433 и далее). Вновь готов в основном согласиться с наблюдениями комментаторов (зачастую — очень меткими). Но не следует научную гипотезу (даже самую вероятную) представлять как бесспорно установленный факт, как аксиому. В подобных случаях простое вводное слово “по-видимому” только повышает научную строгость комментария.

---

* К слову — еще об этом же произведении. В комментарии указываются две первопубликации “Сказки о пастуш[он]ке Пете...”: газета “Заря Востока”, Тифлис, 1 ноября 1925 г., и затем — журнал “Пионер”, М., 5 декабря 1925 г. Однако между этими датами есенинская “Сказка...” появилась в газете “Парижский вестник”, № 164, 15 ноября 1925 г. (Текст — в том числе и заглавие — совпадает с текстом “Зари Востока”). Очевидно, эта парижская перепечатка не является авторской; её можно не рассматривать как самостоятельный источник текста. Но упомянуть в комментарии об этой одной из последних прижизненных зарубежных публикаций Есенина, по-видимому, стоило бы.

Не менее осторожно следует относиться к указаниям на прототипы, адресаты..., если таковые точно, документально не указаны самим поэтом.

Известно, например, уже несколько женщин, когда-то встреченных Есениным, которые предлагались в качестве прототипа образа Шаганэ. Целый ряд имен назывался различными исследователями и мемуаристами в качестве прообраза “дальней северянки” из того же есенинского стихотворного цикла “Персидские мотивы”. Среди них и Г.А.Бениславская, и З.Н.Райх, и С.А.Толстая, и Н.Д.Вольпин и др. Но, по-видимому, вполне справедливо отмечено в комментарии, что “все имена цикла — поэтическая условность и за ними практически не стоят реальные жизненные фигуры” (т. 1, с. 644)...

Не менее трех реальных женских имен в той или иной мере связывается с образом героини поэмы “Анна Снегина”... Разноречивы суждения о прототипах действующих лиц “Страны негодяев”... И т.д.

Приведем еще один пример.

Во 2-м томе ПСС представлено широко известное “Письмо к женщине” (“Вы помните, Вы всё, конечно, помните...”). В комментарии к стихотворению читаем: “Выступая на вечере, посвященном Есенину, Мейерхольду, Луначарскому (Москва, Центральный дом актера, декабрь 1967 г.), Е.А.Есенина свидетельствовала, что адресат “Письма к женщине” — бывшая жена поэта З.Н.Райх... Зинаида Николаевна Райх (1894—1939) в 1924 году была актрисой Государственного театра им. Вс.Мейерхольда (ГостИМ) и женой его руководителя” (т. 2, с. 429).

Вполне значимое свидетельство сестры поэта, которое справедливо нашло свое место в комментарии. Надо только не забывать, *где и когда* это свидетельство было сделано: на вечере в Центральном доме актера; вечере, посвященном Есенину, Мейерхольду... (а, следовательно, — и Зинаиде Райх!). От присутствовавшей на вечере сестры поэта Е.А.Есениной аудитория *ждала* подобных слов, и они были сказаны...

Между тем, в ходе подготовки настоящего ПСС в научный оборот в 1995 году были введены воспоминания о Есенине Екатерины Эйгес (1890—1961), библиотечного работника, выпускницы математического факультета Московского университета, учившейся затем на Высших литературно-художественных курсах В.Я.Брюсова, писавшей стихи¹⁰. Она хорошо знала Сергея Есенина, а в период 1919—1921 годов их встречи были особенно частыми. Бесхитростные, без всяких претензий автора на какую-

либо роль в жизни поэта, эти воспоминания, написанные в 1957 году и хранившиеся в архиве ИМЛИ, были известны специалистам, но не привлекали особого внимания и ранее никогда полностью не публиковались. (Впервые один эпизод из этих воспоминаний привел В.Белоусов в 1969 году в Литературной хронике Есенина¹¹). А в 6-й том шеститомника Есенина (1977–1980) были включены обращенные к Е.Эйгес записка и инскрипт (на сб. “Голубень”, М., 1920) поэта¹².

В своих воспоминаниях Е.Р.Эйгес, в частности, пишет: “Этой весной в Москву на несколько дней для сдачи магистерских экзаменов приезжал мой будущий муж, с которым я не виделась три года. Мы много гуляли по улицам Москвы. <...> Я рассказала об этом Есенину, который знал его по моим рассказам и стихам. “Ты его одного любишь!” — сказал мне Есенин. <...> В начале апреля 1921 года я вышла замуж за П.С.А<лександрова>. <...> Только с осени того же года мы с мужем стали жить вместе в комнате, которую мне дали в помещении ЛИТО на Волхонке...”¹³. Кстати, копия воспоминаний Е.Р.Эйгес (в целом текстуально совпадающая с копией архива ИМЛИ) была обнаружена в 1983 году при разборе архива П.С.Александрова.

Но еще в 1979 году были опубликованы автобиографические заметки академика-математика П.С.Александрова (1896–1982)¹⁴, о котором и упоминает Е.Р.Эйгес. Несколько абзацев этих заметок посвящено Сергею Есенину. Появившиеся в специальном математическом журнале, они не попали в поле зрения литературоведов; оказались неучтенными и в библиографии С.А.Есенина¹⁵. Поскольку это специализированное издание отсутствует в большинстве библиотек гуманитарного профиля, приведу часть воспоминаний П.С.Александрова, касающуюся Есенина:

“В московском доме младших Эйгесов и я сделался постоянным гостем и это продолжалось до самого моего отъезда из Москвы в Новгород-Северск (летом 1918 г.). Особенно хорошо за это время я познакомился с Екатериной Романовной. Когда я осенью 1920 г. вернулся в Москву, это знакомство возобновилось с прежней теплотой. Но за 1918–1919 гг. в жизнь Екатерины Романовны вошло новое лицо, и им был Сергей Есенин. Екатерина Романовна мне показала толстую тетрадь своих стихов, всю испещренную пометками, собственноручно сделанными характерным почерком Есенина. Тут были и отдельные критические замечания, но были и целые строчки, прочеркнутые рукой Есенина с им же предложенными измененными вариантами. К сожалению, эта тетрадь, которая, несомненно, представляла бы интерес для литературоведов-специалистов по Есенину, безвозвратно погибла.

В начале или в середине марта 1921 г. Екатерина Романовна познакомила меня с Есениным и мы провели часть вечера вместе. Сколько времени продолжалось это свидание, я сейчас не помню. Но оно мне запало в душу: я почувствовал Есенина как человека, мне кажется, я почувствовал его мягкость, нежность и какую-то незащищенность...

Новогоднюю ночь на первое января 1926 г. я провел в Голландии... <...> Я не подозревал тогда, конечно, что в эту ночь умирает Есенин. Но когда через день я прочел известие о его смерти в голландских газетах, что-то кольнуло меня, я вспомнил о своей единственной встрече с Есениным и это воспоминание было мне дорого и болезненно. <...>

2-го апреля [1921 г.] я вступил в брак с Екатериной Романовной Эйгес. Брак этот не был удачным... Екатерина Романовна была человеком, созданным для семейной жизни, я же к этой жизни был вовсе не приспособлен..."¹⁶.

А в недавно появившихся воспоминаниях В.А.Успенского, кибернетика, математика-лингвиста, знавшего П.С.Александрова с конца 1950-х — начала 1960-х годов по Московскому математическому обществу (академик П.С.Александров был президентом общества, с 1964 г. — почетным президентом; В.А.Успенский в тот период часто исполнял обязанности ученого секретаря общества), находим свидетельство: "Именно к Е.Р.Эйгес обращено, по утверждению П.С.Александрова, знаменитое есенинское "Письмо к женщине" ("Вы помните, Вы всё, конечно, помните..."), а упоминаемый в "Письме" "серьезный, умный муж" — это и есть П.С.Александров"¹⁷.

Отмечу, что Павел Сергеевич Александров, почти ровесник Есенина (родился 25 апреля (7 мая) 1896), уже в 1929 г. избранный членом-корреспондентом АН СССР, стал основоположником советской математической топологической школы... Представляется, что специалист в одной из самых абстрактных областей математики действительно мог бы не меньше подойти на роль "серьезного, умного мужа", чем представитель артистического, беспокойного мира Вс.Мейерхольд...

7

Без учета опыта подготовки настоящего академического ПСС Есенина, без всестороннего анализа и обобщения этого опыта уже невозможно представить дальнейшую практику научных изданий отечественной классики. Эта работа еще впереди.

В нашем же обзоре удалось отразить лишь несколько моментов. К тому же, рассматривая это "юбилейное" издание (1-й его

том появился в год 100-летия С.А.Есенина) как бы “на ходу”, по мере выхода части томов, хотелось в первую очередь обратить внимание на еще нерешенные проблемы, на вопросы, оказавшиеся вне внимания составителей, которые могли бы так или иначе найти отражение в последующих томах издания. Мы как бы помнили указания наших классиков о том, что лучший способ отметить юбилей какого-либо события — “это сосредоточить внимание на нерешенных задачах... Особенно., <...> когда требуется усвоить нечто новое (с точки зрения сделанного ... до сих пор) для решения этих задач”¹⁸.

Но дело стоит того. Ибо выходящее академическое ПСС обещает стать, уже становится, подлинным, достойным книжным памятником поэту. Памятником, реально воплощающим в жизнь пожелание Сергея Есенина, сказанное им в дни юбилея великого А.С.Пушкина:

... Чтoб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Сергей Есенин*. Полное собрание сочинений в семи томах. М.: Наука — Голос, при участии СИТП “Наследие”. Научная подготовка издания осуществляется Институтом мировой литературы им. А.М.Горького РАН (главный редактор — Ю.Л.Прокушев). Тома 1, 2, 4, 5. 1995–1997. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страниц.
- ² *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем. В двенадцати томах. Тома 1, 2, 3. М.: Наука, 1997.
- ³ *Субботин С.И.* К истории текстов “Иорданской голубицы”, “Ленина” и “Песни о Евпатии Коловрате” // Есенин академический. Актуальные проблемы научного издания. Есенинский сборник. Выпуск II. М.: Наследие, 1995. С. 43–73.
- ⁴ *Субботин С.И.* Указ. соч. С. 47.
- ⁵ *Жолковский А.К.* Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука, 1994. С. 14.
- ⁶ *Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.— М., 1882. Т. 4. С. 103.
- ⁷ *Захаров А.Н.* Поэтика Есенина. М., 1995.
- ⁸ *Faryno Jerzy.* Поэтика Пастернака (“Путевые записки” — “Охранная грамота”). Wien, 1989. (*Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 22*).
- ⁹ *Пушкин А.С.* Соч. в 10 томах. Т. 2. М.: Наука, 1977. С. 244–245.
- ¹⁰ *Эйгес Екатерина.* Воспоминания о Сергее Есенине // Новый мир, 1995. № 9. С. 181–195; *Чудова Л.Г.* О “Воспоминаниях” Е.Р.Эйгес // Новый мир, 1996. № 1. С. 239–240; См. также: *Эйгес Е.Р.* Из воспоминаний — В кн.: “Сергей Есенин в стихах и жизни. [Кн. 4-я]. Воспоминания современников”. М., 1995., С. 279–288.

- 11 Белоусов В. Сергей Есенин. Литературная хроника. Часть 1 (1895—1920). М.: Сов. Россия, 1969. С. 174.
- 12 Есенин С.А. Собрание сочинений в шести томах. Том 6. М., 1980. С. 91, 289—290.
- 13 Эйгес Екатерина. Указ. соч. С. 191, 192.
- 14 Александров П.С. Страницы автобиографии // Успехи математических наук, 1979. Т. 34. Вып. 6 (210). Ноябрь-декабрь. С. 219—249.
- 15 Русские советские писатели. Поэты. Библиографический указатель. Том 8. С.А.Есенин. М.: Книга, 1985.
- 16 Александров П.С. Указ. соч. С. 242, 243.
- 17 Успенский Вл. А. Колмогоров и семиотика // Новое литературное обозрение, М., 1997. № 24. С. 202.
- 18 Ленин В.И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Правда, 1921. № 251, 6—7 ноября.

Н.И. Шубникова-Гусева

“И НАД КАЖДОЙ СТРОКОЙ БЕЗ КОНЦА...”

Проблемы текстологии в есенинских изданиях последних лет

В этой статье мы обратим внимание на богатый и многообразный текстологический материал, представленный в академических собраниях сочинений писателей, и поставим проблемы, требующие усилий многих научных коллективов. Наша цель состоит не только в том, чтобы рассмотреть вопросы текстологии в есенинских изданиях последних лет (т.е. прикладное значение текстологии), но прежде всего показать, что текстологическое исследование является фундаментом, на котором строится вся последующая литературоведческая работа. И выводы, добытые текстологами при изучении истории текста, часто опровергают или уточняют самые широкие концепции литературоведов.

К сожалению, по справедливому замечанию А.М.Ушакова, богатый и многообразный текстологический материал, представленный в академических собраниях сочинений писателей, готовящихся в ИМЛИ, еще “не в полном объеме воспринят историками литературы, не в полной мере “переплавлен” в концепцию русского литературного процесса”. Между тем “опыт текстологической работы над произведениями того или иного писателя в первую очередь дает возможность воссоздать творческую эволюцию писателя в ее истинном значении, в ее реальных параметрах, освободить представления о развитии творческой личности от приблизительных суждений, субъективных, не опирающихся на глубокое изучение текстов, умозаключений”¹.

Текстология действительно показывает историю и “эволюцию текста”² конкретного произведения и одновременно “открывает широчайшие возможности изучить литературные школы, направления, идейные движения, изменения в стиле, динамику творческого процесса и оказывается арбитром в решении очень многих споров, которые вне изучения конкретной истории текстов могли бы тянуться без каких-либо определенных перспектив на их окончательное разрешение”³.

Кроме этих принятых в текстологии положений обратим внимание на те перспективы, которые открывает текстология для изучения теории литературы и, в частности, стиховедения. Проводимый нами на протяжении многих лет анализ вариантов поэтических строк В.А.Луговского, М.Ю.Лермонтова для монографии Л.И.Тимофеева “Слово в стихе”⁴, и наиболее обстоятельно, С.А.Есенина (подготовка текста и вариантов третьего тома ПСС С.А.Есенина), а также огромная текстологическая работа коллектива научных сотрудников Института мировой литературы убеждает нас в необходимости обратить внимание на это новое направление исследования. Его суть состоит в том, что богатый и многообразный материал изучения рукописей, собранный и проанализированный в процессе подготовки академических собраний сочинений поэтов и прозаиков, может быть изучен не только с целью определения особенностей, но и с целью выявления закономерностей рождения и эволюции текста. Располагая описанием рукописей многих авторов и большим количеством вариантов их строк, мы сможем наметить сходство между ними, их некоторую внутреннюю логику, общие принципы работы писателей над текстом и особенности эволюции поэтического и прозаического текста.

В последние годы в связи с подготовкой академического собрания сочинений интерес к вопросам текстологии есенинских произведений заметно возрос. Достаточно напомнить дискуссию о датировке ранних стихотворений поэта в статьях С.И.Субботина⁵ и Ю.Л.Прокушева⁶. Подробный анализ этой проблемы и различных точек зрения, включая публикации 70-х гг., а также система оценки авторских дат и принципы их воспроизведения в тексте изложены в комментариях А.А.Козловского к 1-му тому Полного собрания сочинений С.А.Есенина. Затяжной характер приняла дискуссия о 10-й строке в поэме “Черный человек”⁷. В сб. “Столетие Сергея Есенина”, а также в журнале “Литературная учеба” № 3 за этот год опубликованы новые материалы по истории текста драматической поэмы Есенина “Страна Негодяев”⁸.

Значительный вклад в изучение вопросов текстологии есенинского творчества внесла диссертация А.А.Козловского “Лирика С.А.Есенина (Проблемы текстологии и поэтики)”. В этой работе автор справедливо заметил: “... наблюдения над есенинскими текстами имеют не только “есениноведческое” значение. Они могут рассматриваться как частный случай общих закономерностей. Есенинская текстология объективно стала одной из важных конкретных баз для определения методологии текстологической работы с произведениями новейших русских писате-

лей, формирования современных аналитических подходов при подготовке критически выверенных текстов русских писателей нашего века. Свою практическую работу и данный доклад соискатель рассматривает как посильный вклад в комплексную проблему текстологии литературы двадцатого века”⁹.

Ситуация нынешних лет в издании произведений Есенина также существенно отличается от прошлых прежде всего выходом в свет академического собрания сочинений С.А.Есенина, а также тем, что одновременно, до и после его 100-летнего юбилея издано огромное количество сборников и собраний сочинений поэта. Но есть немало изданий, на которых отразилось наступление рыночной экономики и дефицит профессиональных корректоров и редакторов. Особенно выделяется сборник издательства “Воскресение”, в котором под названием “Москва кабацкая” довольно полно представлено наследие поэта. Но представлено на редкость неряшливо, с множеством грубых опечаток и искажений текста. Достаточно сказать, что на титуле книги обозначено “Стихи и проза”, а на самом деле проза отсутствует. И не только это. О сомнительном новаторстве в подготовке ряда подобных изданий критик “Литературной газеты” В. Радзишевский с иронией писал: “К столетию Есенина в его стихи внесли наконец настырную похабщину, которая раньше заменялась точками, водворили авторских “жидов” на место подцензурных “евреев”, а чтобы Ленину не томиться в одиночестве, вернули трепетные упоминания Бухарина, Зиновьева, Троцкого...”¹⁰.

Конечно, в задачу книг, адресованных широкому кругу читателей, не входит специальная текстологическая работа. Хорошей подготовкой текста отличаются те из них, в которых точно перепечатан текст последнего научного Собрания сочинений поэта. Так поступило, например, издательство “Современный писатель” в Собрании сочинений в одном томе, которое они назвали Полным. Хорошо сделаны есенинские сборники “Шел Господь пытаться людей в любви...” Ленинград; тульское издание, трехтомник, изданный в Челябинске и др.

Среди научных изданий, адресованных широкому кругу читателей, стоит назвать четырехтомник “Сергей Есенин в стихах и жизни” (первое изд. М., “Республика”, 1995; второе изд. М., “Терра”, “Республика”, 1997), подготовленный специалистами, готовящими академическое издание, а также Т.П. Флор-Есениной и С.П.Есениной. В этом четырехтомнике устранены искажения текста и опечатки; существенно уточнены при сверке с рукописными источниками тексты статей Есенина “Отчее слово”, “Быт и искусство” и др., а также тексты писем; специально для

этого издания С.И.Субботиным пересмотрены датировки ранних писем Есенина¹¹.

Всесторонне и систематически текстологическая работа проведена лишь в Полном собрании сочинений Есенина. Но накопленный в ходе подготовки академического собрания новый и чрезвычайно значительный материал нуждается в серьезном теоретическом обобщении.

Источники текста

Одной из наиболее важных проблем подготовки академического издания является изучение и анализ источников текста, отражающих этапы работы писателя над тем или иным произведением, и определение их последовательности.

Источники бывают рукописными, печатными и устными. Особо ценными являются рукописные источники, а среди них черновики. Они дают наиболее богатый материал для понимания “творческой лаборатории” писателя. При отсутствии обобщающих фундаментальных трудов, подобных справочнику типа “Рукописи Есенина”¹², составитель каждого тома академического издания вынужден был проводить большую архивную работу. Например, в процессе подготовки третьего тома (Поэмы. 1921—1925), в который вошло шесть “больших” поэм Есенина “Пугачев”, “Страна Негодяев”, “Песнь о великом походе”, “Поэма о 36”, “Анна Снегина”, “Черный человек”, было впервые привлечено 9 неизвестных ранее рукописных материалов: белой автограф “Страны Негодяев” (частное собрание, Москва), автограф отрывка из поэмы “Пугачев” в альбоме М.А.Стакле (ГЛМ), пять (из шести) списков поэмы “Черный человек”¹³, печатные вырезки “Анны Снегиной” из журнала “Красная новь” с пометами автора, в том числе из архива Ю. Л. Прокушева¹⁴.

Пользуясь возможностью, мы еще раз благодарим Наталью Васильевну Есенину, Юрия Александровича Паркаева и Павла Никифоровича Пропалова за любезно предоставленные ими неизвестные рукописные материалы.

Беловых автографов, а тем более авторских списков произведений у Есенина не так много. По этому поводу поэт заметил в одном из ранних писем: “Интересней удить рыбу и стрелять, чем переписывать”¹⁵.

К сожалению, далеко не все автографы поэм Есенина в настоящее время обнаружены. Часть рукописей не сохранилась полностью¹⁶. Неизвестны также тексты поэм Есенина “Пророк” (1912—1913), “Тоска” (1913), “Галки” (1914), “Крестьянский

пир” (1916), а также отрывок из драматической поэмы времен Ивана IV (1920).

Проблема поисковой работы остается очень актуальной, и нас ждет еще немало открытий, хотя уже сейчас очевидно, что далеко не все автографы Есенина сохранились. Есть свидетельства о том, что перед своей последней поездкой в Ленинград поэт уничтожил немало рукописей. Гражданская жена Есенина А.Р.Изряднова вспоминала: “В сентябре 1925 года пришел с большим белым свертком в 8 часов утра, не здороваясь, обращается с вопросом: “У тебя есть печь? — Печь, что ли, что хочешь?— Нет, мне надо сжечь. Стала уговаривать его, чтобы не жег, жалеть будет после, потому что и раньше бывали такие случаи: придет, порвет свои карточки, рукописи, а потом ругает меня — зачем давала. В этот раз никакие уговоры не действовали <...>”.

Повела его в кухню, затопила плиту. И вот он <...> стоит около плиты с кочергой в руке и тщательно смотрит, как бы чего не осталось несожженным”¹⁷.

Существование некоторых неизвестных нам рукописей Есенина, уничтоженных поэтом или до сих пор не обнаруженных, мы можем установить путем анализа известных источников текста. Сверка чернового автографа “Пугачева”¹⁸ с другими рукописными источниками текста, сделанными позже, а также печатными публикациями показывает, что одна из рукописей, скорее всего белой автограф поэмы, в настоящее время неизвестна. Есенин существенно переработал текст “Пугачева” до того, как с него была снята машинопись, по которой набирался текст поэмы в издательстве “Имажинисты”, 1922 (фактически дек. 1921 г.). В автографе есть отрывки, не вошедшие в печатный текст, например, “Послание к медведям”: “Прощай, Чаган, прощай, прощай, прощай...” Есенин исключил также ремарки кроме двух в конце второй и середине восьмой главы, изменил принадлежность реплик после 894 ст. — “Кочуров” на “Первый голос” и после 895 — “Федулов” на “Второй голос”. Кроме того, поэт поправил в общей сложности 61 строку. В большинстве случаев Есенин произвел замену слов (всего в 23-х ст.); ст. 22: “Кто ты, странник? Что бродишь долом?” вместо “Кто ты, путник? Что бродишь долом?; ст. 108: “Вложив светильником им посох в пальцы” вместо “Вложив как факел им дорожный посох в пальцы?” и др.; в 12 ст. произвел перестановку слов; добавил 83-ю строку, которой не было в черновом автографе “Иль это взвыли в небе облака?” (реплика Пугачева); дописал 262-ю ст.: “Эй кто идет? Кто там идет?” вместо “Эй кто идет?”, четыре строки заменил полностью: 658 “Нет, нет, нет,” вместо “Хе-хе-

хе!"; 674 — "Как ты мыслишь, все так и есть" вместо "Это так в настоящем и есть"; 850 — "Нам ли храбрость его не известна" вместо "И не раз ты наверное сам уже тужишь"; 852 — "Под Сакмарой ударился в бегство?" вместо "Побросал при Сакмарском сражении оружие?". В остальных случаях Есенин изменил грамматическую форму слов и заменил или добавил в них всего одну букву.

Важной текстологической проблемой XX века является автоцензура. Для Есенина эта проблема не характерна. В поэмах встречается единственный случай, который можно отнести к автоцензуре — правка строк в машинописном списке наборного экземпляра "Страны Негодяев" — исправление ст. 74–75 "Я знаю, что ты Еврей" вместо "Я знаю, что ты // Настоящий жид" и купюра ст. 81 "Ты обозвал меня жидом". Правку этих строк в наборном экземпляре произвел сам Есенин, видимо, по просьбе редакции, желая видеть свою поэму опубликованной в своем Собрании, но при жизни поэта "Страна Негодяев" не была включена в это издание.

Писатели по-своему работают не только над рукописями, но и по-разному относятся к печатным изданиям своих произведений. Особенности творческой работы Л.Н.Толстого очень точно охарактеризовала Л.Д.Опульская. "Отличительной чертой Толстого как писателя была обычно длительная и всегда крайне взыскательная работа над рукописями своих произведений. Поэтому все значительные создания Толстого сохранились в нескольких, а иногда и во многих черновых редакциях. Но к произведениям, уже опубликованным, он относился весьма равнодушно и в переизданиях обычно не принимал никакого участия. Авторская работа чаще всего останавливалась на первом издании, лишь иногда распространялась на второе и третье и почти никогда на последующие"¹⁹.

Маяковский также "упорно и настойчиво работал над стихотворением до печати (в "заготовках" и черновиках), но, добившись окончательной редакции в беловике или в первоначальном тексте, при последующих перепечатках обычно не вносил в текст никаких изменений"²⁰.

Есенин, наоборот, принадлежал к числу тех неугомонных писателей, которые неоднократно вносили в текст существенные и мелкие поправки при повторных изданиях своих произведений. Так было, например, с "Песнью о великом походе". Только тщательное изучение автографических, печатных, мемуарных и эпистолярных источников позволило установить, что "первая публикация поэмы в "Заре Востока" оказалась ее последней авторской редакцией, а последняя по времени выхода в свет пуб-

ликация “Песни о великом походе” в журнале “Звезда” — ее первой редакцией”²¹.

Имеются свидетельства современников о тщательной работе Есенина с корректурой. “Однажды он <Есенин>, — писал его друг, издатель И.И.Старцев, — проработал около трех часов кряду над правкой корректуры “Пугачева” (1, 413). И.В.Евдокимов, редактор Собрания стихотворений, которое подготовил сам поэт, вспоминал, что проверку текста и датировку поэт собирался делать в корректуре, но не успел. Корректуря первого тома пришла 31 декабря 1925 г.. Прижизненные публикации есенинских произведений, в которых принимал участие поэт, являются важными источниками текста. Но и к этим источникам следует подходить критически, так как и в них могут встречаться опечатки. Например, в книге “Стихи скандалиста”, изданной в Берлине в 1923 г., где под названием “Уральский каторжник” опубликован монолог Хлопуши, в ст. 484 допущена явное искажение текста — напечатано “Посылаются заматерелые разведчики” — вместо “Посылаются замечательные разведчики”. Подобные искажения не включаются в свод вариантов. Кроме того, многие произведения Есенина перепечатывались без ведома автора в различных периодических изданиях, сборниках, антологиях, хрестоматиях. Отделить авторские публикации от перепечаток было важной задачей текстолога при подготовке академического издания, так как перепечатки в качестве источников текста не учитываются.

Изучение рукописных материалов дает неоценимый материал для понимания особенностей творческой работы писателя. Поэтому создание обобщающего, исчерпывающего труда, в котором будет дано описание всего рукописного наследия Есенина, включая список неизвестных автографов, авторизованных списков и др. авторизованных материалов остается важной задачей исследователей.

История текста

Изучение истории текста является не только важным условием определения критически установленного текста, но и составной частью творческой истории произведения и его интерпретации, т.е. литературоведческого анализа, особенностей сюжета, композиции, поэтики и языка.

Наиболее сложной проблемой текстологии является установление текста, отвечающего последней авторской воле и освобожденного от различного рода опечаток и искажений, или, как его еще называют, канонического текста. Мы будем пользоваться

термином “критически установленный текст”, преимущества которого обоснованы Л.Д.Громовой-Опульской²². Достоинство этого термина мы видим в том, что он не только точно определяет предмет исследования, обозначает проблему, но и является наиболее емким, позволяющим учитывать особенности самых разных творческих процессов.

При подготовке третьего тома ПСС С.А. Есенина наиболее сложным оказался критический анализ текстов наборного экземпляра, подготовленного самим поэтом Собрания стихотворений (1926)²³ с точки зрения генезиса текста. Такая работа была необходима, так как не все тексты наборного экземпляра были проверены автором. Естественно, что при подготовке этого тома Есенин тщательно отнесся к рукописному списку поэмы “Черный человек”, выполненному С.А.Толстой-Есениной, и машинописному списку “Страны Негодяев”, которые ранее не были опубликованы. Тексты других поэм, представленные печатными вырезками, не содержат помет автора. Очевидно, их проверку Есенин отложил до корректуры, которую, как известно, просмотреть не успел. В связи с этим все тексты, представленные в наборном экземпляре, критически сопоставлялись с известными и оказавшимися доступными автографами, авторизованными списками и авторскими публикациями. Особую ценность для этой работы имели автографы Есенина, а также списки поэм, выполненные другими лицами, которые поэт внимательно проверил, порой тщательно расставив знаки препинания. К таким спискам можно отнести впервые изученный список поэмы “Песнь о великом походе”, выполненный В.И.Эрлихом, машинописный список “Анны Снегиной” и списки “Черного человека”, выполненные С.А.Толстой-Есениной.

Сверка наборного экземпляра с выявленными источниками и их внимательный анализ помогли устранить ряд неточностей, искажений в текстах Есенина, которые ранее оставались незамеченными. Историко-филологическая критика текста поэм Есенина опиралась на общие критерии подлинности, исторической достоверности и характерности, на соблюдение творческой воли и идейно-творческий анализ, которые использовались “все вместе”²⁴. При этом текстологу требовалось не только умение хорошо читать рукописи Есенина и расслаивать текст, но иметь эстетическое чутье и художественный вкус, разбираться в тонкостях стихотворной техники и хорошо знать теорию стиха, а главное, глубоко и всесторонне изучить особенности творческой манеры Есенина: образно-метафорической системы, нетрадиционного использования лексики, неологизмов, наличия вариативности строк, и более мелкие, например, характер употребления

прописных букв, “молекулярные изменения” (термин В.Тренина) предлогов, форм слова или изменение в нем одной-единственной буквы, которые поэт вносил в текст вплоть до сдачи его в печать, и др. Обратим внимание лишь на некоторые конкретные наблюдения, которые показывают важность полного и научного анализа и описания “творческой лаборатории” Есенина.

В текст наборного экземпляра “Пугачева” (вырезка кн.: Есенин Пугачев. М., Имажинисты, 1922) при сверке со всеми известными авторизованными источниками внесено два исправления. Одно из них: ст. 520 (монолог Хлопуши из 5 главы) — “Уж три ночи, три ночи пробираясь сквозь тьму” вместо “Уж три ночи, три ночи пробиваясь сквозь тьму” по автографу и авторизованной машинописи, где это слово поправлено Есениным дважды не только в тексте, но и во избежание ошибки вынесено в сноску. Нетрудно заметить, что использование деепричастного оборота “пробираясь” с отвлеченным существительным “сквозь тьму” необычно и потому придает строке особый образный характер, привлекает внимание. Поправка в 894 ст. (реплика Творогова из 8 главы) — “Бейте! Бейте прям саблей в морду” вместо “Бейте! Бейте прямо саблей в морду” сделана по черновому автографу и петроградскому изданию книги “Пугачев” (1922). Это усеченное “прям” более характерно для эмоциональной разговорной простонародной речи и потому гораздо ярче передает возмущенный призыв казака Творогова. Мы не только слышим, но и словно видим его призывный жест к расправе над Пугачевым.

В отличие от чисто орфографического исправления слова “проболтнется” вместо “пробалтнется” (ст. 349) — “Черным крестом в воздухе // Проболтнется шальная птица”, которое не вносится в варианты (и, кстати, произносится в двух случаях одинаково), в тексте “Страны Негодяев” сохраняется авторское написание простонародного бранного слова “прошалыга” в значении “пройдоха, плут” (в ст. 348, монолог Рассветова из второй части, “Самый простой прошалыга..”); слово “прошалыга” встречается также в есенинской повести “Яр” — V, 99, 383): устаревший вариант слова “прощельга” — “прошалыга” зафиксирован в наиболее полном “Словаре современного русского литературного языка” в 17 т. С учетом стилистического своеобразие поэмы “Страна Негодяев” в строке 527 в соответствии с беловым автографом (частное собрание, Москва) вводится исправление “Окло двухсот негодяев” (III, 76, по беловому автографу и аналогично ст. 598 “В ширину окло верст тысяч трех” — III, 81).

Примером того, как осторожно подходили мы к правке случаев нетрадиционного словоупотребления в есенинских текстах,

служит сохранение авторского написания слова “яблоновый” в “Пугачеве” (монолог Бурнова из 7 гл.) — “Яблоновым цветом брызжется душа моя белая”. “О” в слове “яблоновый” зафиксировано в черновом автографе и всех прижизненных публикациях с участием автора. Однако в собраниях сочинений Есенина (в том числе последнем шеститомном издании) это слово печаталось “яблоневым”. Обратимся к Далю, которого Есенин постоянно читал и знал почти наизусть. Здесь прилагательное “яблоновый” (плод) или “яблонный” зафиксировано²⁵. Как разговорная, форма этого прилагательного используется и в современном русском языке²⁶.

Уточнение всего одной буквы в ст. 972 поэмы “Страна Негодяев” — “Чтоб чище синел простор // Коммунистическим взглядом” по двум беловым автографам (так эта строка публиковалась и в Собр. ст. в 1926 г., т. 3, с. 206) вместо “Чтоб чище синел простор // Коммунистическим взглядом”, как публиковалось почти 75 лет (очевидно, из-за ошибки в машинописи, которую сделала Г.А.Бениславская, и учитывая рифму “рядом”), существенно уточнило не только содержание слов Рассветова, смысл, который вложил в них автор, но и содержание поэмы в целом (любопытно, что в поэме “Анна Снегина” Есенин еще раз зарифмовал слово “взглядам”, но уже в другом значении, со словом “садом”):

Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень (III, 187).

Как справедливо заметил А.А.Козловский, сложность выявления подобных искажений текста состоит в том, что они “создают иллюзию правильности, как бы санкционируются автором”, являясь скрытыми, неявными и потому надолго укореняются в тексте²⁷. Кроме того, нетрудно заметить, что все эти поправки, как правило изменяют в тексте всего одну букву. Как выяснилось, такие “молекулярные” поправки очень любил делать и сам поэт, причем правил не только “мелочишку суффиксов и флексий”, как Маяковский. Поэтому в каждом отдельном случае предстояло тщательно проанализировать историю текста и отделить авторские поправки от корректорских и редакторских.

Например, первоначальный сравнительный анализ чернового автографа и печатного текста наборного экземпляра поэмы “Пугачев” может привести к выводу, что ее текст при публикации был искажен довольно существенно. Можно насчитать 21 строку (!), в каждой из которых Есенин произвел мелкие поправки, т. е. изменил грамматические формы слова или исправил всего одну

букву. Назовем некоторые случаи, где поправлена всего одна буква: ст. 164 — “конешно” вместо “конечно” — “За Россию нам конешно больно”; 303 — “тот” вместо “этот” — “Тот медведь, тот лиса, та волчица”; ст. 360 — замена буквы “а” на “и” в топониме “Джигильда” — “От песков Джигильды до Алатыря”; ст. 574 — убирает мягкий знак в слове “трынь-трава” — “Забубенная трынь-трава”; ст. 754 — делает грамматическую поправку в окончании слова “солнышко” было “солнышка” — Жалко солнышко мне, жалко месяц”; ст. 840 убирает букву “в” в слове “стать” вместо “встать”, уточняя смысл высказывания — “Стать к преддверьям России как тень Тамерлана” и др.

Возможно, если обнаружится беловой автограф “Пугачева”, мы сумеем уточнить эволюцию этого текста. Но в том, что Есенин мог в названных строках поправить всего одну букву, нас убеждают особенности его творческой работы в черновых и беловых рукописях всех шести “больших” поэм. Многие из них будут еще цитироваться ниже. Кроме того, известно, как тщательно проверял Есенин корректуру своего первого издания “Пугачева” (М., Имажинисты).

Сюда же можно отнести работу поэта с союзами, частицами и предлогами. В строках 308—309 “Пугачева” автор добавил союз “и” и убрал вторую условную частицу “б” “И если б они у нас были, // То московские полки // Нас не бросали как рыб в Чаган”. Такое экономное использование предлогов, частиц и союзов вообще свойственно Есенину, союзы и предлоги он нередко опускает, и тем самым активизирует фразу. Например, “О ценах на скот и рожь” из “Анны Снегиной” (III, 169), а можно было бы “О ценах на скот и на рожь”. Другая строка из этой же поэмы является вариативной — в черновом автографе — “И спьяну в печенки и в душу”, в беловом автографе, написанном по памяти И.В.Евдокимову — “И спьяну в печенки и душу”, но в машинописи поэт вписывает второй предлог “в” и оставляет его в тексте. Напротив, в черновом автографе “Анны Снегиной” ст. 415 выглядела: “Как будто без мысли, без слуха”, а затем во всех остальных источниках второго предлога нет, вместо него союз “и”: “Как будто без мысли и слуха” — III, 176). Художественная функция предлогов в есенинском стихе заслуживает специального исследования. Опуская предлог в строке “Стрелял я в мне близкое тело” из этой же поэмы (так строка записана в первом варианте чернового автографа и здесь же исправлена на “Стрелял я мне близкое тело”, предлог “в” напечатан в машинописи, которую делала Бениславская, но повторно вычеркнут автором), Есенин достигает необычайно сильного художественного эффекта. В “Поэме о 36” одной буквой отличаются многие

односложные рифмы: “гроб” — “троп”, “лег” — “лог”, “пург” — “пух”, “дверь” — “зверь”, “шесть” — “сесть”, “дров — “ров”.

Попутно хотелось бы заметить, что приведенные выше “молекулярные” поправки текста, которые Есенин делал вплоть до корректуры, показывают, что поэт вполне мог искать подходящую замену для образа “шеи ноги”, который вызывал вопросы у современников при знакомстве с текстом “Черного человека”. Ведь в задачи поэта не входило привлекать такое огромное внимание к этой далеко не самой важной строке поэмы. Во всяком случае пока не будет выяснено, кто сделал единственную по всему тексту наборного экземпляра третьего тома поправку одной буквы черными чернилами, гипотеза о том, что она сделана самим поэтом или по его указанию должна быть в поле зрения текстологов. Вопросы и непроясненные факты отбросить гораздо проще, чем найти на них точный ответ²⁸.

Обратим внимание еще на одну проблему, которая поджидает каждого, кто изучает рукописи Есенина — характер употребления поэтом прописных и строчных букв. В черновиках и письмах Есенин, как правило, пренебрегал общепринятыми правилами написания прописных и строчных букв — имена собственные Питерград, Прон, Аким, Фанас и другие поэт мог писать со строчной буквы, а местоимение “Вы”, а также слова “Еврей”, “Атаман”, “Династия” и др. с прописной. Вместе с тем встречаются случаи, когда Есенин придавал написанию прописных или строчных букв особое внимание и таким образом вкладывал в них определенное значение. Подтверждением этого являются воспоминания В. Эрлиха: “Есенин лежя правит корректуру “Москвы кабацкой”: “Интересно! — Свой же стихи поправились? — Да нет, не то! Корректор, дьявол, второй раз в “рязнях” заглавную букву ставит! Что ж он думает, я не знаю, как Рязань пишется?” (2, 320—321).

Естественно, что бесспорны те нетрадиционные случаи употребления Есениным прописных и строчных букв, которые не раз зафиксированы в автографах и других источниках, включая корректуру. Примером могут служить заглавия “Капитан Земли”, “Страна Негодяев”, но “Черный человек”. В заглавии “Страна Негодяев” второе слово с прописной буквы написано в двух белых автографах, а также в объявлении о публикации этой поэмы в журнале “Гостиница для путешественников в прекрасном” и статье А. Ветлугина, который сопровождал Есенина в зарубежной поездке, когда поэт работал над этой поэмой²⁹. Учитывая объективные данные текстологии, а также художественную функцию, которую выполняют заглавные буквы в ключевых словах “Страны Негодяев”, в основном тексте поэмы сохраняется написание слов с прописных букв не только в заглавии, но и

в ст. 243 “Ты хочешь, чтоб Трибунал...”; 472 “Вот она — Мир-
вая Биржа”; 499 “И, считая весь мир за Бедлам” (Бедлам — англ.
bedlam от Bethlehem — названия психиатрической больницы в
Лондоне; первонач. больница Марии Вифлеемской³⁰). Сохраня-
ется также авторское фонетическое воспроизведение английских
слов: “plis”, “wiski”, “miss”, “bisnes men”, “blef”, так как оно
подтверждается даже рифмой: blef (bluf, читается bl^f) — гнев.

С. Бонди писал: “Читая рукопись в той последовательности, в
какой она писалась, мы как бы ступаем по следам творившего
поэта, двигаемся по течению его мыслей и, таким образом, до
некоторой (правда, несоизмеримо малой!) степени наталкиваем-
ся на те же ассоциации, которые у него возникали”³¹. Обратимся
к нескольким примерам, чтобы показать, что нового дает изуче-
ние эволюции текста и истории создания рукописи.

Анализ чернового автографа “Анны Снегиной”³² позволяет
предположить, что композиция поэмы существенно менялась в
ходе работы (III, 643–644).

Можно предположить, что на одном из ранних этапов работы
Есенин начал поэму с описания революционных событий в Пет-
рограде (начало V части), затем отказался от этого зачина, решив
связать основное действие с революционными событиями в де-
ревне.

Еще одно небольшое, но немаловажное наблюдение. В чер-
новом автографе “Анны Снегиной” не было четырех строк о
том, что Лабутя после установления советской власти начал го-
лосить о красном ордене:

Теперь он по пьяной морде
Еще не устал голосить:
“Мне нужно бы красный орден
За храбрость мою носить...” (III, 184).

Эти слова впервые появились лишь весной 1925 г. в машино-
писи³³ (беловой автограф для И. В. Евдокимова был написан
позже, летом 1925 г. по памяти³⁴) в противоположность белым
медалям, которые до революции носил этот же Лабутя:

Носил он две белых медали
С японской войны на груди (III, 179).

Дополнение текста словами о красном ордене еще раз обра-
щает внимание исследователей на то, что поэт на протяжении
всего произведения не только настойчиво употребляет эпитет
белый в самом разном смысле (“девушка в белой накидке”, “на
яблонях белых в саду”, “Керенский на белом коне”, “белые ме-

дали” и т.д.), но и вставляет его в разные картинki, играет на контрастах³⁵.

Особого внимания заслуживают вариативные строки или замены строк на противоположные, не встречавшиеся нам у других поэтов и связанные с выдвинутой нами концепцией диалога как основы творчества Есенина³⁶. Особенно характерны они для поэта в 20-е г. При изучении истории “Анны Снегиной” кроме явных опечаток и искажений, которые были установлены по двум автографам, авторизованной машинописи и двум вырезкам из “Красной нови” с правкой автора, где тщательно им проверены и исправлены³⁷ — ст. 59 “Стрелял я мне близкое тело” вместо “Стрелял я в мне близкое тело”; ст. 177 “Жестокую судоргу щек” вместо “Жестокую судорогу щек”; ст. 214 “При всем, при честном народе” вместо “При всем честном народе” где был пропущен предлог, что нарушило ритм стиха, в черновом автографе было “При всем православном народе”); ст. 289 “Про нашу крестьянскую жись” вместо “Про нашу крестьянскую жисть”; ст. 544 “Их рок болтовней наградил” вместо “Их рок болтовней наделил”; ст. 588 “Когда я всю ночь напролет” вместо “Тогда я всю ночь напролет”; ст. 645 “Ну разве всего описать” вместо “Но разве всего описать”; ст. 672 “Ненужных насмешек и слов” вместо “Не нужно насмешек и слов”; ст. 711 “Ночная июньская хмарь” вместо “Ночная июльская хмарь”, — были выявлены строки, которые существовали как бы в двух равноправных вариантах до конца жизни поэта, — ст. 45 — “На нашей быдлатой сходке” и “На нашей быдластой сходке”; ст. 107 — “Десяток иль штукек шесть” и “Десятку иль штукек шесть”, ст. “Когда-то я очень любила” и “Когда-то я с вами любила”; ст. 419—420 “С любовью // Оглоблин Прон” и “С приветом // Оглоблин Прон”; ст. 466 “И Прон мой ей брякнул прямо” и “И Прон мой ей брякнул прямо”; ст. 544 “Их рок болтовней наградил” и “Их рок болтовней наделил”.

Наиболее сложными были случаи со строками 45, 107 и 466, так как здесь могло создаться впечатление, что поэт отказался от прежнего написания, сделал текст грамматически правильным. История работы над строкой 45 такова. В черновом автографе — “На нашей бурливой сходке”. В авторизованной машинописи, скорее всего сделанной с белого автографа, который неизвестен, или по устным указаниям автора. Машинопись была тщательно проверена и исправлена Есениным, но определение “быдлатой” не поправлено. Также не поправлено слово “десятку” — “Десятку иль штукек шесть”, так как “десятку” в единственном числе точнее передает крестьянскую психологию, ведь штучками несколько иронически называли рубли. Торгуясь с

поэтом, возница хочет получить десятку одной бумажкой (так сохраннее будет!) — такая бумажная купюра имела хождение в революционные годы), но соглашался в крайнем случае и на шесть рублей — “штучек”. Точно также в ст. 466 “И Прон мой ей бякнул прямо” глагол “бякать”, зафиксированный в разговорном языке в значении “вякать” — говорить нехорошо и дурно (ведь Прон требует у Снегиной отдать крестьянам ее собственный дом!), вошел не только в словарь В.Даля, но и в современные словари русского языка³⁸. В стихотворении “Заглушила засуха засевки...” встречается также слово “бавкнул” (I, 62).

В начале марта текст “Анны Снегиной” с посвящением Воронскому Есенин сдал в журнал “Красная новь” (см. об этом письмо Н.К.Вержбицкого К.Л.Зелинскому от 29 янв. 1956 г. — Письма, 496). Воронский, слышавший эту поэму в исполнении автора³⁹, отнесся очень бережно к авторскому тексту. Он сохранил авторское написание слов “быдлатой”, “десятку” и “бякнул”. Затем Есенин послал машинопись поэмы П.И.Чагину и написал в письме: “”Анна Снегина” через два месяца выйдет в 3 № “Красной нови” <опубликована в № 4> Печатай скорей. Вещь для меня очень выигрышная, и через два—три месяца ты увидишь ее на рынке отдельной книгой <отдельной книгой не выходила>” (Письма, 165).

Мы знаем, что Есенин в апреле—мае 1925 г. был в Баку и принимал участие в подготовке публикации к печати. Благодаря оперативности газета вышла раньше журнала⁴⁰. Перечисленные строки были в ней опубликованы в отличном от “Красной нови” варианте. Есенин вполне мог исправить эти строки по своему желанию или, прислушавшись к совету Чагина, поправить слова на более употребительные “быдластая”, “брякнул” и изменить согласование “десяток” на множественное число на первый взгляд более логичное. Заменял же он диалектные слова во втором издании “Радуницы”. Однако это решение было не окончательным.

Доказательством является анализ двух авторизованных вырезов из журнала “Красная новь” с исправлением опечаток, которые сделал сам поэт. В каждой автор поправил всего два слова “воду” — напечатано “водою” и “Нерчинск” — напечатано “Берчинск”. Из этого следует, что Есенин не считал варианты строк, опубликованные в “Красной нови”, опечатками и искажениями. Кроме того, записывая по памяти текст поэмы для И.В.Евдокимова летом 1925 г. поэт сначала написал слово — что-то вроде “быдлоневои” (от слова “быдло”, зачеркнуто неразборчиво), затем исправил на определение “быдлатую”, как уже было в машинописи, также семантически связанное со словом

“быдло”. Вместе с тем выбор текста для наборного экземпляра заставляет учесть поправки, сделанные в Бакинском рабочем, и внести их в основной текст, сохранив другую версию в разделе “Варианты”.

Изменение строк на противоположные также сложно найти у других поэтов. Но они свойственны Есенину, у которого нет непроходимой пропасти между противоположными полюсами значения (вспомним собственные слова поэта: “Но коль черти в душе гнездились — // Значит, ангелы жили в ней” — I, 186). В черновом автографе “Страны Негодяев” (вариант конца)⁴¹: “Да, я в этом участвовал” поэт заменил на “Я в этом не участвовал” (III, 361). Вариант конца этой драматической поэмы, где чекисты ловят Номаха и действие выглядит законченным, также противоположен окончательному тексту, который носит внешне незавершенный характер: Номах уходит от преследователей, а Чекистов и его помощники остаются ни с чем. В черновом автографе “Анны Снегиной”: “Тот образ во мне угас” заменено на “Тот образ во мне не угас” (III, 407); “Сказала спокойно и твердо” на “Сказала как будто небрежно” (III, 421); “Письмо мне не нравится” (III, 426) на “Письмо как письмо”. В “Песни о великом походе”: “Ветер полуденный” (в черновом автографе и журнале “Звезда”) на “Ветер синь-студеный” (в других источниках); “Бродит тень Петра да любитесь”⁴² на “Бродит тень Петра, грозно хмурится”⁴³ и др.

Один из наиболее любопытных случаев подобной замены строк встречается в монологе Рассветова из четвертой части “Страны Негодяев” и дает ключ к авторской оценке этого персонажа. Вместо первоначального варианта — “Интернациональный дух // Мир не его идей” (речь идет о “честолюбивом россе”) появляются слова “Интернациональный дух // Прет на его рожон” (III, 101), которые восходят к фразеологизму “На рожон переть” (или идти; разг. неодобр.), что означает “предпринимать что-нибудь рискованное”. Вместо определения констатирующего характера, совпадающего с взглядами автора на национальное самосознание русского народа, появляются слова, которые соответствуют взглядам Рассветова, перестраивающего Россию по американскому образцу, и естественно согласуются с его решимостью расправиться не только с Номахом, но и со всеми восставшими мужиками повстанцами: “Тот, кто крыло поймал, // Должен всю птицу съесть”.

В заключение остановимся на проблемах, имеющих важное методологическое значение — на изучении закономерностей или методов работы писателей над текстом. Правомерность постановки этих проблем подтверждают отдельные наблюдения целого ряда исследователей над рукописями разных авторов и наш собственный опыт. В.Тренин, например, сравнивая записные книжки В.Маяковского и А.Блока, еще в 30-е годы писал: “Все сходные моменты могут быть объяснены условиями, общими для процесса создания стиха у всех поэтов, а различия свидетельствуют о разнице индивидуальных методов работы”⁴⁴.

Наиболее значительные шаги в этом направлении были сделаны Л.И.Тимофеевым в его книге “Слово в стихе”. Ученый обратил внимание на новый аспект в изучении вариантов строк различных поэтов XIX — XX в. “Обычно черновики, — писал Тимофеев, — рассматриваются в плане творческой истории произведения, между тем они представляют и самостоятельный интерес при массовом их рассмотрении, так как позволяют судить об отношении писателя к различным сторонам слова вообще, поскольку в них идет отбор нужных писателю сторон слова”. “Обращение к вариантам вводит новый, до сих пор не привлекавшийся материал для изучения художественного творчества, который позволяет нам подойти к его характеристике не в умозрительном плане, толкуя уже готовый текст, выделяя в нем те или иные черты на основе той или иной субъективной концепции творческого процесса, но наблюдая то, что дано нам самим поэтом, прослеживая те изменения слова, которые производил он сам, учитывая закономерности, которые обнаруживаются в процессе его работы над рядом произведений, сопоставляя эти закономерности с опытом других поэтов”. “Располагая большим количеством этих вариантов (в пределах нескольких тысяч строк различных авторов), мы можем заметить некоторые доминанты выбора, известную иерархию тех или иных сторон слова, которые поэт предпочитает. Сравнивая варианты различных произведений ряда поэтов, мы сможем наметить и индивидуальные особенности этого выбора, и сходства между ними, свидетельствующие о некоторых общих закономерностях творческого процесса применительно к слову и его смысловому, звуковому, ритмическому и т. д., так сказать, содержанию”⁴⁵.

Опыт работы с есенинскими рукописями привел нас к мысли, что это положение стоит рассмотреть в более широком контексте. Здесь любопытны не только закономерности выбора того или иного варианта строки. “Даже самое поверхностное

знакомство с их творческими рукописями, — заметил А.Д. Михайлов, сравнивая рукописи Льва Толстого и Марселя Пруста, — сопоставление последних говорит о каких-то общих или сходных чертах творческого процесса, каким мы можем себе его представить у того и другого”⁴⁶. Однако сравнительный и аналитический методы исследования важны не только для собственно текстологических исследований рукописей художников близких по своей творческой манере, но и для теоретического анализа материалов, добытых текстологами, изучающими творчество самых разных писателей. Для поэта вопросы заключаются в том, как и на каком этапе работает автор над общим планом произведения, когда уточняет строфику и композицию, когда фиксируются на бумаге интонационные особенности стихотворной речи? Как поэт осуществляет в стихе отбор средств выразительности?

Понятие творческой истории произведения включает этапы, не зафиксированные писателем на бумаге, например, рождение замысла будущего произведения, изучение темы и др. Работа писателя над текстом, как правило, также проходит определенные стадии. Стоит выделить и проанализировать эти стадии — начальную стадию — “заготовки” и записные книжки, вторую стадию — черновики, третью — беловые автографы и, наконец, подготовку текстов к печати.

Очевидно, что уже первая начальная стадия работы над текстом имеет свои закономерности, общие черты и неповторимые особенности. “В поэтической работе, — писал Маяковский, — есть только несколько правил для начала поэтической работы. И то эти правила — чистая условность. Как в шахматах”⁴⁷. Изучая особенности начала работы над стихом, можно заметить, что одни поэты, например, Блок и Маяковский много времени уделяли письменным заготовкам и предварительным наброскам и вели записные книжки, другие, как Некрасов, сочиняли стихи, прохаживаясь по комнате и вслух произнося их. Пушкин “редко <...> садился за стол записать уже придуманные, хотя бы в общих чертах сложившиеся в голове стихи, как большинство поэтов. Большею частью Пушкин творил с пером в руках; он заносил на бумагу почти все моменты своей творческой работы: целый стих, часть стиха, отдельные слова, иногда в полном беспорядке”⁴⁸. Есенин, как и Тютчев, нередко записывал стихи уже завершенными, начальная стадия работы над стихотворениями в этих случаях не фиксировалась на бумаге. Вместе с тем Есенин был очень разнообразен в своих творческих приемах и как бы совмещал самые разные творческие манеры: и пушкинскую и тютчевскую. Это подтверждается воспоминаниями очевидцев и анализом рукописей поэта.

“У Есенина была своеобразная манера в работе, — писал И.И.Старцев. — Он брался за перо с заранее выношенными мыслями, легко и быстро облекая их в стихотворный наряд. Если это ему почему-либо не удавалось, стихотворение бросалось. Закинув руки за голову, он, бывало, часами лежал на кровати и не любил, когда его в такие минуты беспокоили. Застав однажды Есенина в таком состоянии, Сахаров его спросил, что с ним, Есенин ответил: “Не мешай мне, я пишу” (1, 412). Вспоминали, что Есенин любил работать наедине, “не вылезая из кабинета” (2, 324). “В такие часы он оставался один, и телефон выключался” (2, 304). Это отличает привычки Есенина от Маяковского, который вышагивал свои стихи на улице или бормотал в вагоне трамвая. Но были и другие наблюдения. М.П.Мурашев, например, вспоминал: “Обычно Есенин слал стихотворение в голове целиком и, не записывая, мог читать его без запинки <...>. Читал, а сам чутко прислушивался к ритму. Затем садился и записывал. <...> Прочитанное вслух стихотворение казалось вполне законченным, но когда Сергей принимался его записывать, то делал это так: напишет строчку — зачеркнет, снова напишет — и опять зачеркнет. Затем напишет совершенно новую строчку. Отложит в сторону лист бумаги с начатым стихотворением, возьмет другой лист и напишет почти без помарок. Спустя некоторое время он принимался за обработку стихов; вначале осторожно. Но потом иногда изменял так, что от первого варианта ничего не оставалось” (1, 188). А.А.Козловский считает, что в такой манере работы можно найти объяснение тому, что среди рукописного наследия поэта, особенно ранней поры, сравнительно немного черновых рукописей (I, 427). Вместе с тем, мы знаем, что черновики, в том числе и ранней поры было гораздо больше и многие из них поэт, возможно, сознательно уничтожил.

Современники сравнивали Есенина с Моцартом, имея в виду не только гениальность и артистичность его природы, но и легкость, с которой он творил. Далеко не каждый знал, каким великим тружеником был этот поэт. В.Г.Шершеневич, близко знавший Есенина, писал вскоре после смерти поэта: “Теперь уже стало общей фразой, что “Есенин пел, как соловей, что у Есенина стихи выливались непосредственно из сердца”. Никогда и ничего в поэзии само собой не выливается. Это — фраза. Такая же фраза, как то, что детей приносят аисты. Когда Есенин садился писать стихи, у него была такая манера, что он должен был положить перед собой целую кучу разорванных листочков, положенных один на другой, и для какого-нибудь маленького стихотворения в 16–20 строк он писал сначала первую строку на

одном листочке, потом перечеркивал, писал снова и на всей странице оставалось не больше двух строчек, а иногда даже два слова. Эти два оставшиеся слова он переносил на следующий листок и своим ровным мелким почерком исписывал вторую страничку; когда эти 20 строчек были готовы, обыкновенно бывало исписано 20—30 черновиков, не похожих один на другой — от первого наброска до последнего стихотворения не оставалось ничего общего. Дав фотографу сфотографировать эти листки, можно было бы показать наглядно, что значила та работа, которая приводила Есенина к бесконечной нежности, к бесконечной теплоте его стихов, которой мы так восхищаемся⁴⁹. Художник и писатель Юрий Анненков также вспоминал “о тех редких встречах без посторонних свидетелей, когда Есенин скромно, умно и без кокетства говорил об искусстве. Говорил, как мастер, как работник. Распространенное мнение о том, будто Есенин был поэтом, произведения которого слагались сами собой, без труда, без кройки, совершенно неверно. Я видел его черновики, зачеркнутые, перечеркнутые, полные помарок и поправок, и если строи его поэзии производят впечатление стихийности, то это лишь секрет его дара и его техники, о которой он очень заботился”⁵⁰.

Черновики — вторая стадия творческой работы над текстом, которая дает наиболее богатый материал для наблюдений и обобщений. Чехов писал: “рукописи всех настоящих мастеров испачканы, перечеркнуты вдоль и поперек, потерты и покрыты латками, в свою очередь перечеркнутыми”⁵¹. Л.И.Тимофеев в книге “Слово в стихе” обобщил работу многих писателей и показал, какое значительное место занимают варианты в их работе. “У Пушкина в “Борисе Годунове” на 1 500 с лишним строк приходится более 700 вариантов, в “Графе Нулине” на 370 строк вариантов 356, в “Евгении Онегине” на 5000 с лишним строк вариантов более 6 000... <...> На две с лишним тысячи строк “Горя от ума” у Грибоедова около тысячи вариантов. <...> По данным В.Орлова, у М.Цветаевой некоторые строки даны в 10, 20, 40 вариантах, а в одном случае даже в 80”⁵². В.Маяковский в статье “Как делать стихи” отметил, что строки “В этой жизни помереть не трудно...”, которые он делал “наизусть” имели не менее 50—60 вариантов⁵³. Так же взыскательно работают над текстом прозаики. Л.Толстой, например, “твердо отстаивал малейшее свое выражение... <...> он обдумывает каждое свое слово, каждый оборот речи не хуже самого щепетильного стихотворца”⁵⁴. “Надо, главное, не торопиться писать, — отмечал писатель, — не скучать поправлять, переделывать, десять, двадцать раз одно и то же”⁵⁵. И в письме к В.Г.Черткову: “... чтобы из 1000 мыслей избиралась одна, и потом эта одна мысль из

1000 мест, в которые она может быть помещена, находила бы, наконец, одно свойственное ей место”⁵⁶.

Прочтение и расшифровка черновиков Есенина — не только практическая, но и теоретическая задача исследователей. Выделение слоев авторской правки, расшифровка есенинских строк, написанных мелким бисерным почерком зачастую карандашом, густо зачеркнутых или стертых и выцветших от времени явилось крайне трудоемкой работой. В настоящее время при подготовке третьего тома академического издания в черновике “Пугачева” прочитаны и опубликованы целые пласты нового есенинского текста и одновременно очень внимательно изучены более мелкие и подчас почти нечитаемые замазанные химическим карандашом отдельные слова и даже части слов. И все же к этому бесценному подлиннику еще будут обращаться текстологи и делать ценные уточнения или добавления. Но для дальнейшего прогресса в области текстологии необходима разработка методов расшифровки есенинских черновиков, а также глубокие психологические исследования творческой лаборатории Есенина.

Важно иметь в виду, что методы работы писателей с черновиками довольно индивидуальны у каждого автора. Есенин, например, в отличие от Пушкина, Блока и Маяковского редко оставлял пустые места для середины строки и не ставил “безразличные” эпитеты (термин О.М.Брика). Такие эпитеты Блок заключал в скобки, чтобы указать, что они вставлены временно⁵⁷. Маяковский писал о первой строке стихотворения “Сергею Есенину”: “Вы ушли ра ра ра в мир иной” и т. д. Что это за “ра ра ра” проклятая и что же вместо нее вставить?”⁵⁸.

Есенин в сохранившихся черновых автографах поэм как правило сразу находил слова, их место в строке, в том числе эпитеты, имеющие конкретные признаки и целиком записывал строки и даже строфы, а затем упорно и тщательно их правил, нередко по несколько раз зачеркивая и записывая одно и то же слово. Для этой правки поэт предусмотрительно делал между строчками большие пробелы, которые затем заполнялись мелко записанными вариантами слов или строк. В их послыном прочтении помогают присущие этим записям строгие закономерности. Следующая после первой строка записывается не под ней или над ней и на расстоянии, как у Пушкина⁵⁹, а почти всегда над ней, рядом со строкой и чуть отступая слева, так, что каждое следующее слово написано над зачеркнутым и почти вплотную, и все больше отступая от левого края страницы. Когда места наверху не хватало, поэт продолжал записывать варианты ниже, также последовательно — слово, часть строки, строку под строкой и

также отступая — каждое следующее слово все больше слева направо.

Ряд строк сбоку страницы обычно записаны после того, как написаны следующие строки и отмечены знаками вставки. Исключения из этих правил встречаются довольно редко. Поэтому можно сказать, что черновики Есенина раскрывают поэта с совершенно неожиданной стороны как чрезвычайно организованного человека. Привычный строгий порядок в расположении и исправлении строк почти всегда. Но когда не хватает места Есенин “нагромождает слово на слово” или делает вставки так, что у него из рукописи совсем как у Пушкина “получается целая сеть с трудом разбираемых строчек, паутина, в которой запутывается читатель его рукописей, и вместе с тем <...> драгоценный документ, если мы умеем его правильно и точно расшифровать”⁶⁰. Наблюдение над методами работы Есенина над рукописями существенно продвинет дальнейшие исследования рукописного наследия поэта, прочтение тех или иных имеющихся спорных или сомнительных слов и строк.

Рукопись поэта сама по себе может рассказать о многом, даже передать душевный настрой автора, его отношение к тому, что он пишет. Спокойный аккуратный почерк или усталые, нервные наброски строк и слов, остановки и рисунки на полях любимой седьмой и восьмой главы “Пугачева” — их анализ имеет серьезное научное значение. Нередко рукописи Есенина отражали эмоциональное состояние поэта. Впечатление от одной из есенинских рукописей, “кажется из “Москвы кабацкой” передавала Г.А.Бениславская: “Я взглянула на рукопись и испугалась сама: почерк-то его, но видно, что писал совсем невменяемым. Сама не понимаю, но было что-то жуткое в этих по-есенински расставленных буквах, в каждой из которых было такое нечеловеческое напряжение и дикое мучение мечущегося человека, что даже мне, далекой от таких мистических восприятий, почудилось, что смерть стояла рядом с его плечом, когда он записывал”⁶¹.

Есенин был одним из наиболее взыскательных и трудолюбивых мастеров слова. Полностью сохранившийся черновик “Пугачева” — самая большая известная в настоящее время рукопись Есенина по объему в четыре раза превышает текст поэмы. Некоторые строки имеют до тридцати одного варианта. Если учесть, что у Есенина далеко не все варианты записывались на бумаге, их могло бы быть гораздо больше. В черновике “Пугачева” зафиксированы все этапы работы поэта (даже наброски, не вошедшие в текст, творческие пометы и рисунки — иллюстрации с подписями и т.д.). Здесь имеется даже несколько поэтических

заготовок, удачно найденных автором в процессе работы и намеренно оставленных “про запас” и использованных позже. Приведем две таких заготовки разного характера. Одна из них — творческая помета Есенина на обороте 35 листа (конец четвертой главы) — “Приидите ко Мне все озлобленные и я успокою вас”, которая соотносится с первым вариантом монолога Пугачева из четвертой главы “Приидите ко мне кто хоть чем-нибудь недоволен”. Помета имеет библейский источник — слова Христа “Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою Вас” (Мф. XI, 28). В окончательном тексте поэт отказался от этих слов, заготовка оказалась не использованной, но движение творческой мысли Есенина чрезвычайно важно для понимания образа Пугачева.

Процесс рождения последних слов Пугачева “Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...” еще более любопытен. Их праобраз возник еще в седьмой главе сначала в 15 слое 785 ст. монолога Творогова “Вы трезво взвесить все должны, мои хорошие” — строка написана трижды и трижды зачеркнута (III, 306), затем в ответной реплике Чумакова “Как же можно? Родные мои! Хорошие!” Эти удачно найденные слова автор зачеркнул, приберег их для заключительного монолога Пугачева, который имеет кольцевую композицию, начинается со слов “Дорогие мои, хорошие // Что случилось? Что случилось? Что случилось?” и заканчивается строкой: “Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...” (в черновом автографе, как обычно, еще не проставлены знаки препинания). По своей интонационной выразительности и многозначности последняя строка “Пугачева” сравнима разве лишь с пушкинской из “Бориса Годунова”: “Смешно? а? что? что ж не смеешься ты?” или репликой Сальери “Постой, постой! Ты выпил!.. без меня?”

Главная особенность черновика, о которой очень точно сказал Б. Томашевский — это “его текучесть, постоянная изменчивость”⁶². “Компоновка не передает всего чернового материала, так как она снимает какой-то один слой работы, в то время как самый черновик свидетельствует о некотором процессе, являясь документом творческого движения”⁶³. Это творческое движение, этот творческий процесс в свою очередь дает богатый материал для изучения языка поэта и его поэтики. Учет вариантов Пушкина для дополнительного пятого тома “Словаря языка Пушкина” значительно расширил наше представление о словаре поэта, так как дал 1 600 новых слов. Создание “Словаря языка Есенина” на базе подготовленного академического собрания его сочинений — сложная и трудоемкая, но совершенно необходимая работа. Составителям этого словаря придется решать сложнейшие

вопросы многозначной семантики слова в есенинском тексте, значения устаревших и диалектных слов, неологизмов и мн. др.

Недавно появилась очень интересная работа А.Н.Захарова и А.П.Зименкова “Словарь рифм Есенина”, составленная ими на основе шеститомного научного издания⁶⁴. Вскоре потребуются ее новое доработанное издание с учетом данных академического издания, в частности, раздела “Варианты”.

Как показал Л.И.Тимофеев, варианты могут быть рассмотрены также с точки зрения мотивировки выбора тех или иных стихотворных средств. Ученый отметил “удивительную устойчивость соотношения <...> типов вариантов” таких разных поэтов, как Пушкин, Блок и Маяковский. Даже беглые предварительные наблюдения говорят о том, что у всех трех поэтов замена слова дает соответственно у Пушкина 17, у Блока 22 и у Маяковского 26 %. «Грамматическая, языковая правка — 22, 14 и 23 %. <...> Следующую группу составляют варианты с отказом от звуковых повторов: Пушкин — 11, Блок — 9, Маяковский — 10%. Далее идут многозначные варианты: 30, 33, 20 %. И, наконец, подчеркнутая организация дает у трех поэтов соответственно: 20, 22 и 21%»⁶⁵. Варианты Есенина также ждут специального исследования с точки зрения мотивации выбора слова.

Вероятнее всего рождение общего плана и композиции крупных произведений является особым этапом работы над текстом. С.Бонди выделял у Пушкина особый вид черновиков — планы и программы произведений. «Они отличаются от всех <...> видов текста тем, что в них работа автора происходит не над текстом, не над лексикой и синтаксисом его (так как планы не входят в самый текст готовящегося произведения), а только над содержанием и композицией» (например, серия планов “Романа на Кавказских водах”)⁶⁶. Такие черновики у Есенина единичны и они относятся к планам авторских книг, сборников или разделов в них. Планы больших поэм в общем первоначальном виде складывались у Есенина в голове, а затем уточнялись в процессе работы над содержанием. Своего “Пугачева” Есенин строил в начале как драматическую пьесу. Доказательством этого является зачеркнутые обозначения второй и третьих глав “Действие второе” и заключительная ремарка второй главы “Занавес”. Первоначально каждая глава имела самостоятельную пагинацию. На следующем этапе работы Есенин обозначил восемь частей драматической поэмы цифрами. Затем две из восьми частей получили название: четвертая “Происшествие на Таловом умёте” и шестая “В стане Зарубина” (как в основном тексте). Остальные части в черновике заглавия не имели.

Позже сам поэт называл восемь частей “Пугачева” главами — см. дарственную надпись на книге “Пугачев” (М., Имажинисты, 1922) для Г.А.Бениславской: “Милой Гале, виновнице некоторых глав. С.Есенин. 1922, январь” (после смерти Бениславской находилась в архиве ее подруги, А.Г.Назаровой⁶⁷, в настоящее время, по словам ее дочери, Г.С.Назаровой, местонахождение не известно).

Сохранившиеся рукописи Есенина показывают, что композиция, в том числе и строфика, окончательно формировалась у поэта на уровне белого автографа или машинописи. В белом автографе “Анны Снегиной” композиционное деление внутри глав с помощью “звездочек” и отточий между строк появляется впервые, но проведено еще непоследовательно. В черновом автографе “Песни о великом походе” и “Поэмы о 36” (под названием “26. Баллада”) композиция и строфика также не оформлены. Более того, здесь нет и разделения строк на полустишия. Окончательный ритмический рисунок строки и строфы в “Поэме о 36” дан после написания черновика и записан справа сбоку как образец для белого автографа. Эти наблюдения над формированием композиции и строфики Есенина и других поэтов могут дать чрезвычайно интересные результаты для наблюдений над процессом рождения стиха.

Важной проблемой является изучение роли интонации в работе поэта над словом. “Стих, — справедливо писал Томашевский, — так сказать, обогащает речь новыми знаками препинания, так как он членит речь ритмически, и это дает ему возможность оживлять те формы интонации, которые малодоступны прозе”⁶⁸. Важным средством передачи интонации в стихах являются знаки препинания. Блок очень верно заметил, что “душевный строй истинного поэта выражается во всем, вплоть до знаков препинания”⁶⁹.

Известно, что Есенин уделял особое внимание интонационным знакам препинания. С.А.Толстая-Есенина, готовя в 1940 г. собрание сочинений поэта, давала указание для редакции: “В части пунктуации прошу считаться с проставленными мною восклицательными и вопросительными знаками и многоточиями. Они проверены мною по рукописям. Запятые и точки можно ставить в обычном порядке”⁷⁰. Специального статистического обследования есенинской пунктуации мы не проводили, но наши наблюдения позволяют сказать, что Есенин очень любил вопросительные знаки, часто ставил вопросы, хотя нередко сам же давал на них ответы. Но самое удивительное состоит в том, что даже при таком внимании к интонационной и звуковой стороне стиха Есенин, как правило, не ставил знаков препинания в

черновых автографах и нередко скудно проставлял их в беловых. Зато проявлял к ним пристальное внимание на последнем этапе работы, готовя рукопись или машинопись к печати. Примером может служить список “Песни о великом походе”, выполненный В.И.Эрлихом, машинопись “Анны Снегиной” и последний по счету список “Черного человека”, выполненный С.А.Толстой-Есениной, хранящийся в Вяземском музее “Сергей Александрович Есенин” и предоставленный нам П.Н.Пропаловым⁷¹.

Любопытно, что такая же закономерность наблюдается и у Маяковского. В его рукописях не только отсутствует пунктуация, но первоначально строки даже не разбиты на подстрочия. Позже поэт проставляет в строчках косые линии, которыми обозначает принятую им разбивку строки. “Отсутствие пунктуации, — заметил В.Тренин, — вообще является одной из характернейших особенностей рукописей Маяковского (не только черновых, но и беловых). Он никогда не был тверд в правилах пунктуации и, сдавая свои стихи в перепечатку на машинке или в набор, характерно заявлял: “А знаки препинания расставьте сами. Я гимназии не кончил”.

В своей литературной автобиографии Маяковский иронически указывает на царскую цензуру как на причину его пренебрежительного отношения к правилам пунктуации: “...Один Брик радуется...Напечатал “Флейту-позвоночник” и “Облако”. Облако вышло перистое. Цензура в него дула. Страниц шесть сплошных точек.

С тех пор у меня ненависть к точкам. К запятым тоже”⁷². Являются ли эти особенности общими для работы поэтов над текстом, можно будет увидеть, осуществив специальное исследование на большом материале, рассмотрев рукописи разных авторов.

Итак, поставленные нами проблемы и проведенные в связи с ними наблюдения очевидно показывают не только многообразие проблем, которые требуют внимания специалистов, изучающих творчество Есенина. Они убеждают, в том, какой огромный бесценный материал дает текстология литературоведу, историку и теоретику, а также лингвисту и психологу, какие огромные перспективы для понимания не только частных, но и общих закономерностей творческой работы писателей открывает эта наука.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ушаков А.М. История русской литературы XX века и современная текстология (из опыта подготовки полного академического собрания сочинений В.В.Маяковского) // Современная текстология: теория и практи-

- ка. М., 1997. С. 74; см. также: *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты технологии. М., 1998.
- 2 *Эспань М.* О некоторых теоретических задачах современной текстологии // Современная текстология: теория и практика. С. 4.
  - 3 *Лихачев Д.С.* Задачи текстологии // Лихачев Д.С. О филологии. М., 1989. С. 179; см. также: *Мейлах Б.С.* Психология художественного творчества // Вопр. лит. М., 1960. № 6. С. 71–72.
  - 4 См. об этом в кн.: *Тимофеев Л.И.* Слово в стихе. 2-е, доп. изд. М., 1987. С. 130 и 363.
  - 5 *Субботин С.И.* Авторские датировки в “Собрании стихотворений” Сергея Есенина (1926): Невостребованные документальные материалы // журн. “De visu”, М., 1993. № 11. С. 58–61.
  - 6 *Прокушев Ю.Л.* Истина — всегда конкретна (О некоторых проблемах академического издания Есенина) // Есенин академический. Есенинский сб. Вып. II, М., 1995. С. 11–42.
  - 7 *Шубникова-Гусева Н.И.* Загадка десятой строки поэмы С.Есенина “Черный человек” (Текстологические заметки) // Есенин академический. С. 74–92; *Ее же.* Всего одна буква // газ. “Автограф”, М., 1996, № 1; *Прокушев Ю.Л.* Всего одна буква. Текстологические заметки Главного редактора // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сб. Вып. III. М., 1997. С. 375 — 404; *Его же.* Только одна буква. Текстологические заметки // Российский литературоведческий журнал, № 11 (1997). С. 121–149.
  - 8 *Шубникова-Гусева Н.И.* К творческой истории поэмы Есенина “Страна негодяев” // Столетие Сергея Есенина. С. 422–436; *Ее же.* Открытие Страны негодяев // Лит. учеба, М., 1997, № 3. С. 91–130.
  - 9 *Козловский А.А.* Лирика С.А.Есенина (Проблемы текстологии и поэтики). Автореферат на соискание учен. ст. канд. филол. наук. М., 1997. С. 5.
  - 10 *Радзишевский В.* “...Я один и разбитое зеркало...” // Лит. газ., М., 1996. 29 мая. № 22.
  - 11 Подробнее см.: *Субботин С.И.* О датировке писем Есенина 1911–1913 гг. // Столетие Сергея Есенина. С. 405–421.
  - 12 О рукописях Есенина см.: *Заборова Р.Б.* Изучая рукописи Есенина // Русская лит. 1968. №4. с. 155–162; *Рукописи С.А.Есенина. Каталог / Сост. Р.Заборова. Л., 1970. 18 с. / Гос. публ. б-ка им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Ротапринт.*
  - 13 Подробнее об этих списках см. в работах, указ. в п. 7.
  - 14 Другая вырезка хранится в РГАЛИ. Ф. 190, оп. 1, ед.хр. 156.
  - 15 Сергей Есенин в стихах и жизни. В 4-х т. М., Республика, 1995. Т. 3. Письма. Документы. С. 52. Далее ссылки на письма даются по этому изданию в тексте сокр.: Письма — с указ. страниц.
  - 16 *Есенин Сергей.* Полн. собр. соч. в 7 т. М., 1995–1999. Т. 3. 1997. С. 454. Далее ссылки на это издание даны в тексте сокр. с указ. тома и страниц.
  - 17 *Израиднова А.Р.* Воспоминания // С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 145–146. Далее ссылки на это издание даны в тексте сокр. с указ. тома и страниц.
  - 18 РГАЛИ. Ф. 190, оп. 1, ед. хр. 24.

- 19 *Опульская Л.Д.* Некоторые итоги текстологической работы над Полным собранием сочинений Л.Н.Толстого // Вопросы текстологии: Сб. ст. М., 1957. С. 248.
- 20 *Тренин В.* В мастерской стиха Маяковского. М., 1991. С. 54.
- 21 *Вдовин В.А.* Письма к Сергею Есенину // Вопросы лит. 1977. № 6, июнь. С. 236–246, а также в нашем коммент. к поэме в III томе ПСС С.А.Есенина. С. 580–592.
- 22 *Громова-Опульская Л.Д.* Основания “критики текста” // Современная текстология: Теория и практика. С. 23–34.
- 23 ГЛМ. Ф. 4, оп. 1, ед. хр. 268 (а,б, в).
- 24 *Громова-Опульская Л.Д.* Основания “критики текста”. С. 33.
- 25 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1955 <Репринт. изд. 1882 г.>. Т. 4. С. 671.
- 26 Сводный словарь современной русской лексики. В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 734.
- 27 *Козловский А.А.* Лирика С.А.Есенина (Проблемы текстологии и поэтики). С. 21.
- 28 См. указ. статью *Ю.Л.Прокушева* “Всего одна буква”, в которой сделана попытка доказать несостоятельность гипотезы об исправлении автором 10-й ст. поэмы.
- 29 *Ветлугин А.* Нежная болезнь// Накануне, Берлин, 1922, 4 июня. Лит. приложение № 6.
- 30 Словарь современного русского литературного языка в 20 т. Изд. 2—е. М. Т. 1. 1991. С. 388.
- 31 *Бонди С.* Черновики Пушкина. М., 1971. С. 6.
- 32 *РГАЛИ.* Ф. 190, оп. 1, ед. хр. 41
- 33 *ИМЛИ.* Ф. 32, оп. 1, ед. хр. 38.
- 34 *РГБ.* Ф. 393, карт. 2, ед. хр. 14.
- 35 Подробнее см.: *Шубникова-Гусева Н.* “Была бы душа жива...”// Лит. учеба, 1997, № 3. С. 138.
- 36 См. *Шубникова-Гусева Н.И.* Диалог как основа творчества Есенина // Столетие Сергея Есенина. С. 130–159.
- 37 См. *РГАЛИ.* Ф. 190, оп., 1, ед. хр. 156, а также личное собрание Ю.Л.Прокушева.
- 38 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 159; Словарь современного русского литературного языка в 17 т.; Орфографический словарь русского языка под ред. С.И.Ожегова и Орфографический словарь под ред. С.Г.Бархударова и др.
- 39 Это было на первом публичном чтении “Анны Снегиной”, которое состоялось в Доме Герцена в Москве на собрании лит. группы “Перевал” в марте 1925 г. (III, 648–650).
- 40 Газ. Бакинский рабочий, 1925. 1 мая. № 95, 3 мая, № 96.
- 41 *РГАЛИ.* Ф. 190, оп. 1, ед. хр. 63.
- 42 Журн. “Звезда”, Л., 1924. № 5 <ноябрь>.
- 43 Газ. “Заря Востока”, Тифлис, 1924, 14 сент., № 677.
- 44 *Тренин В.* В мастерской стиха Маяковского. С. 40.
- 45 *Тимофеев Л.* Слово в стихе. С. 64, 70, 68–69.

- 46 *Михайлов А.Д.* Сравнительная текстология: Теория и практика // Современная текстология: теория и практика. С. 60.
- 47 *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. в 13 т. М., 1955–1961. Т. XII. 1959. С. 86–87.
- 48 *Бонди С.* Черновики Пушкина. С. 12.
- 49 *Шершеневич В.* О друге // Сб. Есенин, Жизнь, Личность, Творчество. М., 1926. С. 53.
- 50 Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, статьи, рецензии. В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. Н.И.Шубниковой-Гусевой. М., 1993. Т. 1. С. 115.
- 51 *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем в 13 т. Письма, т. 4. М., 1976. С. 115.
- 52 *Тимофеев Л.* Слово в стихе. С. 64–65.
- 53 *Маяковский В.* Полн. собр. соч., т. XII. С. 115.
- 54 Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников, т. 1, М., 1978. С. 238.
- 55 В мире Толстого. М., 1978. С. 497.
- 56 *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. т. 86. М.—Л.; 1937. С. 27.
- 57 *Тренин В.* В мастерской стиха Маяковского. С. 43.
- 58 *Маяковский В.* Полн. собр. соч. Т. XII. С. 115.
- 59 *Бонди С.* Черновики Пушкина. С. 164.
- 60 *Бонди С.* Черновики Пушкина. С. 13.
- 61 *Бениславская Г.А.* Воспоминания о Есенине // С.А.Есенин. Материалы к биографии. М., 1993. С. 60–61.
- 62 *Томашевский Б.В.* Писатель и книга. Очерк текстологии 2-е изд. М., 1928. С. 106.
- 63 Там же. С. 117–118.
- 64 Словарь рифм С.А.Есенина / Сост. А.Н.Захарова и А.П.Зименкова // Российский литературоведческий журнал, № 11 (1997). С. 149–230 Б.
- 65 *Тимофеев Л.* Слово в стихе. С. 129.
- 66 *Бонди С.* Черновики Пушкина. С. 181, 182.
- 67 См. *Ломан А.П., Земсков В.Ф.* Дарственные надписи С.А.Есенина (Инскрипты) // журн. “Русская литература”, Л., 1970. № 3. С. 162.
- 68 *Томашевский Б.В.* Стих и язык. М., Л.; 1959. С. 166–167.
- 69 *Блок А.А.* Собр. соч. в 8 т. М., Л.; 1960–1963. Т. V. 1962. С. 515.
- 70 См. ГЛМ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 276/2.
- 71 Подробнее об этом списке см. указ. в п. 7 статью в газ. “Автограф”, М., 1996, № 1.
- 72 *Тренин В.* В мастерской стиха Маяковского. С. 160–161.

ПРОБЛЕМЫ ТОПОНИМИКИ В ИЗДАНИЯХ ЕСЕНИНА

Проблема топонимики как системы поиска географических названий в сочинениях Есенина, составления их перечня и всестороннего комментирования в есениноведении не ставилась. В академическом типе издания ПСС писателя итогом научно-разыскательской работы по географической тематике должен стать Указатель топонимов. Относясь к справочному разделу заключительного тома ПСС, топонимический (географический) указатель может быть построен двояко: 1) включать только названия административно-территориальных и ландшафтных единиц; 2) давать их расшифровки.

По своему составу и объему Указатель предназначается для исполнения следующих функций: 1) являться полным перечнем имеющихся непосредственно в сочинениях Есенина топонимов; 2) служить “ключом” к отысканию в издании всех упоминаемых топонимов — как есенинских, так и помещенных в корпусе комментариев. Если рассматривать первый тип Указателя только как набор географических названий, специально не структурированных по какому-либо принципу, то его лексика входит в качестве составной части в Словарь языка Есенина и растворяется в нем. Структурировать же топонимический указатель можно по выделению разделов: 1) собственно географические названия — с подразделением их на административно-территориальные и ландшафтные единицы (континенты, страны, губернии, города, села, деревни; океаны, моря, реки, озера; горы, холмы и т.д.); 2) космонимы (названия созвездий, звезд, планет и их спутников и др.); 3) экклезионимы (обозначения монастырей, скитов, церквей, часовен, пустыней и иных мест религиозного поклонения); 4) мифологические и фольклорные наименования; 5) библейские; 6) вымышленные автором; 7) созданные др. писателями. Естественно, тип указателя-”ключа” следует составлять лишь после проведения всеобъемлющей предварительной работы по выявлению в есенинских текстах всех топонимов (с авторскими вариантами их написания) и по объяснению их контекстуального смысла.

Предварительные итоги разрешения топонимической проблемы в есениноведении представлены в различных типах изданий сочинений поэта, выпущенных в свет в период празднования 100-летия со дня его рождения. Достигнутые результаты таковы.

Во-первых, комментируются топонимы и их дериваты: «...балахнинский май... — 1 мая 1925 г. Есенин был на рабочей массовке в пригороде Баку Балаханы» (комментарий к стихотв. «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...»), «И голгофят снега твои... — Голгофа — холм близ Иерусалима, где, по библейским преданиям, был распят Христос» (коммент. к «Пришествию»¹). Во-вторых, топонимы с их расшифровками раскиданы по примечаниям к отдельным жанрам (напр., к письмам²) и к конкретным произведениям, приведены в специальных словариках (см. «Из Есенинского словаря»³). В-третьих, объяснения топонимов разнохарактерны.

Разнородность определений проявляется в следующем:

1) комментатор обозначает тип географического объекта и сообщает его картографические координаты, то есть дает территориальную привязку («Умба — пристань на Белом море» — коммент. к «Небо ли такое белое...»⁴; «Чаган — река в Оренбургской области России и Уральской области Казахстана» — коммент. к «Пугачеву»⁵);

2) составитель дополняет географические сведения культурологическими, а также письменными свидетельствами самого поэта («Шираз — город на юге Ирана, где родились Саади и Хафиз. В письме к Г.Бениславской от 8 апреля 1925 г. Есенин писал: «Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики. И недаром мусульмане говорят: если он не поет, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Шираза» — коммент. к «Шаганэ ты моя, Шаганэ!»⁶);

3) исследователь в примечаниях привлекает воспоминания современников о суждениях Есенина насчет употребленного им в своем произведении топонима («Про свою «Инонию», еще никому не прочитанную и, кажется, только задуманную, он заговорил со мной однажды на улице, как о некоем реально существующем граде, и сам рассмеялся моему недоумению: «Это у меня будет такая поэма... Инония — иная страна»...» — В.С.Чернявский⁷);

4) комментатор помещает отклики современников поэта на его географические названия (напр., приведены раздумья Ю.К.Олеши: «Вернувшись из Америки, он <Есенин> напечатал... в «Известиях» впечатления о Нью-Йорке, назвав их «Железный Миргород». Мою радость по поводу этого хорошего названия я помню до сих пор... — «Железный Миргород», — громко прочитываю я, как видно, приглашая кого-то тоже порадоваться хорошему заголовку»⁸);

5) дается перевод иноязычного топонима, хотя и без пометы, что это калька, и без отсылки к иностранному слову (напр., «Елеон — Елеонская, или Масличная, гора близ Иерусалима; по библейской легенде, место “вознесения” Христа на небо» — коммент. к “Пришествию”⁹);

6) вводится указание на источник сведений о топониме, правда, часто непоследовательно и только относительно христианской книжности (“по Библии”, “как рассказывается в Библии”, “по библейскому преданию”, “по легенде”¹⁰);

7) сообщаются биографические данные, связанные с географическим наименованием (напр., “Я объездил все государства Европы... — В мае-сентябре 1922 г. Есенин побывал в Германии, Бельгии, Италии и Франции” — коммент. к “Железному Миргороду”¹¹);

8) приводятся литературные аллюзии, помогающие уловить в топониме вместо точного географического пункта обозначение важного культурного или политического явления (напр., «Вашингтон получил сведения... что мы... большевистские агитаторы... — 3 октября 1922 г. газета “Нью-Йорк гералд” опубликовала заявление чиновника иммиграционной службы: “Ввиду продолжительного пребывания Айседоры в России и факта, что молва давно связала ее имя с Советским правительством, правительство Соединенных Штатов имело основания полагать, что она могла быть “дружеским посланцем” Советов...”¹²).

К недостаткам топонимических трактовок относятся следующие.

Во-первых, при достаточных перекрестных отсылках к разным есенинским произведениям, содержащим один и тот же топоним, помимо первой (основной) трактовки даются еще дополнительные, причем не всегда верные (напр., Назарет комментируется трижды — в коммент. к “Тучи с ожереба...” и “Певущему зову”, хотя достаточно было бы приведенного определения — “Новый Назарет — то есть источник новой веры; в Назарете (город в Галилее), согласно Библии, было предсказано рождение Иисуса Христа; затем он жил в Назарете и начал там свою проповедь”¹³).

Во-вторых, все составители используют опыт предыдущих комментаторов, и поэтому трактовка топонимов часто дословно повторяется в разных изданиях. Тем не менее в различных сборниках допускаются разные объяснения одного топонима, иногда ошибочные: напр., гора Фавор, где совершилось преображение Христа, обозначена как “город вблизи Назарета”¹⁴. Было бы желательно учитывать имеющиеся достижения в области топонимических разысканий поэтики Есенина и дополнять их новыми достоверными сведениями.

В-третьих, подборка топонимов случайная, без какой-либо видимой системы, обусловлена личными находками составителей сборников и ориентированностью изданий на читателя определенного региона. Напр., в одном комментарии к “Песни о Евпатии Коловрате” сообщается о том, что “Улыбыш (*Улыбушево*), Шехмино, Зарайск, Пилево, Ольшаны, Шивая Заводь — топонимы Рязанской губернии”¹⁵, в двух других комментариях — “Зарайская сторонущка — Город Зарайск расположен между Рязанью и Коломною”¹⁶. Причем месторасположение г. Коломны не указано, ибо подразумевается, что московский читатель знает об этом и не перепутает подмосковный городок с петербургским одноименным пригородом, воспетым А.С.Пушкиным в поэме “Домик в Коломне”. Заметим, что все три указанные комментария подготовлены для издательств, находящихся в Москве.

В-четвертых, иногда отсутствуют сведения общекультурного характера, высвечивающие значимость выбора Есениным именно этого топонима из множества подобных. Так, явно недостаточна трактовка: “*Оптина пустынь — мужской монастырь в Калужской губернии*”¹⁷. Не случайно экклезионим получил новое объяснение в т.5 академического ПСС Есенина как “Козельская Введенская Оптиная пустынь Калужской епархии, центр русского старчества” (V, 487).

В-пятых, ономимические топонимы не разграничиваются на обозначения рек и названных по ним населенных пунктов; из пары выбирается только одно географическое наименование — как правило, река, хотя речь иногда идет, наоборот, о городке, что видно из контекста: напр., примечание “*Сакмара — река, правый приток Урала*”¹⁸ к поэме “Пугачев” не приложимо к фразе “Под Сакмарой ударился в бегство”, ибо в ней присутствует синтаксическая модель “под населенным пунктом” (ср.: “за/перед рекой”), но вполне допустимо в обороте “Знаю я, за Сакмарой рабочие // Для помещиков пушки льют”.

Понятие художественной топонимики шире привычной географической. Художественная топонимика обладает глубиной “исторической памяти” и подвержена изменчивости во времени, а в творчестве одного писателя прослеживаются имена, бытовавшие в различные эпохи. Историзм произведения порой ощутишь уже в череде топонимов, обозначающих одну и ту же государственную реалию — страну, город. Давно исчезнувшие или никогда не существовавшие в действительности, но укоренившиеся в народном сознании географические реалии находят себе приют на условной “поэтической карте”. Сама же эта карта располагается в авторском тексте.

Художественная топонимика содержит ценную этнолингвистическую и историко-культурную информацию, преломленную через индивидуальное мировосприятие автора. С названиями географических объектов связаны определенные события не только реальной русской и зарубежной истории, жизнь и деятельность ее выдающихся деятелей, но и домысленные писателем перипетии. Целые исторические периоды предстают не только явленными на самом деле, но и такими, какими они видятся автору, осознающему, как события происходили или могли произойти. На этой почве возникают особые пласты топонимики, сотворенные писателем специально ради создания собственного географического пространства. Но даже если используемые автором топонимы абсолютно реальны, то, будучи включены в уникальную художественную ткань произведения, они приобретают дополнительные значения и коннотации.

Иногда слова, близкие к топонимам, но с более широким спектром значений (условно выражаясь — “потенциальные топонимы”), реализуют заложенные в них “задатки” географических обозначений именно тогда, когда они вовлекаются в авторский текст. Яркий тому пример — библейский термин “рай” в стихотворении “Гой ты, Русь, моя родная...” (1914):

Если крикнет рать святая:

”Кинь ты Русь, живи в раю!”

Я скажу: “Не надо рая,

Дайте родину мою” (I, 51).

Библеизм “рай”, оказавшись в активной позиции внутри последней строфы и находясь в составе противопоставления “Русь (родина) — рай”, обрел все признаки настоящего топонима. Есенин использовал первоначальное богословское значение “рая земного”, в котором обитали сотворенные Богом первые люди, а также антитезу “рай — ад”. Последнюю поэт сильно завуалировал, почти скрыл в тексте: она только подразумевается — что и понятно, ибо признаками ада в контексте стихотворения обладает любимая Есениным родина. Рай же, возведенный поэтом в ранг топонима, стал рассматриваться как возможное (но нежелательное) место жительства лирического героя, географически конкретная (хотя и не локализованная в стихотворении) земная территория. Естественно, в своих землеописательных построениях автор опирался на рассуждения богословов: “Основательно не знают, где находился рай. Определяя местоположение рая, Моисей упоминает о четырех реках, которые орошали Едемский сад. В настоящее время известны из них две — Тигр и Евфрат. Реки Фисон и Геон уподобляют другим названиям. Под Фисо-

ном разумеют Фазис около златообильной Колхиды, под Геонном — Оронт Палестинский”¹⁹. Интересно, что русские (или даже более древние — славянские) засельщики использовали морфему “рай” при именовании своих первопоселений: в Рязанской обл. есть селение Райполье (Шацкого р-на).

По месту нахождения топонимы могут быть подразделены (или, наоборот, объединены) на следующие группы: 1) выведенные в заглавии опубликованной или неизданной книги, раздела, цикла сочинений, произведения; 2) употребленные в подзаголовках; 3) встречающиеся внутри основного текста; 4) указанные в подписи к произведению. В ходе творческой работы писателя топонимы могут перемещаться по всему сочинению: напр., “Новгород” (II, 205) известен только в качестве заголовка в рукописи, а черновой подзаголовок “Марфа Посадница” становится в печатном тексте заглавием.

Бывают случаи, когда топоним присутствовал в первоначальном замысле поэта и потому встречался в автографе-варианте, но потом по авторской воле исчез из окончательного текста: напр., в стихотворении “Этой грусти теперь не рассыпать...” (1924) строка “Это все, отчего на Руси” (I, 345) заменена на “Это все, что зовем мы родиной” (I, 184).

По типу создаваемого в воображении читателя ландшафта в творчестве Есенина различимы топонимы “восточные” (ориентальные) и “среднерусские”, являющиеся для автора точкой отсчета, индивидуальным “центром мира”. Это особенно хорошо просматривается в поэтическом цикле “Персидские мотивы”, соответственно “топонимически озаглавленном”.

Подбор и группировка топонимов, их соседство друг с другом создают масштаб повествования (как правило — масштабность). Омонимы и многозначные слова вырастают в однозначные географические понятия, приобретающие планетарный характер, и соответственно пишутся с заглавной буквы и неслучайно выступают в заглавии: напр., “Капитан Земли” (IV, 214). Аллюзия на упоминание тех же самых топонимов в литературных памятниках минувших эпох создает историческую ретроспективу: напр., в “Песни о великом походе” хорошо просматривается “Донская карта” военных действий, отсылающая к “Слову о полку Игореве” (см.: III, 619).

Топонимика как художественно-изобразительное средство не встречается в ранний период творчества Есенина до 1914 года, т.к. поэта тогда волновали природа и философские абстракции. “Село” (III, 62) оказывается единственным стихотворением с употреблением топонима, но его наличие обусловлено переводным характером произведения (из Т.Г.Шевченко). С 1914 г. то-

понимы выносятся в заглавие и выступают как политическое средство для привлечения внимания читателей к трагедии Первой мировой войны: “Бельгия” (III, 74), “Греция” (II, 96), “Польша” (II, 97). Можно поставить вполне выполнимую исследовательскую задачу выявить периодичность употребления определенных кругов топонимов (революционно-библейских, московских и др.) по годам.

В эпистолярном наследии топонимы входят в названия печатных изданий: “Заря Востока” (IV, 196), “Бакинский рабочий” (IV, 262). В художественных творениях наблюдается усложненное использование подобной “заглавно-издательской” топонимики — происходит игра топонимами:

Ты восхитительна, “Заря Востока”,
Но “Западной” ты лучше бы была (IV, 198).

В другом случае часть света выступает в качестве топонима и пишется с заглавной буквы: “А на Востоке // Здесь // Их было // 26” (“Баллада о двадцати шести”, II, 116).

Вместе с заимствованием цитат у других авторов перекочевывают и входящие в них топонимы: употребленная Есениным фраза “Над омраченным Петроградом” (IV, 199) является первой строкой из “Медного всадника” А.С.Пушкина. Этому же поэту в уста влагает Есенин другую цитату:

Здесь Пушкин в чувственном огне
Слагал душой своей опальной:
”Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной” (II, 107).

Есенинские авторские заглавия, включающие географические обозначения, также могут восходить к географическим названиям сочинений других авторов, в свою очередь опиравшихся на реальные топонимы. Таково происхождение есенинского заголовка очерка “Железный Миргород” (первоначально предполагался цикл статей), отсылающего просвещенного читателя к названию сборника повестей Н.В.Гоголя “Миргород” (V, 386).

Топонимы обладают способностью жанровой характеристики. Группа топонимов (вместе с другими видами имен — как составляющая часть ономастики) выступает в качестве средства имитации фольклорного жанра или его тематической разновидности — напр., городского романа:

Может быть, из Гавра
Иль Марселя
Приплывет
Луиза иль Жаннет,

О которых помню я
Доселе,
Но которых
Вовсе — нет (IV, 210).

Решение вопроса о причинах строгого следования топонимической орфографии в одних произведениях и пренебрежении ею в других следует искать в объективных условиях развития картографии и в индивидуально-творческих задачах автора. Общий подход обусловлен подверженностью топонимики исторической изменчивости, что отражено в слегка отличном написании одних и тех же географических пунктов на картах, в атласах и в справочниках, а также полным (до неузнаваемости) их переименованием. Орфоэпические изменения в топонимах вызваны и носителями диалекта, иногда с внесением дополнительного смыслового оттенка или даже с полным переименованием содержательного наполнения: напр., Иордан — библейская и реально-конкретная река, Иордань — крещенская прорубь в любой речке (см. у Есенина: “голубь Иордана” и “Снова зарею клубится // Мой луговой Иордань”, “Буду тебе я молиться, // Славить твою Иордань...” — IV, 300, II, 58, 60). Иногда бывает трудно отграничить исторически сложившиеся изменения в топонимах, вызванные просторечием и литературными нормами эпох Киевской государственности, Средневековья и нового времени, что также отражено у Есенина: Русь, Уресь и Руссия, Россия, Рассея (“Пришествие”: “Из прозревшей Руссии // Он несет свой крест” — II, 46; ранняя редакция “Сказания о Евпатии Коловрате...”: “Помути ты силу вражию, // Соблуди Уресь кондовую” — II, 199; “Снова пьют здесь, дерутся и плачут...”: “Ты, Рассея моя... Рас...сея...” — I, 170); Петербург, Питер, Петроград, Ленинград. Подобные топонимы (неважно, в нормативной, диалектной или авторской огласовке) необходимы Есенину как способ воссоздания колорита эпохи и образования исторического фона. Вариативное произношение диктует соответствующее написание топонимов (русских по происхождению или иностранных — несущественно): Новгород — Новоград (в “Марфе Посаднице”: Новгород мне вольный ног не лобызает”, “Берегись ты теперь, гордый Новоград” (II, 8-9, 11), Ефрат — Эфрат (I, 254, 368-369). Помимо использования диалектного звучания географического названия Есенин иногда придумывает окказиональные топонимы: напр., неизданную книгу автор предполагал озаглавить “Руссеянь”²⁰ (родственно модели “Голубень”), а заглавием первого ее раздела являлся общепотребительный топоним “Русь”.

Вопрос об игнорировании и соблюдении точности передачи географических названий в художественном произведении очень важен, ибо фонетическая сокращенность реального топонима затемняет понимание текста и даже может направить читательскую мысль по ложному пути: “А за Явором, // Под Украйною” (III, 125), “А за Белградом окол Харькова” (III, 132), ибо г.Явор находится в Польше, а Белград — в Югославии и не имеют отношения к описываемым событиям. Здесь явно требуются уточнения: под первым городом понимается “г.Яворов на Украине, недалеко от Львова”²¹, под вторым подразумевается г.Белгород на юге России.

Национальная (иноэтническая) огласовка топонима употребляется Есениным наравне с русской, но запечатлена в русско-кириллическом написании: “Расшевелил былую Сичь” (II, 250 — в варианте). Украинизм, потерявший в русском звучании национальный колорит, уже требует более конкретного подтверждения своего статуса. Происходит разнесение по двум несоседним строкам сокращенного топонима, в котором именная часть превратилась в самостоятельное обозначение территории и народа одновременно и понятна из контекста:

Ужель проснулось Запорожье
Опять на ляхов воевать,
Ужели голос прежней славы
Расшевелил былую Сечь (II, 185).

Сильно удаленные от России государства, в которых распространена неславянская речь, порождают в русском языке и одновременно в повествовании Есенина множество эквивалентных топонимов: Америка, Амирика (V, 78), Amerika (V, 166, 271), Штаты (V, 164, 166) и др. Для изъяснения патриотических чувств автор идет на искажение топонима ради рифмы:

Они без пива — вдрызг.
Все бредят Нью-Йорком,
Всех тянет в Сан-Франциск (IV, 189).

Хотя правильное русифицированное написание топонима тоже встречается — в прозаическом “Железном Миргороде”, где рифма не довлеет над содержанием: “Идет концерт в Сан-Франциско...” (V, 169).

В творчестве Есенина превалируют сознательные переогласовки иностранных и родных топонимов, но единичные ошибки все-таки встречаются. Неточности в топонимике выявляются методом сличения вариантов: Джигильды — в основном тексте, Джагильды — в черновике “Пугачева”²³.

Уважительно выглядит применение топонима как показателя прогресса:

Что за лошадь паровоз!
Ее, наверное,
В Германии купили (II, 141).

Иную функцию исполняют восточные топонимы в подписях к есенинским поэтическим произведениям, которые в своей совокупности встречаются чаще, чем наименования русских географических пунктов: Тифлис (II, 108), Баку (II, 121; IV, 257, 262), Батум (II, 142; IV, 217). Русский поэт, подчеркивающий в автобиографиях и автобиографических набросках свое происхождение — “сын крестьянина” (V, 1979, 219, 233), гордится тем, что сумел повидать мир.

В упомянутых автобиографиях Есенин помещает перечень топонимов, долженствующих свидетельствовать о широкой географии его странствий как по России, так и за границей: “...началась моя скитальческая жизнь, как и всех россиян за период 1918-21 гг. За эти годы я был в Туркестане, на Кавказе, в Персии, в Крыму, в Бессарабии, в Оренбургских степях, на Мурманском побережье, в Архангельске и Соловках. // 1921 г. я женился на А.Дункан и уехал в Америку, предварительно исколесив всю Европу, кроме Испании” (V, 1979, 227). Некоторые из указываемых поэтом местностей являются реалиями его художественного творчества и оказываются реально существующими территориальными объектами, которые он хотел бы посетить, но не смог (напр., Персию, Китай и Индию). Топонимы как поэтическая данность есенинского сочинительства помогали ему создавать легенду о самом себе, в которой явь неотделима от вымысла. Единственный западный топоним *Берлин* дважды встречается во вспомогательных книжных материалах для берлинских изданий — в автобиографии “Сергей Есенин” 1922 г., написанной для журнала “Новая русская книга”, и во “Вступлении” к сб. “Стихи скандалиста” (V, 1979, 221).

Включая восточный топоним в состав подписи под сочинением (в качестве указателя места написания произведения), Есенин испытывает гордость за свои путешествия. С наименьшим удовольствием поэт указывает в подписи родное село Константиново, в чем заметно прославление места рождения. Аналогично уважительно относился Есенин к биографическим данным своих друзей; упомянутые в связи с ними топонимы указывают на их “малую родину” или настоящее местонахождение:

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край

И выбрал кличку — Клюев...
("О Русь, взмахни крылами..." — I, 110),
"ладожский дьячок" (II, 109).

С помощью нарочно придуманного топонима Есенин намеревался скрыть правдивость своего беллетристического или поэтического произведения, однако не доводил дело до абсолютной маскировки: в селе Радово из "Анны Снегиной" угадывается реальный топоним Радовецкого (Николао-Радуницкого) монастыря, в селе Чухлинке из "Яра" — Чешуево, или Чешово, или даже одноименная деревня²⁴. и т.д.

Наметить объективную периодизацию литературного творчества Есенина можно не только на основании видоизменений авторской поэтики, но и при установлении преобладания топонимов определенного типа в каждый период жизни поэта. Так, можно заметить константиново-рязанские топонимы (в раннем творчестве), библейские (в разгар революций 1917 г. и в начале гражданской войны), донские (во время увлечения автора Петровско-Екатерининской эпохой с событиями на юге Российской империи), восточно-азиатские (во время путешествий в Тифлис, Баку), германские и особенно американские (во время поездки по Европе и США), московские (когда Есенин проживал в Москве) и др. С проблемой топонимики смыкаются краеведческие темы типа "Есенин в Петербурге-Ленинграде", "Есенин в Москве" и т.д.²⁶

Топонимика Московского периода отражена в заглавии сборника "Москва кабацкая", в строках многих вошедших в него стихотворений:

Я *московский*, озорной гуляка.

По всему *тверскому* околотку

В переулках каждая собака

Знает мою легкую походку

(*"Я обманывать себя не стану..."*, 1922, I, 165);

На *московских* изогнутых улицах

Умереть, знать, судил мне Бог

(*"Да! Теперь решено. Без возврата..."*, 1922, I, 167).

Основываясь на национальной традиции восприятия чужих земель, находящихся в разных частях света, поэт характеризует с помощью одного топонима или его деривата другой, придавая ему дополнительный смысловой оттенок:

Ты, Рассея моя... Рас...сея...

Азиатская сторона!

(*"Снова пьют здесь, дерутся и плачут..."*, <1922>, I, 170).

Конкретный российский топоним, написанный с маленькой буквы и во множественном числе, приобретает расширительное значение и общенациональный масштаб:

Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанях

(*"Ты такая ж простая, как все..."*, 1923, I, 189).

"Орфографически противоположный" случай — написание антропонимов с большой буквы содействует превращению их в топонимы: "Затерялась Русь в Мордве и Чуди" (I, 68).

В топонимах наблюдается отражение биографии Есенина (маршруты личных поездок, заглавия его печатных изданий и др.): Баку, Каспий. Противоположный способ ознакомления с топонимами — из книг и понаслышке: Шираз, Новгород и др. Из печатных источников поэт черпает биографические сведения для своих героев и порой наделяет исторических персонажей вымышленными жизнеописаниями, подводя "топонимическую базу" под места их действий: напр., в "Пугачеве" Бурнов в монологе вопрошает — "Когда в Пензенской губернии у меня есть свой дом?" (III, 42), хотя в действительности он являлся яицким казаком.

Частотность разных типов топонимов (по убывающей): города — реки — страны — части города и т.д. — отражает объективное состояние топонимики и личный выбор автора. Частотность использования топонимов можно выстроить и иначе: а) по годам; б) внутри текста повторяемость одного топонима; в) внутри текста употребление разных топонимов; г) тексты без топонимов; д) в заглавии и внутри текста один топоним; е) топоним в подписи к произведению, в самом тексте отсутствующий.

Распределение по двум соседним строкам двусловного топонима создает иронический эффект:

Шел с Орехова туман,
Теперь идет из Зуева (IV, 250).

Есенину очень важна звукопись в топонимах: "вызрел Назарет" (II, 68), "А за Белградом окол Харькова // Кровью мужиков ярь перехаркана" (III, 132).

В топонимах прослеживается современная поэту история: "О том, как красные отбили Перекоп" (II, 96); причем иногда собственное имя превращается в нарицательное с приданием ему конкретизирующего характерного значения: "Кто крепость знал, // Кому Сибирь знакома" (II, 98).

Топоним, ставший символом, поставлен Есениным в ряду настоящих топонимов и поэтому обладает двумя смыслами:

Издревле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом (II, 107).

Реально-топонимический смысл 'горный массив в Фокиде' подкреплен соотношением с Кавказскими горами, а переносное древнегреческое мифологическое значение 'место обитания Аполлона и муз' в современной контекстуальной есенинской трактовке расширительно осмысливается как 'поэты'.

Топоним выступает средством указать на огромное расстояние: "Готов идти хоть до Ламанша" (II, 125). Показательно, что иноязычный топоним здесь дан не только в написании кириллицей, но и в русской огласовке.

"Говорящий" топоним иногда замещает фамилию персонажа: читателю понятно, что подзаголовок «Отрывок из поэмы "Гуляй-поле"» (II, 143) сообщает о главном месте действия атamana Махно, о его ставке.

Изредка Есенин прибегает к дословному повтору синтаксической конструкции с топонимом: "От Ольшан до Швивой Заводи" (II, 176, 178) — и создает тем самым рефренность звучания стиха.

Среди экклезионимов у Есенина особенно заметны топонимы, обозначающие монастыри: Печерская лавра, Сергей Троица, Оптиная пустынь (V, 47, 65, 207). Наравне с ними встречается античная мифологическая топонимика: Лета (V, 212) и др.

Топонимы употребляются в разных падежах, а также в качестве обращения — в современной форме или в звательном падеже: "Радуйся, Сионе, // Проломай свой свет!" ("Инония", II, 68). Библейские топонимы даны в революционной обрисовке и без нее: Новый Назарет, Новый Содом (II, 26, 53, 68), Фавор (II, 27).

Есенину не менее, чем топонимы, важны их производные (дериваты) — и они одинаково представлены в его творчестве, образуя семантические ряды: "Древняя тень *Маврикии* // Родственна нашим холмам" (II, 60) и "Под *Маврикийским* дубом // Сидит мой рыжий дед" (II, 44); Иордань и Иорданская голубица; Америка и американцы, американский и др.

○ Топоним у Есенина иногда выступает как главный смысловой знак стиха и поэтому, входя в состав анафоры, играет стихо- и строфообразующую роль в произведении. Так, стихотворение "Прощай, Баку! Тебя я не увижу..." (1925) состоит из трех строф, открывающихся варьирующимися единоначатиями — "Прощай, Баку! Синь тюркская" и "Прощай, Баку! Прощай, как песнь протая!" (I, 223). Помимо этого, стихотворная строка с топонимом в

качестве смыслового центра изредка образует кольцевую композицию строфы — см., например, “Свет вечерний шафранного края...”:

Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен (1924, I, 257).

По такому же принципу структурно образована вторая строфа в стихотворении “Голубая родина Фирдуси...” (1925) — с замыканием в “топонимическое” кольцо стиха “Хороша ты, Персия, я знаю” (I, 265).

В др. стихотворении 1925 г. смысловой центр — топоним послужил отправной точкой для создания более сложной строфики, совмещающей кольцевую организацию всех строф (кроме одной) с варьированием акцентно-смыслового стиха — “В Хороссане есть такие двери.”

Топоним *Хороссан* создает здесь уникальный географический пункт, замкнутый изнутри от проникновения в него всех посторонних лиц (каковым выглядит и лирический герой). В связи с этим возникает тема запертых дверей с мотивом их безрезультатного открывания, реализуемая в варьировании акцентно-смыслового стиха: “Но открыты те двери я не мог” — “Но дверей не смог я отпереть” — “Коль дверей не смог я отпереть” — (в 4-й строфе отсутствует) — “Пусть не смог я двери отпереть” (I, 263-264). Другой встречающийся в этом же стихотворении топоним — Русь — обозначает географически удаленное и противопоставленное по своим качествам (в плане антитезы “чужое — родное”) пространство. Этот топоним в содержательном аспекте организует предпоследнюю строфу, логически завершающую “географическую тему” (сюжетная линия запертых дверей выходит за ее пределы и получает свое разрешение в последней строфе):

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстаюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь (I, 264).

Еще один интересный момент в творческой лаборатории поэта: закрепленный в стихотворении топоним порой обнаруживается в эпистолярном наследии Есенина, что подчеркивает неслучайность появления его в художественном сочинении. Убедительный пример тому — афоризм “Если перс слагает плохо песнь, // Значит, он вовек не из Шираза” (“Руки милой — пара лебедей...”, 1925, I, 270). Источник ее находится в приведенном

выше письме Есенина от 8 апреля 1925 г. Г.А.Бениславской о намерении проехать в Шираз (I, 648-649).

Есенин дает характеристику заинтересовавшего его локуса и приводит этимологические данные: «Еще сравнительно не так давно Бродвей походил на наш старый Невский, теперь же это что-то головокружительное. <...> Американцы зовут Бродвей, помимо присущего ему названия “окраинная дорога”, — “белая дорога”. По Бродвею ночью светлее и приятнее идти, чем днем» (“Железный Миргород”, V, 168).

Интерес к топонимике у Есенина закладывался с детства. У русских крестьян, в том числе и у односельчан будущего поэта, заметно стремление наделять именами собственными все сколько-нибудь приметные урочища и уголья, даже самого незначительного масштаба. Исследователь роли села Константинова в биографии Есенина А.Д.Панфилов очарован поэтичностью звучания мельчайших топонимов, которые не отмечены ни на каких картах, а только изустно передаются из поколения в поколение и живут лишь в памяти местного населения (по способу бытования и своему статусу такие географические наименования сродни крестьянским прозвищам): «душевной щедрости, народной поэзии сполна отмерено в бытовавших названиях, особенно названиях константиновских лугов и покосов: “Белоборка”, “Первая пожень”, “Студенка”, “Кукариха”»²⁶. Само “родовое гнездо” Есениных тоже имеет сложную внутреннюю административно-территориальную структуру: «Константиново с высоты похоже на громадную птицу с распростертыми перед Окой крыльями, где левая оконечность крыла — Пятиряевка, правая — Матово, крылья — “село”, короткое туловище — Алексеевка. // За Матово, на котором Константиново оканчивается..., деревня Волхона, издревле тесно связанная с Константиновом, потом раскинувшееся в садах, с большим парком — бывшей господской усадьбой князей Кропоткиных — село Кузьминское»²⁷. Подчеркивая значимость “малой родины”, Есенин начинает каждую литературную автобиографию или ее набросок вариативной фразой о своем рождении “в селе Константинове Кузьминской волости, Рязанской губ. и Рязанского уез.” (V, 1979, 225). *Константиново* как место создания произведения ставится в подписи с датой под стихотворением “В зеленой церкви за горой...” (IV, 135) и под “маленькими поэмами” “Отчарь” и “Иорданская голубица” (II, 40, 60).

Помимо Константинова, еще один русский топоним — Петроград — дважды встречается в подписи к “маленьким поэмам”, созданным в марте-апреле 1917 г., — к “Певущему зову” и “Товарищу” (II, 29, 34). И его постановка здесь как бы утверждает

новый религиозный центр мира: после февральской революции столица обновленной державы будет осенена истинным вероучением (заметим, что в самом тексте произведения географическая привязка или, точнее, намек на нее содержится в топониме Марсово поле и в деривате “мое русское поле”, и в символической метонимии “наше северное чудо” — II, 26-27). В творчестве Есенина эти два топонима — Константиново, Петроград — встречаются в текстах произведений и в подписях к ним.

Поэт подчеркивает, что усвоенные еще в детскую пору родные топонимы видоизменяют привычную картину мира. По свидетельству В.Л.Львова-Рогачевского, Есенин сообщал ему: «Я учился в селе Спас... и путал в детстве молитву Богородице, читая вместо “Яко Спаса родила” — *около* Спаса родила...»²⁸

Как всякое слово, топоним способен одновременно функционировать в двух противоположностях — выявлять и, наоборот, прятать обозначаемую им реалию. Относительно частая повторяемость лексемы также определяет расходящиеся по своим полюсам возможности: акцентность, значимость понятия или, напротив, затертость его смыслового наполнения. Особенности употребления топонимики, как и других лексических пластов, в художественном произведении высвечивают проблему взаимопонимания между писателем и читателем, то есть уровень адекватности восприятия последним авторского текста. Впрочем, порой читатель-критик с явно нарочитой целью специально вкладывает другой, нежелательный смысл в достаточно ясную и, как казалось сочинителю, однозначную лексему. В подобных случаях с топонимами, перенесенными в несвойственное им иное контекстуальное пространство, они утрачивают подразумеваемые автором исходные значения. Интересным примером иронической и наигранно-ложной интерпретации окказионального есенинского топонима стало открытое письмо В.Г.Шершеневича, направленное “в град ИНОНИЮ. Улица Индикоплова. Сергею Александровичу Есенину”²⁹. Не ограничиваясь игрой в несуществующие топонимы, корреспондент с изрядной долей язвительности объясняет, что за необходимостью создавать своеобразные географические обозначения на самом деле скрывается семантическая пустота: «Когда не хватает образа, ты просто заменяешь словом “иной” или “новый”...»³⁰

На равных правах у Есенина сосуществуют топонимы реальные и вымышленные; последние могут носить легендарный характер — “Проклинаю я дыхание Китежа” (“Инония”, II, 62), или быть придуманы автором (“Инония”) и встречаться в заглавии и внутри текста. Возможно, топоним Китеж использован для ведения полемики с Н.А.Клюевым, у которого Китеж-град явля-

ется излюбленным: по мнению зарубежного литературоведа Р.Вроона, “в его творчестве, как и в апокрифической литературе старообрядцев, этот образ является символом дониконовской праведности и красоты”³¹.

Сохранилось уникальное свидетельство особенно теплого отношения Есенина к топонимам — автограф “Вижу сон. Дорога черная...” (ГЛМ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 8) на обороте “Схематической экскурсионной карты Черноморского побережья и центральной части Кавказа...” — приложения к путеводителю “Кавказский край” С.С.Анисимова. Сделанная неизвестной рукой помета “2.VII.25. Москва” удостоверяет, что Есенин бережно хранил в столице своеобразное “топонимическое воспоминание” о путешествиях в 1924–25 гг. в Тифлис, Батум и Баку и лелеял мечту оказаться в Персии, хотя им уже были написаны “Персидские мотивы”.

Есенинская топонимика — это особая грань поэтического сочинительства, совмещающего на равных основаниях художественный вымысел и историческую реальность — как существующую, так и уже утраченную. В каждом топониме, как в капле дождя, концентрируется и отображается весь видимый мир, безграничный в своей протяженности... И есенинская топонимика — также целый мир, построенный по законам литературного творчества и подобный творению Вселенной: “И создал Бог Землю...”

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Есенин С. Сочинения. — М.: Современный писатель, 1994. — С. 348, 351.
- ² Там же. Раздел “Письма”.
- ³ Есенин С. “Москва кабацкая”: Стихотворения. Поэмы. /Сост., вст.ст. и примеч. И.Жукова. — М.: Евразия+, 1995. — 605 с.
- ⁴ Есенин С. Сочинения. С. 361.
- ⁵ Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы, 1912-1925; Проза, 1915-1925. /Комм. С.П.Митрофановой-Есениной, С.И.Субботина и Н.И.Шубниковой-Гусевой. — М.: Республика, 1995. — С. 334.
- ⁶ Есенин С. Сочинения. С. 349.
- ⁷ Там же. С. 331.
- ⁸ Там же. С. 206.
- ⁹ Там же. С. 351.
- ¹⁰ Есенин С. “Москва кабацкая”... С. 590, 594; Есенин С. Сочинения. С. 351, 311.
- ¹¹ Сергей Есенин в стихах и жизни. С. 351.
- ¹² Там же. С.352.
- ¹³ Есенин С. Сочинения. С. 345 и 350.

- 14 *Есенин С.* “Москва кабацкая”. С. 594 (в этом издании имеются опечатки и смысловые ошибки).
- 15 Сергей Есенин в стихах и жизни. С. 327.
- 16 *Есенин С.* Сочинения. С. 353; Есенин С. “Москва кабацкая”. С. 589.
- 17 *Есенин С.* Сочинения. С. 367; Сергей Есенин в стихах и жизни. С. 360.
- 18 *Гарнин В.П.* Примечания // *Есенин С.А.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1990. С. 451.
- 19 *Дьяченко Г.*, свящ. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993. С. 541.
- 20 *Skorokhodov M.V.* Радуничная символика в первой книге С.А.Есенина // *Revue des Études slaves.* Т. LXVII. F. 1. Nonveaux Regards sur Eсениn. Paris, 1995, p.11.
- 21 *Гарнин В.П.* Указ. соч. С.452.
- 22 См.: *Земсков В.* Письма в Ташкент (Еще несколько крупниц к биографии Есенина) // *Звезда Востока.* Ташкент, 1966. № 6. С. 142.
- 23 См.: *Самодолова Е.А.* К автографу “Пугачева” С. А. Есенина: Почему исторические имена Отрепьев, Суворов, Федулев и топоним Джагильды не вошли в печатный текст // *Есенин академический.* Вып. 2. М., 1995. С. 102—107; *Поэты-имажинисты /Сост., подгот. текста, биогр. заметки и примеч. Э.М.Шнейдермана.* СПб., 1997. С.493.
- 24 См.: *Комментарий к Собр. соч. Есенина С.А.* Сост. Толстая-Есенина С.А. и Чеботаревская Е.Н.— Гос. лит. музей. Ф.4. Оп. 1. Ед. хр. 278. Л. 112.
- 25 См.: *Дитц В.Ф.* Есенин в Петрограде-Ленинграде.— Л.: Лениздат, 1990.— 267 с.; *Тартаковский П.И.* Свет вечерний шафранного края... (Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина).— Ташкент, 1981.— 208 с.; *Он же.* Русские поэты и Восток: Бунин. Хлебников. Есенин. Статьи.— Ташкент, 1986.— 252 с.
- 26 *Панфилов А.Д.* Константиновский меридиан: В 2 ч. Ч. 1. М., 1992. С. 31.
- 27 Там же. С. 62—64.
- 28 *Львов-Рогачевский В.* Поэзия новой России: Поэты полей и городских окраин. М., 1919. С. 72.
- 29 *Шершеневич В.* Кому я жму руку. М., 1921. С. 42.
- 30 Там же. С. 44.
- 31 *Вроон Р.* Старообрядчество, сектантство и “сакральная речь” в поэзии Николая Клюева // *Николай Клюев: Исследования и материалы.* М., 1997. С. 60.

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТВОРЧЕСТВА ЕСЕНИНА

(по материалам исследований 1990–1997 гг.)

Активизация есениноведческих исследований, произошедшая в последние годы при содействии Есенинской группы Института мировой литературы, выявила насущную потребность в обновлении не только содержания научных поисков, но и самой их методологии, в том числе принципов интерпретации творчества С.А.Есенина. Это было вызвано отчасти и тем, что в рамках традиционных подходов оказалось затруднительным решить целый ряд герменевтических проблем на уровне современного гуманитарного знания, мировой филологической науки.

В 90-е годы серьезный импульс к развитию получило изучение есенинского творчества на основе расширения его историко-культурного контекста и выявления многообразной системы художественных “кодов”: ритуально-мифологического, библейского, иконографического, архетипического, орнаментального, хронотопного, диалогического и т.п.

Более глубоким стало представление и о философских началах лирики Есенина, в том числе благодаря включению в арсенал современных исследователей элементов экзистенциального и психоаналитического методов анализа художественных явлений, ранее использовавшихся лишь западным литературоведением.

И это вполне закономерная тенденция. Ведь Есенин, возможно, более остро, чем многие другие поэты, сумел почувствовать такие новые симптомы духовного бытия человека, которые в итоге и составили основное содержание экзистенциальной философии и литературы XX в.: ощущение “богооставленности” и “обезбоживания” мира; отчуждение и самоотчуждение личности; угрозу тотальной “стандартизации”, способной нивелировать уникальность каждого человеческого индивидуума; утрату “интимного” состояния духа (К.Ясперс) под натиском технократических и иных глобальных макротенденций.

Экзистенциальная проблематика в творчестве Есенина связана прежде всего с отражением кризисного сознания современно-

го человека,¹ переживающего драму утраты корней, единства с природой, миром, людьми, отрыв от “почвы” и “веры”, других традиционных ценностей.

Ситуация духовного “промежутка” между родной почвенной стихией и новой урбанизированной реальностью надолго определила трагическую экзистенциальную остроту мироощущения поэта, почувствовавшего себя в какой-то момент “посторонним”, “чужим”, “лишним” в родном отечестве, подобно героям А. Камю, Ж.—П. Сартра и других писателей-экзистенциалистов:

Нет любви ни к деревне, ни к городу...

(“Не ругайтесь! Такое дело...”)

Я очутился в узком промежутке...

(“Русь уходящая”)

Язык сограждан стал мне как чужой,

В своей стране я словно иностранец...

(“Русь Советская”)

Грустно стою я, как странник гонимый,

Старый хозяин своей избы...

(“Синий туман. Снеговое раздолье...”)

“Вся экзистенциалистская литература, как философская, так и художественная, — пишет современный философ Г. М. Тавризян, — сосредоточена вокруг дилеммы: “естественный индивид — завершенная цивилизация”². Та же коллизия, по существу, воссоздана и в поэзии Есенина, причем с абсолютно экзистенциальным ракурсом восприятия — сквозь призму противоречий индивидуального сознания и частной судьбы, за которой скрыта трагедия многих.

Тенденция “отвержения цивилизации”, поиск “изначальной” человечности, путь припоминания истоков — характерные мотивы многих экзистенциалистских произведений, находящие свою параллель в духовно-творческих исканиях Есенина, в частности — в стержневой для его лирики теме “ухода” и “возвращения”.

Как показал еще Г. Адамович, эта тема соотносится в своих истоках с библейскими мифсюжетами о “потерянном рае” и “возвращении блудного сына”³. Однако необходимо подчеркнуть, что она имеет и вполне определенные философские “созвучия” — например, в гегелевской “идее развития как самообогащения духа через добровольный уход от себя в чужую стихию и возвращение с победой”⁴. С точки зрения экзистенциалист-

ской философии, “уход” — также “необходимый момент развития: только покинув родной свой дом, а затем претерпев все необходимые испытания, дух становится тем, чем он должен быть поистине, по-настоящему обретает себя. В конце концов получается, что развитие есть возвращение к началу, соединение с собой через временную утрату, добровольную разлуку и преодолимую боль”⁵.

Лирический субъект есенинской поэзии ощущает свой внутренний конфликт с новой реальностью во многом так же, как герой экзистенциального типа, для которого характерна не столько “критическая позиция современника, осознающего свое антагонистическое отношение к общественному целому”, сколько «стихийное **изумление** человека, **свидетеля**, случайно... **заброшенного** в “готовый” современный мир».⁶ При этом «экзистенциальное чувство заброшенности,— как поясняет современный исследователь,— возникает в связи с обнаружением “наивным” человеком (т.е. человеком совершенно иного душевного измерения) своего... абсолютного внутреннего несоответствия» современной цивилизации. «И вот он, беспомощный, противостоит этой завершенной цивилизации как изначальная человеческая непосредственность, как безоружная душевная чистота»⁷.

Лирическое “Я” Есенина во многом соответствует этому смоделированному экзистенциальной философией типу “наивного”, “непосредственного” сознания, “не готового” принять сомнительные “дары” все ускоряющегося технического прогресса. Он оказывается в весьма сходном положении “изумленного свидетеля”, нечаянно “заброшенного” в прежде родной, а ныне чужой для него мир из каких-то иных пределов:

Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам...

(“Каждый труд благослови, удача!..”)

Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны...

(“Русь Советская”)

Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен...

(“Русь Советская”)

Растущую угрозу бытийственным основам “естественного” сознания Есенин сумел выразить в наиболее острой форме именно потому, что по самой глубинной своей сути всегда оставался человеком и художником “почвеннического” склада,

прочно укорененным в национальной духовной традиции. В своем поэтическом диагнозе трагически необратимых изменений, происходящих в самой структуре сознания современного человека, постепенно утрачивающего связь со своими корнями и первоистоками, Есенин предвосхитил самого Мартина Хайдеггера, спустя десятилетия сформулировавшего важную мысль, созвучную драматическому пафосу есенинской поэзии:

“Сейчас под угрозой находится сама **укорененность** сегодняшнего человека. Более того: потеря корней не вызвана лишь внешними обстоятельствами, она не происходит лишь от небрежности и поверхностности образа жизни человека. Утрата укорененности исходит из самого духа века, в котором мы живем”⁸.

Примечательно, что М.Хайдеггер в подтверждение этой мысли приводит слова высоко ценимого Есениным немецкого поэта Иоганна Гебеля (1760–1826), автора поэмы “Овсяный кисель”: “Мы — растения, которые — хотим ли мы осознать это или нет — должны корениться в земле, чтобы, поднявшись, цвести в эфире и приносить плоды”. М.Хайдеггер так комментирует эту цитату: “Мы задумаемся еще сильнее и спросим: а как обстоит дело с тем, о чем говорил Иоганн Петер Гебель? Есть ли еще родина, в почве которой корни человека, в которой он укоренен?”⁹

Как видим, творчество Есенина созвучно широкому комплексу идей, разрабатывавшихся европейским экзистенциализмом. Однако в наибольшей степени проблематика есенинской поэзии соприкасается с этически ориентированной философией “русских экзистенциалистов” — Н.Бердяева, Л.Шестова, Л.Франка и др. Характеризуя своеобразие русского экзистенциализма, современные исследователи особо подчеркивают его нацеленность на постановку нравственных вопросов: “Экзистенциализм русской литературы, породивший экзистенциализм философский, связан в большей степени с проблемами вины и совести”, восходящими к “христианской традиции”¹⁰.

Тема вины и совести образует неотъемлемый нравственно-философский подтекст есенинского творчества, особенно в поздний период. Не случайно Н.Оцуп подчеркивал в свое время, что “музой Есенина была совесть”¹¹, а Марина Цветаева утверждала, что поэт погиб “из-за чувства, очень близкого к совести”¹². Возможно, поэтому покаянные мотивы поздней лирики Есенина во многом созвучны нравственной проблематике христианского экзистенциализма, обращающегося к осмыслению таких категорий, как “тревога существования”, “религиозно-этическое бес-

покойство”, разрыв между “сущностью” и “существованием”, между “подлинным” и “неподлинным” бытием.

Говоря об экзистенциальных началах в творчестве Есенина, следует иметь в виду, конечно же, не систему взглядов, а особый способ мировосприятия, основанный на способности поэта раскрывать общебытийные духовные универсалии сквозь призму индивидуального сознания.

Истоки есенинской “экзистенциальности” следует искать, на наш взгляд, в органических связях поэта с духовными традициями русской литературы, для которой характерны особая глубина и постоянство в осмыслении проблемы человека. Исходя из этого, Н. Бердяев сделал вполне убедительный вывод об “изначальной русской экзистенциальности мышления”¹³, яркие проявления которой он обнаружил, как известно, в творчестве Ф. М. Достоевского.

Вслед за своим великим предшественником к “русским экзистенциалистам” в широком культурном контексте этого понятия может быть отнесен и Сергей Есенин, искавший свой, исполненный драматизма путь к высотам “подлинного” бытия.

* * *

Экзистенциальный подход к анализу философско-психологического содержания есенинской лирики является относительно новым для отечественного есениноведения. Что же касается зарубежных исследователей, то они начали изучение экзистенциальных начал творчества русского поэта еще в 60–70-е гг. Так, канадский ученый Константин Пономарев в 1968 г. посвятил этой проблеме специальную работу: “Смерть и упадок: анализ есенинской поэтической формы”¹⁴. Выводы этой статьи были во многом спорными, т.к. тема смерти в ней абсолютизировалась, поэту приписывалось неудержимое влечение к гибельному концу, однако само стремление западного исследователя к обнаружению экзистенциальной проблематики в поэзии Есенина давало серьезные основания для последующего рассмотрения ее в контексте художественно-философских исканий мировой литературы XX в., что имело, несомненно, позитивное значение.

С момента опубликования этой статьи прошли три десятилетия, и с сегодняшних позиций не только зарубежным, но и отечественным ученым стало вполне очевидным, что Есенин, сумевший в своей поэзии обнажить самые потаенные глубины сознания и подсознания личности, уникальность, драматизм и хрупкость индивидуального человеческого существования, принадлежит к художникам с экзистенциальным типом мироощуще-

ния. Это обусловило настоятельную необходимость во многом по-новому переосмыслить содержание его духовных поисков.

Одну из первых попыток истолкования поэзии Есенина с позиций экзистенциальной культурологии предпринял в начале 90-х гг. известный ученый Г.Гачев в своем очерке о Есенине, опубликованном в большой монографии “Русская дума. Портреты русских мыслителей”. Называя Есенина “поэтом мировой трагедии, экзистенциально-глубочайшим”, исследователь стремится проникнуть в экзистенциальный “слой” есенинского мироощущения, в котором он обнаруживает “природный порядок существования со смертью в корне и основе”¹⁵.

В близком ключе исследует универсальные бытийственные начала есенинской лирики В.Хазан в содержательных работах “Проблемы поэтики Есенина” (1989) и “Тема смерти в лирических циклах русских поэтов (С.Есенин, М.Цветаева, А.Ахматова)” (1990). Ученый глубоко выявляет экзистенциальную природу есенинских мотивов разрыва родственных уз, движения по ложному пути, возвращения к истокам, хотя и не прибегает при этом к использованию специальной философской терминологии. Тем не менее есенинская концепция пути в истолковании В.Хазана¹⁶ вызывает парадоксальные и вместе с тем вполне органические ассоциации с известной философской метафорой судьбы человечества как “земного проселка”, принадлежащей М.Хайдеггеру. Идея природообразной цикличности человеческой жизни, пропитывающая “органическую” философию Есенина, напоминает ключевой фрагмент из известного эссе выдающегося немецкого мыслителя: “На пути, каким бежит проселок, встречаются зимняя буря и день урожая, соседствуют будоражащее проявление весны и невозмутимое умирание осени и видны друг другу игры детства и умудренная старость”¹⁷. В результате есенинское воплощение темы ухода и возвращения оказывается глубоко созвучным хайдеггеровскому представлению о жизненном странствии человека, связанном с “выходом в мир и вбиранием его в себя” с тем, чтобы в итоге, подобно евангельскому блудному сыну, вновь вернуться на свои дороги, к Отчому дому, в свой “земной проселок”¹⁸.

В центр внимания современных исследователей выдвигаются и другие экзистенциальные мотивы лирики Есенина.

Как известно, одной из центральных категорий в философии экзистенциализма является понятие “здешнего бытия” (по-немецки “Dasein”). “Здесьнее бытие” противостоит миру трансцендентному и воплощает пространственно-временное единство мира и человека, одушевляющего этот мир своим переживанием.

Каким же образом интерпретируется исследователями эта категория в контексте лирической философии Есенина? Такую попытку предпринимает, в частности, украинская исследовательница Л.Краснова в одной из своих работ. Автор статьи исходит в своих размышлениях из того, что “свойственное экзистенциализму освещение скрытых тайн каждого отдельного бытия” эстетически родственно лирико-исповедальной форме есенинского миропознания¹⁹.

Предлагая свой вариант интерпретации стихотворения “Не жалею, не зову, не плачу...” (1921) в рамках избранного ею подхода, Л.Краснова подчеркивает, что мотивы скоротечности жизни, ощущения своих корней, истоков, памяти детства, душевной усталости несут в этом произведении экзистенциальную окраску. Проблема “Я и мир” разворачивается здесь как всеохватная метафора жизненного процесса. Лирический субъект отождествляет себя со всем человечеством, которое подчиняется общим законам бытия (“Все мы, все мы в этом мире тленны...”). “Он как бы на примере собственной жизни проверяет философские постулаты, создает свой дизайн, свое тут-бытие, свой экзистанс”²⁰.

Растущий интерес к философским аспектам творчества Есенина свойствен сегодня не только филологам, но и специалистам в области философии. Об этом свидетельствуют материалы Всероссийской конференции “Философия и поэзия”, состоявшейся на родине поэта в Рязани в октябре 1995 г. на базе Радиотехнической академии и приуроченной к 100-летию со дня рождения Есенина. В конференции принимали участие, главным образом, представители философских кафедр различных вузов России. Примечательно, что в ряде выступлений затрагивались именно экзистенциальные аспекты творчества поэта. При этом мироощущение Есенина рассматривалось как “своеобразный вариант философии жизни, близкий к той ее форме, которую она обрела в 20–30-е годы — к экзистенциализму”, на основе чего поэт сумел воплотить в яркой художественной форме “общебытийный хаос, чреватый переходом в состояние будущей мировой гармонии”²¹.

Выявляя специфику “органической философии” Есенина, участники конференции подчеркивали, что “внутренняя история творческой деятельности поэта — это экзистенциально-феноменологический срез внутренних мотивов, причин, смыслов, духовных озарений и интуиций Есенина, материализовавшихся затем в поэтических строках”, в “образах-экзистенциалах” свободы, счастья, тоски, одиночества, заброшенности, “утраты и убывания жизни”²².

Постепенное накопление опыта экзистенциальной интерпретации творчества Есенина совместными усилиями литературоведов и философов имеет, конечно же, позитивное значение для более глубокого его понимания в контексте развития мировой художественно-философской мысли. Вместе с тем абсолютизация данного метода анализа с его специфическим категориальным аппаратом может дать и негативный эффект. Как и у любого другого метода исследования, у экзистенциалистской методологии есть свои преимущества, свои возможности и неизбежные границы применения. Забвение этого может привести к недопустимому исследовательскому произволу и искажению объективной картины творческой эволюции художника.

Примером тому являются, на наш взгляд, отдельные положения кандидатской диссертации минского исследователя А.М.Лагуновского (1993 г.), написанной на тему: “Художественная концепция действительности в творчестве С.А.Есенина (категория отчуждения)”.

Резко (и порой справедливо) критикуя сложившиеся ранее подходы к анализу творчества поэта, автор вместе с тем с излишней категоричностью утверждает, что прежние “интерпретации художественной концепции поэта были неудачны”, поскольку “не была выявлена и проанализирована *“главная... идея его лирики — идея отчуждения и самоотчуждения человека”* (выделено мной.— О.В.)²³. Упрекая своих коллег в попытках выпрямить и упростить сложный и противоречивый творческий путь Есенина, исследователь, однако, как это часто бывает, впадает в новую крайность, гипертрофируя лишь один (хотя и весьма существенный!) из мотивов есенинской лирики — мотив отчуждения — и представляя его основой и сердцевинной всей есенинской концепции действительности. В результате в диссертации предлагается, вопреки желанию автора, не что иное, как новый вариант “выпрямления” и “упрощения” творческой биографии поэта — на этот раз лишь с прямо противоположной, пессимистической тенденцией: “Не найдя гармонии в себе самом и во взаимоотношениях с другими людьми, потерпев крах в попытке отыскать опору во внешнем мире путем создания культа родины, как вечной, непреходящей сущности, Есенин оказался у грани, за которой уже начинается деформация психики, распад личности”²⁴.

Проанализируем изложенную концепцию, исходя из собственного опыта анализа экзистенциальных начал в творчестве Есенина.

Само по себе стремление ученого проследить эволюцию одного из наиболее заметных экзистенциально окрашенных мо-

тивов есенинской лирики — мотива отчуждения и самоотчуждения — представляется нам вполне обоснованным.

Действительно, этот трагический феномен, обусловленный внутренней дисгармонией личностного сознания, художественно исследуется поэтом в целом ряде произведений разных лет: “День ушел, убавилась черта...” (1916), “Я усталым таким еще не был...” (1923), “Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...” (1925) и т.д., в которых отразились характерные симптомы разорванного сознания и расколотой “экзистенции”, знаки “неподлинного” бытия, о чем нам приходилось уже писать²⁵. Психология отчуждения проявилась и в стихотворениях, запечатлевших тему “ухода”: “Устал я жить в родном краю...” (1916), “Сторона ль ты моя, сторона!..” (1921), “Не ругайтесь! Такое дело...” (1922) и т.п. В наиболее концентрированной форме эта проблематика нашла свое воплощение в трагически исповедальной поэме “Черный человек” (1925), где сам образ inferнального ночного “гостя” представляет собой фантом отчужденного, “неподлинного” существования с его “притяжением небытия”, которому лирический герой произведения пытается отчаянно противостоять, вступая в бескомпромиссный поединок с “черным” призраком упорно надвигающейся на него “болезни-к-смерти”. Однако вся художественная логика поэмы, вопреки мнению А.Лагуновского, позволяет с достаточной степенью обоснованности утверждать, что “пограничная ситуация” и в этом произведении Есенина не приводит лирического героя к безнадежному духовному тупику, а драматически преодолевается с помощью “очищающей рефлексии” нравственного самосознания, разрешаясь финальным катарсисом. Поэтому невозможно, на наш взгляд, согласиться с категорическим утверждением исследователя о том, что основным стержнем духовного пути Есенина стал вывод о бессмыслице существования человека в отчужденном мире. Ведь есенинский “уход” чаще всего связан с попыткой преодолеть возникшее “отчуждение”, найти возможность примирения с собой и миром и вернуться к исходным рубежам, обогащенным новым духовным опытом, новым знанием о жизни.

Принципиальная особенность Есенина (как и “русского экзистенциализма” вообще) — отсутствие экзистенциального скепсиса по отношению к высшему смыслу бытия. Поэтому мощный пафос жизнелюбия и светлой веры, невзирая на периоды сомнений и душевной усталости, продолжал питать есенинскую поэзию на протяжении всей его жизни, а нота приятия и благословения мира во всех его проявлениях звучала в его лирической симфонии до самого конца не менее волнующе и пронзительно, чем интонация грусти и тоски.

В полемике с концепцией А.Лагуновского нам представляется гораздо более взвешенной и аргументированной позиция другого современного исследователя: “Есенин по характеру своего дарования, по цельности мироощущения и творческого мышления вовсе не пессимистический поэт, склонный к угрюмой мизантропии...” Но вместе с тем в нем, как и в Блоке, “было сильно развито чувство вселенской неустроенности и катастрофичности бытия, его одолевала тяга познать мир в “минуты роковые” трагических конфликтов и противоречий... Мотивы блужданий, утраты перспективы и цели столь же органичны для есенинской концепции пути, как и процесс оптимистического обретения веры в правильность избранной жизненной дороги”²⁶.

* * *

Исследование А.Лагуновского является не только попыткой анализа экзистенциальной проблематики творчества Есенина, но и одним из современных примеров применения методологии фрейдистского психоанализа к его творчеству. Подобные попытки изучения “подсознательных” основ есенинской лирики с позиций “реформированного” психоанализа, тяготеющего к “психокритике”, в западном литературоведении предпринимались уже давно²⁷. Обращение отечественных исследователей и ученых из ближнего зарубежья к данной методологии, все чаще дающее о себе знать в последнее время, нельзя не признать вполне естественным и закономерным. Вопрос лишь в том, насколько ценен эстетический результат такой интерпретации есенинских произведений, что нового открывает она в психологии творчества их создателя.

Если подойти с этих позиций к работе А.Лагуновского, то обращает на себя внимание спорность целого ряда выводов.

Так, например, исследователь считает, что в создании “культы родины” у поэта проявился своеобразный “Эдипов комплекс”: “Чувство поэта к родине-матери не только духовное, возвышенное, но и плотское, телесное чувство”. И далее: “Инцестуальные устремления поэта к родине сильны и мучительны”. Подобные выводы распространяются А.Лагуновским и на героев повести “Яр”, у которых он обнаруживает “инцестуальную привязанность к земле”, “инцестуальный симбиоз с природой”²⁸.

Следует пояснить, что применение данной фрейдистской схемы к истолкованию одного из самых глубоких чувств в человеке — чувства привязанности к родной земле — имеет довольно давнюю предысторию. Можно предположить, что А.Лагуновский отталкивается в своих обобщениях от тех идей, которые содер-

жаты в известном психоаналитическом очерке немецкого исследователя И.Нейфельда “Достоевский”, опубликованном в 1923 г. под редакцией З.Фрейда и в 1925 г. переведенном на русский язык.²⁹ В этой оригинальной, но исключительно тенденциозной работе автор последовательно сводит все мировоззрение и творчество Достоевского к подсознательному воздействию “Эдипова комплекса”, распространяя его и на патриотические чувства писателя. Отмечая, что “психоанализ учит находить бессознательные импульсы, лежащие в основе любви к родине”, ученый прямо подчеркивает, что мировоззрение приверженцев славянофильско-почвеннического направления русской мысли (исторически предшествовавшего идеологии “новокрестьянского” течения. — *О.В.*) есть результат “непосредственного изживания комплекса Эдипа”, указывающий на “связь их патриотизма с инцестуозной зависимостью”³⁰. Более того, И.Нейфельд в своей характеристике духовного генезиса творчества Достоевского стремится к еще более далеко идущим выводам: “Не только патриотизм, любовь к родной земле возникает у писателя из инцестуозной связанности, но и значительная доля его религиозности имеет то же происхождение... Сильная любовь и преобладающий интерес Достоевского к православной церкви коренится также в комплексе Эдипа”³¹.

Переноса ту же фрейдовскую схему на творчество Есенина, А.Лагуновский сходным образом универсализирует ее. Внешне эффективные формулировки, обнаруживающие незаурядную философскую эрудицию исследователя, выполняют, однако, малопродуктивную функцию, поскольку искажают естественный характер взаимосвязи человека и природы как в крестьянском сознании, так и в отразившем его творчестве Есенина, подменяют давно уже выработанные отечественной литературно-философской мыслью ясные и выразительные понятия: “власть земли”, “почвенное сознание”, “чувство родины”. Идея “узловой завязи” человека и природы, составляющая сердцевину “органической философии” Есенина, имеет в своих истоках, как известно, древнейшую мифологическую традицию, а отнюдь не аномальные явления подсознательного характера.

Не может не вызвать споров и подчеркнуто биологизаторская трактовка А.Лагуновским трагического противостояния “живого” и “железного” в послереволюционной лирике Есенина, попытка перевести эту острую социальную и духовную коллизию в плоскость психоаналитических построений наподобие “конфликта между некрофильным и биофильным ориентированием”³², якобы имеющем место в человеческом подсознании. В данном случае, на наш взгляд, исследователь вообще переступает за пределы приме-

нимости психоанализа к произведениям искусства, ибо эстетическая реальность далеко не всегда поддается расщеплению даже самым тонким философским инструментарием.

Об этом, кстати сказать, писали отечественные философы еще в 20-е годы. Так, И. Григорьев в статье “Психоанализ как метод исследования художественной литературы”, опубликованной в 1925 г., замечал: «Такое пользование психоаналитическим методом — опасно. ...Если наперед быть уверенным, что всякое литературное произведение лишь сублимация “Эдипова комплекса”, то при беспредельной гибкости этого построения, которое легко повернуть и вывернуть как угодно, можно без всяких усилий в любом произведении в два приема обнаружить наличие “Эдипова комплекса”. Вместе с тем литературное исследование должно будет прекратиться»³³.

Означает ли это, что психоанализ в принципе не применим к интерпретации есенинских произведений? Отнюдь нет. Уже имеется опыт плодотворного использования (при анализе ритуально-мифологического “субстрата” в творчестве Есенина) юнгианской “теории архетипов”, концепции “коллективного бессознательного”. Позитивные перспективы может иметь в этом плане и фрейдовская теория динамического бессознательного, способная в значительной степени прояснить сложные вопросы психологии творческого процесса, творческого поведения художника, особенностей восприятия его произведений массовым читательским сознанием, самого “феномена Есенина” как социально-психологического явления.

Итак, развивающаяся практика интерпретации творчества Есенина в свете многообразных научных подходов предполагает вовлечение в исследовательский обиход и таких методов анализа, как экзистенциальный и психоаналитический, ранее использовавшихся лишь западными исследователями и однозначно отвергавшихся отечественной филологической наукой. Думается, что современный этап ее развития позволяет признать их применение вполне обоснованным в рамках присущих им возможностей. Однако о пределах этих возможностей помнить необходимо.

Вместе с тем нельзя забывать и о том, что спорные и даже ошибочные гипотезы, вызывая неизбежную полемику, также способствуют развитию научной мысли. Обновление и расширение методологической базы есениноведения является, вне всякого сомнения, позитивной тенденцией, способствующей значительному обогащению современных представлений о месте и значении творчества Есенина в истории литературы XX века, органичному включению его в общемировую историко-культурный контекст.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. об этом: *Мамлеев Ю.* Есенин и кризис современной цивилизации // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Вып. III. М., 1997. С. 368–375.
- 2 *Тавризян Г.М.* “Изумленный свидетель” (Еще раз об экзистенциалистской этике) // Философия марксизма и экзистенциализм: Сб. статей / Под ред. И.С.Нарского и Т.И.Ойзермана. М., 1971. С. 79.
- 3 *Адамович Г.* Сергей Есенин (К 10-летию со дня смерти) // Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи: В 2-х тт. / Сост., вступ. ст. и комментарии Н.И.Шубниковой-Гусевой. М., 1993. Т. 1. С. 96–97.
- 4 *Киссель М.А.* Философская эволюция Ж.—П.Сартра. Л., 1976. С. 38.
- 5 Там же.
- 6 *Тавризян Г.М.* “Изумленный свидетель” (Еще раз об экзистенциалистской этике) ... С. 79.
- 7 Там же. С. 80.
- 8 *Хайдеггер М.* Отрешенность // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991. С. 106.
- 9 Там же. С. 107.
- 10 *Горичева Т.М.* О кенозисе русской культуры // Христианство и русская культура: Сб. статей. СПб., 1994. С. 71.
- 11 *Оцун Н.* Сергей Есенин // Русское зарубежье о Есенине... Т. 1. С. 164.
- 12 *Цветаева М.* Из статьи “Поэт и время” // Русское зарубежье о Есенине... Т. 2. С. 9.
- 13 *Бердяев Н.А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. Париж: Утса-Press, 1983. С. 293.
- 14 *Ропотарефф С.У.* Death and Decay: An Analysis of S.A.Esenin’s Poetic Form // Canadian Slavonic Papers, 1968, Vol. X, no. 2, 180–209.
- 15 *Гачев Г.Д.* Есенин // Гачев Г.Д. Русская дума: Портреты русских мыслителей. М., 1991. С. 121, 133.
- 16 *Хазан В.И.* Концепция пути в поэзии С.А.Есенина и ее образные мотивы // Хазан В.И. Проблемы поэтики С.А.Есенина. М.: Грозный, 1988. С. 31–63.
- 17 *Хайдеггер М.* Проселок // Михайлов А.В. Мартин Хайдеггер: Человек в мире. М., 1990. С. 47.
- 18 *Меркулова Т.И.* Об “экзистенциальности” художественного восприятия Б.Пастернака // Филологические науки. 1992. № 2. С. 6,8.
- 19 *Краснова Л.В.* К проблеме интерпретации есенинского текста // Сергей Есенин: Научные статьи и материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения поэта (12–13 октября 1995 г.). Киев, 1996. С. 84.
- 20 Там же. С. 85.
- 21 Философия и поэзия: Материалы Всероссийской конференции 4–6 октября 1995 г., посвященной 100-летию со дня рождения С.А.Есенина. Рязань, 1996. С. 11–12.
- 22 Там же. С. 53–54.

- 23 Лагуновский А.М. Художественная концепция действительности в творчестве С.А.Есенина (категория отчуждения): Дисс... канд. филол. наук. Минск, 1993. С. 8.
- 24 Там же. С. 139.
- 25 См.: Воронова О.Е. Философский смысл поэмы С.Есенина "Черный человек" (опыт "экзистенциального" анализа) // Воронова О.Е. Духовный путь Есенина: Религиозно-философские и эстетические искания. Рязань, 1997. С. 105—117.
- 26 Хазан В.И. Проблемы поэтики С.А.Есенина. М.: Грозный, 1988. С. 71.
- 27 См., например: Юшина О.И. Поэзия С.Есенина в оценке современного англоязычного литературоведения // Сергей Есенин: Проблемы творчества. М., 1985. Вып. 2. С. 186.
- 28 Лагуновский А.М. Указ. соч. С. 66.
- 29 Нейфельд И. Достоевский: Психоаналитический очерк / Под ред. проф. З.Фрейда.— Пер. с нем.— М.: Л., 1925.
- 30 Нейфельд И. Достоевский: Психоаналитический очерк / Под ред. проф. З.Фрейда.— Пер. с нем. // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М., 1994. С. 67—68.
- 31 Там же. С. 69.
- 32 Лагуновский А.М. Указ. соч. С. 111.
- 33 Григорьев И. Психоанализ как метод исследования художественной литературы // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М., 1994. С. 236.

О ПРОБЛЕМАХ ОСВЕЩЕНИЯ РАННЕГО ПЕРИОДА ЖИЗНИ ЕСЕНИНА

Замечательный русский поэт Сергей Александрович Есенин, окончив в конце мая 1912 г. Спас-Клепиковскую второклассную учительскую школу и получив свидетельство о присвоении “звания учителя школы грамоты”, начал самостоятельную жизнь в Москве — работал, учился, писал стихи и принимал участие в революционном движении в 1912—1915 гг. Этот небольшой отрезок его жизни оставил глубокий след в душе поэта и повлиял на формирование его взглядов.

Получив 24 июня 1912 г. в Кузьминском волостном правлении паспорт за № 1839 на один год, Сергей Есенин совсем юным, в свои неполные семнадцать лет, по воспоминаниям современников, приехал в Москву в конце июля—начале августа 1912 г. и прописался на постоянное местожительство 18 августа 1912 г. по адресу: “Большой Строченовский переулок, д. 24, квартира 11¹. В этой квартире жил его отец Александр Никитич. Он работал в колониальной лавке Н.В.Крылова². Вскоре Александр Никитич устроил сына в контору этой лавки. Но Есенин, проработав в ней неделю, уволился. Ему не понравились установленные в ней порядки.

В сентябре 1912 г. Есенин поступил на работу в контору книгоиздательства т-ва “Культура” и работал в ней до её ликвидации в феврале 1913 г.³

Однако Есенина интересовала не только работа. Он приехал в Москву, чтобы заявить о себе как о поэте. К этому времени у него уже было написано немало стихотворений.

А москвичи в это время находились под впечатлением расстрела рабочих на Ленских золотых приисках 4 апреля 1912 г.

В агентурной записке Московского охранного отделения (далее сокращенно — московская охранка) от 19 апреля 1912 г. отмечалось: «Подобного повышенного настроения давно уже не было. Многие говорят, что “расстрел” ленских рабочих напоминает “расстрел” рабочих у Зимнего Дворца 9 января 1905 г.»⁴ И Сергей Есенин окунулся в совершенно другой мир, чем тот, в котором он жил до сих пор.

Вскоре после своего приезда Есенин посетил Суриковский литературно-музыкальный кружок (в дальнейшем — Суриковский кружок). Там он сближается с членами кружка, а в конце 1912 г. становится его официальным членом. В кружке было немало людей, близко стоящих к социал-демократии. В 1911 г. вернулся в кружок Е.А.Афонин, отбывший с ноября 1909 г. ссылку в Тобольской губернии “за революционную пропаганду среди рабочих г. Москвы”. И потом он арестовывался и обыскивался в 1912 г.⁵ А.Д.Хвощенко арестовывался в 1906 г. за участие в нелегальном собрании московских социал-демократов⁶. В.В.Горшков⁷ был сотрудником еженедельной общественной железнодорожной газеты “Семафор”, которую директор Департамента полиции С.П.Белецкий характеризовал как придерживающуюся “социал-демократического направления”⁸. Большую помощь этой газете оказывал большевик с большим партийным стажем присяжный поверенный Д.И.Курский⁹.

Участником Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве на Пресне был один из руководителей Суриковского кружка Г.Деев-Хомяковский, который вспоминал: “Деятельность кружка была направлена не только в сторону выявления самородков-литераторов, но и на политическую работу. Лето после Ленского расстрела было бурное. Наша группа конспиративно собиралась часто то в Кунцеве, то в парке бывш<его> Солдатенкова, близь села Крылатского. <...> Там, под видом экскурсий литераторов, мы впервые и ввели Есенина в круг общественной и политической жизни”¹⁰. И Есенин уже в 1912 г. стал распространять ежемесячный журнал “Огни”, выходявший с ноября 1912 г. по март 1913 г.

Но особенно плодотворно подействовала на взгляды Есенина, на жизнь, на приобщение поэта к революционному движению, его работа в типографии И.Д.Сытина.

Работая заведующей читальным залом ЦГИАМ СССР, я в 1961 г. готовилась к докладу на Всесоюзной сессии историков, посвященной пятидесятилетию Ленского расстрела рабочих и выхода первого номера газеты “Правда”. Я случайно обнаружила в делах Департамента полиции и Московской охраны несколько документов, касающихся С.А.Есенина, когда он работал в типографии И.Д.Сытина: это — письмо “пяти групп сознательных рабочих Замоскворецкого района г. Москвы”¹¹ (далее сокращенно письмо пятидесяти), которое он подписал в числе пятидесяти рабочих; Дневник наблюдения филеров московской охраны за Есениным под кличкой “Набор” с 1 по 7 ноября 1913 г. и донесение московской охраны в Департамент полиции от 27 декабря 1913 г. на запрос Департамента полиции от 27 марта 1913 г. В

нѐм она сообщала сведения о 14 рабочих Даниловской мануфактуры, одного рабочего Общества потребителей торгово-промышленных предприятий “Солидарность” и рабочего типографии И.Д.Сытина, подписавших письмо пятидесяти. Рабочим типографии И.Д.Сытина оказался Есенин. О нем было сказано: “Есенин <так!> Сергей Александрович, кр<естьянин> Рязанской губ<ернии>, села Константинова, 19 лет, корректор в типографии Сытина по Пятницкой ул<ице>, проживает в доме № 24, кв<артира> 11 по Строченовскому пер<еулку>¹². Письмо пятидесяти было одним из откликов рабочих, выступивших в защиту шести депутатов-большевиков, против раскольнической политики семи депутатов меньшевиков, составлявших единую социал-демократическую фракцию в IV Государственной Думе. “Семерка”, используя свое большинство в один голос, пыталась сковать деятельность большевистских депутатов. Говоря о единстве, меньшевики в Думе выставляли только своих ораторов, вытесняли большевиков из думских комиссий и проводили свою политику, выработанную на августовской конференции в Вене в 1912 г., не считаясь с мнением большевистских депутатов.

Письмо было адресовано члену IV Государственной Думы Р.В.Малиновскому, который, являясь депутатом от г. Москвы и области, был провокатором.¹³ Малиновский передал это письмо в Департамент полиции.

Об этих материалах я коротко сообщила в статье “Письмо пятидесяти и С.Есенин” (журн. “Новый мир”, 1962 г., № 6, июнь, с. 278, 279) с целью, что исследователи творчества С.А.Есенина обратят на них внимание. И первым из них оказался Ю.Л.Прокушев, который, работая в Читальном зале архива, использовал потом более широко эти материалы, а также другие, в частности, о забастовке сытинцев 23 февраля 1913 г., об организации социал-демократов в Московском городском народном университете имени А.Л.Шанявского (далее сокращенно — Университет Шанявского), которая проводила большую работу среди студентов по вовлечению их в революционное движение и в котором в это время учился С.Есенин.

Ю.Л.Прокушев использовал их в своей книге “Юность Есенина” (М., 1963 г.). В ней он также очень подробно осветил этот период жизни Есенина в Москве, опубликовав свои записи бесед с современниками Есенина и сослуживцами типографии И.Д.Сытина. Это очень существенно дополнило письма самого С.Есенина к другу детства Грише Панфилову, в которых он писал ему о своей жизни в этот период.

В дальнейшем все эти материалы были использованы многими есениноведами.

Но оставалось неясным, кто кроме 16 рабочих подписал письмо пятидесяти. Есенин один не мог его подписать, так как в типографии И.Д.Сытина, как указывала московская охранка, были в это время социал-демократы. Кто составил “пять групп сознательных рабочих Замоскворецкого района г.Москвы”? Кто был инициатором составления письма пятидесяти и почему именно 1 ноября 1913 г. за Есениным было установлено наблюдение филеров, так как за другими 15 рабочими, установленным московской охранкой оно не проводилось.

Ответить на эти вопросы помогло дальнейшее изучение материалов ЦГАОР СССР (ЦГИАМ тогда слился с ЦГАОР СССР). Было обнаружено еще 10 дел, в документах которых в той или иной степени упоминался Есенин и которые ответили на эти вопросы:

а) Письмо пятидесяти оказалось одним из откликов на рекомендацию секретаря “шестерки” В.Н.Лобовой¹⁴, которая была направлена ЦК РСДРП в Москву и которая 28 февраля 1913 г. провела собрание с московскими большевиками и выборщиками в IV Государственную Думу. Она рекомендовала “принять самые энергичные меры для успешного собирания и заготовления резолюций по поводу раскола фракции в пользу шести депутатов от рабочих курий”. Инициатором составления письма оказался выборщик от Даниловской мануфактуры С.И.Герасимов. Вероятно поэтому больше всех подписей поставили рабочие Даниловской мануфактуры.

б) Установлено еще четыре подписи рабочих Даниловской мануфактуры, трех рабочих Общества потребителей торгово-промышленных предприятий “Солидарность”, трех рабочих металлургического завода Братьев Бромлей, одного рабочего завода А.Г.Якобсон и трех рабочих типографии И.Д.Сытина — В.В.Сергеева, Б.Н.Иванова, И.П.Павлова¹⁵. Критерием их отбора являлись данные: где и кем работал данный человек, какое участие принимал в революционном движении в Замоскворечье. Это сделать было не так просто, так как большинство подписей были без указания имен и отчеств. Некоторые из них были очень распространенными. Например, в Москве только Есениных оказалось 200 человек, а Ивановых — значительно больше. Некоторые подписи поэтому так и остались не установленными до сих пор.

Однако, и это установление подписей дало возможность определить, какие рабочие составили “пять групп сознательных рабочих” — это рабочие Даниловской мануфактуры, типографии И.Д.Сытина, Общества потребителей торгово-промышленных предприятий “Солидарность”, механического завода Братьев Бромлей и завода А.Г.Якобсон.

в) Наблюдение филеров за Есениным было установлено в связи с тем, что одним из организаторов проведения 1 ноября 1913 г. собрания социал-демократов типографии И.Д.Сытина с С.И.Дерябиной был Есенин. Дерябина¹⁶ была направлена в Москву ЦК РСДРП для восстановления ликвидированного Московского комитета РСДРП и укрепления низовых партийных организаций. Это поручение Есенин получил от слушателей университета Шанявского — М.В.Мыскова и Г.Н.Пылаева¹⁷. Дерябина была гражданской женой Мыскова, а Пылаев был другом Есенина. Собрание должно было состояться на квартире наборщика типографии И.Д.Сытина Г.Л.Голубева. Об этом также узнал наборщик этой типографии А.Н.Николаев, который, выдавая себя за активного большевика, состоял секретным сотрудником московской охраны под кличкой “Андреев”¹⁸.

Об этом Николаев и донес московской охране и 1 ноября 1913 г. за Есениным под кличкой “Набор” и за Голубевым под кличкой “Резец” было установлено наружное наблюдение филеров, составивших потом Дневники наружного наблюдения¹⁹.

Но 1 ноября собрание не состоялось. Вечером 2 ноября Голубев и Есенин пошли на квартиру к Николаеву, чтобы согласовать день проведения собрания. Николаев же утром 2 ноября был арестован за нарушение паспортного режима. Когда Голубев и Есенин вышли от Николаева, поблизости оказались филеры, представленные к Голубеву. Есенина они не знали и поэтому дали ему вторую кличку “Квадрат” (Подробнее см. Шалагинова Л. Сергей Есенин в революционной Москве (1912–1914) Журн. “Вопросы литературы”, 1987, № 11, ноябрь, с. 177–185). Не зная этих материалов, есениноведы ошиблись, посчитав логически, что наблюдение в ноябре 1913 г. было установлено за Есениным в связи с подписанием им письма пятидесяти.

Но Ст.Ю.Куняев и С.С.Куняев, опубликовав книгу “Сергей Есенин. Жизнь замечательных людей” (серия библиографии, М., Молодая гвардия, 1995 г.), к сожалению, не использовали эти материалы, а повторили то, что было написано ранее.

Непонятно, почему авторы назвали легендами все воспоминания современников о Есенине. “Сейчас уже невозможно разобратся, — пишут они, — в том, где сам Есенин осмысленно или легкомысленно рассыпал зерна своей легенды, а где их сеяли его современники” (с. 7 — здесь и далее указывается страница их книги). Ну, а легенду о своих революционных заслугах Есенин, оказывается, “предоставил сочинять есениноведам” (с. 46). К сожалению, авторы высказали необоснованную недоброжелательность и к самому Есенину. Например, как они написали о поэме С.Есенина “Небесный барабанщик”? “В самом конце

1918 г., видимо, уже совершенно впав в отчаяние (нет денег) Есенин пишет риторическую, трескучую, самую слабую, самую революционную, конъюктурную свою поэму “Небесный барабанщик”. Гей, гей ... (ну чем не Маяковский или самый худший Клюев). И посвящена поэма была некоему Л.Н.Старку, личности совершенно ничтожной, бывшему всего лишь навсегда комиссаром РОСТА” (с. 149).

Или, как они пишут: “Около года Есенин грелся (выделено мною.— Л.Ш.) возле суриковцев, слушая их стихи, “полные печали и гнева”, призывающие народ к борьбе с “темными силами” (с. 51). Но Есенин не только слушал стихи суриковцев, он сам читал им свои стихи. Вспоминая такую встречу с Есениным на вечере суриковцев в гостинице Грачева на Каланчевской улице осенью 1911 г., В.В.Горшков написал, что Есенину “едва минуло 16 лет”. Есенин впервые читал суриковцам свои стихи, и они всем понравились. Есенин действительно тогда выглядел очень молодо. Горшков ошибся на один год. Эта встреча была осенью 1912 г. Так же на год Горшков ошибся, вспоминая другую встречу с Есениным, отнеся ее к раннему лету 1912 г., говоря об экскурсии суриковцев в Кунцево. Есенин там также читал свои стихи, и опять они всем понравились. И как вспоминал Горшков — руководитель этого кружка — “старый народник-поэт Кошкаров (С.Заревой), расхвалил мальчишку, предрек ему несомненную славу <...> Сережа был особенно весел. Шалил, кричал, разулся, распоясался, играл в горелки <...> Ведь он почти мальчик от Сытина”²⁰.

В это время Есенин очень нуждался в понимании и поддержке его как поэта. Но ни дома, ни на работе он этого не находил. Сообщая о своей работе в книгоиздательстве т-ва “Культура”, Есенин писал, что ему там плохо: “Никто почти меня не понимает, всего только — только двое слушают охотно: для остальных мои странные речи. Один академик, другой — очень серьезный и милый юноша, как и я, чужды всем”²¹. И Анна Романовна Изряднова, вспоминая о его работе в это время в типографии И.Д.Сытина, писала, что он “был очень заносчив, самолюбив, его невзлюбили за это. Настроение было угнетенное: он поэт, а никто не хочет этого понять, редакции не принимают в печать. Отец журит, что занимаешься не делом, надо работать, а он стишки пишет”²².

К сожалению, Куняевы повторили и некоторые неточности, допущенные есениноведами.

В.Белюсов, видимо, посчитал, что раз занятия в наше время в учебных заведениях начинаются 1 сентября, а 1 сентября 1913 г. было воскресенье, то и занятия на историко-философ-

ском факультете академического отделения университета начались 2 сентября 1913 г.²³. А Куняевы написали, что университет открылся в 1913 г. и занятия в нем начались с начала сентября (с. 53). На самом деле университет Шанявского открылся 15 сентября 1913 г., занятия же начались 16 сентября и только на научно-популярном отделении и лишь 23 сентября они начались в группах общественно-политической и историко-философской академического отделения²⁴. 15 сентября Есенин даже не мог подать заявление о его приеме в университет, так как его паспорт оказался недействительным. Он был выдан 24 июля 1912 г. на один год. Поэтому Есенин поехал на родину для получения нового паспорта. 18 сентября 1913 г. Кузьминское волостное правление выдало ему новый паспорт № 2486 и опять на один год²⁵. И тогда он с 23 сентября 1913 г. начал заниматься на историко-философском факультете академического отделения университета Шанявского.

Вслед за Белоусовым, Ст. и С.Куняевы (с. 52) считают, что в публикации стихотворения Есенина “Кузнец” на страницах петербургской газеты “Путь правды” (в 1914 г. под таким названием выходила газета “Правда”) 15 мая 1914 г. помог известный критик, социал-демократ Л.М.Клейнборт. Этот вывод Белоусов сделал на основании воспоминаний Г.Деева-Хомяковского о том, что Клейнборту было написано несколько писем с приложением рукописей Есенина, Ширяевца и других поэтов. “Л.М.Крейнборт откликнулся. Обещал активное содействие молодым писателям”.²⁶ А.В.Ширяевец вступил в Суриковский кружок в конце 1914 г., подписав свое заявление 23 декабря 1914 г. Тогда, в декабре, он и прислал в Суриковский кружок несколько своих стихотворений. Их и имел в виду Деев-Хомяковский. Но стихотворение Есенина “Кузнец” к этому времени было уже опубликовано. Да и сам Клейнборт о стихотворении Есенина “Кузнец” ни в своих воспоминаниях, ни в письмах никогда не упоминал. Это подтверждает и А.А.Козловский, комментируя воспоминания Г.Д.Деева-Хомяковского, он пишет: “В архиве Л.М.Клейнборта (ИРЛИ) сохранилось немало писем Г.Д.Деева-Хомяковского, С.Д.Фомина, С.Н.Кошкарлова и других суриковцев, относящихся к 1914–1916 гг., однако среди них нет писем такого характера, о котором пишет мемуарист”²⁷.

Нет их и в ГАРФ, в котором я пересмотрела все перлюстрированные письма²⁸ за 1913–1914 гг. Значит стихотворение Есенина “Кузнец” не было отправлено по почте. Таким образом, версия В.Белоусова оказалась неправильной. Его могли передать в редакцию газеты “Путь правды”, не посылая по почте. И это сделал Г.Н.Пылаев, выполнив просьбу Есенина. Филеры очень

пристально следили за Пылаевым, дав ему кличку “Скакун”. Его имя часто фигурировало и в агентурных записках московской охранки. Так, филеры доносили, что Пылаев дважды посещал типографию И.Д.Сытина²⁹. Первый раз он ее посетил 31 декабря 1913 г. вместе с М.Ф.Сеченым, так же слушателем университета Шанявского. Они пробыли в типографии 20 минут и вышли вместе с Есениным, пошли в магазин, купили продукты, а вечером на квартире Есенина встречали Новый год. Второй раз типографию И.Д.Сытина Пылаев посетил один. Следя за домом, где жил Пылаев, филер отметил, что 2 апреля 1914 г. Пылаев вышел из дома в восемь часов тридцать минут утра, доехал до конторы нотариуса Эггерса на Тверской площади, пробыл там до пяти часов дня и поехал в типографию И.Д.Сытина, где, пробыв пятнадцать минут, вышел. Видимо тогда-то Пылаев и взял у Есенина стихотворение “Кузнец” и потом отвез его в Петербург, так как, как доносили филеры, он вечером 2 апреля выехал в Петербург и 3 апреля отметился там о своем прибытии³⁰. А филеры, следившие за его домом, отметили, что 3 апреля 1914 г. с 7 ч. 30 м. утра до 8 ч. вечера — выхода его из дома и прихода замечено не было. Мною также установлено, что в это время типографию И.Д.Сытина, кроме Пылаева, никто не посещал. Пылаев поехал в Петербург не только, чтобы отвезти стихотворение “Кузнец”. Как отмечала московская охранка, он поехал туда, чтобы найти адреса, необходимые ему “для восстановления разрушенных последними арестами связей местного социал-демократического подполья”.

И это мог сделать не каждый. Для этого надо было знать кого-то, кто не только жил в Петербурге, но мог и знать этих людей и дать их адреса. Пылаев знал, что Мысков в это время жил в Петербурге теперь уже на квартире Дерябиной. Он был вынужден уехать из Москвы в связи с постановлением московского градоначальника о запрещении ему проживания в Москве. А Дерябина в это время, сотрудничая в газете “Путь правды”, была в ней представительницей от ЦК РСДРП³¹.

Она-то и помогла Пылаеву и, тем самым, Есенину, чтобы его стихотворение “Кузнец” было напечатано в газете “Путь правды” 15 мая 1914 г. Пылаев пробыл в Петербурге около двух недель. Результатом его поездки было, как сообщала московская охранка, получение им многих нужных адресов, а также организация в Университете Шанявского сбора денег в пользу газеты “Путь правды” и распространение 22 апреля 1914 г. листовки ЦК РСДРП, призывающей к поддержке рабочей большевистской печати, которую он привез из Петербурга. Позднее в Университете Шанявского была распространена листовка ЦК

РСДРП “1 Мая”, которую Пылаев получил из Петербурга, как писала московская охранка, и “от его старых знакомых”³².

Вероятно, в распространении этих листовок принимал участие и Есенин. А.Р.Изряднова в своих воспоминаниях писала: “Помню, приходил домой с целой охапкой прокламаций, возбужденный, взволнованный,— надо прокламации разослать по адресам”³³. В это время С.А.Есенин и А.Р.Изряднова состояли в гражданском браке и жили по адресу: 2-й Павловский переулок, дом 3, квартира 12³⁴. Возможно эту квартиру им помог найти наборщик типографии И.Д.Сытина Г.Л.Голубев, с которым Есенин организовывал собрание сытинцев с Дерябиной. Голубев жил рядом в доме 8, квартира 27 по 2-му Павловскому переулку.

А вот письмо пятидесяти никто из исследователей творчества С.А.Есенина до сих пор не воспринял так, как Ст. и С.Куняевы. Они сделали это, мягко говоря, очень эмоционально и, на мой взгляд, слишком конъюнктурно. Они даже не посмотрели за этот период ни большевистскую газету “Правда”, ни меньшевистскую газету “Луч”. Посмотрев их, они тогда бы, может, не написали о Есенине, что “буквально и двух недель не прошло, как он попал **в центр сомнительной политической интриги** (выделено мною.— Л.Ш.), что “дело было сугубо партийное, склочное, сектантское — в его основе лежали противоречия между семью депутатами меньшевиками и шестью депутатами большевиками” (с. 43). Говоря непосредственно о самом письме пятидесяти, они пишут, что оно “полуграмотное, написанное на революционном местечковом жаргоне”, что “стратегия письма вырабатывалась ленинским окружением и даже самим Лениным”. “Неудивительно, если Ильич был прямо или косвенно причастен к тексту письма. Оно в его стиле: его въедливость, казуистика, его демагогический напор, его сектантская ярость” (с. 44). Действительно письмо написано не совсем грамотно, но простым языком, и уж Ленин его не писал даже потому, что он был очень грамотный.

А вот Директор Департамента полиции С.П.Белецкий не обратил внимания на его неграмотность, а обратил внимание на то, что в думской социал-демократической фракции начался раскол. И очень был этому рад, когда ему Малиновский принес это письмо. Встречались они обычно в заранее заказанном на подставное лицо отдельном кабинете первоклассных петербургских ресторанов — “Палкина”, “Малоярославец”, “Старый Данон”, “Новый Данон”³⁵. Оказывается, у Белецкого давно созрел план, основанный на его представлении о меньшевиках, большевиках и о Ленине. Давая показания по делу Малиновского 12 мая 1917 г. на заседании Чрезвычайной следственной ко-

миссии Временного правительства, он сказал, что давно понял, что одни большевики не имели достаточно сил и средств для нанесения серьезного удара правительству, тогда как со стороны меньшевиков еще до выборов в IV Государственную Думу началось стремление путем уступок идти на реальное полное слияние с большевиками.

Понимая, насколько опасна такая единая и сплоченная сила, Белецкий решил не допустить слияния и для этого проникнуть в руководство большевиков. И Малиновский должен был сделать Ленина горячим сторонником раскола с меньшевиками “по принципу разделяй и властвуй”.³⁶ Но как ни старались Белецкий и Малиновский, этого не получилось. Ленин особенно боролся “за единство снизу” в низовых партийных организациях, а с “верхами” велась полемика. Правы были вице-директор департамента полиции С.Е.Виссарионов и начальник московской охраны А.П.Мартынов, считая, что эта идея Белецкого регулировать с помощью секретной агентуры взаимоотношения большевиков и меньшевиков была утопична³⁷.

Это подтвердил и Ленин. В своих показаниях по делу Малиновского в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 26 мая 1917 г. Ленин сказал, что наоборот “Малиновский превратился в одно из звеньев длинной и прочной цепи, связавшей нелегальную базу с двумя крупнейшими органами воздействия партии на массы, именно с “Правдой” и с думской с<оциал>-д<емократической> фракцией. Оба эти органа провокатор должен был сохранять, чтобы оправдать себя перед нами. Оба эти органа направлялись нами непосредственно, ибо я и Зиновьев писали в “Правду” ежедневно, а резолюции партии определяли целиком ее линию. Воздействие на 40–50 тыс. рабочих было так<им> обр<азом> обеспечено”³⁸.

Меньшевики оказались податливей.

Так что авторы книги напрасно обвинили в этом “всяких малиновских, бадаевых, петровских и прочих социал-демократов, заваривших сию кашу” (с. 45).

В то же время письмо пятидесяти насторожило Белецкого. Зная, что Московский комитет РСДРП 19 февраля 1913 г. был ликвидирован, а в районных партийных организациях к январю 1913 г. оставалось лишь пять-шесть человек, его озадачило, что письмо “пяти групп сознательных рабочих Замоскворецкого района”³⁹ составили 50 рабочих.

Поэтому особый отдел Департамента полиции направил 27 марта 1913 г. письмо пятидесяти начальнику московской охраны для выяснения подписавшихся.

Куняевы усомнились, что Есенин, проработав в типографии И.Д.Сытина «всего две недели, ставший рабочим-экспедитором (то есть “грузчиком при типографии”)), в это время “запоём читающий Блока, Клюева, Андрея Белого”, мог подписать это письмо сознательно. И что он, видимо, совершенно случайно поставил подпись (с. 45).

В этом году, снова работая теперь в ГАРФ (бывший ЦГАОР СССР), найдя много новых документов, я рассею все сомнения авторов и отвечу на все поставленные ими вопросы.

Письмо пятидесяти начинается словами: “Мы, нижеподписавшиеся пять групп сознательных рабочих” ..., а не, как пишут Куняевы, что “это письмо, написанное якобы “пятью группами сознательных рабочих”, но на самом деле составленное каким-то партийным функционером, знавшим расстановку внутри партийных сил, настроения и политику лидеров, живших в то время то ли в Швейцарии, то ли в Париже” (с. 44).

Так вот, не в Швейцарии и не в Париже, а в Кракове тогда жили Ленин и Зиновьев. И там с 26 декабря 1912 г. по 1 января 1913 г. было проведено совещание ЦК РСДРП с партийными работниками. На нем присутствовали и депутаты-большевики: Е.А.Бадаев, Р.В.Малиновский, Г.Н.Петровский, Н.Р.Шагов и секретарь думской “шестерки” В.Н.Лобова.

Наряду с другими вопросами на нем рассматривалось и положение дел в думской фракции, в частности, раскольническая политика думской “семерки”. Краковское совещание дало “шести” рабочим депутатам директиву — добиваться полного равноправия обеих частей фракции⁴⁰. Для этой цели Малиновский 11 января 1913 г. в Москве провел совещание с представителями газеты “Правда” и выборщиками от рабочих кюрий. В качестве приглашенного был и выборщик от рабочих Даниловской мануфактуры С.И.Герасимов. Малиновский сделал сообщение о положении дел в думской фракции⁴¹.

Но борьба внутри фракции разгорелась с новой силой. В меньшевистской газете “Луч” 23 декабря была открыта рубрика “Голоса рабочих”, в которой начали печататься отклики рабочих в защиту “семерки”. Такие же письма, но уже в защиту “шестерки” начали печататься в газете “Правда” с 28 февраля 1913 г. в рубрике “Рабочие и социал-демократия”.

В Москве письма для “Правды” собирали А.И.Лобов (муж В.Н.Лобовой) и слесарь арматурного завода Ф.Гаккенталь К.Л.Алексеев, а для “Луча” — техник А.Г.Корнеев⁴².

В “Правде” москвичи опубликовали пять писем: 6 марта — группы московских портных; 19 марта — рабочих “Общества электроосвещения 1886 г.” (Замоскворецкий район); 21 марта —

рабочих Товарищества Прохоровской мануфактуры; 28 марта — рабочих арматурного завода Ф.Гаккенталю; 29 марта — рабочих завода Доброва и Набгольц.

Письмо пятидесяти не было прислано Малиновскому по почте. Оно не имело ни почтового штампа, ни даты отправления. Кроме того, оно не было отражено во входящих журналах Департамента полиции (СПб).

Письмо пятидесяти Малиновскому и письмо рабочих “общества электроосвещения 1886 г.”, опубликованное в газете “Правда” 19 марта, привезла из Москвы в Петербург Лобова: первое она передала Малиновскому, а второе — в редакцию газеты “Правда”.

Как сообщали в своих донесениях агенты московской охранки, в Москве с 11 марта 1913 г. находились А.И.Лобов и В.Н.Лобова. Они жили в д. 2 по Трехпрудному переулку, за которым 13 марта было установлено наблюдение филеров. Но 16 марта в графе “местожительство” агентами уже было отмечено (“Копейка” — Лобова В.Н. выбыла)⁴³. Лобова вновь была в Петербурге, куда ей 19 марта 1913 г. послала из Москвы письмо ее “старая приятельница” — Б.В.Ромм. В нем она сообщила об аресте А.И.Лобова 19 марта 1913 г.⁴⁴

Эти сведения пока дают возможность изменить прежние датировки письма пятидесяти: “март до 22, 1913 г.” (6, 429) и “март 1913 г.” (Письма-95, с. 25) на “первая половина марта 1913 г.”.

От типографии И.Д.Сытина письмо пятидесяти подписали четверо рабочих. Среди них В.В.Сергеев был наиболее опытным в революционной работе. До поступления 29 мая 1912 г. корректором в типографию И.Д.Сытина Сергеев с 1907 г. работал корректором в типографии Кушнарева. В ней он познакомился с видным большевиком — литографом В.Ф.Соловьевым, секретарем центрального района Московской организации большевиков и линовальщиком А.С.Борщевским, руководителем кружка типографчиков Центрального района Московской организации большевиков. Особенно близок Сергеев был с Соловьевым, который и приобщил его к революционной работе. Уже в 1907 г. Сергеев распространял нелегальную литературу, а в 1908 г. на квартире Сергеева хранился шрифт подпольной типографии. И когда в 1911 г. Соловьева арестовали и сослали в Енисейскую губернию за принадлежность к Московскому комитету РСДРП, Сергеев переписывался с Соловьевым, посылал ему деньги, которые собирал среди товарищей по типографии. Борщевский же совместно с другими большевиками взял на себя восстановление Московского комитета РСДРП.

— В феврале 1912 г. Соловьев бежал из ссылки и, как доносили филеры, 1 марта 1912 г. ночевал на квартире у Сергеева. 14 марта там был произведен обыск, но Соловьев уже уехал за границу⁴⁵. Сергеев был вынужден уволиться с работы и поменять место жительства.

В устройстве его на работу в типографию И.Д.Сытина ему помог Борщевский. В агентурной записке от 18 августа 1912 г. говорится, что Борщевский был близко знаком с Андрианом Николаевичем Николаевым — наборщиком типографии И.Д.Сытина⁴⁶. Но Борщевский не знал, что Николаев был секретным сотрудником московской охраны под кличкой “Андреев” и использовал их дружбу для информации московской охраны, употребляя в своих донесениях слова: “Он сказал”, “По его словам”. Или как в своем донесении 21 августа 1912 г. Николаев написал: “Борщевский заявил, что у него много связей, благодаря коим он надеется основательно поставить дело”⁴⁷. Конечно Борщевский рекомендовал Николаеву Сергеева как опытного революционера. А Николаев, как секретный сотрудник, был связан с заведующим паспортной частью типографии И.Д.Сытина, охотно помог другу, устроив Сергеева корректором в типографию И.Д.Сытина, и потом также использовал знакомство с Сергеевым в своих целях. Он сообщал в московскую охранку, что Сергеев получал от Соловьева из-за границы по адресу “Москва, Пятницкая улица, типография Сытина” листовки ЦК РСДРП “Страхование и закабаление” — 16 октября 1912 г., “Ко всем гражданам России” — 24 октября 1912 г., “1 Мая” в 1913 г. и из Петербурга 10 сентября 1913 г. “Социал-демократ” № 31 за 15/28 июня 1913 г.⁴⁸. Сергеев показывал их Николаеву, так как он в своих донесениях сообщал, что листовки присылались в заграничных конвертах.

А вот кто устроил Есенина на работу в типографию И.Д.Сытина, до сих пор была единственная версия В.Белоусова. Он еще в 1969 г. посчитал, что Есенин “в начале марта с помощью отца и руководителей Суриковского литературно-музыкального кружка оформился на работу в экспедицию типографии Товарищества И.Д.Сытина (Пятницкая ул<ища>)”⁴⁹. В качестве основания для этого вывода он привел воспоминания А.Атюнина, в которых тот писал: “Его отец, желая устроить Сергея куда-либо на более прочное место, просил знакомого корректора фабрики Сытина Костелева Алексея Саввича оказать содействие, и в результате в марте 1913 года Сергей Есенин поступил на фабрику издательства Сытина”⁵⁰. Но Костелев никакого отношения к Суриковскому кружку не имел, он не был причастен к революци-

онному движению, а просто был корректором типографии И.Д.Сытина.

Действительно отец Есенина мог пойти в типографию И.Д.Сытина для того, чтобы ему помогли устроить сына. Дело в том, что после увольнения из типографии И.Д.Сытина, с середины мая 1914 г. Есенин нигде не работал. И как вспоминала А.Р.Изряднова: “В июне он едет в Ялту, недели через две должна была ехать и я, но так и не смогла поехать. Ему не на что было там жить. Шлет мне одно другого грознее письма, что делать, я не знала. Пошла к его отцу просить, чтобы выручил его, отец не замедлил послать ему денег, и Есенин через несколько дней в Москве. Опять безденежье, без работы, живет у товарищей. В сентябре поступает в типографию Чернышева-Кобелькова”⁵¹.

А.Р.Изряднова тогда ждала ребенка. И, конечно, будущий дед пошел в типографию И.Д.Сытина. Атюнин ошибся, назвав в своих воспоминаниях типографию И.Д.Сытина. Это была типография Чернышева-Кобелькова. Суриковцы действительно беспокоились о Есенине. И как пишет в своих воспоминаниях Г.Деев-Хомяковский — “решено было его устроить куда-либо на службу. После ряда хлопот его устроили через социал-демократическую группу в типографию бывшего Сытина на Пятницкой улице (Выделено мною.— Л.Ш.)”⁵². Это пока единственное воспоминание, где указывается, что именно через социал-демократическую группу Есенин устроился на работу в типографию И.Д.Сытина.

Хлопоты суриковцев были вызваны тем, что, как указывалось выше, 19 февраля 1913 г. были арестованы все члены Московского комитета РСДРП, в том числе и И.П.Галдин, который 8 февраля 1913 г. навещал наборщиков типографии И.Д.Сытина, чтобы организовать там кружок, так как социал-демократической организации в типографии не было, а были лишь несколько социал-демократов⁵³. И в Москве, как сообщала московская охранка, к этому времени было всего лишь “4–5 отдельных партийных работников, стараниями коих наладить работу подполья в настоящее время успехов не дали...”⁵⁴. В числе этих лиц был указан А.С.Борщевский. И связаться с этими лицами в условиях подполья было очень трудно. В этом суриковцам помог С.Д.Соковнин — почтово-телеграфный служащий Московского почтамта, уволенный с работы 28 августа 1913 г. “за политические убеждения”. Московская охранка характеризовала его как социал-демократа большевика. В агентурной записке от 18 октября 1913 г. она также сообщала, что “Бывший чиновник Московского почтамта Соковнин был близок к кружку “писателей из народа”, называемого “Суриковским”. Еще задолго до его увольне-

ния от службы, он высказался, что год тому назад “занимался литературой, а теперь занимается политикой”, но в чем заключается занятие, не сказал”⁵⁵. С.Д.Соковнин был знаком и с членом Суриковского кружка В.В.Горшковым⁵⁶, который знал и Сергея Есенина и, видимо, очень хорошо к нему относился, что уже после его трагической смерти помогал в устройстве его дяди — Александра Федоровича Титова на работу, написав об этом 27 июля 1926 г. В.Л.Львову-Рогачевскому⁵⁷.

В агентурных записках московской охранки⁵⁸ отмечалось также, что Соковнин был близок и с А.С.Борщевским. Борщевский в это время характеризовался охранкой как опытный партийный работник. Он входил в центральное бюро профсоюзов, а Соковнин был организатором почтово-телеграфного профессионального союза. В январе 1913 г. Борщевский был включен в комиссию по организации издания в Москве легальной рабочей газеты. Впоследствии она получила название “Наш путь”, а Соковнин был ее распространителем и публиковал в ней статьи о жизни почтово-телеграфных служащих. Через Соковнина Борщевский и помог социал-демократам Суриковского кружка устроить Сергея Есенина на работу в экспедицию типографии И.Д.Сытина. В начале марта 1913 г. Соковнин опять воспользовался своей дружбой с Николаевым. Вероятно, Борщевский также охарактеризовал Есенина, как и Сергеева. Поэтому он и согласился устроить Есенина. И он не ошибся, так как уже было сказано выше, что Есенин оказался организатором собрания сытинцев с такой известной большевичкой — С.И.Дерябиной. Скорее всего через посредство Сергеева Есенин и подписал тогда письмо пятидесяти. Сергеев его подписал первым, вторым Иванов, шестым — Павлов, Есенин подписал его 32-ым. По всей видимости, Есенина в это время не было на месте, ведь он мог уехать по делам, так как тогда работал в экспедиции. И Сергеев мог дать подписать письмо позже. Борщевский вероятно сказал о Есенине и Сергееву. Как указывалось выше, Сергеев получил от Соловьева листовку ЦК РСДРП “1 Мая”, призывавшую к организации забастовки в этот день. Эта листовка была размножена, 8 тысяч её было распространено среди московских типографов⁵⁹: не исключено, что Есенин участвовал в ее распространении. До этого, в феврале-марте 1913 г. он уже распространял ежемесячный журнал “Огни” социал-демократического направления. Да и А.Р.Изряднова вспоминала, что “как в типографии, так и в университете он слыл за передового, посещал собрания, распространял нелегальную литературу”⁶⁰.

1 мая 1913 г. сытинцы в количестве 1800 человек приняли участие в этой забастовке. Тогда бастовали рабочие всех цехов и отделений. В этой забастовке принимал участие Сергей Есенин.

Есенин знал и Николаева. Он был свидетелем его ареста 24 сентября 1913 г. в числе семи сытинцев “за подстрекательство” к забастовке рабочих типографии И.Д.Сытина⁶¹. Как вспоминала корректор типографии И.Д.Сытина М.Мешкова, “когда арестовали нескольких наборщиков, мы все видели и возмущались. Есенин был особенно взволнован случившимся”⁶².

На следующий день был арестован чернорабочий М.П.Мухин⁶³. И Есенин написал Грише Панфилову: “писать подробно не могу. Арестовано 8 человек товарищей <...> много хлопот и приходится суетиться”⁶⁴.

По всей видимости, Есенин знал и И.П.Павлова, который, как и Есенин, был в поле зрения московской охранки в связи с тем, что должен был присутствовать 1 ноября 1913 г. на собрании с С.И.Дерябиной⁶⁵. Впоследствии Павлов вошел в рабочую организацию Замоскворецкого района.

Б.Н.Иванов, подобно Павлову и Сергееву, характеризовался московской охранкой как “убежденный социал-демократ”. Он был одним из организаторов кружка социал-демократов типографии И.Д.Сытина⁶⁶.

Кто же составил текст письма пятидесяти? Ленин или кто-то из его окружения — как пишут Куняевы?

Действительно, письмо пятидесяти отличается от пяти писем московских рабочих, опубликованных в газете “Правда” с 6 по 26 марта 1913 г. Но не только тем, что его подписали “пять групп сознательных рабочих”, но и своим содержанием. Только в нем дан подробный критический анализ платформы меньшевиков, выработанной ими для предстоящих осенью 1912 г. выборов в IV Государственную Думу. Конференция проходила в г.Вене 12 августа 1912 г., поэтому она и стала называться — августовской. Этой платформе меньшевики остались верны и после создания единой социал-демократической фракции IV Государственной Думы. И это письмо мог написать тот, кто об этом знал. Это-то и дало основание установить, кто помог им составить текст письма пятидесяти. Им оказался А.С.Борщевский, не раз упомянутый мною. 7 октября 1912 г. он присутствовал на собрании большевиков по поводу августовской конференции⁶⁷. А потом передал это письмо Сергееву, который первым поставил свою подпись под этим письмом.

Была ли подпись Есенина, как пишут Куняевы, случайной, или он его подписал сознательно?

До недавнего времени в публикациях письма Есенина к Панфилову (Москва, март 1913) печаталось: “Недавно я устраивал агитацию среди рабочих **письмами** (выделено мною.— Л.Ш.). Но С.И.Субботин обнаружил, что в подлиннике эта фраза написана иначе: “Недавно я устраивал агитацию среди рабочих **письмом** (выделено мною.— Л.Ш.)⁶⁸, а это значит, что речь идет о письме пятидесяти и что Есенин своей подписью поддержал позицию большевистской шестерки, агитируя других рабочих последовать его примеру.

Письмо пятидесяти Есенин подписал сознательно, как и сознательно распространял среди рабочих журнал “Огни”, говоря об этом в том же письме Панфилову, что **“это хорошая вещь. Цена годовая 65 копеек. Ты должен обязательно подписаться”** (подчеркнуто мною.— Л.Ш.).

А как же Куняевы охарактеризовали жизнь и деятельность Есенина в Москве в 1912–1915 гг.? Они посчитали, что это был “флирт с социал-демократией” (с. 39). Они даже за Есенина определили, что он “с легкой иронией написал Панфилову: “Во-первых, я зарегистрирован в числе всех профессионалистов, у меня был обыск, но все кончилось благополучно” (с. 46). А мне кажется, что он написал это с гордостью. Конечно, Пылаев предупредил Есенина о том, чтобы он вел себя осторожно, он мог сказать и о возможной слежке за ним филеров. Ведь Дерябина была очень видной фигурой в революционном движении.

И мне удалось установить, что Есенин знал о наблюдении за ним филеров. Об этом ему сказал отец. Когда я в конце 1961 г. нашла «Дневник наблюдения за Есениным под кличкой “Набор”», я встретила с А.А.Есениной 12 января 1962 г. Посмотрев его, она сказала, что много лет спустя нам отец сказал, что за Сергеем велось наблюдение. Об этом его предупредил дворник, который покупал у него мясо в лавке Крылова. Дворник также посоветовал отцу, чтобы Сергей на какое-то время уехал из Москвы. Потом отец называл Сергея большевиком⁶⁹: Это косвенно подтверждается и воспоминаниями Я.А.Трепалина, относящимися к 1914–1915 гг., в которых он писал: “Раза два мне пришлось быть в кругу товарищей Есенина. <...> помню — толковали о литературе, цензуре, конфискации номеров журналов, штрафах, слежке полиции за рабочими типографии, издательствах и т.п. Есенин, как всегда, говорил громко, жестикулируя”⁷⁰.

А Куняевы считают, что, работая в типографии И.Д.Сытина, Есенин играл в ней “роль эпизодического пропагандиста; “маленького “винтика” большого пролетарского дела” и что это были “пустячковые поручения”.

И окончательным выводом их было: “А все, что было с ним (Есениным.— Л.Ш.) — **лишь временная лихорадка молодого незрелого ума**” (подчеркнуто мною.— Л.Ш.) (с. 55).

А вот некоторые современники Есенина были о нем другого мнения. Так, его товарищ по Константинову и первым годам жизни в Москве Н.А.Сардановский, учась в это время в Москве в коммерческом институте, часто виделся с Есениным и даже некоторое время жил с ним в одной комнате в д. 24 Б.Строченовского переулка. Он писал о Есенине: “Его общественные убеждения до 1913 г. заключали в себе значительную долю толстовства с его преклонением перед образом русского крестьянина. Потом в Москве мне Есенин как-то в разговоре заявил, что его знакомство с рабочим классом заставило переменить прежнее мнение, и он горячо стал мне доказывать, что наивысшую общественную ценность в государстве представляют рабочие”⁷¹. А его поэма “Галки”, стихотворения “Узоры”, “Бельгия”, “Русь”, которые он посвятил первой мировой войне и в которых осуждал ее, тоже были написаны им от незрелого ума? А меня, как историка, поразило предвидение Есениным начала 2-й буржуазно-демократической революции в феврале 1917 г.

Вспоминая одну из встреч в Петербурге с Есениным, З.И.Ясинская — дочь поэта, писателя и журналиста И.И.Ясинского, который в числе других доброжелателей Есенина помог ему освоиться в литературной среде, когда он приехал в Петербург в 1915 г., писала: “Вспоминается мне один знаменитый разговор, происходивший осенью 1916 г. в присутствии молодого писателя Пимена Карпова <...>. Зашел разговор о долголетию. Я сказала, что боюсь смерти, хочу своими глазами увидеть жизнь после революции”. На это, как она пишет далее, Есенин ответил: “- Да ведь для этого не надо жить долго <...> — революция будет завтра или через **три месяца** (подчеркнуто мною.— Л.Ш.). Какие настроения на фронте. Об этом говорят солдаты в лазаретах и госпиталях”.— Далее, пишет Ясинская, он сказал: «**Начало революции положит питерский рабочий и солдат, отведавший фронта, и “вся Россия” пойдет за ними**» (подчеркнуто мною.— Л.Ш.)⁷². В это время С.Есенин служил санитаром в царскосельском военно-санитарном поезде № 143 и поэтому знал обстановку в городе и на фронте.

И Есенин оказался прав. Действительно, 23 февраля 1917 г. стало первым днем Второй буржуазно-демократической революции. Началась она в Петрограде еще 13–14 февраля 1917 г. многочисленными митингами на заводах, перешедших в забастовки рабочих. 25 февраля стачка в Петрограде стала всеобщей. К восставшим примкнули солдаты запасного батальона Лейб-

гвардии Павловского полка и других, находившихся в Петрограде и его пригороде. 1 мая восставших поддержали матросы кораблей Кронштадта, а затем восставший Петроград поддержали Москва и вся Россия⁷³.

Все изложенное, конечно, не дает основание считать С.А.Есенина большевиком. Но это период его жизни, его биография, это история нашей Родины и ее надо писать правдиво.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАРФ, ф. 63, оп. 44, д. 4983, л. 1.

² Официальный адрес колониальной лавки Н.В.Крылова — Строченовский переулок, д. 24. См. Справочник “Вся Москва на 1913 г.”, с. 292. Там же на с. 790 указано, что у Н.В.Крылова была еще и съестная лавка, адрес которой — д. 24, Большой Строченовский переулок. В справочнике “Вся Москва на 1914 г.”, с. 388, даны сведения только о колониальной лавке и указан ее прежний адрес. Сведения в справочнике “Вся Москва” включены за предыдущий год. Так, в справочнике “Вся Москва на 1913 г.”, включены данные за 1912 — и т.д.

Вход в колониальную лавку Н.В.Крылова был со стороны улицы Щипок. И у Сергея Есенина в письме Грише Панфилову (Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма, документы. М. “Республика”, 1995, с. 12 (далее сокращенно — письма-95, воспоминания-95) и у некоторых исследователей творчества Есенина указывается не Строченовский переулок, а улица Щипок.

³ Некоторые есениноведы до сих пор пишут, что Есенин работал в книжном магазине “Культура” на Страстной площади (ныне Пушкинская площадь), хотя сам Есенин писал М.П.Бальзамовой (Письма-95, с. 14), что работает в конторе книготоргового т-ва “Культура”. Путаница, вероятно, произошла, во-первых, потому, что этот дом был угловым и выходил на Страстную площадь и на М.Дмитровку, во-вторых, вероятно, и потому, что и книжный магазин “Культура” и книгоиздательство т-ва “Культура” находились в одном помещении — д. 1 по М.Дмитровке. В 1912 г. за посетителями книжного магазина “Культура” велось наблюдение филеров, указан адрес — д. 1, М.Дмитровка (ГАРФ, ф. 63, оп. 45, 1912 г., д. 516, л. 371). См. также справочники “Вся Москва на 1913 г.”, с. 704, 706; то же на 1914 г., с. 727, 730; на 1915 г.— сведения о них отсутствуют, так как в начале февраля 1913 г. они были ликвидированы.

⁴ Шалагинова Л. Отклики на ленские события в России // Журн. “Исторический архив”. М., Издательство Академии Наук СССР, 1962 г., № 1, январь-февраль, с. 178, 179.

⁵ ГАРФ, ф. 102, оп. 238, 1908 г., д. 17, ч. 29, л. 83–86.

⁶ Там же, ф. 63, 1909 г., д. 1707.

⁷ Там же, оп. 46, д. 12, л. 258; ф. 102, оп. 242, 1912 г., д. 3 т. 3^{лл}; газета “Семафор” начала выходить в Москве с 13 марта 1912 г.

⁸ Там же, д. 3 т. 3^{лл} прод. л.— 112.

⁹ Курский Д.И. (1884–1932) — присяжный поверенный, с 1904 г.— большевик, работал в Московской партийной организации и профсоюзах:

- См. Дело провокатора Малиновского. М., Издательство “Республика”, 1992, комментарий, с. 265 (далее сокращенно — Дело провокатора Малиновского, 1992).
- 10 Русские писатели 1800–1917. Библиографический словарь, Фианит, 1992, т. 2, с. 95–96, Воспоминания-95, с. 61.
- 11 Письмо пятидесяти впервые было опубликовано с небольшими сокращениями и без подписей — *Шалагинова Л.* Письмо пятидесяти и С. Есенин // Журн. “Новый мир”, 1962, № 6, июнь, с. 278, 279. С меньшими сокращениями и без подписей — *Прокушев Ю.* Юность Есенина. Московский рабочий, 1963, с. 141, 142 (в дальнейшем: *Прокушев Ю.* Юность Есенина. 1963). Полный текст с фамилиями: *Белоусов В.* Сергей Есенин. Литературная хроника, ч. 1. М., Советская Россия, 1969, с. 206, 207 (далее сокращенно — *Белоусов В.* Хроника, ч. 1).
- 12 ГАРФ, ф. 102, оп. 243, 1913, д. 5 ч. 46 лит. Б, прод. 1, с. 189, 190.
- 13 Р.В.Малиновский с мая 1910 г. был секретным сотрудником московской охранки под кличкой “Портной”, а с октября 1912 г. под кличкой “Икс” был личным секретным сотрудником директора Департамента полиции С.П.Белецкого. Был разоблачен в 1917 г., а в ноябре 1918 г. — расстрелян: Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в. Энциклопедия. М., РОССПЭН, 1996, с. 339.
- 14 *Лобова В.Н.* (1888–1924): с 1905 — большевичка, с 1911 г. — член МК РСДРП, с ноября 1912 г. — секретарь русского бюро ЦК РСДРП и группы большевиков-депутатов IV Государственной Думы, с конца февраля 1913 г. снова в Москве, организовывала отделения конторы газеты “Правда”: См. Дело провокатора Малиновского, 1992, с. 265.
- 15 Остальные подписи раскрыты в комментарии к письму пятидесяти в 7 томе Полного собрания сочинений С.А.Есенина (кн. 2).
- 16 *Дерябина С.И.* (1888–1920) — член партии с 1904 г. Вела революционную работу в Ростове-на-Дону, Москве, Туле, Петербурге, Самаре. В 1913 г. участвовала на Поронинском совещании ЦК РСДРП. В 1914 г. — член исполнительного комитета Петербургского комитета РСДРП (БСЭ, М., 1975. С. 145).
- 17 Мысков М.В. и Пылаев Г.Н. входили в большевистскую организацию университета им. А.Л.Шанявского и проводили большую работу по вовлечению слушателей университета в революционное движение: Мысков был также одним из организаторов восстановления ликвидированного Московского комитета РСДРП, в состав которого потом вошел и сам (ГАРФ, ф. 63, оп. 46, д. 15, л. 293; д. 69, л. 90, 92, 100, оп. 54, д. 454, ф. 102, 7 д-во, 1913, д. 1984).
- 18 *Членов С.Б.* Московская охранка и ее сотрудники: по данным комиссии по обеспечению нового строя. М., 1919, с. 72.
- 19 ГАРФ, ф. 63, оп. 44, д. 4983, д. 5086.
- 20 РГАЛИ, ф. 190, д. 126.
- 21 Письма-95, с. 15.
- 22 Воспоминания-95, с. 59.
- 23 *Белоусов В.* Хроника, ч. 1, с. 46.
- 24 Брошюра “Московский городской народный университет имени А.Л.Шанявского, 1913–1914 академический год”.
- 25 ГАРФ, ф. 63, оп. 45, д. 410, л. 171.
- 26 *Белоусов В.* Хроника, ч. 1, с. 211, 212.

- 27 С.А.Есенин в воспоминаниях современников. М., “Художественная литература”, 1986, т. 1, с. 460, 461.
- 28 Перлюстрация — тайное вскрытие всей корреспонденции перлюстрационными пунктами, которые создавались на почтамтах. Зашифрованные письма отправлялись в особый отдел Департамента полиции, где тщательно изучались, разбирались по партиям и по содержанию. Они являются важным источником по истории не только революционного движения, но и настроения населения в различных общественных и политических кругах. Много писем и частного характера. В ГАРФ письма составляют оп. 265, ф. 102.
- 29 Там же, ф. 63, оп. 44, д. 5134, л. 23; оп. 45, д. 376 л. 167, 171, 172; д. 518, л. 376; д. 519, л. 811, д. 288, л. 124.
- 30 Там же, оп. 46, д. 69, л. 64; оп. 45, д. 412, л. 172.
- 31 Журн. “Красная летопись”, М.—Л., 1923, № 8, с. 280. С.И.Дерябина была арестована не как указано в журнале — 18 марта 1914 г., а 15 апреля 1914 г. (ГАРФ, ф. 102, 7-дво, 1914, д. 578, л. 3).
- 32 Там же, ф. 63, оп. 54, д. 12, л. 392–395; оп. 46, д. 66, л. 189; д. 69, л. 100.
- 33 Прокушев Ю. Юность Есенина, 1963, с. 134.
- 34 Письма-95, с. 46; ГАРФ, ф. 63, оп. 45, д. 410, л. 216.
- 35 Розенталь И.С. Провокатор. Карьера Романа Малиновского. М., Издательство ассоциации РОССПЭН, 1994, с. 75.
- 36 Там же, с. 77.
- 37 Дело провокатора Малиновского, 1992, с. 17.
- 38 Там же, с. 53.
- 39 Здесь имеется в виду Замоскворецкая районная партийная организация, так как территория Москвы делилась в то время не на районы, а на части. Так, Замоскворечье входило в Пятницкую часть.
- 40 ГАРФ, ф. 102, оп. 243, 1913, д. 5 ч. 46, лит. Б, л. 3
- 41 Там же, ф. 63, оп. 46, д. 13, л. 16
- 42 Там же, д. 12, л. 68
- 43 Там же, оп. 45, д. 282, л. 92–98; д. 367, л. 230–236.
- 44 Там же, ф. 102, оп. 243, 1913, д. 307, л. 233
- 45 Там же, ф. 63, 1912, д. 203.
- 46 Там же, ф. 102, оп. 242; 1912, д. 5, ч. 46, лит. Б, л. 66
- 47 Там же, ф. 63, оп. 46, д. 9, л. 184.
- 48 “Социал-демократ” — центральный орган РСДРП. Нелегальная газета, издавалась с февраля 1908 г. по 31 января 1917 г. в Париже, затем в Женеве. С декабря 1911 г. редактировалась только большевиками (Дело провокатора Малиновского, 1992, с. 266).
- 49 Белоусов В. Хроника, ч. 1, с. 40, 41.
- 50 Там же, с. 41
- 51 Воспоминания-95, с. 59, 60.
- 52 Там же, с. 61.
- 53 Шалагинова Л. Сергей Есенин в революционной Москве (1912–1914) // Журн. “Вопросы литературы”, 1987, № 11, ноябрь, с. 179.
- 54 ГАРФ, ф. 102, оп. 243, 1913, д. 5 ч. 46, лит. Б, л. 35.

- 55 Там же, ф. 63, оп. 46, д. 12, л. 235.
- 56 Там же, д. 12, л. 258.
- 57 Письма 95, л. 420, 421.
- 58 ГАРФ, ф. 63, оп. 44, д. 5136, л. 2, оп. 45, д. 288, л. 92, 113, оп. 46, д. 12, л. 279, ф. 102, оп. 242, д. 5 ч. 46, л. 19, 21.
- 59 "Социал-демократ", 1913, № 32, 15/28 декабря, л. 6
- 60 Прокушев Ю. Юность Есенина, 1963, с. 168.
- 61 ГАРФ, ф. 102, 4 д-во, 1913, д. 1020
- 62 Прокушев Ю. Юность Есенина, 1963, с. 152
- 63 ГАРФ, ф. 102, 4 д-во, 1913, д. 1020, л. 156
- 64 Письма-95, с. 37.
- 65 ГАРФ, ф. 63, оп. 46, д. 12, л. 263; оп. 45, д. 424, л. 63
- 66 Там же. л. 78, 79; ф. 63, оп. 46, д. 13, л. 83.
- 67 Там же, д. 9, л. 224.
- 68 Письма-95, с. 27.
- 69 Цитируется по записи беседы с А.А.Есениной 12 января 1962.
- 70 Прокушев Ю. Юность Есенина, 1963, с. 164, 165.
- 71 С.А.Есенин в воспоминаниях современников. М., "Художественная литература", т. 1, 1986, с. 455, 456. Комментарии А.А.Козловской.
- 72 Там же, с. 260, 261..
- 73 История СССР, М. "Наука", т. 6, 1968, с. 637, 638, 650-654.

Мария Павловски
(США)

ЕСЕНИН И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

(размышления к постановке вопроса по поводу антологии
"Anno mundi ardentis: Russia's World War I Poetry")

В США под редакцией профессора Марии Басом (она — профессор Университета Северной Айовы) готовится к выпуску сборник исследований "Anno mundi ardentis: Russia's World War I Poetry", участником которого я имею честь быть. За главу о поэзии Есенина во время первой мировой войны ответственна я. Поэзия Есенина представляется в контексте литературы Серебряного века, как ее органическая составная часть. Сборник охватывает творчество следующих поэтов: З.Гиппиус, Ф.Сологуб, А.Блок, М.Волошин, Н.Гумилев, А.Ахматова, О.Мандельштам, Г.Иванов, С.Есенин, Н.Клюев, М.Цветаева, В.Хлебников, В.Маяковский, Б.Пастернак. Главы, посвященные стихотворениям этих поэтов, разделяются на две части: обзор творчества в период первой мировой войны и переводы ранее не переведенных произведений этого периода. Большинство поэтических произведений Есенина было переведено на английский язык разными поэтами, переводчиками, исследователями и любителями, британский литературовед Джесси Дейвис перевела почти все произведения Есенина. Таким образом, в главу о Есенине после нашего обзора вводятся новый перевод поэмы "Марфа Посадница", сделанный Эриком Лаурсеном, и мой перевод рецензии Есенина "Ярославны плачут".

В литературоведении вопрос о поэзии, связанной так или иначе с первой мировой войной, является мало изученным как в России (по понятным причинам), так и за рубежом. Значение первой мировой войны в русской литературе, и вообще в русском искусстве, в исследовательских работах затмевалось по сравнению с преувеличенным значением второй мировой войны (Великой Отечественной войны) и Октябрьской революции. Война, особенно мировая, в жизни каждого народа затрагивает все ее сферы. Соответственно, жизнь каждой составляющей единицы народа, то есть каждого без исключения человека подвергается влиянию всеохватывающей и всепотрясающей войны. В России культурная память о первой мировой войне была заслонена революцией и гражданской войной и была заменена новой

советской ментальностью, в которой не было места для предыдущей патриотической и религиозной поэзии.

В концепцию определения поэзии о войне (военной поэзии), изложенную редактором сборника, входит поэзия не только непосредственно отражающая войну (пропаганда за или же против войны) или же написанная непосредственными участниками войны (в России таковым был один Гумилев), но и поэзия, опосредованно отражающая ее. Согласно нашему редактору, в русском искусстве война нередко являлась поводом для самоанализа (лирического героя и нации), для пересмотра всех животрепещущих (злободневных) аспектов личного и национального существования. Вопрос о том, кто, о чем, как пишет в годы войны, является одним из центральных показателей отражения объективной действительности в творческом сознании. Естественно, объективных критериев нет для утверждения того, почему к той или другой теме обращается тот или другой поэт, почему некоторые приемы, образы, мотивы и т.д. преобладают (так как нет возможности догадаться о творческом развитии художников без влияния войны), однако безусловно есть сложная корреляция между войной, историей и жизнью, в том числе и индивидуальным отношением к действительности и, следовательно, психологией творчества. Редактор тома пишет, что “Великая война предоставила отправную (исходную) точку для писателей этого периода, которые преобразовали эти переживания через искусство в целях выражения духовной истины, более пронизательно-го выражения внутреннего состояния, отражения высшей действительности, протеста или же поддержки политических или религиозных основ войны (перевод автора)”¹.

14-й год — переворот в творческой биографии Есенина — уникальным образом совпал с переворотом в жизни родной страны, переворотом, сулящим яркое будущее, полное надежды. В июле 14-го года ему еще не исполнилось 19 лет. Есенин утвердился как поэт, умеющий создавать зрелые самобытные стихотворения именно в это время, и его поэтическая продукция за годы войны является значительной; доминирующей темой его поэзии оказывается родина, родная природа и любовь лирического героя к ней. Первый сборник стихотворений Есенина “Радуница”, появившийся в январе-феврале 1916 года, представляет собой продукт работы Есенина над новыми оригинальными стихотворениями, с одной стороны, и переработки ранее созданных стихотворений, с другой, в основном в течение осени 1914 г.

Само заглавие сборника имеет непосредственную связь с текущей войной. Радуница — народный праздник, поминовение усопших (во вторник на второй неделе после Пасхи — на Фоминой неделе). В этот день пробуждаются усопшие, лежащие в могилах, к радостному воскресению. В период войны этот обряд

является свидетельством преемственности и нераздельного единства живых и мертвых, тех, которые остались в живых, с теми, которые отдали свою жизнь за свободу родной земли. Чувством совместной скорби, вызванной земной смертью, и радости воскресения мертвых в вечную жизнь пронизан весь сборник. Такие оксюморонные образы, как “тоска веселая”, присущие поэтическому миру Есенина, получают особую семантическую насыщенность. В сборнике первый цикл называется «Русь», под этим же названием создает Есенин и свою поэму, центральное и итоговое произведение, связанное с весенней тематикой.

В этом сборнике лишь одно стихотворение *По селу тропинкой кривенькой...* (опубликованное 26.7.1915 г.: «Огонек», с датой 1914 г.) связано непосредственно с военной тематикой. Народные празднества перед отправкой рекрутов на войну, воспроизведенные поэтом в традициях народно-поэтического творчества (рекрутских песен), отражают духовное настроение русского мужика в начале войны, который как богатырь просыпается после долгого сна и с нетерпением готовится к проявлению своей смелости, смекалки, превосходства над своим противником в великой борьбе и готовится быть участником военных подвигов, победы над германскими захватчиками, становясь защитником не только России, но и всемирной цивилизации. Старики совместно с природой (рощи) улыбаются в знак одобрения настроения молодежи.

Такое настроение было присуще не только одному крестьянству, но почти всему русскому населению. «Вступление России в первую мировую войну было встречено, как и во всех воюющих странах, с энтузиазмом. Крупнейшие русские ученые, артисты, писатели подписали обращение “К родине и всему цивилизованному миру”, приветствуя войну с Германией как борьбу за освобождение человечества от “тевтонского ига”...»² “Первым результатом начала военных действий было одобрение действий русского правительства всеми — от крайне правых до крайне левых (исключая Ленина). <...> Защищать Россию и цивилизацию зовут одновременно монархисты, кадеты, октябристы. ...Война показалась чудесной возможностью перекинуть мост через пропасть, объединиться независимо от места в обществе”³. А в числе поэтов, которые войну поддерживали, были З.Гиппиус, М.Волошин, Д.Мережковский, В.Маяковский, В.Хлебников. Есенин был одним из представителей этого единого народа, его поэзия является выражением этого же общего настроения с позиций близко знакомого ему крестьянства. Это единство всего народа перед лицом врага модифицируется в ходе войны, однако отношении Есенина к войне значительно не меняется. Даже при Временном правительстве он поддерживает войну до победного конца.

Впоследствии сам Есенин хотел скрыть свои взгляды и деятельность во время войны, советские критики и мемуаристы (за исключением В.А.Вдовина) старались оправдать поэта (см., напр., воспоминания Рождественского в 1946, или же И.Н.Розанова в 1926 г.). Слова Есенина, по воспоминаниям Розанова, стали общеизвестным местом в есениноведении: «Резкое различие со многими петербургскими поэтами в ту эпоху сказались в том, что они поддались воинствующему патриотизму, а я, при всей своей любви к рязанским полям и к своим соотечественникам, всегда резко относился к империалистической войне и к воинствующему патриотизму. Этот патриотизм мне органически чужд. У меня даже были неприятности из-за того, что я не пишу патриотических стихов на тему “гром победы раздавайся”, но поэт может писать только о том, с чем он органически связан»⁴.

Последняя фраза применима к творческому развитию Есенина: “но поэт может писать только о том, с чем он органически связан”. Его поэзия развивается в годы войны по своим внутренним поэтическим законам, однако вторжение войны во все сферы жизни придает особую эмфазу некоторым мотивам и темам. У него есть стихотворения, целиком посвященные войне, как напр. *Молитва матери*, *Узоры*, *Богатырский посвист*, *Бельгия*, *Польша*, *Греция*, *Занесли залетною птишкой...*, а некоторые носят косвенный отпечаток войны.

Ряд стихотворений поэт написал, опубликовал и читал для благотворительных целей, напр., *Весна на радость не похожа...* и *Еще не высох дождь вчерашний...*, которые появились в сборнике в пользу осиротевшим детям *Пряник осиротевшим детям*⁵ (1916). Неизменно основной темой его поэзии является утверждение своей безусловной любви к родной земле, выраженной в образах природы с передвижением акцента в зависимости от влияния внешней действительности на поэта, на его окружение, на крестьянство, на русскую землю и на всю атмосферу времени.

В стихотворении *Туча кружево в роще связала...* (I, 32, 1915) жизнь крестьянства описывается с этнографической точностью и личным воспоминанием. Среднерусский ландшафт становится эмблемой всей русской земли, передавая меняющуюся атмосферу во время войны, переживания населения. В нее проникают чувства скорби, черной тоски и страдания: «Сердце глохнет плакучая дума... / Ой, не весел ты, край мой родной»; или же следующая строфа:

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

(*За темной прядью перелесиц... I*, 66, 1916)

проводит параллель между переживанием поэта и олицетворенной Россией, печаль и тоска проникают в мирный ландшафт, сама треба полна тоской, затушеввалась ориентировка между врагом и другом. Эта путаница разрешается и преодолевается в молитве, приносящей высший синтез, выраженный в цветовой символике: розовое небо, голубые облака.

Самым ярким выражением сыновней любви к матери является стихотворение *Гой, ты Русь, моя родная..*, в котором лирический герой отказывается от приглашения святой рати покинуть Русь и жить в раю: “Не надо рая, / Дайте родину мою”. Лирический герой как странник, захожий богомолец с подвижной точки зрения (якобы с птичьего полета) дает свой обзор русского простора, которому не видать конца и края в день (Спаса) — Преображения (15 августа Спас Яблочный, Второй Спас), в осязаемых образах. Достигнув высшей степени блаженства в результате любования русским пейзажем, Есенин увеличивает это блаженное состояние, прибегая к процитированному парадоксальному образу — гиперболе, с установкой не на смысл, а на эффект. Таким образом, этот прием, восклицание поэта, становится совершеннейшим признанием любви к родине.

В многочисленных поэтических произведениях (*Марфа Посадница*, *Ус*, *Егорий*, *Богатырский посвист* и т.д.) Есенин обращается к историческому и мифологическому прошлому России в поисках параллелей, закономерностей и положительных черт национального характера, имеющих в настоящем. В поэме *Марфа Посадница* Есенин ставит образцом новгородскую вольницу, восхваляя любовь к независимости. Несмотря на совпадение иерархической системы ценностей (свободолюбие выше всех) в двух эпохах, в параллелях с первой мировой войной иронически выходит, что Новгород стоит за Россией, а Москва — за Германией. Коннотация с внутренним разладом могла послужить причиной запрещения поэмы цензурой во время войны.

В поэме *Микола* святой Николай, покровитель русской земли выступает посредником между «вытерзанным»(многострадальным) русским народом и Господом.

Идея переоценки национальных ценностей и выдвижение положительных, присущих русскому народу с давнего прошлого и сохраняемых в традициях крестьянства, созвучна с программой Общества возрождения художественно-(бытовой) Руси, созданного в 1915 г. (президентом общества был князь Алексей Ширинский-Шихматов и ктитором и самым активным участником общества был полковник Д.Н.Ломан⁶, при котором служил Есенин в санитарном поезде № 143). Общество было непосредственно связано с царским двором, с самим императором Николаем II и императрицей Александрой Феодоровной. В нем участвовали такие выдающиеся представители национальной культуры,

как В.М.Васнецов, А.В.Щусев, М.В.Нестеров, А.М.Ремизов, Г.И.Нарбут. Целью Общества было нравственное обновление современного русского общества посредством освобождения искусства от иностранных влияний и возрождение древнерусского бытового искусства с сильной эмфазой на церковную и фольклорную эстетику церковного и фольклорного искусства. Эта программа была очень близка Есенину, и окружавшим его в то время людям: Клюеву, Городецкому.

Проблема *Есенин и первая мировая война* нуждается в дальнейших исследованиях, и главное, в разработке возможных архивных материалов. Мы отметили следующие темы для будущей работы:

1. Биография поэта в годы войны, с особым вниманием к его пребыванию в Царском Селе с 20 апреля 1916 года.

2. Есенин и императорский двор. Отношение Есенина к августейшей семье.

3. Литературно-художественная жизнь во время войны. Пересмотр позиций по отношению к войне литературного окружения Есенина. История и эстетические позиции Общества возрождения художественно-(бытовой) Руси с особым вниманием к литературе, творчеству поэтов, писателей, связанных с обществом:

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The Great War provided a reference point for writers of this period, who then transformed these experiences through art to express spiritual truths, to express emotions more keenly, to reflect a higher reality, to protest or support the political or religious sauses of war.

² Цитируется по книге: История русской литературы XX века. Серебряный век. (Москва: Прогресс, Литера, 1995), с. 603.

³ Там же, с. 603, 605.

⁴ *Розанов И.Н.* Воспоминания о Сергее Есенине. В кн.: *Сергей Есенин в стихах и жизни*. Т. 4. Воспоминания современников. / Под ред. Н.И.Шубниковой-Гусевой. М.: Республика, 1995, с. 304.

⁵ *Пряник осиротевшим детям.* (Петроград: изд. А.Д.Барановская и А.Д.Гордин, 1916) в пользу общества "Детская помощь"... "его редактированием был занят А.М.Ремизов, разрешено военной цензурой 20 марта 1916 г., вышло из печати в первых числах мая" (Есенин С.А. Полное собрание сочинений (Москва: Наука — Голос, 1995-, т. 1, с. 508–509, т. 4. с. 384).

⁶ Его звание штаб-офицер для поручений при дворцовом коменданте, лейб-гвардии Павловского полка полковник Д.Н.Ломан, ктитор Феодоровского собора, начальник образованного при соборе Лазарета № 17 и уполномоченный ее Величества по санитарному поезду № 143. (Юшин П.Ф. Сергей Есенин: идейно-творческая эволюция. М., 1969, с. 118).

К ИСТОРИИ ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ЕСЕНИНА С ИЗДАТЕЛЬСТВОМ ВЦИК И ГОСИЗДАТОМ РСФСР (1919–1922 ГОДЫ)

Тема, о которой пойдет речь ниже, не нова. Она была бегло обозначена некоторыми мемуаристами уже вскоре после гибели поэта¹, а затем нашла продолжение в воспоминаниях, опубликованных в 50-е — 60-е годы². Документальное ее изучение, некоторые результаты которого нашли отражение в пятом томе Собрания сочинений Есенина (1961–1962)³, было продолжено Е.А. Динерштейном⁴ и В.А. Вдовиным⁵. Последний, кроме того, использовал обнаруженные им в ЦГАОР⁶ и связанные с данной темой документы в своей хронологической канве “Сергей Александрович Есенин: Основные даты жизни и творчества”⁷.

И все же систематического исследования проблемы “Есенин и советские государственные издательства в 1919–1922 гг.” до сих пор проведено не было. В связи с подготовкой в ИМЛИ РАН Полного собрания сочинений Сергея Есенина нами в 1996–1997 гг. был предпринят полистный просмотр архивных дел Госиздата РСФСР, хранящихся в ГАРФ, с целью выявления имеющих в них материалов, связанных с именем поэта.

В результате были обнаружены не известные ранее документы, которые легли в основу настоящей работы.

* * *

Вспоминая о встречах с Есениным в 1919 году, Г. Устинов, в частности, писал: “...стихи печатать Есенину было негде... <...> А потом пришла некоторая поддержка от Издательства ВЦИК, которое купило у Есенина томик стихов, а у меня 2 тома рассказов. Издательство деньги нам выдало, но не издало ни строки ни у меня, ни у Есенина”⁸.

Этим словам мемуариста нашлись (в архиве Госиздата) вполне конкретные документальные подтверждения. Среди финансовых документов издательства сохранилась “Книга оплаты счетов разных лиц и учреждений за октябрь 1918 — май 1919 г.” Как выяснилось при ближайшем рассмотрении, эта книга принадлежала издательству ВЦИК⁹. В ней среди прочего зафиксировано, что 17 февраля 1919 г. “т. Устинову” был выписан счет 1064 на 10 000 руб., а “т. Есенину” — счет 1065 на 15 000 руб.¹⁰ Деньги в

кассе издательства ВЦИК друзья получили также в один день — 21 февраля 1919 г.¹¹ Обе эти даты теперь могут быть введены в хронологическую канву “трудов и дней” Есенина.

Дополнительные сведения об этом “томике стихов” Есенина появились в печати еще в 1958 году. Иваново-вознесенский поэт Д. Семёновский, который в начале 1919 года был свидетелем того, как Есенин работал над наборным экземпляром книги, вспомнил, что тот «хотел дать новому сборнику длинное стилизованное название “Слово о русской земле” и еще как-то дальше»¹². Но лишь в 1997 году (среди информационных материалов губернской печати 1919 года) был найден полный заголовок этой книги Есенина — “Стихи и поэмы о Русской земле, о чудесном госте и невидимом граде Инонии”¹³, анонсированный скорее всего по известиям, привезенным тогда из Москвы в Иваново-Вознесенск тем же Д. Семёновским...

По-видимому, к весне 1919 года Есенин уже располагал сведениями, что его “Стихи и поэмы о Русской земле...” задерживаются печатанием. И тогда он предложил тому же издательству другой своей авторский сборник “Звездное стойло”, который был принят, по словам самого поэта, “к печати заведующим издательством ЦИК Еремеевым в мае месяце сего г. <...> с авансом в (6000 р.)...” (VI, 90–91). Однако вскоре издательство ВЦИК, став составной частью вновь образованного Государственного издательства РСФСР, уже с начала июля 1919 года не только именовалось “4-й технической частью Гос. Изд.”¹⁴, но и на деле начало исполнять функции технического отдела поглотившего его Госиздата.

В этой новой организации Есенину пришлось иметь дело уже с другими людьми. Налаживание контактов поэта с ними шло успешно: об этом красноречиво свидетельствуют выданные ему в Госиздате авансы, зарегистрированные в “Кассовой книге счетов сотрудников Госиздата РСФСР и авторов произведений за июль 1919 г.”. Так, 1 июля он получил “в сч. авт. гон.” 2500 руб., а 9 июля “аванс в сч. гонорара” 1000 руб.¹⁵

Примерно через сорок дней Есенин пишет в Госиздат уже цитированное выше заявление¹⁶ с просьбой о выдаче гонорара за свое “Звездное стойло”. По-видимому, есенинское “прошение” первоначально попало в агитационно-пропагандистский отдел Госиздата, поскольку на нем имеется справка рукой управляющего делами указанного отдела А. М. Росского:

«Книга Есенина “Звездное стойло” действительно значится в списке принятых к печати материалов беллетристической редакцией изд-ва В. Ц. И. К.

Управляющий делами

*А. М. Росский*¹⁷.

Очевидно, руководство Госиздата сочло эту справку недостаточной и потребовало от своего агитпропотдела развернутого официального разъяснения, которое и было дано в таком виде:

Р.С.Ф.С.Р.
Народный Комиссариат
Просвещения
Агитационно-пропагандистский

Отдел
Москва, Тверская, 11

Тел. № 2-75-37
Августа 26 дня 1919 г.
№ 39

В Государственное
издательство

Подтверждаю, что в списке “*принятых к печати беллетристических, стихотворных и драматических произведений*”, оставленном мне тов. Касаткиным, как заведовавшим литературно-худож. отделом Издательства В.Ц.И.К., значится и сборник стихов тов. ЕСЕНИНА “Звездное стойло”, размером *сто пятьдесят четыре страницы* (154 стр.). Оплата, по моему мнению, должна быть обычная для стихов.

Ученый секретарь
агит. пропаг. отдела

А. Дивильковский

Управляющий делами

*В. Орловская*¹⁸.

На следующий день после получения этого документа руководство Госиздата направило в другой свой отдел — литературно-художественный — такое отношение:

2295
августа 27 <191>9

Литературно-художественному
отделу Государственного издательства
Тверская 11

Государственное издательство просит срочно дать заключение об имеющейся у Вас рукописи *Есенина* “Звездное стойло”, принятой издательством В.Ц.И.К.

Заместитель Заведующего
Государственным Издательством

Н.К.<лышко>

Управляющий Делами

*<П.>Клим<енко>*¹⁹.

После рассмотрения этой просьбы-требования из литературно-художественного отдела было отправлено “наверх” следующее письмо:

Р.С.Ф.С.Р.

Народный Комиссариат

Просвещения

ГОСУДАРСТВ. ИЗД-ВО

Литературно-Художественный

Отдел.

Москва. Тверская, 11

тел. № 2-75-37.

В Государственное издательство

№ 45

Сентябрь 2 дня 1919 г.

В ответ на Ваше отношение от 27/8 с.г. за № 2295 сообщаем, что Редакционная Коллегия Литературно-Художественного Отдела постановила принять рукопись ЕСЕНИНА “Звездное стойло” и просит выдать тов. ЕСЕНИНУ гонорар.

За Ученый секретарь

литературно-худож. отдела

Управляющий делами

Ю. Балтрушайтис

*А. М. Росский*²⁰

На приведенном документе — резолюция заместителя заведующего Госиздатом Н.К.Клышко, адресованная главному бухгалтеру издательства: “М.И.Быкову. Составить счет, представить на утверждение и уплатить. 3-9-19. НКЛ”, а также помета Быкова: “Просьба т. Росскому прислать рукопись для расчета. МихБ”.

Через день после указания Н.К.Клышко в бухгалтерию издательства было спущено распоряжение за подписями заместителя заведующего и управляющего делами Госиздата:

2766

Сентября 5 <1919>

На вх. № 2537

В бухгалтерию Государственного Издательства

Государственное Издательство просит уплатить тов. ЕСЕНИНУ за его рукопись “ЗВЕЗДНОЕ СТОЙЛО” гонорар из расчета ПЯТИ руб. за строку, всего за 1930 строк сумму в размере 9.650 руб., а за вычетом ранее полученного аванса в размере 6.000 руб., всего ЕСЕНИНУ причитается получить ТРИ ТЫСЯЧИ ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ рублей (3.650 руб.)

ПРИЛОЖЕНИЕ: Справка Техн. Части о количестве строк.²¹

Эта справка также сохранилась: помощник заведующего технической частью сообщал «в канцелярию Центрального управления Государственного Издательства», что «в рукописи С.ЕСЕНИНА “Звездное стойло” имеется 1.930 строк»²².

В тот же день — 5 сентября — «по отн. от с/ч за № 2766 за его рукопись “Звездное стойло”» поэт получил в кассе Госиздата выписанные ему 3650 руб.²³

Казалось бы, устройство Есениным своего сборника в Госиздате успешно завершилось. Однако примерно через месяц — в первой половине октября (до 13-го) — поэт обращается в издательство (см.: VI, 91) с диаметрально противоположной просьбой: изъять рукопись “Звездного стойла” “из списка принятых к печати”, мотивируя это необходимостью ее исправления и пересмотра и обещая “поскору” вернуть выданный ему аванс...

По сути, Есенин поставил здесь вопрос о вполне любовном, но полном расторжении своих деловых отношений с Госиздатом. Вряд ли такое радикальное решение — да еще в условиях тяжелейшего бумажного и издательского кризиса того времени — было продиктовано только соображениями, обозначенными в официальном заявлении поэта.

С чем же это могло быть связано еще?

В конце 70-х годов, работая над подготовкой к печати корпуса писем Есенина для шеститомного собрания его сочинений, В.А.Вдовин обратил внимание на то, что подлинник документа, о котором сейчас идет речь, поврежден:

“Под заявлением рукой Есенина был написан текст, от которого остались лишь следы первой отрезанной строки. Что, кем и когда отрезано, установить не удалось” (VI, 289).

В самом деле, от листа с есенинским заявлением²⁴ аккуратно оторвана (а не отрезана) его нижняя часть. Но уничтожить весь текст, следовавший после подписи поэта на заявлении, при этой операции не удалось. Следы строки, обнаруженной В.А.Вдовиным, не только сохранились, но и поддаются частичному прочтению.

Первые два слова строки читаются уверенно: “Лето от”. После них отсутствует часть листа, на которой уместилось бы 8–10 букв, написанных почерком Есенина. Затем следует слово (часть слова?) “Бог”.

Утраты в этом сохранившемся фрагментарно тексте Есенина вполне поддаются реконструкции, если принять во внимание два обстоятельства.

Первое из них достаточно обычно — вспомним, что форма официального заявления предполагает постановку в документе даты *после* подписи заявителя. Так что оборванная в есенинском заявлении строка *после* его подписи почти наверняка была датой написания документа.

Теперь о втором. Мог ли Есенин начать здесь дату со слова “лето”? Среди известных датированных есенинских писем и заявлений таких случаев нет. Но если обратиться к дарственным

надписям поэта, то завершающая одну из них дата начинается как раз с указанного слова, а именно: “лето 1916 / 28 декабрь”²⁵.

Показательно, что эта надпись адресована Николаю Клюеву — человеку, в одном из писем к которому Есенин заметил: “А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь” (декабрь 1921; VI, 111). Это “соприсутствие” не раз давало себя знать в творчестве Есенина — как в стихах²⁶, так и в статьях на литературные темы²⁷.

Отозвалось оно и в рассматриваемом есенинском тексте 1919 года, причем не только словом “лето”. Напомним, что в 1913 году Клюев сделал А.М.Ремизову дарственную надпись на своей книге “Лесные были” как “песенник Николашка по назывке Клюев”, закончив ее так: “...лето от рождества Бога-Слова 1913”²⁸. Такую или почти такую же концовку имеют и все другие опубликованные инскрипты Клюева на этой книге²⁹. К сожалению, сборники Клюева тех лет с дарственными надписями Есенину неизвестны, так что мы не знаем, как обозначалась на них дата. Но даже если Клюев надписывал книги своему “словесному брату” по-другому, тот вполне мог прочесть, скажем, приведенный выше клюевский инскрипт Ремизову дома у самого писателя, у которого часто бывал весной 1915 года...

Словом, по совокупности изложенного частично утраченная дата под заявлением Есенина имела, всего вероятнее, такой вид:

Лето от <рождества (или рождества)> Бог<а-Слова 1919>.

Появление даты с упоминанием Бога (да еще Бога-Слова) под документом, адресованным в учреждение Советского государства, именно в 1919 году проводившего массированное наступление на Бога и православную церковь (вскрытие мощей русских святых и т.п.), было со стороны автора этого документа подчеркнуто демонстративным актом. Что же побудило Есенина на такую вызывающую демонстрацию?

Думается, его заявление было написано сразу после того, как поэт узнал, что сделали (или намеревались сделать) в Госиздате с его произведениями — ведь не случайно же В.Шершеневич (в открытом письме Есенину после этого события) заметил:

«...мне Толя <Мариенгоф> рассказывал, что когда Госиздат захотел тебя переиздавать, то он выкинул и вычеркнул всюду слово “Бог”»³⁰.

В такой ситуации посягательства на его стихи Есенин мог сделать только одно — попытаться забрать рукопись из издательства. Отсюда и подчеркнутое упоминание Бога в его заявлении, отсюда и скрытая цитата в нем (по-видимому, из устного или письменного отзыва на его сборник) — “нуждается во многом исправлении и пересмотре”...

Руководство Госиздата, которое, судя по его дальнейшим действиям, не хотело выпускать книгу Есенина из рук, оперативное отреагировало на демарш поэта.

Согласно записи в “Кассово-вспомогательной книге Госиздата РСФСР, начатой 1-го августа 1919 г. и оконченной 31-го декабря 1919 г.”, уже 17 октября “С.Есенину по заявл. от 16 с/м за № 4357” был выплачен «допол. гонор. за кн. “Звездное стойло”» в размере “2.910 <руб.>”³¹.

Расчеты бухгалтерии Госиздата, которые могли бы прояснить, почему эта сумма оказалась именно такой, не выявлены³². И все же более или менее понятно, откуда могли взяться эти дополнительные деньги: ведь незадолго до рассматриваемого эпизода Госиздат повысил некоторым поэтам построчную оплату. Как уже говорилось, 5 сентября Есенин получил гонорар за “Звездное стойло” из расчета по 5 руб. за строку. Но уже через месяц, 4 октября, рассматривая рукопись стихотворного сборника С.Фомина “Свирель”, коллегия Литературно-художественного отдела Госиздата практически в полном составе (Ю.Балтрушайтис, В.Брюсов, В.Воровский, А.Серафимович, В.Фриче) приняла такое решение: “Принять к печатанию. Оплачивать по 8 р. за строку”³³. В силу этого полный гонорар Есенина на момент расчета с ним 17 октября за “Звездное стойло” должен был составить: 8 руб. × 1930 = 15 440 руб. Если теперь приплюсовать к майскому авансу в 6000 руб. (о нем см.: VI, 90–91) все суммы, выданные ему в Госиздате с 1 июля по 17 октября 1919 г., то получится: 6000 + 2500 + 1000 + 3650 + 2910 = 16 060 руб., что отличается от предшествующего расчета на 620 руб.

Эту разницу можно, скажем, объяснить тем, что к моменту второго перерасчета оплаты за “Звездное стойло” в есенинской рукописи стало уже не 1930, а 2008 строк, т.е. на 78 строк больше...

Конечно, после первого перерасчета в сентябре поэт вполне мог добавить в свою рукопись несколько стихотворений. Но это все же только гипотеза. Возможно, ситуацию могло бы прояснить упомянутое в кассово-вспомогательной книге заявление Есенина в Госиздат от 16 октября 1919 г. о “допол<нительном> гонор<аре>” (см. выше). Но оно (как и многие другие входящие и исходящие бумаги Госиздата тех дней) неизвестно³⁴.

Приходится сожалеть об утрате этого документа и по другому конкретному поводу. Спустя всего пять дней после есенинского заявления о “Звездном стойле” — 21 октября — руководство Госиздата спустило в свой техотдел распоряжение, начинающееся со слов: “Приостановите работы следующих изданий”³⁵. Затем шло семнадцать наименований этих изданий (это были исключительно проза и стихи, как современных авторов, так и классиков — Пушкина, Некрасова, Достоевского), часть из ко-

торых (как, напомним, и “Звездное стойло”) была принята к печати еще издательством ВЦИК³⁶. Четвертой по счету в этом списке значится позиция: “С.Есенин. Телец. Стихотворения”.

В свете всего, о чем говорилось выше, появление здесь издания под заглавием “Телец” кажется совершенно немотивированным. С одной стороны, вряд ли Есенин, получив деньги за еще не изданную книгу “Звездное стойло”, сдал в Госиздат другую свою книгу буквально на следующий день. С другой стороны, даже если это и произошло, то два-три дня, так сказать, “отпущенные” издательству на то, чтобы принять эту новую рукопись, рассмотреть ее и, немедленно запустив в работу, сразу же приостановить, — срок абсолютно нереальный... К тому же рукопись или сборник с таким названием до 21 октября 1919 г. ни в одном из известных ныне документов (так же как и в мемуарных источниках) не упоминается.

Зато после указанной даты в документах 1919–1920 гг. “Телец” фигурирует уже неоднократно. 24 ноября 1919 г. в кассово-вспомогательной книге Госиздата зафиксирована выдача Есенину 10 048 руб. — «по отн. от с/ч за № 6798 за кн. “Телец”»³⁷. Уже через неделю — 1 декабря — правление 2-й Государственной Типографии извещало полиграфический отдел ВСНХ, «что с 27 по 30 ноября в наборном отделении было <...> набрано набора — Стихотворения Д.Бедного на 1/2 листа,
— Соч. Пушкина II т. на 1 лист,
— Стихотворения Есенина на 1/2 листа»³⁸.

Хотя заглавие есенинской рукописи здесь не указано, нет сомнений, что речь идет о “Тельце” — на титульном листе книги, также сохранившемся в делах Госиздата, стоит штамп: “Вторая Государственная Типография”³⁹.

Указанные документальные данные — бесспорное свидетельство того, что расчет Госиздата с поэтом, состоявшийся 24 ноября, был окончательным, ибо практически сразу после этого “Телец” пошел в набор. Ход же событий предшествующего месяца — за отсутствием в архиве Госиздата документов как раз этого времени — можно пока представить лишь с той или иной степенью вероятности.

На наш взгляд, дело могло идти примерно так. Октябрьский демарш Есенина, намеревавшегося забрать рукопись “Звездного стойла” из Госиздата, имел как будто бы благоприятные для поэта последствия. Ему не только был выплачен за этот сборник дополнительный гонорар, но была достигнута договоренность о значительном увеличении объема рукописи. Во второй декаде октября Есенин, очевидно, уже дал своему проектируемому расширенному сборнику другое заглавие — “Телец”. В противном случае этого заголовка просто не было бы в цитированном выше распоряжении Госиздата своему техотделу от 21 октября...

Однако появление названия “Телец” в тексте указанного документа почти наверняка нужно квалифицировать как опisku — ведь 21 октября можно было приостановить начатую еще в сентябре издательскую работу над “Звездным стойлом”, но не над “Тельцом”, рукописи которого в тот момент, скорее всего, и не существовало. По-видимому, составитель перечня от 21 октября⁴⁰ имел перед глазами не известный ныне источник, где значились “Звездное стойло” и “Телец” *одновременно*, и из-за недостаточной внимательности этого человека в документ попало новое заглавие вместо должествующего быть прежнего.

Работа Есенина по подготовке “Тельца” для Госиздата предположительно могла быть закончена где-то в начале (или в первой половине) ноября. Последующее прохождение по издательским инстанциям завершилось, согласно вышеприведенным документам, 24 ноября выплатой поэту суммы в 10 048 руб. и передачей Госиздатом купленной им есенинской рукописи во 2-ю Государственную Типографию.

Недавно А.А.Козловским было установлено, что макет невышедшей книги Есенина “Руссеянь” (1920), хранящийся в отделе рукописей ИМЛИ РАН, не только составлен по большей части из корректурных оттисков “Тельца”, но содержит также и оглавление последнего⁴¹. С помощью этого оглавления нами было подсчитано, что число строк в “Тельце” (с учетом названий произведений и разделов книги) — 2611. Если теперь суммировать все выплаченные Есенину Госиздатом в 1919 году деньги, то получается: 16 060 + 10 048 = 26 108 руб. Очевидно, издательство рассчиталось с Есениным за “Телец”, исходя из гонорарной ставки по 10 рублей за строку⁴² (удержав из этой суммы нечто вроде т.н. “гербового сбора” — 2 руб.).

Однако в коллективном сборнике “Плавильня слов: Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич” (1920), фактически вышедшем в свет до 9 декабря 1919 г.⁴³, книга Есенина “Телец” (том 1) обозначена как планируемая к выпуску другим издательством — “Имажинисты”...⁴⁴ Скорее всего, “Плавильня слов” готовилась к печати еще в те дни, когда исход переговоров Есенина с Госиздатом о “Тельце” не был ясен, и поэт решил объявить о своем намерении выпустить подготовленный им сборник в кооперативном издательстве.

Впрочем, и после того, как Госиздат сдал “Тельца” в набор, у Есенина не было особой уверенности, что этот проект будет доведен до реализации... Свидетельство тому — заявление, представленное им (до 18 февраля 1920 г.) в отдел печати Моссовета. В нем Есенин просил (под маркой собственного издательства “Злак”) разрешить «издание “Тельца”», которое «является необходимым для автора как первый том, где будет выяснен подсчет его силы за пятилетнюю литературную работу» (VI, 93).

Весьма правдоподобно выглядит предположение, что одним из импульсов, побудивших Есенина к этому шагу, стал обмен письмами между видным в то время деятелем РКП и Советского государства Г.И.Оппоковым (Ломовым) и заведующим Госиздатом В.В.Воровским, состоявшийся на страницах газеты “Правда” в первой декаде февраля 1920 года.

Возмущение Г.И.Оппокова вызвала информация о предстоящем выходе в свет (в том числе в издательстве “Чихи-Пихи”) книг имажинистов с заголовками “Голубень”, “Лошадь как лошадь”, “Копытами в небо”, “Кооперативы веселья”:

«...пусть эти веселые граждане упражняются на наркомпросовский счет в словоблудии, но зачем же давать им еще портить бумагу. <...> Я предлагаю пролетарским организациям указать на эти “Чихи-Пихи” не “Копытами в небо”, а своим пролетарским пальцем, и заставить тратить бумагу только на нужные рабочему книги»⁴⁵.

На следующий день “Правда” опубликовала письмо В.В.Воровского, в котором тот, подчеркнув, что “Наркомпрос сам за себя отвечает”, дал от имени возглавляемого им учреждения такой официальный ответ:

“Госуд. Издательство заявляет, что ни на одну из перечисленных в письме т. Ломовым вещей оно бумаги не давало”⁴⁶.

Эта “установка” главы Госиздата по отношению к имажинистам через две с лишним недели затронула непосредственно и Есенина. Из разрешения на издание четырех его книг («“Радуница”, “Преображ^ение», “Телец”, “Словесн^ая орнамент^ика»») под авторской маркой “Злак”, уже выписанного Госиздатом⁴⁷, заглавие “Телец” было затем вычеркнуто. Учреждению же, представившему это наименование (как, впрочем, и три других) на утверждение Госиздата, — отделу печати Моссовета — было поставлено на вид в следующих выражениях:

«...Государственное Издательство напоминает Вам, что в свое время Есенин передал свою книгу “Телец” в Государственное Издательство, теперь же собирается издавать ее в своем издательстве, т.е. совершает контрафакцию, которая карается уголовным законом»⁴⁸.

Разрешительный документ с вычеркнутым “Тельцом” был отправлен Есенину из Госиздата 23 февраля. А на следующий день появилась статья В.М.Фриче “Пора отмежеваться”, в которой крайне резко оценивалось не только содержание имажинистской книжной продукции, но и личности ее авторов. Свою инвективу авторитетный в коммунистических кругах критик закончил такими словами:

«...лидером и теоретиком “имажинизма”, с которым ныне так трогательно дружат поэты рабоче-крестьянской группы, был и

есть творец кабацко-венерически-игорных образов <В.Шершеневич.— С.С.>.

Не пора ли одуматься поэтам трудовой демократии?

Не пора ли отмежеваться им решительно и бесповоротно от имажинизма, напоминающего,— извиняюсь за выражение, но оно не мое,— “бумажку, брошенную в клозет”?»⁴⁹.

Есенин не только не внял этому призыву, но первым поставил свою подпись под коллективным имажинистским заявлением, написанным в ответ А.Ломову, В.Фриче и В.Воровскому, чье ведомство систематически блокировало издательскую деятельность имажинистов.

Это заявление от 5 марта 1920 года, направленное наркому по просвещению А.В.Луначарскому, было опубликовано полностью лишь в 1995 году⁵⁰. Но еще в конце марта 1920 года краткая информация о нем появилась в одном из московских журналов:

«Поэтами-имажинистами А.Мариенгофом, В.Шершеневичем и С.Есениным подано народному комиссару по просвещению заявление, в котором, констатируя “планомерное удушение, моральное и физическое, государством революционного искусства”, они просят определенного ответа: нужны ли они Советской России или нет. При положительном ответе — должна быть дана возможность работе, при отрицательном — поэты-имажинисты просят о выдаче им заграничных паспортов»⁵¹.

Правда, места, обозначенного в этой заметке как цитата из заявления, в тексте последнего не было. Вот что писали имажинисты Луначарскому на самом деле:

“Стоило согласиться на работу <с Советской властью> литературным именам символизма и натурализма, как все искусство новаторов было забыто; его стали не только не поощрять, но даже загонять, запрещать. <...> Мы лишены самого главного, может быть, единственного смысла нашего существования: возможности печатать свои стихи, а следовательно, и писать их, ибо как нет театра для себя, так нет и поэзии для себя.

Всякие указания на общетехнические затруднения (отсутствие бумаги, типографии и т.д.) не больше чем отговорки, потому что шаблонно творящим широко открыта возможность печататься <...>. Здесь не невозможность, а нежелание печатать новаторов-имажинистов, тем более что это не скрывается целым рядом статей в советских изданиях (Фриче, Ломов и другие)” (Письма, 86—87).

Правоту этих слов подтверждают документы Госиздата, за которыми в то время было закреплено исключительное право не только разрешать или запрещать негосударственным издательствам печатание той или иной книги, но и устанавливать очередность выпуска книг.

Приведем некоторые из этих документов 1919 года в хронологическом порядке.

4 октября. Заседание коллегии литературно-художественного отдела Госиздата: «СЛУШАЛИ: 5. Отзыв т. Брюсова о сборнике стихов “Конница бурь”. ПОСТАНОВИЛИ: Принять, но печатать в ограниченном количестве». На выписке из протокола этого заседания — резолюция В.В.Воровского от 8 октября: “Разрешить в 4-ую очередь не более 3000 экз. без бумаги”⁵².

20 ноября. Заседание той же коллегии: «СЛУШАЛИ: 3. Отзыв В.Я.Брюсова о рукописи: Шарль Вильдрак и Жорж Дюамель — “Заметки о поэтической технике”. Книга может интересовать лишь самый ограниченный круг эстетов, знающих тонко и любящих французские стихи. 4. Отзыв В.Я.Брюсова о рукописи А.Авра^амова — “Воплощение”. Книга может интересовать очень ограниченный круг по вопросам о разных тонкостях русского стихосложения. Написана в духе “имажинистов”. ПОСТАНОВИЛИ: 3 и 4. Разрешить печатать в 5-ю очередь»⁵³.

24 декабря. «№ 8061

на вх. 7878

В Московскую Трудовую Артель
художников слова.

Богословский пер., 3, кв. 11

Государственное Издательство сообщает Вам, что Ваш сборник стихов “Золотой выводок” разрешен к печатанию в 5-ю очередь. Рукопись при сем прилагается.

Управляющий Делами»⁵⁴.

Из продемонстрированного видно, что заведующий Госиздатом В.В.Воровский всецело поддерживал эту (по существу запретительную) практику руководимого им учреждения по отношению к издательским проектам имажинистов (даже к переводным). Тем не менее, в своем отзыве на заявление Есенина, Мариенгофа и Шершеневича, пересланное ему Луначарским, он утверждал обратное:

“Что касается вопросов технических, т.е. разрешения печатать, предоставления типографии и бумаги, то жалобы имажинистов поэтически преувеличены.

Ни Гос. Издательство, ни его орган — Отдел печати М.С.Р. и К.Д. не лишают имажинистов права печатать свои произведения...” Сразу же за этим следовало: “...но предлагают им для работы объединиться в кооператив...” (Письма, 321).

Вряд ли Воровский не знал, что в то время функционировали кооперативные издательства имажинистов “Московская Трудовая Артель художников слова” и “Имажинисты”... Так что это предложение главы Госиздата являлось по существу еще одной отговоркой.

Издательские документы о конкретном содержании этих переговоров в архиве не обнаружены (как и отзыв Г. Устинова на “Телец”, упомянутый в протоколе). Однако как раз после 10 декабря в Госиздате прошло обсуждение другой есенинской рукописи, документации о котором сохранилось несколько больше...

До 14 декабря в распорядительную комиссию Госиздата из его техотдела были переданы наборные экземпляры книг, залежавшихся без движения в одной из московских типографий. К ним было приложено письмо за подписью помощника заведующего технической частью А. Крайса:

“Технический отдел при сем препровождает в Распорядительную Комиссию оригиналы следующих книг из 9-ой типографии (бывш. Сытина) для рассмотрения и просит сделать соответствующее распоряжение о дальнейшем их движении”⁶¹.

Далее следовал перечень из двадцати позиций; девятой по счету в нем значилась книга: “Сергей Есенин. Стихи”.

15 декабря распорядительная комиссия Госиздата в составе И.И.Скворцова, Д.Л.Вейса и секретаря М.Ф.Салапы рассмотрела этот запрос и постановила послать есенинскую книгу “на отзыв т.Серафимовичу”⁶². На следующий день секретариат издательства направил ее рецензенту; в сопроводительном письме⁶³ был указан развернутый заголовок книги: “Стихи и поэмы о земле русской, о чудесном госте”⁶⁴.

Отзыв А.Серафимовича был написан 17 декабря:

“Сергей Есенин. Стихи

Несомненное дарование; свое лицо, яркие незаимствованные образы, но все это перевешивается манерничаньем, словесными фокусами, какой-то модернизированной изломанностью, и, что особенно делает неприемлемым, постоянные образы религиозные, все равно, будет ли это умиление перед матерью божиею, или нарочитое кощунство, вроде выдиранья зубами боговой бороды.

Можно выбрать часть стихотворений.

*А.Серафимович”*⁶⁵.

24 декабря распорядительная комиссия Госиздата в составе И.И.Скворцова, Н.Л.Мещерякова (за неделю до того решением Пленума ЦК РКП(б) назначенного заведующим Госиздатом⁶⁶), Д.Л.Вейса и секретаря Ш.Н.Манучарьянц заслушала этот отзыв и постановила: “Присоединиться к отзыву — не печатать”⁶⁷.

Можно не сомневаться, что большинство произведений из “Стихов и поэм о земле русской, о чудесном госте...” (сборника, составленного Есениным еще в начале 1919 года) было затем включено и в “Телец”, так что главный вывод Серафимовича — о неприемлемости постоянных религиозных образов есенинской поэзии — вполне можно было распространить и на эту последнюю книгу⁶⁸.

Судя по всему, именно так и поступило руководство Госиздата... Не вполне точное в деталях, но очень выразительное описание этой ситуации (и есенинской реакции на нее) дано в мемуарах В. Шершеневича “Великолепный очевидец”:

«Произошла какая-то очередная смена заведующих, и оказалось возможным выпустить в Госиздате книгу Есенина. <...> ...Сережа сдал книгу и ежедневно бегал надоедать: готова ли корректура? <...> Наконец на завтра Есенин был приглашен в Госиздат: подписать последнюю корректуру. Авторскую.

Я случайно встретил Есенина у Никитских ворот. Он несся из Госиздата. Несся, конкурируя в быстроте с трамваем и легко оставляя за флагом извозчиков. Он меня не заметил. Я его остановил. На мой вопрос: “Ну, как?” — Есенин выпалил по адресу Госиздата несколько не очень вразумительных, но вполне матерных выражений и понесся дальше.

Что же оказалось?

В Госиздате из книги выкинули из есенинских стихов все слова “бог”, а “бога” там было немало! Где нельзя было выкинуть слово, выкидывали целое стихотворение, следуя принципу, что из песни слово не выкинешь, но из-за слова можно выкинуть песню.

Из остатков получилась тощая книжица с безразмерными строками, похожими на чьи угодно, только не на четкие есенинские размеры.

Так, кажется, книжка и не вышла и брак не состоялся. Сергей еще долго по адресу Госиздата вспоминал если не всех родителей, то женскую линию в самых причудливых вариациях⁶⁹.

Декабрь 1920 года действительно запомнился Есенину надолго: даже в “американском” очерке “Железный Миргород” — почти через три (!) года — поэт с иронией поминал “таких ценителей искусства, как Мещеряков в Госиздате или (царство ему небесное) покойный Вейс”⁷⁰.

В течение всего 1921 года и первых трех месяцев 1922-го вопрос об издании стихов Есенина Госиздатом ни с той, ни с другой стороны не возобновлялся.

Примерно в апреле 1922 года в Госиздате проводилась очередная ревизия рукописей, застрявших в его недрах, с тем чтобы определить, что с ними делать дальше. Один из результатов этой кампании отражен в следующем документе:

“В Редакционную Коллегию.

Литературно-художественная секция препровождает рукописи:

- 1) С. Есенина, сборник стихов;
- 2) Н. Гумилева, сборники стихов и пьесы;
- 3) В. Фриче — Рев. мотивы в нем. поэзии;

4) Р.Яacobсона — Современная русская поэзия.

Означенные работы не могут быть напечатаны Гос. Издательством ввиду того, что Есенин и Фриче не дали разрешения на издание своих вещей, исследование Яacobсона уже вышло в другом издательстве, в Праге, а стихи и пьесы Гумилева печатаются в петербургских издательствах.

<Рукописи> следует переслать авторам или сдать в архив.

<Помощник Заведующего Лит.—Худ.> Секцией

П.Зайцев”71.

Дата этого письма утрачена, так как левый нижний угол его оборван. Скорее всего оно было написано во второй половине апреля — первых числах мая: уже 5 мая Распорядительная Комиссия Госиздата согласившись с рекомендацией П.Н.Зайцева, постановила “не издавать и сдать в архив” рукопись Яacobсона “Современная русская поэзия”72.

Однако в том же заседании было принято решение: «3. Издать следующие рукописи: <...> 2) Есенина — “Избранное”, стихи, разм<ер> 1124 стих. стр.»73, что вступает в видимое противоречие с упомянутым П.Н.Зайцевым запретом (письменным? или устным?) Есенина на издание его стихов Госиздатом.

Впрочем, противоречие это оказалось мнимым. В одном из архивных дел Госиздата, содержащем внутренние рецензии на представленные к изданию рукописи, есть следующий машинописный текст:

“С. Есенин. Стихи и поэмы о земле русской

В сборник вошли стихи из разных сборников поэта. Договора по этому сборнику не имеется. Автор высказался против печатания этого сборника в Госуд. Издательстве. Рукопись следует сдать в Архив или вернуть автору”74.

Это редакционное заключение без подписи и даты выполнено на той же пишущей машинке, что и ряд других документов весны 1922 года, подписанных П.Н.Зайцевым, и, без сомнения, принадлежит именно ему. Отсюда явствует, что залежавшейся в Госиздате до 1922 года рукописью Есенина были все те же “Стихи и поэмы о земле русской, о чудесном госте и невидимом граде Инонии” (1919).

Была ли возвращена поэту его рукопись, неизвестно. Очевидно, однако, другое — инициатива возобновления контактов Госиздата с Есениным весной 1922 года исходила от издательства, что ознаменовало начало нового этапа взаимодействия сторон. В результате вместо “Стихов и поэм о земле русской...” Есенин предложил Госиздату рукопись другого сборника — “Избранное”. В связи с этим незадолго до отъезда в Берлин он побывал в издательстве, о чем (через тридцать с лишним лет) П.Н.Зайцев вспоминал так:

«Он спешил. С Айседорой Дункан вылетали они завтра на самолете за границу, в свадебное путешествие. Поэт пробыл в Госиздате всего четверть часа, чтобы оформить договор на новую книгу и получить за нее гонорар. Он только что сдал свой “Березовый ситец” <то есть “Избранное”. — С.С.> издательству»⁷⁵.

Это свидетельство подтверждается сохранившимися документами. В “Списке книг и рукописей, сданных в издательский сектор для напечатания по литературно-художественному отделу в течение мая 1922 г.” под номером 9 значится: “Есенин. Избранное — Стихи. 1124 стр. 3000 экз.”⁷⁶. В другом перечне — “Списке договоров, заключенных в течение мая месяца 1922 года по литературно-художественному отделу” — под номером 22 числится: “С.А.Есенин. Сборник избранных произведений. 1124 стр. <т.е. стихотворных строки>”⁷⁷.

Есенинское “Избранное” было выпущено 11 сентября 1922 г.⁷⁸, когда поэт был за границей. В его отсутствие руководство Госиздата произвольно изменило условия договора с ним. Во-первых, книга вышла вдвое меньшим тиражом (1500 экз.). Во-вторых, вместо принятых от автора по договору 1124 строк в ней оказалось 1060 строк, то есть на 64 строки меньше.

Прежде чем попытаться прояснить, какие же стихи сборника не были допущены к печати, обратим внимание на источник, которым пользовался Есенин, отбирая тексты для “Избранного”. Им оказался макет другой книги, которая появилась той же осенью 1922 года за границей⁷⁹ под названием “Собрание стихов и поэм. Том 1” (Берлин; Пб.; М.: З.И.Гржебин).

В самом деле, сопоставление содержаний этих двух книг⁸⁰ демонстрирует их композиционную идентичность. И в том, и в другом случае лирика распределена по пяти разделам, а первые четыре даже имеют в обоих сборниках одинаковые заголовки (“Радуница”, “Голубень”, “Преображение”, “Трерядница”). Более того, при переходе от “Собрания...” к “Избранному” порядок следования стихотворений внутри каждого из этих разделов остается, как правило, неизменным. Из всего этого можно заключить, что “Избранное” — не что иное, как сокращенный вариант “Собрания...”.

Как и первые четыре раздела “Избранного”, пятый его раздел — “Мреть” — представляет собой (в сокращении) аналогичный раздел “Собрания...” (правда, поименованный здесь по-другому — “Песни забулдыги”):

“Собрание...”

“Избранное”

Песнь о хлебе

Хулиган (“Дождик мокрыми
метлами чистит...”)

“Все живое особой метой...”

“Мир таинственный, мир мой древний...”

“Сторона ль ты моя, сторона!..”

“Не жалею, не зову, не плачу...”

Песнь о хлебе

“Дождик мокрыми метлами чистит...”

“Все живое особой метой...”

—

“Не жалею, не зову, не плачу...”

Можно было ожидать, что сокращение объема пятого раздела (как и четырех предыдущих) является авторским. И все же возникает некоторое сомнение в этом — ведь Есенин, взяв заголовком раздела слово “мреть” из стихотворения “Сторона ль ты моя, сторона!..”⁸¹, вряд ли бы затем убрал его текст из корпуса по своей воле. Это сомнение еще более укрепилось, когда выяснилось, что суммарный объем стихотворений “Мир таинственный, мир мой древний...” и “Сторона ль ты моя, сторона!..” составляет 64 строки, то есть в точности такое же число строк, что и выкинутое из “Избранного” в Госиздате. Скорее всего, именно эти стихи и были изъяты из есенинской рукописи перед ее сдачей в набор в Москве — разумеется, без ведома автора...

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Устинов Г. Годы восхода и заката: (Воспоминания о Сергее Есенине) // Памяти Есенина. М., 1926. С. 78; Шершеневич В. О друге // Есенин: Жизнь, личность, творчество. М., 1926. С. 54.
- 2 Среди них прежде всего отметим очерк Д. Семёновского “Есенин” (сб. “Теплый вечер”, Иваново, 1958).
- 3 См.: Есенин С. Собр. соч. В 5-ти т. М., 1962. Т. 5. С. 134–135, 337–338.
- 4 Динерштейн Е. Неосуществленное начинание С. Есенина // Вопр. лит. 1969. № 7. С. 251–253.
- 5 Вдовин В. А. 1) Этюды о Сергее Есенине // Лит. Россия. 1979. 7 сент. № 36. С. 11; 2) Комментарий // VI, 292–293; везде по тексту статьи VI — это последний том шеститомника Есенина (М., 1980).
- 6 Ныне — Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
- 7 См.: VI, 447 и 449.
- 8 Устинов Г. Годы восхода и заката. С. 78.
- 9 Как известно, издательство ВЦИК, существовавшее автономно с июня 1918 г. по май 1919 г., было влиито (наряду с другими советскими книгоиздательствами) в Госиздат РСФСР постановлением ВЦИК от 20 мая 1919 г. (Книговедение: Энциклопедич. словарь. М., 1982. С. 204).
- 10 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 6. Ед. хр. 6. Л. 18.
- 11 Там же. Л. 17, об.
- 12 Семёновский Дм. Есенин // Теплый вечер. Иваново, 1958.

- ¹³ Рабочий край. Иваново-Вознесенск, 1919. 19 февр. № 39 (обнаружено и сообщено нам Н.Г.Юсовым). Об этой книге (и о небольшой поправке к ее заглавию, данному “Рабочим краем”) см. также ниже (с. 161 и 168).
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 60.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 6. Ед. хр. 14. Л. 1 и 6.
- ¹⁶ Полный текст — VI, 90–91. В 1962 году было напечатано впервые (*Есенин С.* Собр. соч. В 5-ти т. М., 1962. Т. 5. С. 134) по автографу, находившемуся тогда в архивном фонде Госиздата. Ныне местонахождение этого автографа неизвестно. По его ксерокопии, имеющейся в частном собрании (г. Москва), на которой сохранилась архивная нумерация (л. 48), удалось установить, что прежде автограф находился в архивном деле с шифром — ГАРФ (бывш. ЦГАОР). Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 16.
- ¹⁷ Текст этой справки, а также фамилия и должность ее автора до сих пор воспроизводились в печати (начиная с первой публикации — *Есенин С.* Собр. соч. В 5-ти т. М., 1962. Т. 5. С. 337; ср. также: VI, 289) с искажениями (напр., вместо “Росский” — “Рыскинд”). Здесь печатается по ксерокопии с подлинника, упомянутой в предыдущем примечании. Должность А.М.Росского в августе — сентябре 1919 года установлена нами по “Списку ответственных работников Государственного Издательства” (ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 117).
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 9 (машинописный подлинник; подписи — автографы).
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 195; машинописный отпуск с подписями-автографами (?).
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 18. Машинописный подлинник; подписи-автографы; слово “За” — рукой Ю.Балтрушайтиса; номер и дата — рукой А.М.Росского. На письме — штамп: “Государственное Издательство: входящ. № 2537, 2 IX 1919 г.; исходящ. № 2766, 5 IX 1919 г.” (номера и даты вписаны в штамп от руки неустановленным лицом, скорее всего, делопроизводителем).
- ²¹ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 17 (машинописный отпуск).
- ²² Там же. Л. 51; машинописный отпуск.
- ²³ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 6. Ед. хр. 15. Л. 50.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 132.
- ²⁵ См.: *Юсов Н.Г.* “С добротой и щедротами духа...”: Дарственные надписи Сергея Есенина. Челябинск, 1996. С. 101.
- ²⁶ Подробнее см.: 1) *Субботин С.* Есенин и Клюев: К истории творческих взаимоотношений // О, Русь, взмахни крылами... Есенинский сб.: Вып. 1 / Отв. ред. Ю.Л.Прокушев. М.: Наследие, 1994. С. 104–120. (Новое о Есенине. 1); 2) *Киселева Л.А.* Есенин и Клюев: скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) // Николай Клюев: Исследования и материалы / Ред.-сост. С.И.Субботин. М.: Наследие, 1997. С. 183–198.
- ²⁷ [*Субботин С.И.*] Комментарии // Есенин С. Полн. собр. соч. В семи тт. М., 1997. Т. 5. С. 450–451, 455, 466, 468, 474–475, 477, 478, 481–482, 487–489, 496–497.
- ²⁸ Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана: Аннотир. каталог. Публикации. М.: Книга, 1989. С. 110.
- ²⁹ А.Блоку (Литературное наследство. М.: Наука, 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 443); В.Брюсову (Русская литература. 1989. № 3. С. 188); Н.Гумилеву

- (Вопр. лит. 1987. № 4. С. 277). Все надписи опубликованы К.М.Азадовским.
- 30 *Шершеневич В.* Кому я жму руку. [М., 1921]. Цит. по: *Шершеневич В.* Листы имажиниста. Ярославль, 1997. С. 445.
- 31 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 6. Ед. хр. 15. Л. 100.
- 32 Судя по совокупности обследованного нами материала, соответствующие документы почти наверняка не сохранились.
- 33 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 133.
- 34 См. примеч. 32.
- 35 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 40 (машинописный отпуск с исходящим № 5418). Документ упомянут В.А.Вдовиным без указания архивного шифра в его “Комментарии” (VI, 292–293; см. также: VI, 447).
- 36 Некоторые из них числятся, например, в перечне работ, находившихся в производстве в типографии Сытина к моменту перехода издательства ВЦИК под юрисдикцию Госиздата (ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 181; дата — 21 июля 1919 г.).
- 37 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 6. Ед. хр. 15. Л. 136.
- 38 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 199.
- 39 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 175. Обнаружен и описан Е.А.Динерштейном (Вопр. лит. 1969. № 7. С. 251); о типографском штампе на документе в этом описании не упомянуто. Заметим, что другой сборник Есенина “Стихи и поэмы о Русской земле, о чудесном госте...”, о котором шла речь выше, был сдан в набор издательством ВЦИК (в конце февраля — начале марта 1919 г.) не во 2-ю, а в 9-ю Государственную Типографию (ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 180; более подробно об этом см. ниже).
- 40 См. примеч. 35.
- 41 *Козловский А.А.* Комментарии // Есенин С. Полн. собр. соч. В семи тт. М., 1995. Т. 1. С. 402.
- 42 Новое повышение гонорарных ставок в то время было проведено и другим авторам; см., например, выдержку из протокола заседания редакционной коллегии Госиздата № 23 от 11 декабря 1919 г.: “СЛУШАЛИ: ...4) Гонорар Бальмонту; ПОСТАНОВИЛИ: ...4) Гонорар увеличить за стихи до 12 руб. за строчку” (ГАРФ. Ф. 395. Оп. 9. Ед. хр. 108. Л. 41).
- 43 [Б.п.] Книжная летопись // Вестник театра. 1919. 9–14 дек. № 45. С. 15. Эта вновь обнаруженная информация подтвердила предположение исследователя, что “Плавильня слов”, имеющая в выходных данных годом выпуска 1920-й, на самом деле вышла в 1919 году (см.: *Юсов Н.Г.* Прижизненные издания С.А.Есенина: Библиогр. справочник. М., 1994. С. 79).
- 44 Плавильня слов. М., 1920. С. [45].
- 45 [Оппоков Г.И.] “Копытами в небо” // Правда. 1920. 6 февр. № 26; подпись: А.Ломов.
- 46 Воровский В. Письмо в редакцию // Правда. 1920. 7 февр. № 27.
- 47 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 114.
- 48 VI, 292, с опечаткой в указании года (“1929” вместо “1920”); шифр этого документа — ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 126.
- 49 *Фриче В.* Пора отмежеваться // Вечерние известия Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1920. 24 февр. № 475.

- ⁵⁰ Сергей Есенин в стихах и жизни: [Кн. 3.] Письма. Документы / Сост. С.П.Митрофановой-Есениной и Т.П.Флор-Есениной; коммент. С.П.Митрофановой-Есениной, С.И.Субботина, Т.П.Флор-Есениной; подготовка текстов и указатель имен С.И.Субботина. М.: Республика, 1995. С. 86–88 (далее сокращенно — Письма, с указанием страницы книги).
- ⁵¹ [Б.п.] Литературная хроника // Вестник театра. 1920. 23–28 марта. № 58. С. 15.
- ⁵² ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 134. “Без бумаги” означает — без бумаги, выданной Госиздатом, то есть на “своей” бумаге. Отзыв В.Брюсова на “Конницу бурь” не выявлен.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 36 и 35. Переводчиком книги Ш.Вильдрака и Ж.Дюамеля был В.Шершеневич. Полные тексты упомянутых в протоколе отзывов В.Брюсова не обнаружены.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 52 (машинописный отпуск). По указанному в письме адресу жили в то время Есенин и Мариенгоф.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 66 (подлинник). Впервые частично процитировано в статье: *Динерштейн Е.* Неосуществленное начинание С.Есенина. С. 253.
- ⁵⁶ С 16-го июля (ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 52).
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 9. Ед. хр. 134. Л. 65.
- ⁵⁸ Использовано исследователем (без указания шифра) в его комментариях к письмам Есенина (VI, 293) и в хронологической канве “Сергей Александрович Есенин” (VI, 449).
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 9. Ед. хр. 134. Л. 46.
- ⁶⁰ Полный текст впервые — VI, 293; затем — Письма, 215; в обоих случаях — без указания архивного шифра документа (ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 96).
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 180 (подлинник); там же. Ед. хр. 116. Л. 156 (машинописный отпуск с пометой-автографом: “Д.Вейс”).
- ⁶² ГАРФ. Ф. 395. Оп. 9. Ед. хр. 134. Л. 19, об.
- ⁶³ Впервые — Лит. Россия. 1979. 7 сент. № 36. С. 11, в статье В.А.Вдовина “Этюды о Сергее Есенине”; затем — Письма, 322; в обоих случаях — без указания архивного шифра документа (ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 145. Л. 265).
- ⁶⁴ Это документальное свидетельство позволяет внести поправку в название есенинской книги, опубликованное в 1919 году газетой “Рабочий край” (см. место наст. работы, сопровождаемое примеч. 13). В полном виде оно теперь реконструируется так: “Стихи и поэмы о земле русской, о чудесном госте и невидимом граде Инонии” (выделено нами. — С.С.).
- ⁶⁵ Впервые — *Есенин С.* Собр. соч. В 5-ти тт. М., 1962. Т. 5. С. 338 (с пропуском одного слова и другими искажениями). Текст с указанием архивного шифра документа — в кн.: История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М.: Росспэн, 1997. С. 417. Здесь дается непосредственно по автографу; заметим, что заключительная фраза отзыва перед подписью автора вписана им позже.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 375.

- 67 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 9. Ед. хр. 134. Л. 12. Первое упоминание этого документа (без указания шифра) — *Есенин С.* Собр. соч. В 5-ти тт. М., 1962. Т. 5. С. 338.
- 68 Характерно, что первый публикатор отзыва Серафимовича (о публикации см. примеч. 65) отнес его именно к “Тельцу”.
- 69 Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 574–576.
- 70 *Есенин С.* Полн. собр. соч. В семи тт. М., 1997. Т. 5. С. 267.
- 71 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 9. Ед. хр. 6. Л. 371 (автограф). Взятые в ломаные скобки — конъектуры. Должность П.Н.Зайцева установлена по другим документам Госиздата, им подписанным. Краткое изложение содержания документа (с указанием шифра) имеется в рецензии на книгу Э.Хлысталова “13 уголовных дел Сергея Есенина” (Новое лит. обозрение. 1996. № 17. С. 399; подпись: *Е. Д.*).
- 72 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 9. Ед. хр. 140. Л. 117, об.
- 73 Там же. Л. 117.
- 74 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 9. Ед. хр. 40. Л. 305.
- 75 *Зайцев П.* Сергей Есенин: (из воспоминаний о встречах с поэтом) // РГАЛИ. Ф. 1610. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 11. Ошибка памяти мемуариста относительно заглавия книги Есенина вполне понятна — сборник “Березовый ситец” (1925) по содержанию идентичен “Избранному” 1922 года.
- 76 ГАРФ. Ф. 395. Оп. 9. Ед. хр. 36. Л. 164.
- 77 Там же. Л. 83, об. Сам этот договор пока не выявлен.
- 78 См. госиздатский “Список книг, сданных в Ленинград <так!> за время с 1 янв. 1921 по 1 нояб. 1922” (ГАРФ. Ф. 395. Оп. 9. Ед. хр. 28. Л. 3, об.).
- 79 Этот макет, судя по всему, был готов еще до 17 марта 1922 г. — даты подачи Есениным заявления наркому А.В.Луначарскому с просьбой ходатайствовать “о выдаче... заграничного паспорта для поездки... в Берлин по делу издания книг своих...” (VI, 116). Уже через несколько дней после приезда в Берлин — 18 мая 1922 г. — Есенин подписал договор на издание своего “Собрания...” и получил деньги (текст расписки — Письма, 111).
- 80 Приведены в кн.: *Юсов Н.Г.* Прижизненные издания С.А.Есенина: Библиогр. справочник. М., 1994. С. 37–38, 39–40.
- 81 Ср.: “Я на всю эту рыжую мреть // Буду шурить глаза и суживать” (*Есенин С.* Полн. собр. соч. В семи тт. М., 1995. Т. 1. С. 159).

Т.К. Савченко, А.Н. Захаров

ЕСЕНИН И ИМАЖИНИЗМ

Не только эта проблема, но даже история, теория и практика имажинизма изучены недостаточно, хотя за 80 с лишним лет опубликовано немалое количество работ. Нет и полной библиографии по имажинизму.

Имажинизм громко заявил о себе “Декларацией” в самом начале 1919 г. и просуществовал менее 10 лет. Однако он имел и свою предысторию, вырастая из символизма, футуризма, неокрестьянства, “скифства” и других истоков. А стихи будущих имажинистов В.Г. Шершеневича, С. Есенина, Рюрика Ивнева (М.А. Ковалева), А.Б. Мариенгофа, А.Б. Кусикова, И.В. Грузинова и др. появились в самом начале или середине 1910-х годов.

Каждый из имажинистов был творческой личностью — с разной, конечно, долей таланта, и каждый шел к имажинизму своим путем, поэтому имажинизм представляет собой сложный конгломерат поэтических индивидуальностей, эстетических идей, теоретических принципов и художественных произведений.

Свое особое место в имажинизме занимает Есенин как самый талантливый из всех имажинистов.

“Каждая школа имеет несколько профилей. Чем разнообразнее индивидуальности, входящие в состав школы или течения, тем жизненнее течение и тем способнее оно захватить большую территорию”¹, — так считал В. Шершеневич. В силу всего сказанного и оценки имажинизма критиками и литературоведами довольно разноречивы.

Основная литература об этом течении представлена декларациями, манифестами² и работами самих имажинистов³, их доброжелателей и критиков⁴, а также статьями 20–40-х годов литераторов русского зарубежья — современников поэтов-имажинистов⁵.

В 50–80-е годы отечественное литературоведение писало об имажинизме мало и оценивало его резко отрицательно (Н. Дикушина, Е. Ермилова, Г. Горланов и др.), а зарубежное (М. Пешич, S. Laffitt и др.) — много, положительно и даже апологетически. Но в том и другом были рациональные зерна, попытки разобраться в существе этого течения. Наиболее обстоятельно проблема имажинизма решалась в те годы в работах К. Пономарева (Канада, 1968), Н. Нильсона (Швеция, 1970), в докторской дис-

сертации В.Пиотровского (Польша, 1977), книгах и статьях Г.Маквея (Англия, 1976, 1989), В.Маркова (США, 1980), А.Лайтон (США, 1981), И.Яжембиньской (Польша), защитившей в 1981 г. кандидатскую диссертацию по имажинизму в Ленинграде.

Наиболее полно и объективно имажинизм рассматривается в работах отечественных исследователей 90-х годов⁶.

Однако на протяжении десятилетий в советском литературоведении выработывался стереотипно негативный взгляд на имажинизм как на формалистическое, вредное, реакционное литературное течение. Этот взгляд, к сожалению, не преодолен до конца и в современном есениноведении. Наиболее яркое подтверждение этому — книга Станислава и Сергея Куняевых “Сергей Есенин”, изданная в 1995 (и переизданная в 1997 г.) в серии ЖЗЛ. Книга в целом вносит весомый вклад в современное есениноведение, написана увлекательно и страстно, с огромной любовью и болью за истерзанного поэта. Это, на наш взгляд, одна из лучших книг о Есенине в отечественном есениноведении — за исключением страниц, посвященных имажинизму (и некоторых других, не относящихся к данной теме). Невозможно согласиться ни с одной из характеристик имажинизма, приведенных в книге. Вот только некоторые из них: имажинисты — “странная компания” (с. 162), “компания дикарей” (186), их манифест — “чудовищная и тупоумная декларация” (163), произведения имажинистов — “утробный нечеловеческий рев” (165), “стихотворная бредятина” (183). Подобные негативные оценки ничем — в том числе и своей лексикой — не отличаются от содержания статей 20–30-х годов (см. ниже). Особенно достается, как и следовало ожидать, в книге Куняевых В.Шершеневичу: “опытный делец” (161), “вся литература для него заключалась в скандалах, борьбе, поединках” (163), “вечный литературный неудачник <...> он сгорал от неутолимого честолюбия” (164), есенинские “Ключи Марии” стояли ему “поперек горла” (184), “стремление выйти на первый план смешивалось у него с чувством горечи от того, что не все еще вокруг разрушено и перекорежено” (164). Имажинизм поэта авторы книги называют “сведением счетов с Маяковским”, стряхнувшим Шершеневича “с каблуков, как ненужную ветошь” (164). В этих утверждениях несправедливо все. К разрыву с Маяковским и футуристами Шершеневича привело его убежденное, последовательное отстаивание автономности литературы и искусства, их независимости от власти государства. “Большого антипода Есенину представить себе невозможно”, — пишут авторы книги о Шершеневиче (162). Это утверждение справедливо лишь отчасти. Во вступительной статье к тому Шершеневича 1994 г. его составитель и комментатор В.Дроздов говорит о влиянии Есенина на имажинистов и о том, что к

1923 г. они постепенно отказываются от крайностей в использовании самодовлеющего образа.

Кафе поэтов “Стойло Пегаса” получило в ЖЗЛ’овской книге следующее определение: “центр помойной ямы, именуемой “литературной жизнью” Москвы 20-х годов” (196). Между тем в этой “штаб-квартире” имажинистов читались стихи, проводились диспуты о поэзии, о путях развития современного искусства — театра, кино, живописи; устраивались творческие вечера Брюсова, Есенина, Качалова, Мейерхольда и др. Как написал в свое время Городецкий, “клеямом глупости клеймят себя все, кто видит здесь <в имажинизме> только разгул и озорство”. О том, что отождествление имажинистской среды с богемной является грубейшим искажением фактов, много и справедливо говорится во вступительных статьях С.В.Шумихина к мемуарной книге “Мой век, мои друзья и подруги” (1990) и В.А.Дроздова к книге Шершеневича “Ангел катастроф” (1994).

В книге Л.В.Занковской “Новый Есенин: Жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии” (М., 1997) имажинисты представлены агентами большевиков и чекистов в литературе: “На первом этапе для имажинистов не жалели ничего, большевики оказывали им любую поддержку” (182), так как “имажинизму была уготована совершенно другая <не художественно-эстетическая, а>, политическая роль — роль “ледокола” революции в русской литературе. Только этим можно объяснить столь внимательную заботу или активное участие в создании имажинизма людей из передовой большевистской когорты: Малкина, Бухарина, Устинова, Колобова, Блюмкина и других, имена которых нам пока еще неизвестны” (156).

Особого разговора заслуживает подготовленный в С.—Петербурге том “Поэты-имажинисты” (1997). Большое место здесь занимают материалы, посвященные ленинградскому “Воинствующему ордену имажинистов”, его “Манифесту новаторов” (1922), а самое главное здесь впервые широко представлено поэтическое творчество имажинистов. Несомненно том дает наиболее полное представление об имажинизме как литературной школе, но и к нему можно предъявить ряд замечаний. Можно не согласиться с выстроенной автором комментариев схемой творческой эволюции Есенина от Клюева (“творчество Клюева, формально однообразное, перестало удовлетворять Есенина”, 135) к имажинистам, у которых он “искал новых тем, свежих средств выражения”.

“Зерно”, говоря словами автора комментариев, «теории имажинизма, проросшее через полдесятилетия в книге “2x2=5»», он впервые обнаруживает в статье Шершеневича 1914 г. “Пунктир футуризма”. Между тем предпосылки возникновения нового течения можно заметить у Шершеневича уже в 1913 г. в его книге

“Футуризм без маски”, там, где он говорит о предстоящей “новой перегруппировке” литературных сил.

Вызывает недоумение включение в раздел “Есенин-имажинист” таких произведений, как “Я покинул родимый дом...”, “Хорошо под осеннюю свежесть...”, “Закружилась листва золотая...”, “Душа грустит о небесах...” и др., как и целый ряд стихотворений других будущих имажинистов.

В книге “Поэты-имажинисты”, подготовленной Э.М.Шнейдерманом, можно найти и другие неверные и спорные утверждения и неточности (“Великолепный собеседник” — вместо “Великолепный очевидец”, “Орданс” — вместо “Орднас”, т.е. Сандро и др.), однако, несмотря на это, том дает наиболее полное представление об имажинизме как одной из важных литературных групп 10–20-х годов.

Имажинизм как литературное явление пережил несколько этапов: доорганизационный (1913–1918); создания и расцвета группы (1919–1922); внутригрупповой полемики и перестройки при формальном участии Есенина (1922–1924); постесенинский (1924–1927).

Каждый из основных участников группы независимо друг от друга пришел к имажинизму как поэзии “густой образности” и “теории образных впечатлений” (выражение Есенина), считавшей своим фундаментом не символ, не вещь, не “слово как таковое”, а образ.

В своей теории и практике имажинисты опирались на работы А.Потебни, А.Веселовского и других русских филологов XIX–XX вв. Одними из предшественников русских имажинистов можно считать и англо-американских литераторов, которые в начале 1910-х годов создали школу “имажизм” (от фр. image — образ, картина). Основные принципы англо-американского имажизма: “чистая образность”, ассоциативность поэтического мышления, стихотворение как цепочка образов, отказ от традиционной метрики и строфики. Однако школа просуществовала недолго и распалась уже в середине 10-х годов.

В.Львов-Рогачевский в своей книге “Имажинизм и его образноносцы...” (1921), ссылаясь на статью З.Венгеровой “Английские футуристы”, писал в главе “Имажинизм как школа”, что именно Э.Паунд натолкнул Шершеневича на мысль назвать себя имажинистом. В статье, вызвавшей в 1915 г. немало откликов, З.Венгерова, в частности, рассказала о встречах и беседах с основоположником нового направления в англо-американской поэзии — имажизма — Эзрой Паундом. Она привела его слова, поясняющие суть нового литературного течения: “В поэзии мы имажисты. Наша задача сосредоточена на образах, составляющих первозданную стихию поэзии, ее пигмент, то, что таит в себе все возможности, все выводы и соотношения”⁷. Очевидно,

именно эта статья, а возможно, и непосредственное обращение Шершеневича к теоретическим работам и творчеству англо-американских имажистов (в связи с хорошим знанием им английского языка) действительно подтолкнули его к мысли назвать себя сначала **имажионистом**, а затем **имажинистом** и искать единомышленников⁸.

“Эстетическая концепция имажинизма,— по мнению С.В.Шумихина,— опиралась, кроме прочего, на принципиальный антиэстетизм с установкой на шокирующие, отталкивающие, провоцирующие образы, аморализм и цинизм (воспринятый как философская система). Истоки этой концепции вели начало от романтического аморализма русских модернистов старшего поколения (Бальмонт, Брюсов), восходившего, в свою очередь, к Ницше, Бодлеру, Байрону. Имажинисты восприняли также опыт французских “проклятых” поэтов, которых много переводил Шершеневич”⁹. При этом С.Шумихин делает сноску: “Учение <греческих> киников играло роль своеобразной базы имажинизма”¹⁰.

Однако прежде всего русские имажинисты — это поэты, “преодолевшие символизм”, “выходящие из футуризма”¹¹ и отталкивающиеся от него, а он, по словам Маяковского, “во всех <...> разлит наводнением”¹².

В неотправленном письме Иванову-Разумнику в мае 1921 г. Есенин писал: “Дело не в имажинизме, которое притянула к нам З.Венгерова в сборнике “Стрелец” 1915 г., а мы взяли да немного его изменили. Дело в моем осознании, преображении мира посредством образов”¹³.

Первый теоретик имажинизма Шершеневич начинал с подражания символистам (сб. “Весенние проталинки”. М., 1911; “Саміпа: Лирика (1911—1912). Книга I”. М., 1913).

С 1913 г. он становится футуристом (сначала эго-, потом кубо-), переводит работы Ф.Т.Маринетти, выпускает две свои теоретические книги — “Футуризм без маски: Компилятивная интродукция” (М., 1913) и “Зеленая улица: Статьи и заметки об искусстве” (М., 1916), а также поэтические сборники “Романтическая пудра: Поэзы. Opus 8-й” (СПб., 1913); “Экстравагантные флаконы” (М., 1913); “Автомобилья поступь: Лирика (1913—1915). Кн. 2” (М., 1916) и “Быстры: Монологическая драма” (М., 1916).

Имажинизм Шершеневича как теория оригинального слова-образа, толпы образов (да и сам термин) вызревал в его футуризме: “Я по преимуществу имажионист. Т.е. образы прежде всего. А так как теория футуризма наиболее соответствует моим взглядам на образ, то я охотно надеваю, как сэндвич, вывеску футуризма”¹⁴. Это было написано в начале зимы 1915 г. Термин “имажионизм” Шершеневич употреблял вплоть до начала

1919 г. “Футуризм умер потому, что таил в себе нечто более обширное, чем он сам, а именно имажионизм”¹⁵. Несколько месяцев спустя он вновь повторяет: “Футуризм пережил уже период своего декадентства <...> На смену ему идет течение, ставящее в основу своего учения идею образ<a>, имажионизм”¹⁶.

Однако с 1919 г. закрепились термины “имажинизм”, “имажинисты”, что подчеркивало как определенную преемственность русского имажинизма от западного, так и его национальное своеобразие.

Путь от футуризма к имажинизму в той или иной мере прошли почти все имажинисты.

А.Б.Мариенгоф, испытывая влияние футуризма, начинал, однако, непосредственно с имажинизма. Шершеневич в своей брошюре “Кому я жму руку” (М., 1920), обращаясь к Мариенгофу, писал: “Из всех нас ты больше всех имеешь право на кличку “Непорочный”. В то время, как у всех нас были какие-то флирты и даже незаконные браки с другими “измами”, ты целомудрен.

Ивнев и я были очень близко знакомы с футуризмом¹⁷, Есенин и Кусиков начали свою поэтическую деятельность безымянно. Только ты один родился вместе с имажинизмом”¹⁸. Мариенгоф утверждал: “Имажинизм родился в Пензе на Казанской улице. “Исход” — первый имажинистский сборник был отпечатан в губернской пензенской типографии”¹⁹. Однако главным авторитетом для пензенских имажинистов в то время был Есенин. Имея в виду себя и И.Старцева, Мариенгоф вспоминал: «<...>мы оба влюбились в метафору. Но мы называли ее имажем, от французского image — образ <...> Старых поэтов мы вчистую забросили, так как они не очень богаты имажами. А вот Сергея Есенина возвели в своих стихах на трон поэзии. И “облака-то у него лаяли”, и над рощей “ощенилась” луна “златым щенком”»²⁰. В Пензе Мариенгоф выпустил в 1918 г. и свой первый поэтический сборник “Витрина сердца”.

Говоря о “периоде вынашивания” имажинизма, Шершеневич отмечал: “Имажинизм возникал постепенно. Еще в шестнадцатом году в моей книге “Зеленая улица” я писал об имажинизме. Позже эта же теория мелькнула в альманахе “Без муз” в Нижнем Новгороде. Одновременно (тоже как реакция на символизм и футуризм) она показалась (и заглохла) в Англии. Потом ее голова показалась в пензенском сборнике <“Исход”>.

Люди самых разных политических и поэтических направлений задыхались между жерновами футуризма и символизма. Изпод жерновов размолотой поэзии посыпался имажинизм”²¹.

Своим путем, к своему имажинизму пришел и Есенин.

Вопреки сложившемуся в 20-е годы мнению Есенин усвоил широкий и разнообразный круг знаний. Быт русского крестьян-

ства и фольклор разных народов, мировая мифология, литература и наука, реальная жизнь нашей планеты первой четверти XX столетия — все это питало талант Есенина, вошло в его внутренний мир и способствовало сотворению им своей художественной вселенной.

Но наибольшее влияние на Есенина оказало “художественное народознание”²².

Народность — основная черта есенинского творчества, но народность глубинная, которая присуща не только крестьянству, но и другим классам. Такая народность, по мнению Н.Бердяева, присутствует в жизни всей русской земли и всех русских людей, “в глубине каждого русского человека и каждой пяди русской земли <...>”. “Высоко культурный слой,— писал Н.Бердяев,— может быть так же народен, как и глубинный подземный слой народной жизни”. А “всего более народен — гений”²³.

Мироощущение Есенина было двойственным — и реалистическим, и религиозным. В художественном мире поэта стихи 10-х годов, даже те, в которых отсутствует религиозная тематика, наполняются мифологическим смыслом. Двойственность восприятия действительности поэтом была порождена особенностями народного мышления.

Использование Есениным религиозно-библейской образности объясняется не только влияниями внешней среды, о чем он писал сам, но и внутренними потребностями: шла напряженная духовная работа, поэт искал новые художественные средства для воплощения своих идеалов и находил их не только в русской классической литературе, фольклоре и окружающей действительности, но и в мифологии — христианской и языческой.

В 1915–1918 гг. Есенин сближается с поэтами разных течений, испытывая разнородные влияния: новокрестьян, символистов, “скифов”, пролетарских поэтов и др. Талант Есенина питали многие источники, но он всегда оставался самим собой, переплавляя разнородный материал и используя его для создания и совершенствования своего неповторимого художественно-философского мира.

Осенью 1918 г. поэт пишет важную теоретическую статью “Ключи Марии”, а в последующие годы работает над книгой “Словесные орнаменты”²⁴. Есенин хочет создать новую литературную школу, фундаментом которой стал бы поэтический образ во всем его многообразии и сложности. В теоретических работах поэта выражены его важнейшие представления о целях и путях искусства, о связи искусства с жизнью и бытом народа, с окружающей его природой, с устным поэтическим творчеством.

В центре есенинской эстетической теории — проблема образности искусства и литературы: сущность образа и его разновидности, происхождение образов, их связи в произведениях, а

также протест Есенина против “словесной мертвенности” современной ему поэзии. В статьях 1910-х годов (“Ключи Марии” и др.) он разрабатывает теорию “органического образа”. А в статье “Быт и искусство” (1920) поэт развивает свои мысли об образе²⁵.

С этого пути его ничто не могло свернуть, никакие “отрицательные влияния” религии, неокрестьянства, символизма, “скифства”, имагинизма и т.п. Его талант питали многие источники (гений берет там, где хочет), но он всегда оставался самим собой, а его художественно-философский мир является “оригинальной имманентной системой, которая развивается на основании собственных творческих принципов ... как аномалия, устойчивая по отношению к влияниям литературных традиций и всей вообще социально-культурной среды его времени”²⁶.

Итак, к концу 1918 г. будущие имагинисты независимо друг от друга подошли к единому решению — создать новую литературную группу и собрались вместе, чтобы подготовить декларацию.

Основа декларации имагинистов была составлена Шершеневичем, но долго обсуждалась остальными. “Это было сделано не так просто. Мы,— вспоминал Шершеневич,— долго думали, еще больше спорили, и накануне опубликования нашего первого манифеста имагинизма двое из нас отказались подписать его; и был момент, когда манифест был уже в типографии, в наборе, а нас спрашивали, можно ли напечатать наши имена <...> Мы долго не могли договориться до того, что нас потом объединило”²⁷. Мариенгоф позднее признавался, что это они с Есениным колебались при подписании декларации, но потом согласились, “вероятно, из-за юношеского легкомыслия”²⁸.

“Декларация” (вместе со статьей В. Шершеневича и Б. Эрдмана “Имагинизм в живописи”, с. 63–68) была опубликована в воронежском иллюстрированном двухнедельнике “Сирена”²⁹ и в газете “Советская страна”³⁰ в начале 1919 г.³¹

1919–1922 гг.— период расцвета имагинизма благодаря бурной деятельности членов “Ордена имагинистов”. До 24 сентября 1919 г. была создана Ассоциация вольнодумцев в Москве³² с литературным кафе “Стойло Пегаса” при ней (председатель Ассоциации — Есенин), ряд издательств (“Имагинисты”, “Общество имагинистов”, “Чихи-Пихи”, “Орднас” и др.), два книжных магазина (“Книжная лавка художников слова” и “Лавка поэтов” с “Бюро газетных вырезок”), журнал “Гостиница для путешествующих в прекрасном: Русский журнал” (в 1922 г.). Имагинисты были связаны с некоторыми государственными структурами: Ивнев был секретарем наркома просвещения А.В.Луначарского, Мариенгоф — литературным секретарем издательства ВЦИК, Шершеневич работал в Изо Наркомпроса. Все они, включая Есенина, Грузинова, Кусикова и Ройзмана,

входили (в разное время) в руководство Всероссийского союза поэтов и в литературную секцию при агитпоезде им. А.В.Луначарского, а Г.Колобов работал во Всероссийской эвакукомиссии, и в его личном вагоне имажинисты могли ездить по стране.

В.Полонский отмечал: “Имажинисты в Москве в “кафейный” период советской литературы были господствующим течением”³³.

В “Верховный Совет Ордена имажинистов” входили: Есенин, Шершеневич, Мариенгоф, Кусиков и художник Г.Якулов. В “ЦК Ордена” — кроме вышеперечисленных — Борис (художник) и Николай (поэт и драматург) Эрдманы, композиторы А.Авраамов и Е.Павлов. Московское отделение имажинизма в 1919—1920 гг. было также представлено поэтами Р.Ивневым, И.Грузиновым, М.Ройzmanом и временно примкнувшими к группе В.Вольпиным, Б.Земенковым, Р.Роком.

“Орден имажинистов” не был замкнутой организацией, идеи имажинистов нашли своих последователей в Петрограде, имажинистские группы возникают в Казани (М.Березин и др.), на Украине (Л.Чернов и др.), в Саранске (Б.Сорокин и др.), в Воронеже (Б.Дерптский, Н.Задонский и др.), в Пензе и других городах, были белорусские и еврейские имажинисты³⁴.

“Воронежская поэтическая нота <”Декларация”>,— вспоминал Шершеневич,— прозвучала на всю страну. И был момент, когда мы не успевали регистрировать новые группы имажинистов и руководить ими. Мы оказались богаче последователями, чем предполагали. Отрицательное отношение критики сделало из академической группы воинственный орден”³⁵ В 1921 г. композитором Е.Павловым был провозглашен “Музыкальный манифест” имажинистов.

В 1919—1922 гг. имажинистами было выпущено около 60 изданий коллективных сборников³⁶ и авторских книг стихов³⁷, не считая уже названные теоретические работы.

У Российских поэтических групп конца XIX — начала XX в. был ряд общих принципов, которые перешли и к имажинизму (при всей его словесной борьбе со своими предшественниками): отрицание традиций, эпатаж и др., но прежде всего повышенный интерес к поэтической форме (часто в ущерб содержанию). Уже в первой декларации имажинисты провозгласили: “Нам смешно, когда говорят о содержании искусства. <...>

Всякое содержание в художественном произведении так же глупо и бессмысленно, как наклейки из газет на картины”³⁸. В первые годы существования имажинизма его адепты особенно нажимали на этот принцип. Скорее всего именно он заставил Есенина (и даже Мариенгофа) с самого начала колебаться: подписывать или не подписывать первую декларацию.

Однако термин “содержание” в понимании имажинистов требует пояснения. В той же первой декларации говорилось о “выявлении жизни через образ и ритмику образов”; имажинисты предлагали “изображать город, деревню, наш век и прошлые века — это все к содержанию, это нас не интересует, это разберут критики”³⁹. В “2x2=5” (1920) Шершеневич протестует против того, чтобы “содержание и смысл выпирали из стихотворения”⁴⁰. И далее в этой работе он пишет о том, что футуризм заменил “содержание сюжетностью”, что “в поэзии смысл допустим лишь постольку, поскольку он укладывается в форму”, а строка в стихотворении должна быть “завершена по форме и содержанию”⁴¹. Итак, даже Шершеневич не отвергал содержания, он был против бесформенного содержания, против сведения содержания к сюжетности, его внимание было поглощено формой, а содержание он отдавал на откуп критике.

Мариенгоф также отдавал предпочтение форме произведения (“Искусство есть форма”), но не отрицал наличия содержания в нем. Более того, считая, что “Содержание — одна из частей формы”, он подчеркивал: “Целое прекрасно только в том случае, если прекрасна каждая из его частей.

Не может быть прекрасной формы без прекрасного содержания. Глубина в содержании — синоним прекрасного”⁴². Мариенгоф ратовал за синтез реализма и мистицизма: “Телесность, осязаемость, бытологическая близость наших образов говорит о реалистическом фундаменте имажинистской поэзии. Опускание же яркой мысли в глубочайшие пропасти человеческого и планетного духа — о ее мистицизме. <...> Ибо в конечном счете всякий мистицизм (если это не чистейшее шарлатанство) — реален и всякий реализм (если это не пошлейший натурализм) — мистичен”⁴³. Здесь мы видим явное желание Мариенгофа соединить в имажинизме все лучшее, что было в символизме, акмеизме и реализме, отбросив их мистицизм и натурализм.

Таким образом, даже Шершеневич и Мариенгоф, не говоря о других имажинистах, понимали термин “содержание” не поверхностно, не только как сюжет, фабулу или предмет изображения, а более глубоко, как поэтическую мысль, идею, выраженную в образной форме.

Имажинисты были яркими (и яростными!) приверженцами свободы творчества, противниками подчинения искусства чему бы то ни было: государству, религии, философии, классу, быту, пропаганде, сиюминутности, злобе дня и т.д. В этом они были едины, не исключая Есенина⁴⁴. Об этом хорошо сказал М.Осоргин: “Когда большинство поэтов и поэтиков в СССР пошли прислуживаться писаньем транспортных стихов, декретовых басен и лозунгов для заворачивания мыла,— имажинисты остались в стороне <...> делали то, на что другие не решались: не

желали сдаваться и отстаивали свое право писателя говорить, что ему хочется. С полнейшим и открытым отрицанием относились имажинисты и к “пролетаризации” литературы, к приданию ей классового характера”⁴⁵.

Особенно рьяным противником несвободы был Шершеневич. Именно в силу этого он являлся сторонником “искусства для искусства” и критиковал Есенина и Мариенгофа за их несогласие с его тезисом. Он считал: “Искусство сковано и убито слишком большим вниманием к нему государства” — и выдвигал лозунг: *“Долой государство! Да здравствует отделение государства от искусства”*⁴⁶.

Имажинисты не были против революционности поэзии, но понимали революционность и революцию по-своему, как некий глубинный процесс, как “революцию духа”.

Борясь за свободу творчества, Шершеневич, как бывший футурист и самый левый имажинист, вначале весьма негативно отзывался о национальности и народности искусства: “Национальная поэзия — это абсурд, ерунда; признавать национальную поэзию — это то же самое, что признавать поэзию крестьянскую, буржуазную и рабочую. Нет искусства классового и нет искусства национального”⁴⁷. О том же вначале писал и Мариенгоф: “Рассматривание поэзии с точки зрения идеологии — пролетарской, крестьянской или буржуазной — столь же нелепо, как определять расстояние при помощи фунтов”⁴⁸. Так же резко отрицательно мэтры имажинизма относились и к народному творчеству, но только к его самой древней примитивной форме и к современному им стилизаторству: “<...> это полуискусство, второй сорт, переходная стадия, столь необходимая для массы и не играющая абсолютно никакой роли в жизни искусства”⁴⁹. При этом творчество Древней Руси Мариенгоф ценил очень высоко и, в частности, искусство русской иконописи считал “по формам сложнее западного Возрождения”⁵⁰, а “бахарей” — “превосходнейшими частью поэтами, частью артистами Древней Руси”⁵¹.

Говоря об отношении имажинистов к идейности, классовости, народности, революционности, традиционности, новаторству, современности, содержательности творчества, следует учитывать как индивидуальный подход каждого из них, так и эволюцию имажинизма в целом, изменение взглядов всех имажинистов под влиянием жизни и критики 20-х годов, в том числе и есенинской критики.

Есенин с самого начала не был согласен с негативным отношением Шершеневича и в значительной степени Мариенгофа к традиционным, народным (и прежде всего крестьянским) ценностям. В 1922 г. не без влияния Есенина даже Шершеневич и Мариенгоф серьезно полагали, что в основе русского имажинизма лежит национальное начало: в отличие от поверхностного и

космополитического “искусства техницизма” футуристов имажинизм идет “от образного зерна первых слов через загадку, пословицу, через “Слово о полку Игореве” и Державина к образу национальной революции. <...> имажинизм не формальное учение, а национальное мировоззрение, вытекающее из глубины славянского понимания мертвой и живой природы своей родины <...>”⁵²

А Грузинов усматривал традиции имажинистской поэтики даже в ... “языке летописей, Прологов и Патериков”, утверждая неожиданное: “Как это ни странно покажется с первого взгляда, ближе всего нам древнерусский книжный язык, словесность докантимировской эпохи”⁵³.

Кстати, первые два номера имажинистской “Гостиницы...” имели подзаголовок “Русский журнал”, снятый в дальнейшем.

Отказываясь описывать быт, левые имажинисты призывали отражать бытие. И Шершеневич, и Мариенгоф, в отличие от футуристов, были своеобразными урбанистами. “Мы, — писал первый из них, — считаем, что поэзия должна быть урбанистической, т.е. городской, но наш урбанизм — это не писание о *городе*, а писание *по-городскому*”⁵⁴. В “Кому я жму руку” (1920), обращаясь к Кусикову, он пояснял: “Моя любовь к машине зиждется вовсе не на том, что велосипед прекраснее жеребенка, а просто на том, что, если я хочу ездить на велосипеде, то я должен и заботиться о нем. <...>”

И я глубоко убежден в том, что в каждом из нас живет две души: одна любит машину, другая живой мир. Одни из нас стыдятся любви к растениям (природочка) (это я), другие скрывают свою любовь к железному негру (это ты)”⁵⁵.

Имажинизм для членов этой группы был и философией, и религией (“имажинизма основное не в % образов, а в отношении к миру”⁵⁶), но каждый из них понимал эти термины по-своему. Шершеневич писал: “Имажинизм не только литературное течение. Имажинизм имеет и определенное философское подсознательное обоснование. Это строительство нового — анархического, индивидуалистического — идеализма”⁵⁷. В другой своей работе он пояснял: “Одинаково чуждый и мещанскому индивидуализму символистов, и мещанскому коммунизму футуристов, имажинизм есть первый раскат всемирной духовной революции. Символизм с головой увяз в прошлом философском трансцендентализме. Футуризм, номинально утверждающий будущее, фактически уперся в болото современности”⁵⁸.

О верхних уровнях теории имажинизма рассуждал и Мариенгоф: “Искусство, подобно чуду, требует веры. Если корень веры в чудо прорастает плоть и питается кровью, то на корни искусства проливается ясность из родников чистейшего духа”⁵⁹. Он считал, что поэму “можно сравнить с целой философской систе-

мой, в то же время совершенно не навязывая поэзии философских задач, а ряд вплотную спиной к спине стоящих образов — философскими трактатами, составляющими систему”⁶⁰.

Однако главным в имажинизме является образ — “Кратчайшее расстояние с наивысшей скоростью. <...>”

Образ — не что иное, как философская и художественная формула”⁶¹. Но и образ, и теория образности поэзии понимались имажинистами по-разному и разрабатывались каждым из них по-своему.

В XIX в. значение слова в стихе практически равнялось его значению в словаре. В литературе XX в. усиливается метафоричность, в течение первого десятилетия превратившая поэзию в насыщенный “тропеический” (от слова “троп”) раствор. Ко времени возникновения имажинизма многие поэты уже указывали на “избыточную метафоричность” как серьезную опасность для искусства⁶². А в 1923 г. С.Клычков писал: “Образ перестал быть праздником в строке, нечаянным, чудесным и желанным. Образ на образ прет, давит и лезет почти у каждого поэта и беллетриста, и тем не менее не радует это глаза и слуха, ибо затеряно в этой толпе образов (выделено нами.— Авт.) чувство меры, пропорции и простоты, потому что образ не рождается со звездой, а делается, стряпается, по своей для каждого поэта манерке”⁶³.

“Избыточный” характер метафоричности становится у имажинистов характернейшей особенностью их поэтического мышления. Самодовлеющая метафора оказывается определяющим художественным принципом, а метафорический образ — единственным методом “обновления слова”. Однако “всепоглощающая метафоризация”, как справедливо отмечает современный исследователь, “приводит <...> к всеобщей относительности и зыбкости, сцепляясь краями, утрачивая память о центре, вещи и явления полностью растворяются друг в друге и приходят к самоуничтожению”⁶⁴. В этом смысле неизбежный “тупик” имажинизма был предопределен уже в самом начале создания группы.

Итак, образу придавалось первостепенное значение. Именно путем сравнения образов Шершеневич анализирует индивидуальное творчество каждого имажиниста в книге “Кому я жму руку”. “Образы Есенина всегда сильнее твоих,— обращается он к Кусикову,— образы Мариенгофа всегда точнее и глубже <...>”

Ты обладаешь поразительным свойством, которое я назвал бы *пьянством образа*”⁶⁵.

Стремясь к максимальному насыщению своих произведений образами, имажинисты при этом требовали, чтобы образы не были “затертыми” поэтическими штампами. Мариенгоф писал: “одна из целей поэта: вызвать у читателя максимум внутреннего напряжения. Как можно глубже всадить в ладони читательского восприятия занозу образа”⁶⁶. Для этого он советует прежде всего

использовать “нарочитое соитие в образе чистого с нечистым” (у Есенина “солнце стынет, как лужа, которую напрудил мерин”, или “над рощами, как корова, хвост задрала заря”, а у Вадима Шершеневича “гоноккок соловьиный не вылечен в мутной и лунной моче”)⁶⁷. Причем Шершеневич подчеркивал, что “образ вовсе не должен быть похож. Образ “звезды — крупа” гораздо хуже образа “гоноккоки звезд”, потому что *похожесть* в образе, как и в портрете, *это недостаток*”⁶⁸.

Есенин, еще до создания группы на основе своего поэтического творчества разработавший теорию органического образа, создал свой, есенинский имажинизм и активно пропагандировал его. В 1921 г. поэт говорил И.Розанову: “Многие думают, что я совсем не имажинист, но это неправда: с самых первых шагов самостоятельности я чутьем стремился к тому, что нашел более или менее осознанным в имажинизме. Но, — делает знаменательную оговорку Есенин, — беда в том, что приятели мои слишком уверовали в имажинизм, а я никогда не забываю, что это только одна сторона дела, что это внешность. Гораздо важнее поэтическое мироощущение”⁶⁹. О том, что “имажинизм был для Есенина своеобразным университетом, который он сам себе строил, — писал и С.Городецкий. — Имажинизм дал ему сознание мастерства, он окреп и почувствовал в себе силы идти дальше по какому-то огромному и новому пути”⁷⁰.

В пору увлечения образной теорией Есенин искренне полагал, что именно с имажинизмом связаны пути дальнейшего развития поэзии. В.Кириллов приводит такие слова, сказанные ему Есениным: “Ты понимаешь, какая великая вещь и-мажи-низм! Слова стерлись, как старые монеты, они потеряли свою первоначальную поэтическую силу. Создавать новые слова мы не можем. Словотворчество и заумный язык — это чепуха. Но мы нашли способ оживить мертвые слова, заключая их в яркие поэтические образы. Это создали мы, имажинисты. Мы изобретатели нового. Если ты не пойдешь с нами — крышка, деваться некуда”⁷¹.

Характер отношения Есенина к имажинизму отражают и некоторые его дарственные надписи и заявления, в которых он называл себя “вождем имажинистов”, а имажинистскую группу — “примыкающей” к себе⁷².

Будучи разными, имажинисты много полемизировали между собой и часто создавали “союзы”, которые возникали и распались (Есенин — Мариенгоф, Мариенгоф — Шершеневич, Кусиков — Есенин и т.д.). Особенно острыми были разногласия между Есениным и другими имажинистами. Эти разногласия проявлялись прежде всего в том, что касалось творчества: поэт не разделял многих взглядов левых имажинистов на цели и задачи искусства, на отношения литературы и жизни, быта, на сущность и роль образа в произведении. Шершеневич в “2x2=5”

подчеркивал: “Есенин, признавая самоцельность образа, в то же время признает и его утилитарную сторону — выразительность. Для Мариенгофа, Эрдмана, Шершеневича — выразительность есть случайность”⁷³.

Имажинистов разделяло и понимание связи образов в произведении. Шершеневич ратовал за самоценный образ, не связанный с другими, считая их в произведении “толпой образов”, “каталогом образов”. Обращаясь к Мариенгофу, он писал: “И все же я буду настаивать на том, что тебе кажется неправильным: твои строки можно с одинаковым успехом, не смысловым (но ведь это не важно), а метрическим, читать с начала к концу и с конца к началу”⁷⁴. Сам Мариенгоф говорил не о “каталоге образов”, а о “мудро скованной словесно-образной цепи”⁷⁵. Есенин же еще в 1918 г. писал о том, что “каждый шаг словесного образа делается так же, как узловая завязь самой природы”⁷⁶. А в 1920 г., критикуя имажинистов, он утверждал: “Собратьям моим кажется, что искусство существует только как искусство. Вне всяких влияний жизни и ее уклада. <...>

Собратья мои не признают порядка и согласованности в сочетаниях слов и образов”⁷⁷ (статья “Быт и искусство”).

12 сентября 1921 г. Есенин готовит “Манифест” только вдвоем с Мариенгофом, пытаясь издать книгу с симптоматичным названием “Эпоха Есенина и Мариенгофа”. Авторы манифеста устанавливают “два непреложных пути для следования словесного искусства:

1) пути бесконечности через смерть, т.е. одевания всего текущего в холод прекрасных форм, и

2) пути вечного оживления, т.е. превращения окаменелости в струение плоти”⁷⁸. Строитель первого пути — Мариенгоф, второго — Есенин. Шершеневича Ивнев называл “двигающимся предметом”, а его творчество “не живым и не мертвым”⁷⁹.

В конце концов творческие разногласия имажинистов привели к тому, что группа разделилась на правое (Есенин, Ивнев, Кусиков, Грузинов, Ройзман) и левое крыло (Шершеневич, Мариенгоф, Н.Эрдман и др.) с противоположными взглядами на задачи поэзии, ее содержание, форму, образ.

Проблема “Есенин и имажинизм” осложняется еще и тем, что, противостоя формалистическим изыскам левых имажинистов в своей теории и поэтической практике, Есенин принимал самое деятельное участие в имажинистских эпатажах (Есенин — Шершеневичу: “Россия не забудет нас трех Великих скандалистов”⁸⁰). Он подписывал декларации с не свойственными его творчеству принципами, участвовал в скандальных публичных выступлениях имажинистов, в присвоении московским улицам их имен, в расписывании стен Страстного монастыря нецензурными стихами, в придумывании шокирующих названий изда-

тельствам (“Чихи-Пихи”, “Орднас”) и книгам (“Мы Чем Каемся”, “Красный алкоголь”, “Покупайте книгу, а не то в морду!” и др.), расклеивании листовок “Имажинисты всех стран, соединитесь!” и т.п.

Критика с самого начала набросилась на имажинистов за их эпатажи, за их шокирующую теорию и практику. О преобладающем тоне откликов на образование литературной группы имажинистов, на их декларацию и поэтическую деятельность можно судить уже по названиям публикаций⁸¹. А.Серафимович в отзыве на книгу Шершеневича “Лошадь как лошадь” писал, что поэта надо посадить в сумасшедший дом. А рецензент литотдела Наркомпроса И.Аксенов шел еще дальше, призывая к физическому уничтожению автора⁸².

Немало критики в адрес имажинистов было в газетах и журналах русского зарубежья: берлинские “Русская книга”, “Новая русская книга”, “Накануне” с ее литературным приложением, “Дни”; парижские “Последние известия”, нью-йоркский “Русский голос”, харбинское “Русское слово” и др.⁸³

Резко отрицательно отнеслись к имажинизму и имажинистской деятельности Есенина поэты его крестьянского окружения — Н.Клюев, С.Клычков, А.Ширяевец, П.Орешин и др.

Очень часто отечественная критика не видела разницы между имажинистами и футуристами⁸⁴, хотя уже в первой декларации (1919) имажинисты отрешивались от своих предшественников. “Бунтующий экспрессионист” Ип.Соколов осенью 1919 г. писал: “То, что имажинисты выдают за имажинизм, на самом деле есть плохой футуризм”⁸⁵. Но через два года тот же критик уже высоко оценивает это течение: “Имажинизм есть логический и неизбежный результат развития символизма и футуризма и всего хода истории русской литературы”⁸⁶.

В 1917–1918 гг. многие образы имажинистов вырастали из символизма и футуризма.

Определенную эволюцию от “скиффства” (с элементами футуризма) к имажинизму проходит Есенин в поэмах 1917–1918 гг. Только в поэмах 1919 г. “Пантократор” (февраль) и “Кобыльи корабли” (сентябрь) чувствуется влияние некоторых принципов левого имажинизма. Хотя и здесь, как во всем своем творчестве, Есенин остается самим собой, приверженцем своего имажинизма, используя необычные образы для выражения жутких картин голода, разрухи, кровавой борьбы и “лирического чувствования” огромного накала. Такое же влияние ощущается и в драме “Пугачев”. А вот лирику Есенина левый имажинизм почти не затронул, слабо проявившись лишь в нескольких стихотворениях: “В час, когда ночь воткнет...”; “О Боже, Боже, эта глубь...”, “Хулиган”, “Исповедь хулигана” и немногих других. Что же касается его “поэтического хулиганства”, то и оно резко отличается от

паясничания и эпатажа левых имажинистов, лирический герой поэзии которых — циник, шут, клоун, паяц. Герой Есенина — “нежный хулиган”. М.Осоргин писал: «Обычная и принятая характеристика Есенина: талантливый поэт и хулиган. <...> Можно одно сказать: от хулиганства Есенина никто никогда не страдал, кроме него самого. <...> после Блока, только его поэзия ощущалась как дар свыше, как то, за что можно простить не одно “хулиганство”»⁸⁷. А И.Розанов трактовал есенинское хулиганство как “новую, острую и никем еще не использованную тему”⁸⁸.

У левых имажинистов было “кривляние ради самого кривляния” (слова Есенина), а у Есенина — боль за гибнущую “деревянную Русь”. Его шокирующие образы передают трагизм переживания поэта за судьбу своей родины.

Переломным для имажинизма стал 1922 г., за которым последовал его упадок. Летом 1922 г. созданием Главлита была введена цензура. В том же году сначала Кусиков, а потом Есенин уехали за границу, Шершеневич, Мариенгоф и Н.Эрдман увлеклись театром. Не спасло имажинизм ни создание “Воинствующего ордена имажинистов” в Петрограде (конец 1922), ни выпуск журнала “Гостиница для путешествующих в прекрасном” (1922–1924) в Москве.

Еще в марте 1922 г. Есенин писал Иванову-Разумнику: “Мне, например, до чертиков надоело вертеться с моей пустозвонной братией”⁸⁹. Серьезные сомнения в универсальности имажинизма, его “иссякаемость” поэт, как признавался он сам, впервые “очень ясно почувствовал” во время зарубежной поездки (май 1922 — август 1923): “Вот тогда я очень ясно почувствовал, что исповедуемый мною и моими друзьями “имажинизм” иссякает. Почувствовал, что дело не в сравнениях, а в самом органическом”⁹⁰.

Таким образом, ко времени возвращения на родину (август 1923) Есенин внутренне уже был подготовлен к разрыву с левыми имажинистами: «Он стал различать как бы два имажинизма,— писал Р.Ивнев.— Один — одиозный, мариенгофский, с которым он “будет бороться”, а другой — свой, есенинский, который он “признавал” и от которого “не уходил”»⁹¹. Причем, наблюдалась такая закономерность: чем больше под влиянием жизни, критики (в том числе и со стороны Есенина) менялся к лучшему левый имажинизм, отказываясь от своих крайностей, тем больше Есенин отходил от “собратьев” по группе.

1 июня 1923 г., когда поэт еще находился за границей, в “Гостинице...” (1923, № 2) была напечатана без подписи “Почти декларация”, в которой явно под влиянием есенинского имажинизма говорилось:

“Пришло время либо уйти и не коптить небо, либо творить человека и эпоху”⁹². И если раньше левые имажинисты провозглашали: “Аритмичность, аграмматичность и бессодержательность — вот три кита поэзии грядущего завтра <...>”⁹³, то в “Почти декларации” утверждалось: “В имажинизм вводятся как канон: психологизм и суровое логическое мышление. Футуристическое разорванное сознание отходит в область “милых” курьезов. Малый образ теряет федеративную свободу, входя в органическое подчинение образу целого”⁹⁴. Так в 1923 г. левые имажинисты пришли к тому, о чем Есенин писал и говорил еще в 1918.

Но теперь Есенин перерос не только “мариенгофский”, но и “свой” имажинизм. И “Восемь пунктов”, под которыми стоит и его подпись, не внесли ничего нового в умирающий имажинизм. В 1924 г. А.Кусиков писал М.Ройзману из-за границы: “Никаких имажинистов не существует. Все это мальчишество, эпигонство. Мне с этим со всем не по дороге”⁹⁵.

Начались личные, бытовые размолвки между имажинистами: у Кусикова с Есениным, у Есенина с Мариенгофом и др.

Причины расхождения Есенина с Мариенгофом накапливались постепенно, но окончательный их разрыв связан прежде всего с журналом имажинистов “Гостиница...”. В 3-м номере (1924) Мариенгоф установил новый порядок публикации: по алфавиту не фамилий, а ... имен имажинистов. Так, **имя Анатолия Мариенгофа** стояло первым и открывало номер “Гостиницы”, а **имя Сергея Есенина** — последним. Так же была подписана и декларация “Восемь пунктов”. Это не могло не обидеть Есенина, и 7 апреля 1924 г. он написал в “Правление Ассоциации Вольнодумцев”:

“Совершенно не расходясь с группой <...> в журнале <...> “Гостиница” из эстетических чувств и чувств личной обиды отказываюсь участвовать окончательно, тем более что он мариенгофский.

Я капризно заявляю, почему Мариенгоф напечатал себя на первой странице, а не меня”⁹⁶. В последнем, четвертом номере “Гостиницы...” (1924 г.) Есенин среди ее “постояльцев” уже не значился.

В последующих письмах Есенина встречаем серьезные обвинения в адрес Мариенгофа⁹⁷.

“Письмом в редакцию” “Правды” 31 августа 1924 г. Есенин (совместно с И.Грузиновым) объявил о роспуске группы: “Мы, создатели имажинизма, доводим во всеобщего сведения, что группа “имажинисты” в доселе известном составе объявляется нами распущенной”⁹⁸. Имажинисты напечатали на него ответ в журнале “Новый зритель” за подписями Р.Ивнева, А.Мариенгофа, М.Ройзмана, В.Шершеневича и Н.Эрдмана. Ответ содержал

грубые, оскорбительные и несправедливые выпады в адрес Есенина⁹⁹. А много лет спустя выяснилось, что ответ был сфабрикован Мариенгофом и подписан им за остальных имажинистов (кроме, возможно, Шершеневича)¹⁰⁰.

С отходом Есенина от имажинизма прекратил свое существование на 4-ом номере (1924) и журнал “Гостиница для путешественников в прекрасном”. И хотя еще некоторое время имажинисты издавали коллективные сборники (без Есенина)¹⁰¹, пытались реанимировать “Стойло Пегаса”, создать новый журнал, хотя еще какое-то время функционировал ленинградский “Воинствующий орден имажинистов” и поэты-имажинисты в некоторых других городах, но с уходом Есенина из группы имажинизм увядал и вскоре прекратил свое существование. За два месяца до своей гибели Есенин писал: “Имажинизм был формальной школой, которую мы хотели утвердить. Но эта школа не имела под собой почвы и умерла сама собой, оставив правду за органическим образом”¹⁰².

В 1928 г. Шершеневич констатировал: “<...> наличие отдельных имажинистов отнюдь не знаменует самый факт существования имажинизма. Имажинизма сейчас нет ни как течения, ни как школы.

Причины зарождения и кончины имажинизма закономерны, как и все в истории литературы”¹⁰³.

Имажинизм сошел с литературной сцены, но для многих он был неплохой школой, развившей обостренное чувство образа, образное видение мира, а также предостерег от чрезмерного увлечения формой. При всех своих крайностях имажинизм, безусловно, сыграл определенную положительную роль в развитии поэзии 20-х годов. Об этом хорошо сказал уже в 30-е годы Шершеневич: “Имажинизма как школы нет давно. Как метод, как призыв ко всемерному использованию образа — он остался навсегда. <...> Кровь имажинизма осталась в последующей поэзии”¹⁰⁴.

Сергей Есенин не только не был “сбит с толку” имажинистами, но, напротив, сами имажинисты испытали в своем творчестве глубокое влияние есенинской поэзии, есенинского имажинизма. Их образы после 1925 г. стали более органичными¹⁰⁵.

О своем “имажинизме” Есенин пророчески писал 1 января 1924 г.: “В стихах моих читатель должен главным образом обращать внимание на лирическое чувствование и ту образность, которая указала пути многим и многим молодым поэтам и беллетристам. Не я выдумал этот образ, он был и есть основа русского духа и глаза, но я первый развил его и положил основным камнем в своих стихах.

Он живет во мне органически так же, как мои страсти и чувства. Это моя особенность, и этому у меня можно учиться так же, как я могу учиться чему-нибудь другому у других”¹⁰⁶.

Имажинизм, особенно есенинский, оказал влияние на многих поэтов нашего века: представителей литературных групп 20-х годов, на зарубежную поэзию и теорию 20–50-х гг., на метафористов и метаметафористов 60–80-х годов, на современных постмодернистов и поставангардистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Шершеневич В.* Кому я жму руку. М., 1920. С. 31.
- ² См.: Поэты-имажинисты. М., СПб., 1997. С. 7–19; а также: *Сергей Есенин.* ПСС. Т. 7. Кн. 1. С. 303–314.
- ³ “Ключи Марии” (1918) Есенина; “2х2=5. Листы имажиниста” (1920) и “Кому я жму руку” (1920) В.Шершеневича; “Буян-остров: имажинизм” (1920) А.Мариенгофа, “Четыре выстрела в Есенина, Кусикова, Мариенгофа, Шершеневича” (1921) Рюрика Ивнева; “Имажинизма основное” (1921) И.Грузинова; “Воплощение: Есенин — Мариенгоф” (1921) А.Авраамова, и др.
- ⁴ *Соколов И.* Имажинистка. М., 1921; *Григорьев С.* Пророки и предтечи последнего завета: Имажинисты Есенин, Кусиков, Мариенгоф. М., 1921; *Львов-Рогачевский В.* Имажинизм и его образности Есенин, Шершеневич, Мариенгоф. М., 1921; *его же.* Имажинизм // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. В 2-х тт. М.—Л., 1925. Т. 1; *Розенфельд Б.* Имажинизм // Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 4; БСЭ. М., 1933. Т. XXVII, и др.
- ⁵ См. статьи *Гуля Р., Святополк-Мирского Д., Слонима М., Завалишина В.* и др. в кн.: Русское зарубежье о Есенине. В 2-х т. М., 1993.
- ⁶ *Шумихин С.В.* Глазами “великолепных очевидцев” // Мой век, мои друзья и подруги: Восп-я Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990; *Савченко Т.К.* Сергей Есенин и его окружение. Литературно-творческие связи. Взаимовлияния. Типология (докт. дисс., глава “Есенин и имажинизм”). М., 1991; *Дроздов В.* Путь поэта // Шершеневич В. Ангел катастроф. М., 1994; ЛО, 1996, № 5/6; Российский литературоведческий журнал. М., 1997, № 11; *Бобрецов В.* “Итак, итог?..” (О творчестве Вадима Шершеневича // *Шершеневич В.* Листы имажиниста. Ярославль, 1997; Поэты-имажинисты / Сост., подг. текста, биогр. заметки и примеч. Э.М.Шнейдермана. СПб., 1997; *Сухов В.А.* Сергей Есенин и имажинизм (канд. дисс.). М., 1997 и др.
- ⁷ “Стрелец. Сборник первый”. Пг., 1915. С. 93.
- ⁸ См. канд. дисс. В.А.Сухова. “Сергей Есенин и имажинизм”. М., 1997.
- ⁹ Мой век, мои друзья и подруги. с. 9–10.
- ¹⁰ Там же. С. 9.
- ¹¹ *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 тт. М., 1975. Т. VI. С. 503.
- ¹² *Маяковский В.* ПСС. В 13 тт. М., 1995. Т. I. С. 351, 1915 г.
- ¹³ *Есенин Сергей.* Собр. соч. В 6 тт. Т. 6. С. 110.
- ¹⁴ *Шершеневич В.* Зеленая улица. С. 7.

- 15 *Его же.* У края “прелестной бездны” // Без муз. Нижний Новгород, 1918, № 1. С. 43.— Подпись: Георгий Гаер.
- 16 *Его же.* Сегодня и завтра русского футуризма // Жизнь. М., 1918, 5 июля. № 58.
- 17 См. сборники, в которых вместе печатались Ивнев и Шершеневич: Крематорий здравомыслия. М., 1913. Вып. 3–4; Вернисаж. М., 1913, вып. 1; Пир во время чумы. М., 1913. Вып. 2; Всегда. Эгофутуристы, сб. VII, СПб., 1913; Очарованный странник: Альманах интуитивной критики и поэзии. СПб., 1914. Вып. 3.
- 18 *Шершеневич В.* Кому я жму руку. М., 1920. С. 8.
- 19 А.Мариенгоф. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги, Л, 1988. С. 353.
- 20 Журнал “Октябрь”, М., 1965, № 10. С. 98.
- 21 Мой век, мои друзья и подруги. С. 553.
- 22 *Базанов В.Г.* Сергей Есенин и крестьянская Россия. Л., 1982. С. 4.
- 23 *Бердяев Н.А.* Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 70.
- 24 См. его статью “Быт и искусство” (ПСС. Т. 5).
- 25 См. ПСС. Т. 5. С. 217.
- 26 *Харчевников В.И.* Стилевые подобию в творчестве Есенина // Сергей Есенин: Проблемы творчества. М., 1985, вып. 2. С. 76.
- 27 Есенин: Жизнь. Личность. Творчество. М., 1926. С. 52.
- 28 Журнал “Октябрь”, М., 1965, № 10. С. 103.
- 29 Сирена, Воронеж, 1919, № 4–5, 30 янв.
- 30 Советская страна, М., 1919, 10 февр.
- 31 Гордон Маквей (Англия) считает, что журнал вышел позже газеты. См. Russian Literature Triquarterly, Ann Arbor, 1989. № 43. P. 313.
- 32 В нее входили: Есенин, Д.И.Марьянов, Я.Г.Блюмкин, Мариенгоф, А.М.Сахаров, И.И.Старцев, М.П.Герасимов, А.Д.Силин, Г.Р.Колобов, М.Криницкий, Шершеневич, М.Д.Ройзман.
- 33 *Полонский В.* О литературе: Избр. работы. М., 1988. С. 398. См. также оценку имажинизма В.Брюсовым: Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // Печать и революция, М., 1922. Кн. 4. С. 38–68.
- 34 См. журн. “Гостиница...”, 1923, № 2, 1924, № 3 и № 4.
- 35 Мой век, мои друзья и подруги. С. 554.
- 36 Явь, М., 1919; Конница бурь-1, М., 1920; Конница бурь-2, М., 1920; Харчевня зорь, М., 1920; Плавильня слов, М., 1920; Коробейники счастья, Киев, 1920; Мы, М., 1920; От мамы на пять минут, М., 1921; Золотой кипяток, М., 1921; Звездный бык, М., 1921; Тараном слов, Пг., 1921; Имажинисты, М., 1921; Конский сад: Вся банда, М., 1922; Красный алкоголь, М., 1922; Мы Чем Каемся, М., 1922; Рыдательская боль, Пг., 1922; Заповедь зорь, М., 1922; два берлинских сборника: Поэзия большевистских дней, 1921, и Поэзия революционной Москвы, 1922 и др.
- 37 **В.Шершеневич:** Крематорий. Поэма имажиниста. Изд. 2, М., 1919; Вечный жид. Трагедия великолепного отчаяния. Изд. 3, М., 1919; Лошадь как лошадь. Третья книга лирики, М., 1920; Кооперативы веселья. Поэмы, М., 1921; Одна сплошная нелепость. Пьеса, М., 1922;

- А.Мариенгоф:** Магдалина, М., 1919; Кондитерская солнц. Поэма, М., 1919; Стихами чванствую. Лирические поэмы, М., 1920; Развратничаю с вдохновеньем. Поэма, М., 1921; Тучелет. Книга поэм, М., 1921; Разочарование [Стихи, М.], 1922; Заговор дураков. Пьеса, М., 1922;
- А.Кусиков:** Сумерки, М., 1919; В никуда. Вторая книга строк, М., 1920; Поэма поэм, М., 1920; Коевангелиеран, М., 1920; Джульфикар. Неизбежная поэма, М., 1921; Искандар-намэ. Поэма меня, М., 1921—1922; Птица безымянная. Избр. стихи. 1917—1921, Берлин, 1922; Аль-Баррак. Поэмы, Берлин, 1922; Рябка, Берлин, 1923;
- Есенин:** Трерядница, М., 1921; Радуница, М., 1921; Преображение, М., 1921; Пугачев, М., 1922;
- Рюрик Ивнев:** Солнце во гробе, М., 1921;
- И.Грузинов:** Западня слов, М., 1921; Роды. Поэма, М., 1921; Бычья казнь. Поэма, М., 1921; Серафические подвески, М., 1922;
- В.Ричиотти:** Осьмина, Пг. 1922;
- Г.Шмерельсон:** Длань души, Нижний Новгород, 1920; Города хмурь, Пг. 1922;
- С.Полоцкий:** Мерзлое пламя, Пг., 1922;
- Б.Сорокин:** Песенный частокол, Самара, 1922;
- С.Мар:** АБЭМ, М., 1922, и др.
- 38 *Есенин С.* ПСС. Т. 7. Кн. 1. С. 304, 306.
- 39 Там же. С. 306.
- 40 Поэты-имажинисты. С. 24.
- 41 Там же. С. 26.
- 42 *Мариенгоф А.* Буян-остров. Имажинизм // Поэты-имажинисты. С. 34.
- 43 Там же. С. 42.
- 44 См. его "Ключи Марии".
- 45 *Осоргин М.* "Путешествующие в прекрасном" // Последние новости, Париж, 1924, 27 марта.
- 46 Жизнь и творчество русской молодежи, М., 1919. № 28—29. С. 5.
- 47 *Шершеневич В.* Листы имажиниста. С. 431—432.
- 48 Поэты-имажинисты. С. 37.
- 49 Там же. С. 40.
- 50 Там же.
- 51 Там же. С. 33. Шершеневич писал: "Так, есть случаи народной лени, когда былина называет руку арапа белой" (там же. С. 20).
- 52 Гостиница..., 1922. № 1.
- 53 *Грузинов И.* Пушкин и мы // Гостиница..., 1924, № 1 (3), подпись: И.Г.
- 54 *Шершеневич В.* Искусство и государство // *Шершеневич В.* Листы имажиниста. С. 375.
- 55 *Шершеневич В.* Кому я жму руку // Поэты-имажинисты. С. 432—433.
- 56 Там же. С. 443.
- 57 Там же. С. 442.
- 58 Там же. С. 390.
- 59 *Мариенгоф А.* Буян-остров // Поэты-имажинисты. С. 40.
- 60 Поэты-имажинисты. С. 35—36.
- 61 Там же. С. 35.

- 62 См. у Вяч. Иванова, А.Блока и др. поэтов и критиков.
- 63 *Клычков С.* Лысяя гора // Красная новь, М., 1923, № 5. С. 391–392.
- 64 *Ермилова Е.В.* Метафоризация мира в поэзии XX века // Контекст-1976: Литературно-критические исследования. М., 1977. С. 177.
- 65 *Шершеневич В.* Кому я жму руку // *Его же.* Листы имажиниста. С. 434.
- 66 *Мариенгоф А.* Буян-остров // Поэты-имажинисты. С. 34.
- 67 Там же.
- 68 *Шершеневич В.* Листы имажиниста. С. 376.
- 69 *Розанов И.Н.* Воспоминания о Сергее Есенине // С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В двух томах. М., 1986. Т. I. С. 437.
- 70 Есенин: Жизнь. Личность. Творчество. М., 1926. С. 45.
- 71 *Кириллов В.Т.* Встречи с Есениным // С.А.Есенин в воспоминаниях современников. С. 272.
- 72 См. ПСС. Т. 7. Кн. I, с. 166, 193 и Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. М., 1995. С. 108.
- 73 *Шершеневич В.* Листы имажиниста. С. 383.
- 74 Там же. С. 426.
- 75 Поэты-имажинисты. С. 41.
- 76 *Есенин С.* ПСС. Т. 5. С. 201.
- 77 Там же. С. 214.
- 78 *Есенин С.* ПСС. Т. 7. Кн. I, с. 309.
- 79 *Ивнев Рюрик.* Четыре выстрела в Есенина, Кусикова, Мариенгофа и Шершеневича. М., 1921 // *Шершеневич В.* Листы имажиниста. С. 461, 463.
- 80 *Есенин С.* ПСС. Т. 7. Кн. I. С. 200.
- 81 См.: *Фриче В.* Литературное одичание // Вечерние известия, М., 1919, 15 февр.; *Блюм В.* Литературные спекулянты // Там же, 20 февр. Подпись: Тис; *Василевский Л.* Кафе снобов... // Вестник литературы, Пг. 1919, № 7; *Старый писатель.* Новое поэтическое стойло // Там же; *Ломов А.* Копытами в небо... // Правда, М., 1920, 6 февр.; *Жижин И.* Банда оскандалилась // Рабочий край, Иваново-Вознесенск, 1920, 2 июня. Подпись: И.Ж.; *Наумов Г.* Рассуждение о дыре: Несколько слов об имажинизме // Огни, Воронеж, 1921, 18 июня; *Евгеньев А.* Перлы и алмазы имажинизма // Вестник литературы, Пг., 1921, № 10–11. С. 6 и 7, и др.
 Подробнее см.: Русские советские писатели. Поэты: Библиографический указатель. М., 1985. Т. 8. С. 92–101.
- 82 См. “Московская правда”, 1958, 20 янв.; РГАЛИ, ф. 1640, оп. 1, ед. хр. 1, л. 13.
- 83 См. Русское зарубежье о Есенине.
- 84 См. работы В.Львова-Рогачевского, В.Фриче, П.Когана, Я.Шапирштейн-Лерса (Эльсберга) и др.
- 85 *Соколов Ип.* Бунт экспрессиониста. [Б.м.], Издание, конечно, автора, 1919, осень. С. 3.
- 86 *Соколов Ип.* Имажинистика. [Б.м.], 1921. С. 6. В.Брюсов в статье “Вчера, сегодня и завтра русской поэзии” (1922) говорит об отличии имажинизма от футуризма.

- 87 *Осоргин М.* “Отговорила роша золотая...” (Памяти Сергея Есенина) // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2. С. 45, 46.
- 88 *Розанов И.* Есенин о себе и других. М., 1926. С. 5.
- 89 *Есенин С.* ПСС. Т. 6. С. 131.
- 90 Там же. Т. 5. С. 162.
- 91 *Ивнев Р.* Об Есенине // Сергей Александрович Есенин, М., 1926.
- 92 Поэты-имажинисты. С. 13.
- 93 *Шершеневич В.* Листы имажиниста. С. 427.
- 94 Поэты-имажинисты. С. 13–14.
- 95 *РГАЛИ*, ф. 2809, оп. 1, ед. хр. 127, л. 2.
- 96 *Есенин С.* Собр. соч. Т. 6. С. 142.
- 97 См. там же.
- 98 Там же. С. 150.
- 99 См. Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. С. 339–340.
- 100 См. *РГАЛИ*, ф. 2809, оп. 1, ед. хр. 119, л. 9; *Ройзман М.Д.* Все, что помню о Есенине. М., 1973. С. 244.
- 101 Тараном слов, М.—Пг., 1923; ШиШ, Пг. 1924; Имажинисты, М., 1925 и др.
- 102 *Есенин С.* ППС. Т. 7. Кн. 1. С. 19.
- 103 *Шершеневич В.* Существуют ли имажинисты? // Читатель и писатель, М., 1928, 1 февр.
- 104 Мой век, мои друзья и подруги. С. 553, 646.
- 105 См.: *Грузинов И.В.* Малиновая шаль, М., 1926; *Мариенгоф А.* Стихи и поэмы (Новый Мариенгоф), М., 1926; *Шершеневич В.* Итак итог. М., 1926 и др.
- 106 *Есенин С.* ПСС. Т. 5. С. 223–224.

ПОЭМА “АННА СНЕГИНА” И ЕЁ ТОЛКОВАТЕЛИ

В номере гостиницы “Москва” — встреча с Аркадием Александровичем Кулешовым. Он только что закончил переводить на белорусский язык есенинскую “Анну Снегину”.

— Я в эту поэму влюблен издавна,— признается мой собеседник, листая рукопись.— В юности, говорят, даже писал стихи под ее влиянием... Так что колдовал над строчками увлеченно, с душой... Между прочим,— неожиданно спрашивает он,— вы не читали воспоминания Потапенко о Чехове?

— Кажется, читал,— отвечаю,— но в памяти ничего не осталось.

— Так вот,— продолжает Кулешов.— Там есть любопытное место. В жизни, пересказывает Потапенко слова Чехова,— “всё перемешано — глубокое с мелким, великое с ничтожным, трагическое с смешным”¹. Сборник “Чехов в воспоминаниях современников” читал я как раз во время работы над переводом “Анны Снегиной”. Так ведь и Есенин, думалось мне, такой видел и описывал жизнь — со всеми ее странностями и противоречиями. И человека — с его страстями и ошибками. Так что тут есть над чем подумать читателям.

— И критикам,— вставляю я.

— А уж вашему брату-критику — и подавно,— добавляет Кулешов.— Читать вдумчиво, судить непредвзято — так я понимаю суть вашего дела?

Он верно понимал дело критиков, чудесный белорусский лирик Аркадий Александрович Кулешов.

Этот давний разговор произвольно вспоминался мне, когда я читал суждения об “Анне Снегиной” в новейших книгах о жизни и поэзии Сергея Есенина. Эти издания сегодня уже упоминались: книга Станислава Юрьевича и Сергея Станиславовича Куняевых “Сергей Есенин”, вышедшая в серии “Жизнь замечательных людей” (М., “Молодая гвардия”, 1995) и работа Людмилы Васильевны Занковской “Новый Есенин. Жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии” (М., Флинта, 1997).

Как известно, об “Анне Снегиной” накопилось уже большое число разборов и отзывов. О поэме писали многие литературоведы, в том числе: К.Зелинский и В.Перцов, А.Кулинич и Ю.Прокушев, А.Волков и П.Юшин, В.Базанов и А.Марченко, В.Шошин и Э.Мекш... Этими и другими авторами в русской

критической литературе утвердилось мнение о есенинской поэме как о произведении высоких идейно-художественных достоинств. На ее страницах поэтически запечатлены события 1917 года в русской деревне, осуждение крестьянами войны, буржуазной революции. На ее страницах лежит животворный свет Октября. Эпос и лирика в произведении слиты воедино. Так — в общих чертах — писалось о поэме критиками советского времени.

В аннотации работы Станислава и Сергея Куняевых говорится, что она, работа, “принципиально отличается от всех ранее изданных книг о Есенине, поскольку ее созданию не мешали никакие идеологические догмы”.²

Каково же толкование поэмы “Анна Снегина”, осуществленное без “идеологических догм”?

“Вопреки мнению многих литературоведов,— читаем в главе двенадцатой,— “Анна Снегина” — самая антикрестьянская поэма Есенина”.³ Дело в том, продолжают авторы, что “никому не приходило в голову”, каковы крестьянские массы в поэме. А это — “голытьба, пьяницы, люмпены, участники коллективного убийства старшины”, “лихие злодеи”, “воровские души”. “Их нужно б в тюрьму за тюрьмой”. А их вождь — Прон Оглоблин — “булдыжник, драчун, грубиян”.⁴ Далее приводятся строки из поэмы:

“Таких теперь тысячи стали
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь...” (III, 55)

Действительно, какой-то преступный сброд.

Но кто так по-черному отзывается о крестьянах-бедняках? Автор поэмы? Нет, все это говорит жена мельника, по определению авторов книги, “пожилая степенная мельничиха, воплощение крестьянского здравого смысла, с которым невозможно спорить”.⁵

А каково отношение самого автора к этому “воплощению крестьянского здравого смысла”?

Первая встреча поэта Сергея с мельничихой:

“Ну, доброе утро, старуха!
Ты что-то немного сдала...”
И слышу сквозь кашель глухо:
“Дела одолели, дела”. (III, 54)

Не очень-то уважительно разговаривает молодой гость с пожилой хозяйкой дома, где он остановился. В других случаях в обращении с пожилыми людьми у поэта находились более сердечные слова: “Ты жива еще, моя старушка...”, “Милая, добрая,

старая, нежная...”, “Старушка милая...”, “Голубчик! дедушка!...” А тут: “старуха”, “немного сдала”. Она и сама-то говорит как-то не по-женски, с какой-то скрытной недоброжелательностью: “сквозь кашель, глухо”... Уж не вспомнилась ли Есенину другая старуха — из повести “Вий” Гоголя, его любимого писателя. Та старуха тоже изъяснялась, “глухо кашляя”, да оно и понятно: у Гоголя-то старуха — ведьма.

Казалось бы, если старуха-мельничиха “воплощение крестьянского здравого смысла, с которым невозможно спорить”, то поэт Сергей — по логике вещей — так и должен поступить. Авторы пишут: “А потому поэт молча соглашается с приговором и уходит в другой слой воспоминаний, гораздо более важный для него...”⁶ (имеются в виду воспоминания о встречах с юной Анной).

Верно, уходит. Но куда? Авторы как будто не видят, что после слов старухи: “Погибла кормилица Русь...” следует строфа:

Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость. (III, 55)

Вот куда уходит поэт Сергей — к мужикам бедняцкого села, к тем самым “воровским душам”, что стали “творить на свободе гнусь”, к той “голытьбе”, о которой так злобно говорила “степенная” мельничиха. Так что уход поэта Сергея в Криуши, к “лихим злодеям” свидетельствует не только о его несогласии с “приговором” старухи, а и о его сердечной расположенности к бедняцкому люду, о том, что для крестьян он действительно “свойский, мужицкий, наш”. “Пошел поклониться...” А поклон в нравственно-эстетическом плане у Есенина значит многое (вспомним: “...С поклоном сажусь на деревянную скамью” — “Возвращение на родину”; II, 79). Характерно и обращение поэта к Оглоблину: “Зачем ты позвал меня, Проша?” (III, 63). Это ли не знак душевной приязни, знак родства!

Как бы подтверждая антикрестьянскую настроенность Есенина, якобы запечатленную в “Анне Снегиной”, авторы цитируют его слова из разговора с Тарасовым-Родионовым (1925): “О, если бы ты знал, какая это жадная и тупая пакость, крестьяне”. И слова Тарасова-Родионова: “Есенин был возбужден, пьяноват, но, как говорится, что у трезвого — на уме, то у пьяного — на языке”⁷.

Но ведь у Есенина есть и такие признания в стихах того же 1925 года:

К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —

Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу? (IV, 192)

Или:

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец-крестьянин,
Ну, а я — крестьянский сын. (I, 317)

Эти и другие строки остаются незамеченными, а ведь они, наверно, не менее важны, чем цитата из пьяного разговора.

Что же касается причитаний мельничихи: “Пропала Расея, пропала... Погибла кормилица Русь...”, то в поэме они опровергаются словами мельника: “Теперь стал покой в народе, и буря пришла в угомон” (III, 71). И уж яснее ясного сказано в письме Анны:

“Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу среди судов все пристальной
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы...” (III, 73)

“Достигли силы...” Вот тебе и “погибла кормилица Русь”! Вот тебе и “невозможно спорить” со “здравым смыслом” “степенной старухи”! Вот тебе и “неразумный народ”!

Встреча поэта Сергея с криушанами — один из идейно-художественных центров произведения. Так считали многие литературоведы.

“Надо сказать,— пишут Станислав и Сергей Куняевы,— что наша литературная наука была не особенно проникательна, когда восхищалась строками из “Анны Снегиной”, в которых герой поэмы на вопрос крестьян:

“Скажи,
Кто такое Ленин?” —

“тихо” отвечает: “Он — вы”. Вроде бы — да, поэт признает, что Ленин — вожак народных масс, плоть от плоти их. Но каковы они, эти массы, в поэме — это никому не приходило в голову...” Далее следует перечисление всех определений, которыми удостоивает крестьян старая мельничиха. Тут же вспоминаются Лабутия — “хвальбишка и дьявольский трус”, мужики, грабящие барские имения. На фоне этой неприглядной картины становится ясно, делают вывод авторы, “что мы, как говорится, просто в упор не видели всей глубины и всего драматизма” заложенного в “тихой фразе героя поэмы о Ленине: “Он — вы”... Так Есенин, по мнению авторов, “удивительно тонко, но беспощадно высве-

тил образ вождя” крестьянского русского бунта”, “старшего комиссара” — Ленина”⁸.

Да, Есенин писал жизнь такой, какой она была — без глянца, без прикрас, жизнь, где “всё перемешано — глубокое с мелким, великое с ничтожным, трагическое с смешным”. Но грубость, некультурность, жадность деревенских бедняков не затемняет в них главное — стремление к справедливости, тоску по своей земле, мечту о воле и счастье. Именно этими думами надеждами народа жил Ленин. И народ победил, и новая Россия достигла силы, идя за ним, “старшим комиссаром”.

Так что тот, кто читает непредвзято, не может не понять: в словах “Он — вы” Ленин не “беспощадно высветлен”, не унижен, а, наоборот, поднят до высоты подлинного выразителя чаяний той самой “сермяжной рати”, которую “прохвосты и дармоеды сгоняли на фронт умирать”. Ибо он в том самом “булдыжнике” видел Человека, достойного жить на прекрасной, пахнувшей сиренью и жасмином земле.

И это Есенин подтвердил в стихотворении “Капитан Земли”, написанном 17 января 1925 года во время работы над поэмой “Анна Снегина”:

Не обольщен я
Гимнами герою,
Не трепещу
Кровопроводом жил.
Я счастлив тем,
Что сумрачной порою
Одними чувствами
Я с ним дышал
И жил. (IV, 179)

“Счастлив...” Это сказано не ради красного словца.

Как бы завершая разговор о поэме, авторы замечают, что в “Анне Снегиной” поэт “окончательно попрощался с голубой Русью”.⁹ Но так ли это?

После встречи со старухой-мельничихой в село Криуши поэт Сергей идет “голубую дорожкой”. Спустя шесть лет он едет в знакомые места:

И вот я опять в дороге.
Ночная июньская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко ни валко, как встарь.
Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотую порошею
Осыпала даль деревень.
Мелькают часовни, колодцы,

Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни. (III, 71–72)

И это — “окончательное прощание с голубой Русью”?

Нет, это — неизбывное, все поглощающее чувство родной земли, над которым не властно время. Это — никогда не проходящее желание

воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названием кратким “Русь”.

(II, 84 — “Русь советская”)

И опять строки Есенина авторы книги втискивают в определенную схему.

Как видно, объявленный отказ от “идеологических схем” не всегда является залогом объективного, непреднамеренного взгляда на вещи.

Не в меньшей, если не в большей степени это относится к страницам книги Людмилы Занковской, посвященным “Анне Снегиной” и некоторым стихотворениям 1924–1925 годов, т.е. времени работы Есенина над поэмой. Автор называет “Анну Снегину” одним из лучших произведений поэта.¹⁰ Казалось бы, тут и следовало показать, в чем же заключается высокие художественные достоинства поэмы. Но нет: не считая цитат, всего 15 строк автор отдал поэме, отмечая любовную тему и тему природы. Зато сказке “Сиротка”, раннему, слабому, не включенному Есениным в его трехтомник стихотворению, отведено 30 строк. “Текст написан стихом — четырехстопным хореем, белым стихом, что повышает ее художественное достоинство”¹¹, — таков анализ сказки, но об “Анне Снегиной” нет даже и подобного невразумительного рассуждения.

15 строчкам об “Анне Снегиной” предшествует фраза, сообщающая: поэт, якобы, видит “безропотность крестьянства, вполне смирившегося с большевистской властью и мечтающего лишь о том, чтобы комиссары не зверствовали люто...”¹² Эти слова подверстываются под абзацы о “показном гуманизме большевизма”, о “большевитском терроре и насилии”, что нашло, якобы, отражение в стихотворении “Русь бесприютная”.¹³ Далее цитируется:

Россия-мать!
Прости меня,
Прости!
Но эту дикость, подлую и злую,
Я на своем недлительном пути

Не приголублю
И не поцелую. (II, 86)

Получается: “дикость, подлая и злая” — это те, кто творит “большевистский террор и насилие”; “большевистская власть”.

В тексте же Есенина перед приведенной идут такие строфы:

Ирония судьбы!
Мы все отропщены.
Над старым твердо
Вставлен крепкий кол.
Но все ж у нас
Монашеские общины
С “аминем” ставят
Каждый протокол.

И говорят,
Забыв о днях опасных:
“Уж как мы их...
Не в пух, а прямо в прах...
Пятнадцать штук я сам
Зарезал красных,
Да столько ж каждый,
Всякий наш монах”.¹⁴ (II, 86)

И — дальше:

Россия-мать!
Прости меня,
Прости!
Но эту дикость, подлую и злую... (и т.д.)

Вот, оказывается, кто “дикость подлая и злая” — “монашеские общины”, “монахи”, а не “большевистская власть”, не большевики!

Так беззастенчиво Есенин фальсифицируется, подгоняется под ложную схему поэта-антисоветчика. Потому-то, можно предположить, и от “Анны Снегиной” Людмила Занковская отделяется пятнадцатистрочной скороговоркой. И в самом деле, как истолковать есенинскую строку о Ленине и крестьянах: “Он — вы”, если “капитан земли” в книге “Новый Есенин” назван “кровавым вождем”, “придуманным идолом”¹⁵. Вот, оказывается, с кем Есенин “сумрачной порою одними чувствами... дышал и жил”!

Тут, пожалуй, не лишне вспомнить высказывание Андрея Дмитриевича Сахарова, которого никак нельзя причислить к единомышленникам Владимира Ильича. Академик писал: “Конечно, мне приходилось много читать о Ленине и его эпохе, в том числе лживого и сусального... Но я не могу не ощущать значительность и трагизм личности Ленина и его судьбы, в которой

отразилась судьба страны, понимаю его огромное влияние на ход событий в мире”.¹⁶

В подзаголовке книги “Новый Есенин” помечено: “Жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии”. Это, мягко говоря, не совсем верно. Даже посвящение поэмы “Анна Снегина” А.Воронскому расценивается как нежелание Есенина “принимать правила большевистских игр” (хотя известно, что Есенин с большим уважением относился к Воронскому как к литературному критику).

Во время той давнишней встречи с Аркадием Кулешовым свою фразу о сути дела критиков, пишущих о поэте, и, в частности, об “Анне Снегиной”, он закончил так:

— Дайте мне, читателю, не вашего Есенина, а самого Есенина. Это сказано, кажется, еще при жизни автора “Анны Снегиной”.

Позже я нашел похожее место в книжке Вадима Шершеневича “Кому я жму руку” (1920). Говоря о субъективизме критиков он замечал: “Все это происходит, конечно, потому, что все видят своего Есенина, а не есенинского Есенина”¹⁷.

Это так.

Кто бы ни писал о поэте, Есенин должен быть Есениным.

И “Анна Снегина” должна быть поэмой есенинской.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Потапенко И.Н.* Несколько лет с А.П.Чеховым. // Чехов в воспоминаниях современников. Второе, доп. изд., М., 1954. С. 289.
- ² *Куняев Станислав, Куняев Сергей.* Сергей Есенин. М., 1995 (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 727). С. 573.
- ³ Там же. С. 472.
- ⁴ Там же. С. 477.
- ⁵ Там же. С. 478.
- ⁶ Там же. С. 478.
- ⁷ Там же. С. 473. *Тарасов-Родионов Александр Игнатьевич* (1885–1938) — активный член большевистской партии, писатель. В свое время шумный успех имела его повесть “Шоколад” (1922). Воспоминания Тарасова-Родионова “Последняя встреча с Есениным” впервые опубликованы в альманахе “Минувшее”, т. 11, Париж, 1991; см. также: С.А.Есенин. Материалы к биографии. М., 1992. С. 241–254.
- ⁸ *Куняев Станислав, Куняев Сергей.* Указ. соч. С. 477, 478.
- ⁹ Там же. С. 481.
- ¹⁰ *Занковская Л.В.* Новый Есенин. Жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии. М. 1997. С. 365.
- ¹¹ Там же. С. 55.
- ¹² Там же. С. 365.

- 13 Там же. С. 362–363.
- 14 Строка “Мы все отропщены” в Полном собрании сочинений С.А.Есенина дана с учетом правки поэта: “Мы все острощены” — см. т. II. М., 1997. С. 99, коммент.— 413–414.
- 15 Занковская Л.В. Указ. соч. С. 363.
- 16 Цит. по ст. *Иосифа Лешевского* “Пасквиль написан грязным сапогом. Заметки об антилитературе”.— Газ. “Правда”, 23 марта 1995 г., № 53(27471). С. 4.
- 17 *Шершеневич В.* Кому я жму руку (1920) — // В его кн.: Листы имажиниста. Ярославль, 1997. С. 445.

ЕСЕНИН В ШКОЛЬНОМ И ВУЗОВСКОМ ОБУЧЕНИИ

Педагогическая Есениниана — одно из перспективных, научно и практически значимых направлений изучения, осмысления великого наследия русского поэта. **Есенин в школе** — эта проблема имеет ряд аспектов: методологический, методический, психолого-педагогический, нравственно-этический, художественно-эстетический.

Некоторые из этих аспектов проанализированы мною в статье “Есенинские уроки в школе” (сб. “С.А.Есенин. Творческая индивидуальность. Художественный мир”. Рязань, 1982). Ценный опыт содержит исследование Б.С.Локшиной “Поэзия А.Блока и С.Есенина в школьном изучении” (Л.: Просвещение, 1978). Плодотворны методические наблюдения В.И.Харчевникова (“Изучение С.Есенина в средней школе”. Элиста, 1979), П.Сербина “Творчество С.Есенина в школьном изучении” (М., 1989). В проблемном сборнике “С.А.Есенин. Поэзия. Творческие связи” (Рязань: РГПИ, 1984) опубликованы содержательные статьи Б.А.Орлова “Изучение продолжается (Есенин в школе)”, Р.М.Глазковой “Поэзия С.А.Есенина в 10 классе”. Укажем также на “пособие для учащихся” “Сергей Есенин. Биография писателя” И.Эвентова (Л., 1978), “книгу для учителя” “Песенное слово: поэтическое мастерство Сергея Есенина” Л.Бельской (М., 1990). В числе недавних исследований — “книга для учителя” “Духовные искания Сергея Есенина” О.Вороновой (Рязань, 1995).

* * *

Сам С.А.Есенин придавал большое значение именно юному читателю. Он сотрудничал в детских журналах, в изданиях, адресованных самым маленьким. “Малышам в острастку” создал Есенин сказки, лирические были, мудрые и звучные стихи. Без Есенина трудно представить духовно-психологический мир ребёнка. Вместе с колыбельными песнями — есенинское непотворимое, несказанное:

Задремали звёзды золотые...

.....

Улыбнулись сонные берёзки...

У плетня заросшая крапива...

...качаясь, шепчет шаловливо:

“С добрым утром!”

В беседы с дошкольниками, уроки “родной речи”, внеклассного чтения в 1–3 классах целесообразно включить стихотворения “Поёт зима — аукает...”, “Берёза”, “Пороша”, “Черёмуха”. Юные чтецы запомнят и продекламируют двуступишия и четверостишия-фрагменты из “Деда”, “За рекой горят огни...”, “Молотьбы”, “Нивы сжаты...”. Разве не очарует родительский слух детское исполнение раннего есенинского шедевра, который он довёл до совершенства в зрелые годы:

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленёночек маленький матке
Зелёное вымя сосёт...

Б.М.Шальневым, В.В.Шаховым издан учебник-хрестоматия для дошкольного и младшего школьного возраста “Мир детства: родная культура” (Рязань-Липецк: Гэлион, 1996). Первые отзывы учителей и воспитателей-практиков свидетельствуют, что, наряду с “детскими” жанрами Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Никитина, Лескова, Л.Толстого, Пришвина, Бунина, юные читатели отзывчивы к есенинским “Березе”, “Черёмухе”, “По лесу леший кричит на сову...”

Подчеркнём, однако, справедливость требования о недопустимости перегрузки учащихся на всех возрастных уровнях. В связи с этим возникает необходимость строжайшего отбора: что читать? что отражать крепнущему сознанию ребёнка, отрока, “открывающего” мир, постигающего тайны “сокращённой вселенной” — литературы? Главный критерий отбора произведений для чтения и изучения — их идейно-художественное совершенство. Гармоническое единство формы и содержания, богатство и психологическую глубину нравственно-эстетического и общественного идеала находим мы прежде всего в классике, этом “золотом фонде” литературы и искусства. Лучшие есенинские творения по праву занимают здесь своё место.

* * *

К сожалению, официальные школьные программы для семивосьмилетнего обучения фактически “отлучили” Есенина от детей. Лишь учителя-энтузиасты, понимая значение есенинского наследия для воспитания подрастающего поколения, “привлекали” на уроки русского языка, русской литературы, во внеурочное чтение лирические шедевры: “Дымом половодье...”, “Ночь”, “Песнь о Евпатии Коловрате”, “Берёза”, “Осень”, “Край ты мой заброшенный...”, “Буря”, “В том краю, где жёлтая крапива...”

Семи-восьмиклассникам нравятся его “Русь”, “Песнь о собаке”, “Табун”, “Бабушкины сказки”.

Серьёзный психолого-педагогический потенциал содержит цикл стихотворений поэтов XX века о детстве и отрочестве Есенина.

В 5–8-ых классах в различных формах (праздники поэзии, литературные вечера, утренники, викторины, конкурсы, творческие сочинения, театрализованные представления, стенгазеты, календари, рукописные альманахи) целесообразно использовать различные жанры Есенинианы. В поэме А.Филатова “В приокском селе под Рязанью...” воссоздан колоритный образ матери поэта Татьяны Фёдоровны Есениной. “Сеновал Есенина” В.Боккова, “Ока” Вл.Фёдорова, “Легла дорога в Константиново” А.Прокофьева, “Есенину” М.Геттуева, “Вёрсты всей потрясенной земли” Н.Рубцова, “Позови меня, Есенин” Е.Маркина... Лучшие учителя-словесники приобщают учащихся к библиографическому поиску. Интересной и увлекательной представляется задача собрать, систематизировать произведения, воссоздающие образ Есенина, повествующие о его судьбе. В литературно-художественных журналах, альманахах, сборниках, на страницах столичных и местных газет ученики обнаруживают публикации о Есенине и есенинской родине.

Есениниану пополнили также прозаические жанры. Ученикам среднего школьного возраста адресованы талантливые художественно-документальные этюды Вл.Башкова, повесть В.Баранова “В селе, под Рязанью. О детстве Сергея Есенина”.

* * *

В программу по литературе для средней школы Есенин в 1968 г. был включен впервые в следующей формулировке: “С.А.Есенин. Стихотворения по выбору учителя: “Русь советская”, “Письмо матери”, “Неуютная жидкая лунность...”, “Каждый труд благослови, удача!..”, “Собаке Качалова”, “Спит ковыль. Равнина дорогая...”, “Я иду долиной, На затылке кепи...”, “Не жалею, не зову, не плачу...” и др. (3 часа)”¹. Объяснительная записка констатировала, что означенные в программе есенинские произведения “читаются и изучаются всеми учащимися в обязательном порядке; в ряде случаев учителю в старших классах предоставляется право выбора одного или нескольких стихотворений из этого списка”². В 1971 г. откорректированная программа “добавила” еще один час на поэму “Анна Снегина”; в 1974 г. список подлежащих изучению жанров пополнился стихотворением “Отговорила роща золотая...” В последующие годы экспериментировались различные методологические и методические подходы и принципы: тематический, биографо-хронологичес-

кий, комплексный, целостно-аналитический, культурологический и др. “В центре каждой монографической темы — изучение одного или нескольких произведений писателя, которые обязательно прочитывают учащиеся. Аналитическая работа опирается на непосредственное эмоциональное восприятие художественного текста” — ориентировала учителя и воспитателя одна из программ³.

В 60–90-е годы интенсивно развивалось есениноведение, разнообразно эволюционировали литературно-художественные жанры Есенинианы. Есениноведы вели активную борьбу за включение лучших произведений национального гения в программы учебных заведений. На Есенинских чтениях различных уровней (международные, всесоюзные, республиканские, межрегиональные, региональные) всё чаще выступали педагоги-практики, методисты, работники библиотек, музеев, архивов, предлагая анализ и синтез опыта изучения есенинского наследия. Работники министерств, ведомств, отделов народного образования, методических объединений предлагали варианты школьных, вузовских программ. Вот, например, программа Минпроса 1968 г.: “Краткая характеристика творчества Есенина. Поэтизация родной природы. Любовь к родине. Трагическое осознание своей отъединенности от авангарда революционного народа. Стремление преодолеть эту отъединённость. Предельная искренность и глубокий лиризм стихотворений Есенина”⁴. В 1974 г. программисты, учитывая требования педагогической общественности, внесли коррективы, в частности, тезис о “народно-песенных традициях в творчестве Есенина”⁵. Развитие есениноведения определило программную “расшифровку” 1983 г.: “Краткий биографический очерк. Лирика. Глубокая любовь к Родине. Поэтизация родной природы как выражение этого чувства. Мучительное переживание своего разлада с новой жизнью, стремление преодолеть его. Предельная искренность и глубокий лиризм стихотворений С.Есенина. Народно-песенная основа лирики С.Есенина”. При этом на базе “есенинского материала” предусматривалось освоение терминов, дефиниций, понятий по **теории литературы** (“Развитие понятия о поэтических средствах художественной выразительности”)⁶. Экспериментальная программа НИИ школ Минпроса России 1981 г. акцентирует дополнительный аспект: “Народность поэзии Есенина. Патриотизм и гуманизм лирики. Значение поэзии Есенина в наши дни”⁷.

За сухой “номинативностью” программных формулировок скрывался подтекст, вбивавший полемику, дискуссии, противоборство различных концепций, позиций, методических школ.

Анализируя методические источники последних десятилетий, отметим наиболее интересные формы, методы, методики и педагогические технологии **школьной Есенинианы**. Учащимся предла-

галась тема “Образ Есенина в театре”. В частности, рассматривалась пьеса Н.Шундика “Сергей Есенин” (её сценические варианты: Комсомольского-на-Амуре драматического театра, 1979; Рязанского театра драмы, 1980). “Произведения Есенина в театре” — один из аспектов театральной Есенинианы. “Анна Снегина” на сцене Рязанского театра юного зрителя. “Пугачёв” в театре драмы и комедии на Таганке (с участием В.Высоцкого в роли Хлопуши). Методические источники зафиксировали интерес школьников, лицеистов к опере “Анна Снегина” (музыка А.Холминова, либретто А.Машистова, 1967). Опера шла в Ленинградском академическом театре оперы и балета им. С.М.Кирова, Горьковском театре оперы и балета им. А.С.Пушкина, Свердловском театре оперы и балета им. А.В.Луначарского. Внимание школьников привлекли **моноспектакли концертных программ** “Знакомый вам, Сергей Есенин”, “Сергей Есенин и Айседора Дункан”; заинтересовали их **радиопередачи** “Слушая голос Есенина”, “Встреча с Шаганэ”, радиокomпозиции Ю.Л.Прокушева.

В практику средней школы, лицея, колледжа, училища, техникума всё чаще входят **киноуроки** с использованием фрагментов фильмов (“На родине Есенина”. Фильм-этиюд. Режиссер А.Муратов, 1959; “Сергей Есенин”. Документ. фильм Ю.Прокушева, П.Русанова. Режиссёры П.Русанов, Б.Карпов. ЦСДФ; “Сергей Есенин”. Телефильм. Текст Ю.Прокушева. Режиссёр Е.Хохлов, 1971; “Пой песню, поэт...” Худож. фильм. Сценарий Г.Шпаликова, С.Урусевского. Режиссёр-постановщик С.Урусевский. Мосфильм, 1971; “Тебе, о Родина, сложил я песню ту...” Телефильм-концерт. ЦТ, 1979; “Есенин в Баку”. Документ. фильм. Режиссёр Д.Мамедов. Центрнаучфильм, 1980; фильмы к 100-летию С.А.Есенина).

“Есенин в музыке” — без этой темы трудно представить себе нравственно-эстетическое воспитание старшеклассника. Стали классикой кантата Г.Свиридова “Деревянная Русь”, свиридовские же вокально-симфоническая поэма “Памяти Сергея Есенина”, вокальный цикл “У меня отец — крестьянин”; в школьных фонотеках — записи самобытных исполнителей Е.Образцовой, В.Прокушевой, Т.Дорониной. Не прошёл незамеченным телефильм по опере “Анна Снегина” (музыка В.Агафонникова). Уроки **выразительного, художественного чтения** обретают особую убедительность с записями чтения “из Есенина” В.Качалова, С.Балашова, Н.Крамаревского, Н.Доброхотова, А.Покровского, Э.Велецкого, И.Ильинского, В.Яхонтова.

Скульптурная Есениниана... Памятник Есенину в Москве работы В.Цигалы, в Рязани — А.Кибальникова и А.Усаченко... Памятники, установленные к 100-летию поэта. **Живописная Есениниана...** Альбомы о Есенине, фотовыставки, открытки, буклеты-

сувениры, книжные знаки... Школьники постигают Есениниану...

* * *

Завершающееся издание академического Собрания сочинений С.А.Есенина — этапный итог отечественного и мирового есениноведения, крупнейший вклад в историю русской и мировой культуры. Одна из перспективных задач ближайшего десятилетия — подготовка фундаментальной “Есенинской энциклопедии”. Вместе с тем есть необходимость в “Есенинской энциклопедии для детей и юношества”.

Образовался разрыв между серьёзными достижениями основного, генерального, ведущего есениноведения (“для взрослых”) и есениноведения “школьного”. Фундаментальные труды, солиднейшие монографии, университетско-академические сборники, “учёные записки” о Есенине и Есениниане, выполненные на высоком теоретическом уровне, практически недоступны молодёжи. Кроме нескольких научно-популярных (в лучшем — “просветительском” — смысле) книг о Есенине, школьные библиотеки не могут практически ничего предложить юному читателю. Работники просвещения признательны Юрию Львовичу Прокушеву, автору есенинских книг, учитывающих возрастные особенности школьников, помогающих детям открыть для себя феномен есенинской поэзии. Добрым помощником педагога и воспитателя стал Сергей Кошечкин, мастер психологического эссе, очерка, этюда, лирико-философской новеллы о Есенине. Близки и понятны детям “путеводители” В.И.Астахова, директора Константиновского музея. По региональным, провинциальным сборникам, малотиражным альманахам, журналам, газетам, буклетам “разбросаны” порой удивительно оригинальные материалы, адресованные самым юным, “открывающим мир”, тем, кого еще ожидает чарующая встреча с есенинской поэзией.

“Детско-молодежный” жанр “Есенинской энциклопедии” даст возможность в лучших научно-просветительских традициях русской педагогической мысли дать юным читателям необходимую информацию об основных произведениях Есенина, его биографии, творческой индивидуальности, окружении, есенинской “малой родине” — Рязанщине, ведущих есениноведах, Есениниане — литературной, художественной, музыкальной, театральной, скульптурной, библиографической, этнографической, педагогической и др.

* * *

Кризисное состояние современного общества определило опасный кризис всей системы образования, в особенности —

высшего. Потеряны многие завоевания, приоритеты, ценности, ориентиры. В образовавшийся “вакуум” хлынули отнюдь не “вешние воды”, несущие очистительные плодотворные потоки.

Высшие учебные заведения готовят специалистов, призванных осуществлять государственно важные задачи просвещения, образования, воспитания. Вот почему так важно сосредоточить усилия учёных, практиков, методологов и методистов на составлении полноценных программ, написании качественных учебников и учебных пособий. В частности, методических пособий, глав в учебниках и хрестоматиях, посвящённых творческой индивидуальности С.А.Есенина.

Некоторые аспекты анализируемой проблемы затронуты мною в работах 70–90-х годов (“Есенин и есениноведение в русской советской литературе. Проблема традиций”, “Легла дорога в Константиново”, “Предтечи Сергея Есенина”, “Художественный мир Есенина”, “От Бояна Вещего до Есенина”)⁸.

В вузовскую практику внедрялись исследования есениноведов, стремившихся дать объективную, целостную творческую биографию поэта (К.Зелинского, А.Дымшица, П.Юшина, Ю.Прокушева, Е.Наумова, А.Волкова, И.Эвентова, С.Кошечкина, В.Базанова). Студенты университетов и пединституты получили возможность на факультативах, спецкурсах использовать труды А.Кулинича, Е.Галкиной-Федорук, Н.Прокофьева, В.Харчевникова, П.Пустовойта, С.Шешукова, А.Метченко. Дипломные, курсовые работы студентов имели в основе изыскания П.Куприяновского, И.Гаврилова, В.Астахова, А.Мигунова, О.Юшиной, П.Охрименко, В.Коржана, Э.Мекша, А.Захарова, В.Лазарева, Л.Егоровой, А.Поликанова, С.Субботина, В.Вдовина, В.Ракова. В курсах вузовских лингвистических дисциплин широко использовался анализ есенинских сочинений (эволюция языка и слова, особенности стиля, есенинские эпитеты, метафоры, ономастика, лингвистика рифмы); не потеряли своей актуальности исследования лингвистов-есениноведов В.Бондалетова, Т.Жбанковой, Г.Силаевой.

Серьезные успехи есениноведения позволили расширить сферу изучения есенинского наследия. Не только на филологических факультетах, но и на других отделениях, специализациях вводились “есенинские темы”.

В высших учебных заведениях технического, негуманитарного профиля в последнее время введены и успешно внедряются учебные (обязательные и факультативные) курсы истории мировой художественной культуры (МХК) и культурологии.

Опыт показывает, что в новых учебных курсах отводится место и есенинскому наследию.

Просеминарские и семинарские занятия, посвящённые вопросам ментальности, национальных особенностей, культурно-

исторических типов, интернациональных контактов, взаимообогащения культур, проходят интересно, насыщенно, когда студенты узнают, что распространение стихов Есенина приобрело ныне поистине глобальный характер; что произведения русского лирика опубликованы почти во всех странах мира.

“Мой край задумчивый и нежный...” (Есенинские уроки в липецкой школе) — так назван один из разделов фундаментального труда “Липецкая школа” (Липецк: Гэлион, 1995). У липчан особое отношение к личности и наследию Есенина: ряд районов нынешней (образованной в 1994 г.) Липецкой области входил некогда в состав Рязанской губернии (и области). Данков, Раненбург, Астапово звучали для юного Сергея Есенина так же, как Константиново, Солотча, Спас-Клепики, Касимов, Дивово, Ласково. “Есенинские дни на земле Липецкой” — помещённые в альманахе “Липецкая школа” фотографии запечатлели побывавших здесь Т.Флор-Есенину, Ю.Прокушева, С.Кошечкина, В.Астахова⁹. Ранее был выпущен другой альманах — “Липецкие тропы к Есенину”; под таким же названием демонстрировался телефильм с участием школьников, учителей, краеведов¹⁰.

В 1994 г. увидел свет солидный “Липецкий энциклопедический словарь”, в котором помещены статьи о Есенине и Есениниане¹¹. “Липецким Есениным” называли А.В.Каменского, снискавшего популярность под псевдонимом Алексей Липецкий. Есенин знал А.Липецкого, его стихи. Например, в письме 1915 г. Есенин пишет, что он рад опубликоваться с А.Ширяевцем, А.Липецким, С.Клычковым; он упоминает А.Липецкого в статье “Ярославны плачут” (1914). Липецкие школьники на вечерах памяти поэта декламируют его стихотворение “Поздний веноч на раннюю могилу”. Скорбный реквием — о невосполнимой утрате, трагедии (“Говорят,— у Рязани с глазами Подберезник, волнушка и груздь. А вот сына с кудрями-венками Проводила в скупой мясопуст. Ледяные ладони растерли Буйных песен живую капель. Протекла на захлестнутом горле В ночь полынной слезой конопель. Если б знала, Рязань, ты за мхами,— Не к добру зелена конопля,— Ты стоптала бы семя ногами, Чтоб не выросла в поле петля”). Былая боль — боль сегодняшняя (“...Лес в чаду задохнулся, как в бане, От угара столетняя хворь. Только где-то на горькой поляне Слышит девичий плач осокорь. И ущербным обломком в болоте Гребень-месяц упал с высоты, Да облезлой грустят позолотой Над Окою калеки-кресты”)¹².

В Липецке проходили 10-ые Всесоюзные Есенинские чтения; по их материалам выпущен сборник статей “Радуница” (авторы: С.Кошечкин, В.Шахов, Н.Юсов, Т.Хлебьянкина, А.Крылов, Н.Хоперская, Н.Макеев, В.Попов, В.Божко, Г.Шипулина, Э.Мекш, М.Шаповалов, П.Пропалов, В.Кузнецов, Ю.Паркаев)¹³. Новые материалы о Есенине содержат публикации разных

лет: “Липецкий венок Пушкину”, “Лермонтов и Липецкий край”, “Липчане — Великой Победе” и др.¹⁴

* * *

Есенинские народные музеи — своеобразное явление учебно-воспитательного процесса; они объединили десятки энтузиастов — краеведов, литературоведов, искусствоведов, педагогов.

Николай Обыденкин выпустил путеводитель “По залам музеев С.А.Есенина” (Библиотечка “Приокской нови”, 1996). В предисловии к брошюре говорится: “Очень отраднo, что растёт число школьных есенинских музеев. Это говорит о том, что не только старшее, но и молодое поколение любит поэзию С.Есенина”.

В числе изданий, приуроченных к 100-летию со дня рождения великого русского поэта, обратил на себя внимание рязанцев и гостей Константинова специальный выпуск газеты “Рязанские известия” — “Сергей Есенин. 1895—1995” (творческий коллектив В.Шахов, О.Котова, В.Конопкин, А.Луговский, Д.Ромо-дашкин, Р.Маркин, М.Кирип). Умело подобранные официальные материалы (Обращение Госдумы, Указ Президента РФ, Постановление правительства, материалы об увековечении памяти Есенина, информация о заседании в ИМЛИ им. М.Горького). Фотолетопись, запечатлевшая “страну берёзового ситца”, “край разлигов грозных”. Вдохновенное слово тех, кто хранит память о Поэте: председателя Есенинского комитета Юрия Прокушева (“Русь отвечает взаимностью”), директора музея-заповедника Владимира Астахова (“Земля заповедная”), руководителя Рязанского народного хора Евгения Попова (“И льётся музыка стиха...”), видного есениноведа Сергея Кошечкина (“Радуясь, свирепствуя и мучась, хорошо живётся на Руси...”). Поэтический блок с “венком Есенину” из стихотворений Евгения Маркина, Егора Исаева, Ивана Лысцова, Бориса Шальнева. Размышления директора областной библиотеки Л.Прониной, профессоров В.Бондалетова, В.Руделёва, А.Ростовцева, Л.Бельской, Т.Савченко, О.Вороновой. Отметим, что все публикации имели явный “педагогический уклон”: большинство авторов или работали в вузах, системе просвещения, или тесно контактировали с педагогическими издательствами, школами.

Один из материалов назывался: “Мультимедиа-диск “С.А.Есенин. Жизнь и творчество”. “Российское и мировое есениноведение в последние годы обогатилось серьёзными творческими работами, вместе с тем, недостаточно использован научно-педагогический потенциал Есенинианы, — отмечали авторы спецвыпуска-альманаха. — Творческая группа рязанских есениноведов, педагогов, психологов, учителей-практиков совместно с издательством “ГЭЛИОН” подготовили к выпуску оригиналь-

ное научно-просветительское электронное издание к столетию со дня рождения С.А.Есенина. Цель его заключается в том, чтобы в год юбилея С.Есенина школы и училища, лицеи и вузы получили оригинальную информацию о великом поэте". Далее приводилась краткая характеристика сидерома; констатировалось, что издание подготовлено с использованием мультимедиа-технологий, являющихся самым эффективным направлением в области информатики. Это новая технология работы с информацией, позволяющая единым образом хранить текст, звук, видео-изображение, компьютерные программы. Таким образом, мультимедийное электронное издание представляет собой своеобразную говорящую и показывающую книгу. Использование мультимедийной техники позволяет выйти на мировые стандарты создания учебных и научно-просветительских электронных изданий, сочетающих познавательный текст со звуковым, графическим, документальным рядом.

... Мироздание. Космос. "Голубая планета" Земля. В глубинах Галактики мерцает звёздочка — малая планета, названная именем Сергея Есенина. 17 августа 1974 года Л.В.Журавлёва в Крымской астрономической обсерватории АН СССР открыла этот новый космический "есенинский" объект, имеющий характеристики: расположение — в созвездии Скорпион; диаметр — около 20 км; от Солнца — 399 млн. км; от Земли — 273 млн. км; ближайшая оппозиция 7 июня 1995 года; блеск — 15.3 зв. величины.

* * *

Итак, русское есениноведение располагает серьёзным потенциалом исследований о великом поэте, позволяющим на должном уровне раскрывать особенности биографии, творческой индивидуальности, всего наследия С.А.Есенина. Завершение академического собрания сочинений Есенина открывает новые возможности для преподавателя университета и института, учителя школы, для учащейся молодёжи.

Социально-политические, нравственно-этические изменения последних лет, "сгиба эпох" XX—XXI столетий, кануна третьего тысячелетия обуславливают необходимость подготовки и публикации новых "учебных книг" (в том числе о Есенине).

Для обобщения накопленного опыта, координации усилий есениноведов, педагогов, воспитателей, культурологов, методистов целесообразно провести в 2000 году международную научно-практическую конференцию "Есенинское наследие в высшей и средней школе" (ИМЛИ им.А.М.Горького РАН, РГПУ им. С.А.Есенина, другие ведущие научные и методические центры, органы просвещения); образовать творческую группу, редколлекцию по подготовке и изданию "Есенинской энциклопедии для

детей и юношества”; в ходе подготовки к 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина провести конференции, семинары на тему “А.С.Пушкин и С.А.Есенин. Преемственность традиций”.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1-2 Программы восьмилетней и средней школы на 1968/69 учебный год. Русский язык и литература. М.: Просвещение, 1968. С. 61, 32.
- 3 “Литература в школе”, 1982. № 3. С. 43.
- 4-7 “Программы...”, 1968; Экспериментальная программа по литературе. VII–X классы (1 вариант). М., 1981, с. 27; Методическое руководство к учебному пособию “Русская советская литература для 10 класса”. М.: Просвещение, 1977.
- 8 “С.А.Есенин. Поэзия. Творческие связи”. Рязань: РГПИ, 1984. С. 5–27; “...и тебе я в песне отзовусь...” “Московский рабочий”, 1986. С. 45–142; “Художественный мир Сергея Есенина”, Рязань: РГПИ, 1986. С. 3–71; “От Бояна Вещего до Есенина”, Липецк-Рязань: Гэлион, 1995. С. 16–27, 229–259, 343–507.
- 9 “Липецкая школа” / Сост. В.В.Шахов. Липецк: Гэлион, 1995. С. 131–137.
- 10 “Липецкие тропы к Есенину” / Сост. С.П.Панюшкин, Б.М.Шальнев, В.В.Шахов. Липецк, 1991. С. 32.
- 11 “Липецкий энциклопедический словарь” / Сост. В.В.Шахов. Липецк: Гэлион, 1994; статьи: “Есенин. 95-летие”, с. 169; “Липецкий А.”. С. 262–265; “Синельников В.И.”. С. 398–400; “Ильина-Сеферянц А.И.” С. 195.
- 12 “Липецкие тропы к Есенину”. С. 31.
- 13 “Радуница”. Информационный сборник № 2. М., 1990.
- 14 См.: Шахов В.В. Липецкий венок Пушкину. Липецк, 1992. С. 17–23 (“Липецко-рязанская Пушкиниана”); Б.Шальнев, В.Шахов. Родное и близкое. Липецк, 1992. С. 43–47 (“И тебе я в песне отзовусь...”) (Липецкие тропы к Есенину); “Лебедянь”: Сост. В.В.Шахов. Липецк, 1992. С. 69–71; В.Шахов, Б.Шальнев. Липецк: годы и судьбы. Липецк, 1993. С. 87–98 (“Липецкий венок Есенину”, “Липецкий Есенин”); “Липчане — Великой Победе”, Липецк: Гэлион, 1995. С. 384–389 (о композиторах Липатовых, авторах знаменитых песен на слова Есенина).

II. БИБЛИОГРАФИЯ И АРХЕОГРАФИЯ

Л.А. Архипова

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА С.А.ЕСЕНИНА

Профиль нашего музея — литературный — говорит сам за себя: главное место в музее занимает книга. За тридцать с небольшим лет существования сотрудниками музея создано собрание редких изданий. Книги собраны поединично и имели два пути поступления: приобретение и дар. Сейчас книжное собрание Государственного музея-заповедника С.А.Есенина насчитывает около четырех тысяч экземпляров, начиная со старопечатных изданий XVII века и кончая современными изданиями произведений поэта и литературы о нем.

Относительная удаленность от центра и поистине бессмертный принцип остаточного финансирования культуры ограничивают любому государственному учреждению, в том числе и нашему музею, возможность приобретения желаемых экспонатов, а следовательно, и круг их сбора.

Однако, несмотря на все объективные трудности, в музее С.А.Есенина в относительно короткий срок скомплектованы солидные книжные фонды, и за любым из этих экземпляров стоит кропотливый каждодневный труд работников музея.

Есенинская книжная коллекция музея непрерывно пополняется по следующим направлениям:

- Прижизненные издания С.А.Есенина;
- Коллективные сборники с участием С.А.Есенина;
- Книги с инскриптами С.А.Есенина, его современников;
- Литература о С.А.Есенине;
- Личная библиотека С.А.Есенина;
- Посмертные издания С.А.Есенина;
- Издания С.А.Есенина на иностранных языках;
- Издания музея о С.А.Есенине;
- Произведения российских писателей с инскриптами для музея С.А.Есенина.

Прижизненные издания С.А.Есенина.

На сегодня музей располагает 26 прижизненными сборниками стихов С.А.Есенина. Не говоря, конечно, о книгах “Микола” и “Телец”, найденных недавно библиофилом Н.Г.Юсовым, мы не имеем следующих:

— Преображение. М.: Моск. Труд. артель худож. слова, 2-й год 1 века (1918);

— Исус Младенец. Чита, 1921;

— Исповедь хулигана. М., 1921;

— Стихи скандалиста. Берлин, 1923.

Однако среди тех изданий, которые принадлежат музею, есть поистине “золотые” экземпляры, которыми мы по праву гордимся и каждый из которых имеет свою интересную историю, свою судьбу.

В 1976 году сыновья Евгения Михайловича Хитрова, учителя С.А.Есенина в Спас-Клепиковской школе, подарили музею первую книгу поэта “Радуница”, вышедшую в 1916 году в Петрограде, с дарственной надписью для их отца:

Доброму старому учителю

Евгению Михайловичу

Хитрову,

от благодарного ученика

автора этой книги

1916. 29 янв.

Петроград.

Это первая собственная надпись С.А.Есенина на первой собственной книге. Позднее адресат вспоминал: “...я оказался слишком невежлив и неделикатен. Он от меня не получил ни ответа, ни привета. Как это случилось — до сих пор не даю себе отчета... Есенин, конечно, на меня обиделся. И все-таки в 1924 и 1925 годах он присылал мне поклоны с кем-нибудь из знакомых”. Его сын, художник Александр Евгеньевич Хитров, передавая книгу первому директору музея В.И.Астахову, сказал: “Я и мои два брата считаем, что место этой книге не в личной библиотеке, а в музее, это — памятник государственного значения”.

Последняя помещица с. Константинова, ставшая прототипом главной героини поэмы “Анна Снегина”, Лидия Ивановна Кашина также сохранила первую книгу С.А.Есенина “Радуница”. Мы вправе предположить, что это — подарок, сделанный ей самим поэтом, хотя надписи его на книге нет. “В годы гражданской войны Л.И.Кашина распродала все книги из своей библиотеки, оставив лишь наиболее дорогие ей”, — рассказал нам ее

сын Георгий Николаевич (1906–1985 гг.), написав на титульном листе:

Музею —
заповеднику
С.Есенина.
Эта книга
из библиотеки моей
мамы Л.И.Кашиной.

Ю.Н.Кашин.

24.8.1984 г.

Или вот этот экземпляр “Трерядницы”, вышедшей в 1920 году в московском издательстве “Злак”. На переднем форзацном листе владельческого переплета сделана дарственная надпись:

Александре Александровне
Есениной —
передаю эту книгу с дорогой
для меня надписью Сергея
Есенина.

“Трерядница” была дана мне
им в августе 1920 года в
Ростове (на Дону). На память
о годах учебы он написал:
“т. Сорокину
с дружбой и воспомина-
ниями об университете
Шанявском.

Сергей Есенин.

Ростов 1920

Август”.

Эту книжку я долго носил в
вещевом мешке, служа в Красной
Армии. Часть надписи стерлась,
а также не сохранилась и обложка
книжки.

Б. Сорокин

Ртищев, 1959 г.”

Борис Сорокин надписал для младшей сестры поэта и свою книгу “Песенный частокол”, вышедшую в Саранске в 1922 году:

Александре Александровне Есениной —
сестре прекраснейшего русского
поэта лирика — на добрую память
от бывшего шанявца, посвятив-
шего свою книжку стихов

“Песенный частокол” товарищу
по учебе в университете им. Ша-
нявского С.Есенину.

Борис Сорокин.
г.Ртищево
Саратовской обл.
20.1.59 г.

Вот его стихотворение:

Сергею Есенину

Это я красногубый и смелый
Куст зари на плечах принес.
Будет песня моя над деревней
По ложбинам, где стынет овес.

На заре, по росистым разбегам,
Скоро, скоро не высохнет след.
И не сыпаться звездному снегу
В колеи моих песенных лет.

В рыжем поле зерна-капли
Мои песни будут качать.
И хрустящее жнивье грабли
Без меня не придут целовать.

Будет петь деревенское солнце,
Золотить свои месяц рога.
У родных моих сизых околиц
Прозвонит расписная дуга.

Нашей жизни красное лето,
Серп изогнутый наших бровей.
Все прославится свистом поэта
По ложбинам хрустящих полей.

Наливайся душа облаками,
Хвост зари по лугам распушай.
О какими, какими серпами
Выжну тихого поля я край?

Август — 1921 г.

Несколько книг Сергея Есенина хранилось у Галины Артуровны Бениславской, которая незадолго до смерти передала их младшей сестре поэта. В музее две из них с владельческой надписью: “Голубень”, СПб., 1918 года и “Преображение”, М., 1921 года издания.

В разделе коллективных сборников у нас недостает одного: “Скифы”, сборник 2-й.

Раздел посмертных изданий С.А.Есенина самый обширный в музее, поскольку включает в себя и те его произведения, которые выходят в свет и сегодня.

Музей располагает всеми сборниками его стихов, вышедших в тридцатые и сороковые годы в России, мы также имеем его книги, выпущенные парижским издательством “Колосья” в 1927 году, рижским издательством “Граматы драугс” в 1928 году, недавно нам наконец удалось приобрести редчайший двухтомник произведений Сергея Есенина, вышедший в 1946 году в Регенсбурге.

Несколькими экземплярами в этом разделе представлено издание стихотворений С.А.Есенина, выпущенное ОГИЗом в 1946 году. Один из них нам передал знакомый поэта профессор Виктор Андроникович Мануйлов, который, в свою очередь, получил ее в подарок от составителя, о чем говорит дарственная надпись на форзацном развороте книги:

Милому другу
Вите Мануйлову
С.Толстая-Есенина
Июнь, 1946.

Накануне столетия Сергея Есенина ныне покойный профессор Рязанского педуниверситета, доктор исторических наук Иван Павлович Попов подарил музею редкую книгу “Русские поэты о Родине” (Л., 1943). Интересно, что эта антология готовилась к выходу в блокадном Ленинграде и впервые в книгу, вышедшую пятнадцатитысячным тиражом, включили шесть произведений опального тогда Сергея Есенина: “Гой ты, Русь моя родная...”, “Мелколесье. Степь и дали...”, “Русь”, “Эта улица мне знакома...”, “Письмо матери”, “Ленин”.

Среди современных нам изданий привлекает внимание своей необычностью книжка-малютка, выпущенная в Омске, в издательстве “Левша”. Книга размером 30 мм x 22 мм вышла к 100-летию со дня рождения Сергея Александровича Есенина. Любопытно, что в этом издании соблюдены все полиграфические тонкости книжной продукции. Она заключена в кожаный футляр, в центре которого на кусочке бересты дано название: “Сергей Есенин. “Не жалею, не зову, не плачу...” У книги красочная глянцева суперобложка, кожаный переплет и корешок с золотым тиснением, блок соединен капталом. На авантитуле портрет С.Есенина, книга иллюстрирована и имеет оригинальную закладку: гармонь-тальянку из бересты. В ней 255 пронумерованных страниц, на которых напечатано 166 стихотворений поэта. Ее тираж — 100 экземпляров; составил, проиллюстрировал и переплел ее А.И.Коненко; ее спонсор — Омскпромстройбанк.

Книга в 1994 году в США получила премию имени Бодлера за оригинальность издания.

Литературоведческие исследования о Сергее Александровиче Есенине, его творчестве и судьбе представлены достаточно широко. Наибольший интерес представляют труды с инскриптами, хранящиеся в фондах музея.

Среди них интересная работа Николая Ивановича Мордовченко “К библиографии С.А.Есенина”, вышедшая в Рязани в 1927 году тиражом 500 экземпляров с дарственной надписью автора:

Дорогому Геру на
добрую память
от Н.Мордовченко
9/VII 1927.

Накануне столетия С.А.Есенина мы получили эту книгу в подарок от жителя Санкт-Петербурга Григория Соломоновича Шура, который, как признает автор в предисловии, давал ему полезные указания в работе над библиографией.

В 1929 году выходит в свет труд Г.Покровского (Г.Медынского, впоследствии автора известного романа “Честь”) “Есенин — есенинщина — религия”, в котором он рассуждает о поэте, его взглядах, его вере, его образе жизни, “о наследственном алкоголизме” и “вреде Есенина”, в котором он практически ставит знак равенства между творчеством поэта и “есенинщиной”. Необыкновенно интересный экземпляр этой книги хранится в нашем музее, ее прислал нам автор с собственным признанием на титульном листе:

Музею
имени Сергея Есенина

Года идут,
Года меняют лица
Иной на них ложится свет

Так и эта книжица:
в ней тоже свой свет,
свет того времени,
со всеми его правдами и неправдами,—
как было.

Григорий Медынский (Покровский).

На обложке оттиска главы “Проделки есенистов” из книги А.Е.Крученых “На борьбу с хулиганством в литературе”, М., 1926 г. сохранился инскрипт художника Веры Кулагиной, иллюстрировавшей эту брошюру:

После 17-ти лет страшное
становится веселым!!!
Розовый май “мрачному” Кручу.
В.Кулагина
9/V 43.

Хранится у нас и книга А.Ревякина “Чей поэт Сергей Есенин?” с его дарственной на титульном листе:

Евдоксии Федоровне
Никитиной
с приветом

А.Ревякин.
1927 X/6.

Из учебника для средней школы “Современная литература” 1935 года мы узнаем, что творчество Сергея Есенина изучалось в разделе “Кулацкая литература”, считалось, что “в лирике Есенина” отразился “душевный надлом деклассировавшегося выходца из собственнической деревни, лишенного воли к действию, настроенного пассивно и упадочнически”.

Надо отдать должное автору статьи: его очевидная необъективность, его “рваные” цитаты из произведений Есенина, его однобокий анализ, не в последнюю очередь, порождали интерес и желание разобраться самим.

В этом же учебнике Николая Клюева называют “отцом кулацкой музыки”. В этой связи чрезвычайно интересен экземпляр книги поэта из окружения С.А.Есенина Василия Князева “Ржаные апостолы” (Клюев и клюевщина). Пг., 1924. На титульном листе два инскрипта:

Илье Садофьеву, птенцу
октябрьской Жар-птицы с
горячим пожеланием проклевать
скорлупу

Ястреб с подбитым
крылом
(но не “мок-
рая курица”)
В.Князев.
10/XII-23 г.

Ах, милый мальчик. В твои годы
время много. Это вот в мои пять месяцев
это большой срок. Время начинает итти быстро.
Иногда в тридцать пять лет забредешь на
кладбище, сам не зная почему. Почему-то захо-
чешь тишины. Покоя. Говорил Клюев, смотря на
меня, и упрекая (?) меня в молодости. Ты ведь

такой юный, светлый, светлый. Много увидишь.

Но только ты как-то изменился...

А.Яр-Кравченко.

19.12.32 г.

Нам дорога эта надпись Анатолия Никифоровича Яр-Кравченко, проливающая свет на думы самобытного поэта эпохи, человека с такой трагической судьбой.

С 1982 года мы начали комплектование книг из личной библиотеки С.А.Есенина, указанных в списках сестер поэта, а также упоминаемых им самим в письмах, выступлениях, статьях. Об этом подробно рассказывается в нашей статье “Из круга чтения С.А.Есенина”, опубликованной в третьем номере “Есенинского вестника” за 1994 год.

Уникальную ценность в этом разделе представляют экземпляры тех изданий, которые Сергей Есенин непосредственно держал в руках, изучал их, работал, делал пометки. Они сохранились в архиве его младшей сестры Александры Александровны, о многих из них мы рассказали. Однако работа по выявлению таких раритетов продолжается.

В нашем музее хранится книга Льва Толстого “Круг чтения”, вышедшая в 1906 году. Сохранилась часть третьего тома. По свидетельству А.А.Есениной, книга принадлежала ее брату и не просто читалась, а глубоко изучалась им. Это подтверждается тем, что в книге сохранились карандашные пометки, сделанные рукой Сергея Есенина. Из огромной массы афоризмов и рассуждений, поэт выбрал наиболее близкие ему. Приводим эти высказывания:

Устройство мира.

Больше всех говорит тот, кому нечего сказать.

Чем меньше будешь говорить, тем больше будешь работать.

Язык правды прост.

Доброе свойственно человеку, и потому все доброе просто и незаметно.

Самые ясные понятия часто затемняются сложными рассуждениями.

Будь добр, хотя бы мир и осуждал тебя. Это лучше, чем когда тебя хвалят и ты продолжаешь быть дурным.

Лоди.

Неверующий.

В конце концов люди достигают только того, что ставят себе целью. И потому ставить целью надо только самое высокое.

ТОРО.

Награда добродетели находится в самом сознании доброго поступка.

Цицерон.

Ищи причину зла, от которого ты страдаешь, в себе. Иногда это зло прямое, непосредственное последствие твоей деятельности, иногда оно через слож-

ную передачу вернулось на тебя, но всегда источник его в тебе, и спасение от него — в изменении твоей деятельности.

Знание — орудие, а не цель.

Жить следует так, чтобы можно было злейшему врагу доверить все, что у тебя на душе.

Сенека.

Не сознаваться в своих поступках — значит увеличивать их.

Покаяние.

Если бы мы переносили себя на место других лиц, то часто освобождались бы от чувства ненависти, которое мы питаем к ним; и если бы ставили других на свое место, то часто уменьшали бы свою гордость.

Кто не умеет прощать, разрушает мост, через который ему самому придется проходить, ибо всякий человек нуждается в прощении.

Дорд Герберт.

Душа поддается влиянию другой души. Человек вполне свободен, только когда один.

Никогда не вернешь потерянного времени, никогда не исправишь сделанного зла.

Джон Рескин.

Как умирает человек один, так и живет человек своей внутренней духовной жизнью всегда один.

Католицизм и христианство.

Раб своих страстей — самый низкий из рабов.

Талмуд.

Истина вредна только тому, кто делает зло. Делаящие добро любят истину. Кто не хочет трудиться, то и не ешь.

2 посл. Фессалон, гл. 3, ст. 10.

Природа не знает остановки в своем движении и казнит всякую бездеятельность.

Гёте.

Об освобождении земли, по учению Генри Джордана.

У человека всегда есть место спасения от всех бедствий; место это — его душа.

Марк Аврелий.

Вера определяет жизнь.

Сила детства.

Излишняя толщина одежд стесняет движение тела; богатство мешает движению души.

Демосфен.

Бойся не бедности, а богатства.

Сущность жизни не в теле, а в сознании.

В спорах забывается истина. Прекращает спор умнейший.

Мучительные размышления поэта о смысле жизни, о поисках истины, о сущности человека, о совершенстве его духа, все, о чем он пишет Григорию Панфилову в 1912–1914 гг., находят удивительно зримые параллели с отмеченными им высказываниями из “Круга чтения” Льва Николаевича Толстого.

Первая книга Н.Клюева “Сосен перезвон”, подаренная Сергею Есенину, по свидетельству младшей сестры, Анной Романовной Изрядновой, надписана ему:

На память
дорогому Сергею
от А.

В ней химическим фиолетовым карандашом крестиком отмечены три стихотворения: “В златотканые дни сентября...”, “На песню, на сказку рассудок молчит...”, “Под вечер” (“Я надену черную рубаху...”).

Из изданий С.А.Есенина на иностранных языках наибольший интерес вызывает “Пугачев” 1926 года, вышедший в Варшаве, в переводе Владислава Брониевского. Обложка книги выполнена художником Яниной Конарской.

Общеизвестно, что поэзию Сергея Есенина любят и знают в Югославии очень давно, еще с того времени, когда молодой Миодраг Пешич впервые слушал поэта в Политехническом музее, а потом начал переводить его стихи на родной язык. В музее хранятся издания Сергея Есенина на хорватском языке “Исповедь хулигана” в переводе Александра Флакера. Издание роскошное, подарочное, 327 с., с пластинкой, вышло в Загребе, в 1965 г. На сербском языке в переводе Слободана Галогачи солидный сборник стихов Есенина, вышедший в Белграде в 1959 г.; на македонском языке в переводе Гане Тодоровски, 1995 г. и др.

В 1982 году мы получили книгу С.Есенина “Лирика” на турецком языке в переводе Азера Ярана. Он надписал ее так: “Музею Сергея Есенина с радостью быть переводчиком великого поэта, великого представителя русской литературы от Азера Ярана. 17.4.1982 г.”

Хранится в фондах музея и книга С.А.Есенина на корейском языке, стихи перевел профессор Хёнг Гю Пак, преподающий в Корейском университете в Сеуле, специалист в области русского романтизма, русского символизма. Он перевел на корейский романы Льва Толстого “Война и мир”, “Анна Каренина”, “Воскресение”, романы Федора Достоевского “Преступление и наказа-

ние”, “Братья Карамазовы” и другие произведения великих русских писателей.

Сотрудники музея по праву гордятся дружеским расположением к нам переводчицы произведений С.А.Есенина на английский язык Джесси Дэвис, которая еще в шестидесятые годы впервые побывала в Константинове и которая, несмотря на преклонный возраст, приехала на его родину, когда наша страна праздновала 100-летие поэта, о чем написала немало теплых строк.

Мы располагаем не только весьма солидными изданиями стихотворений С.А.Есенина в ее переводе, но и их машинописными копиями, а также отдельными изданиями: “Радуница” 1991 г., “Голубень”, 1991 г.

Из литературоведческих работ иностранных исследователей привлекает внимание книга на китайском языке с дарственной авторской надписью Ван Шоуженя от 30 сентября 1995 г., которой нам бы хотелось завершить этот обзор:

Теперь и “степное пенье”
С.Есенина, как пушкинское,
вечно звучит во всем мире.

М.А. Айвазян

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ ЕСЕНИНА ДО И ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ

По словам М.А.Булгакова, 100 лет бытования творчества любого известного писателя в культурном общественном процессе отечества после смерти и полное собрание сочинений снимают все проблемы, полностью раскрывают все темные места вокруг любого скандального или загадочного имени в литературе и искусстве и определяют его место относительно или среди великих. Думаю, что случай с поэтом Есениным особый. И не только потому, что поэт входит в когорту писателей особо любимых и ценимых в России.

Грандиозная фигура Есенина, совместившая в себе множество художественных граней — от тончайшего лирика до высокого и все понимающего философа — в наши дни испытаний на прочность все больше и больше в сознании отечественного общества занимает место спасительного пророка, олицетворяющего вслед за Пушкиным явление чисто русского национального духа. Казалось бы, всем известные частные, интимные лирические переживания, отраженные в его художественном творчестве, связанные с нетривиальными сюжетами в жизни поэта, далекой от реальной действительности, в значительной степени профантазированные им самим, сегодня с удивительной точностью совпадают с происходящим вокруг нас и с нами и многое нам объясняют. Такова сила произведений истинного гения, свойство творческого наследия, устанавливающее подлинное место того или иного писателя в российском пантеоне.

Так, постепенно нам становится более понятным то внимание, которое уделяют сегодня исследователи поэту, а архивисты поискам новых документов и рукописных материалов поэта, способных, может быть, дополнить, внести ясность или даже изменить наши представления о каком-либо фрагменте, уже известном в жизни или творчестве гения.

Вернемся к проблемам археографии, которым и будет посвящено мое небольшое сообщение.

Архивное дело — дело малоинтересное, лапидарное и, безусловно, конкретное.

Поиск документов, связанных с деятельностью поэта, происходит по установившимся канонам и не требует особых размышлений. Как это происходит? Прежде всего, спрашивается круг

близких, затем друзей и знакомых, потом просматриваются адреса в переписке и т.д. Составляется археографическая карта, и со временем, постепенно, то затихает, то вновь возникает процесс собирания рукописных автографов и документов, из которых и создается фонд.

Серьезные фундаментальные издания и особенно академическое собрание сочинений писателя венчают подобную кропотливую архивную работу. Оставшиеся мелкие добавления в виде писем, инскриптов и случайно-подаренных автографов радуют, конечно, ученых и любителей, но мало что добавляют для читателя к уже известному. Таковы строгие законы археографии. У простых, хотя и известных писателей, потом еще довольно долго можно отыскивать новые рукописи произведений, новые письма и вообще новые жизненные сюжеты, отраженные тем или иным способом в их творчестве.

Примером может служить формирование творческого наследия многих литературных современников Есенина, заслуженно пользовавшихся при жизни и после смерти значительным читательским вниманием в обществе.

У подлинных гениев археография всегда отличается редкой полнотой сразу и активной исторической быстротой формирования архивного наследия. Можно с полным основанием утверждать, что скорость процесса формирования фонда писателя является одним из основных первичных признаков гениальности автора. Так отечественное архивоведение вносит свои скромные коррективы в решение проблемы изучения культурного исторического процесса в России.

В истории создания архивных фондов Есенина все изначально делалось необычно быстро. Общество как бы осознавало, что Россия еще раз, после Пушкина, получила в дар художественное наследие, выразившее с необычайной силой явление национального духа, переданное нам через поэта. Никакие слухи и сплетни, высокоумные статьи критиков, пытающихся принизить значение Есенина для России, никакая грязь — ничто не помешало всем нам, изначально, понять всю высоту, на которую взлетел творец и с которой говорил и говорит с нами великий российский поэт. Вдова поэта С.А. Толстая, все, кто знали его лично, сразу после смерти, мгновенно собрали все творческое наследие, все, что осталось от Есенина. Альбомы фотографий, музей его имени, собрания сочинений не через сто лет, а в течение нескольких лет после трагических событий 1925 года были тогда сделаны, подготовлены и выпущены. Появилось огромное количество, как теперь говорят, фанов, или самозабвенных поклонников поэта, готовых ради любви к его творчеству на любые жертвы. Имя Есенина становится культовым во всех слоях российского общества. Постоянные, на протяжении всего 20 века,

попытки властных структур бороться с его влиянием среди населения, особенно молодежи, ни к чему не приводили и были, по сути, бессмысленны.

Каждый год выходили и выходят книги, одно за другим издаются собрания сочинений, возникают государственные и общественные музеи, устанавливаются памятники, даже в городах, где поэт не бывал никогда, рождаются мифы. В трудные минуты жизни российский человек обращается к творчеству поэта, как к спасительному лекарству, носит томик его стихов постоянно с собой. Такова традиция бытования в нашей жизни творчества истинного гения. Современный российский прозаик 70-х годов А.И. Шеметов, автор первой книги в исторической серии “Пламенные революционеры”, был молодым человеком репрессирован за чтение стихов поэта. Такая простая история, привычная в жизни отечества XX века. Обычная для многих бытовая ситуация определила тогда для молодого студента всю оставшуюся жизнь. Сделала из обычного молодого человека без особых способностей, по словам самого писателя, интересного исторического литератора.

Мы знаем, как за 70 лет советской власти была предпринята одна из самых грандиозных мировоззренческих кампаний. Это была достаточно удачная попытка уничтожить в сознании российского общества религиозное мировосприятие. Долгие годы посещение храма в обществе расценивалось как уголовный криминал. Церкви были разрушены. Многие из них превращены в склад, часто общественный туалет и т.п. Религиозное влияние на нравственное воспитание в обществе было заменено на всеобщее партийное обучение. У простого российского человека не было выбора, где отыскать ориентиры в жизни. Все было предопределено набором бессмысленных статей и упрощенных тиранических установок. И только огромная духовная сила влияния на общество Есенинского художественного мира, явленная в отечестве, оказалась в те годы выше не только партийного диктата, но и, может быть, часто выше религиозного. Разве это не удивительный факт?

Вот почему, когда перед нами встали проблемы юбилея Есенина, то среди них одной из самых важных была сложная задача поиска новых материалов и документов, введение их в научный оборот и, конечно, публикация всего нового в академическом собрании сочинений. К сожалению, с экономической точки зрения, это время было неудачным, не лучшие в отечестве протекали годы, но по возможности все археографические учреждения России предприняли самые широкие попытки и меры для изыскания возможностей подобных поисков. В этом смысле, задуманное, подготовленное и выпущенное академическое собрание

сочинений сыграло важную и принципиальную роль активного катализатора подобной археографической работы.

Археография Есенина, как я уже отмечал, коренным образом отличается от всех подобных работ с другими писателями XX века. Дело в том, что не только ученые, изучающие творчество поэта, его близкие, знакомые, не только коллекционеры и любители поэта, думаю, сегодня с полным правом могут сказать, что все россияне искренне могут считать себя специалистами по Есенину. Все, кто даже случайно соприкасается с подлинным наследием творчества и документами из истории жизни поэта, становятся хранителями его наследия.

Так все ученые есениноведы внимательно следят за археографическими находками поэта. Помогают, сообщают места, где еще хранятся или могут храниться автографы и документы. Известный библиограф и текстолог Н. Юсов в наши дни совершил почти невозможное, создав абсолютно полную библиографию прижизненных изданий поэта, где учтены все его возможные книги. Библиографы знают, сколь тяжел подобный труд, да еще по литератору начала XX века. Он же впоследствии не только собрал, но и опубликовал знаменитую книгу всех известных и новых инскриптов поэта. Другой исследователь и издатель Есенина из Челябинска А. Казаков непрерывно издает книги поэта и о поэте. Подобных примеров можно привести сотни. На сегодняшний день такое отношение к предмету исследования в России можно считать исключительным. Пожалуй, только состояние наследия Пушкина может сравниться по археографической частоте поиска и научно-исследовательской напряженности изучения с неистовым процессом постижения мира Есенина. Правда, со дня рождения Пушкина прошло не 100, а 200 лет.

И все-таки, каковы археографические итоги и прогнозы сегодня?

В качестве итогов могу сказать, что за годы до юбилея и после юбилея ОР ИМЛИ РАН, Литературный музей и РГАЛИ довольно успешно смогли пополнить свои фонды поэта, приняв значительные усилия для разных форм архивной работы: от пересмотра описей до реставрационных работ по рукописному наследию для усиления сохранности бесценных автографов поэта.

Особое внимание было уделено поиску, приобретению и введению в научный оборот новых материалов, связанных с творчеством и жизнью Есенина. Так ОР ИМЛИ РАН приобрел давно известный среди исследователей фонд З.В. Гейман. Не могу, в который раз, не поблагодарить представителя семьи В.И. Анисимова, известного политического деятеля начала века, Марину Васильевну Анисимову (мать известного прозаика Вл.И. Амлинского), пошедшую нам навстречу и давшую разрешение на при-

обретение, изучение и публикацию этого значительного для жизни и творчества поэта собрания. Документы и материалы из него, долгое время не доступные ученым, закрыли это белое пятно в биографии поэта. Правда, в Рязани еще хранится в частных руках дневник Зины Гейман есенинского периода. В частных владениях остаются по-прежнему некоторые автографы известных стихотворений.

В разных коллекциях личного происхождения на сегодняшний день остаются около 50 автографов произведений и среди них знаменитая берлинская тетрадь с автографом поэмы "Страна Негодяев", не более 20 писем, часть из которых известна и опубликована, ряд интересных документов.

Не скрою, что есть есенинские материалы и в коллекциях многих исследователей литературы.

Каковы же перспективы археографии Есенина?

И тут, прежде всего, нам необходимо установить, как это не звучало бы официально, статус поэта на российском общественно-художественном небосклоне.

Сами проблемы вокруг наследия поэта, отношение к нему российского общества, стремительно растущая значимость творчества Есенина для современности должны четко и ясно, как итог юбилея, определить место поэта среди самых великих имен российской словесности. Мы должны окончательно и бесповоротно отнести Есенина в разряд отечественных гениев. И это не эмоции, или определение на уровне чувств, или археографическая затея с целью улучшить себе условия архивной работы. Вся научная деятельность в последние годы, в том числе и археографическая, подводит нас всех именно к такому строго научному выводу. Это проблема историко-функционального существования творчества писателя на мировом уровне. Вся история русского литературного процесса в XX веке, а тем более вопрос об архивном наследии его представителей, безусловно связан с вопросом о пантеоне, перечислении лиц, в него входящих.

Отсюда и проблемы отношения к творческому наследию поэта.

Думается, что надо раз и навсегда решить вопрос о высшей государственной ценности архивных документов Есенина.

Каждый, кто сегодня приобретает автограф или документ, связанный с творчеством поэта, должен ясно себе представлять чрезвычайную значимость этих бумаг.

Инициатива группы издания Академического собрания Сочинений и Отдела Рукописей ИМЛИ РАН, поддержанная Гос. Архивной службой, о создании в Институте кабинета Есенина не только своевременна, но и чрезвычайно значима для науки.

Именно кабинет со специальной стальной комнатой-сейфом, где, как и в Пушкинском Доме, будут храниться рукописи Есе-

нина, с библиографическими указателями и небольшой библиотекой. Такой подход только частично решит те проблемы, которые стоят перед нами, разрешение которых помогут делу действительного сохранения и приумножения бесценного наследия великого поэта.

В заключение своего сообщения хочу сделать совсем не археологические, а гражданские выводы.

Мы все: и ученые, и любители, и просто граждане России — должны ясно представлять, что творчество Есенина — творчество гения, которое по-настоящему будет осознано в Отечестве и во всем мире в XXI веке.

Пожалуй, кроме А.С. Пушкина в российском национальном духовном мире нет на сегодня другой подобной фигуры, как Есенин.

Наследие поэта — наше общее бесценное национальное достояние. И все мы, где бы ни находились, обязаны преумножать и сохранять его.

Творчество Есенина — это бесценный русский вклад XX века в мировую сокровищницу культуры. Великая и грандиозная фигура поэта, его творчество, его биография, пронзающие всю жизнь и каждое есенинское слово — судьбоносные и знаковые символы российских народов на общем пути мировой культуры в третье тысячелетие.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН В АНТОЛОГИЯХ И СБОРНИКАХ
ПОЭЗИИ “РУССКОГО РАССЕЯНИЯ”*(опыт библиографического исследования)*

Победа большевизма, сама того не желая, породила уникальный феномен — великую Россию вне метрополии. Тысячи тысяч российских изгоев унесли в своих сердцах Родину и её символы — Пушкина и Толстого, Тургенева и Гоголя, Достоевского и Чехова, Гумилева и Есенина, что помогло им потом в самых тяжелых условиях изгнания — “и за то, что нас Родина выгнала, мы по свету её разнесли”. Творческое наследие Сергея Есенина было для многих россиян в рассеянии сущих важным моральным подспорьем, надеждой на то, что они обязательно вернуться обратно в Россию, но не стихами, как верилось Георгию Иванову, а плотью и кровью.

Реализовать эту заветную мечту не смогли ни первая, ни вторая “волна” исхода; у эмигрантов же последних “призывов” другие задачи и цели... Катаклизмы второй мировой войны, революционные потрясения, глобальная разобщенность эмиграции привели к определенным смещениям жизненных принципов, изменению в шкале ценностей и замене приоритетов, что в значительной степени сказалось на влиянии поэзии Сергея Есенина на Российское Зарубежье и на отражении этого влияния в печатном слове.

Творчество великого поэта популяризовалось эмиграцией волнами, и причины этого трудно объяснимы. Подавляющее большинство поэтов Зарубежья испытали на себе сильное влияние лиры Сергея Есенина, но, несмотря на это, в альманахи, антологии, сборники стихи последнего певца деревни включались крайне редко.

Когда процветал русский Берлин, еще не было резкого разделения российской словесности на “наших” и “ваших”. Тогда-то и выходили отдельными изданиями произведения поэта, но и это практически не открыло ему дорогу в зарубежные антологии. Именно в эти годы, почти одна за другой, выходят в свет три антологии русской поэзии — “Русский парнас” (составители Александр и Давид Элиасберги, Лейпциг, 1920); “Антология русской поэзии 20-го столетия” (составитель Н.Мельникова-Папо-

ушкова, Прага, 1920); “Сборник стихотворений известных и новейших русских поэтов” (составитель Е.Салтыкова, Прага, 1921). Ни в одной из этих книг российской Музы почему-то не нашлось места для стихотворений и поэм Сергея Есенина. Правда, берлинское издательство “Мысль”, выпускавшее в свет популярную серию “Книга для всех”, в 1921 году подарило читателям сборник “Поэзия большевистских дней”. В книге, изданной на очень плохой бумаге, были представлены 17 поэтов — от Александра Блока до Николая Агнивцева, причем, из 125 страниц текста Есенину была отдана 21 страница, на которых помещены десять стихотворений поэта.

Если Карловацкий раскол привел к размежеванию русской православной церкви за рубежом, то агония русского Берлина подытожила расчленение российской словесности на два потока — советский и эмигрантский, причем, все, кто оказался в “империи зла”, автоматически были причислены к сонмищу “инженеров человеческих душ”. Стал советским и Сергей Есенин, правда со множеством оговорок. Последней антологией, в которую при жизни Сергея Есенина были включены его стихи в Зарубежье, была работа князя Д.Святополка-Мирского “Русская лирика” с подзаголовком “Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака” (Париж, 1924). В неё составитель включил отрывок из поэмы “Сорокоуст” — “Видели ли Вы...” Он, кстати, органически вписывается в стройный каркас этой исключительно тонко продуманной книги. Сам составитель это точно сформулировал: “Я и представлял себе мою Антологию цельным, внутренне логическим единством, в котором и Ломоносовский Иов, и гитара Аполлона Григорьева, и Есенинский жеребенок являются необходимыми и взаимообусловленными подробностями...” Каждому поэту, включенному в антологию, Святополк-Мирский дает краткую, зачастую тенденциозную оценку, которой не избежал и Есенин. Париж, как место издания книги Святополка-Мирского, как бы на время подвел черту “антологического” присутствия Сергея Есенина. Берлин к поэту оказался милостивее всех — его стихи были еще включены Алексеем Глебовым в антологию “Деревня в русской поэзии (Берлин, 1922) и Ильей Эренбургом в сборник — “Поэзия революционной Москвы” (Берлин, 1922).

В течение долгих лет после есенинского бума стихи поэта попадали лишь во всевозможные отрывные календари, которые массово издавались в странах рассеяния. Иногда все же имя поэта всплывало в чисто эмигрантских изданиях. Так, например, в 1930 году, во Львове, крайне ограниченным тиражом был опубликован “Сборник русских поэтов в Польше”. В этой антологии пиитов русской Польши Семен Витязевский выступил с интересным стихотворением “Христос Воскресе — Есенин”. Это

были, однако, чисто спорадические проявления любви к погибшему поэту. И лишь, диво, сдвиг на популяризацию творчества замалчиваемого поэта наметился на... оккупированной немцами территории. В декабре 1943 года выходит "Антология русской поэзии" (место издания не указано, но известно, что книга вышла в Риге тиражом 6000 экз.), где наряду со стихами А.Блока, М.Волошина, Н.Гумилева, И.Северянина и других поэтов было напечатано 11 стихотворений Сергея Есенина. В январе 1944 года в Одессе был издан небольшой сборник Сергея Есенина. "Собрание стихотворений: Книга первая" со вступительной статьей "Трагедия Есенина" без подписи, тираж неизвестен. 1 августа 1944 года в Риге и тоже большим тиражом для военного времени в 5000 экземпляров под редакцией и со вступительной статьей В.Казанского (В.К.Завалишина) выходит в свет том "Сергей Есенин. Избранные стихотворения". Тот же В.Завалишин много потрудился в лагерях ДИ-ПИ над изданием книг любимого им поэта. Эти издания (их всего три) впервые описаны в книге Э.Штейна "Русская печать лагерей ДИ-ПИ" (Orange: Antiquary, 1993).

Как только первая группа "дипийцев" попала в 1947 году в США, её члены сразу же сумели издать сборник "Друг русского народа" (сейчас исключительная библиографическая редкость). В этот сборник была включена обширная статья Владимира Гая "О Сергее Есенине" и "Ответ Демьяну", причем, авторство этого стихотворения решительно приписывалось Есенину. После этого пройдет три года и этот же "Ответ..." Георгий Иванов включит в подготовленный им том "Сергей Есенин. Стихотворения. 1910—1925". (Париж, 1951). В постскрипуме к предисловию Георгий Иванов писал: "...Не сомневаюсь, что оно принадлежит Есенину. Однако никаких доказательств его авторства у меня нет." Жизнь опровергла эту уверенность великого акмеиста. (О подлинном авторе этого стихотворения см.: Сергей Есенин. Полное собр. соч. в семи томах. Т. 4. М.: Наука-Голос, 1996, с. 530—533).

В 1952 году нью-йоркское издательство имени Чехова выпустило в свет сумбурную антологию "Русская лирика от Жуковского до Бунина". Её составитель А.Боголепов руководствовался непонятными принципами при работе над книгой, но, включив в неё 75 поэтов, "прозевал" Сергея Есенина. Справедливость, однако, восторжествовала двенадцать лет спустя, когда в том же Нью-Йорке общество друзей русской культуры напечатало антологию "Жемчужины русского поэтического творчества" с подзаголовком "Избранные стихотворения от конца 18 века и до нашего времени". В этот том включено десять стихотворений Сергея Есенина.

В Нью-Йорке в 1966 году первым изданием выходит в свет на русском и английском языках антология “Современная русская поэзия”. Её составители Владимир Марков и Мэррилл Спаркс проделали огромную работу не только по подбору стихов, но и справились удачно с переводами разных по стилю и направлениям поэтов. В том — восемь стихотворений Сергея Есенина, причем, некоторые из них В.Марков снабдил интереснейшими комментариями.

Хронологически последние публикации стихов Есенина и материалов о нем в эмигрантских изданиях принадлежат Парижу. В 1970 году Никита Струве на русском и французском языках издает “Антологию русской поэзии” с подзаголовком “Возрождение 20 века”. В эту антологию включены три стихотворения поэта. В книге “Русский альманах” (Париж, 1981) Гордон Маквей опубликовал дополнительные сведения об отношениях Сергея Есенина с Айседорой Дункан.

Остается еще поведать о двух подготовленных в разное время к печати “есенинских” изданиях, но так и не увидевших света. В 1932 году трехтомник произведений Сергея Есенина составил с подробными комментариями русский харбинец Константин Педенко. Внезапная смерть составителя и комментатора издания помешала осуществлению этого замысла. Кто же такой Константин Педенко?

В 206-ой книге “Нового Журнала” (Нью-Йорк, 1997) мной опубликована статья “Поэты русского Китая (иконография)”. В ней, в частности, отмечалось: “Мне случайно посчастливилось определить историю написания Арсением Несмеловым стихотворения “До завтра, друг. И без рукопожатья...” И в книгу стихов Арсения Несмелова “Без России” (США, 1990) и в московскую “Без Москвы, без России” (Россия 1990) вошло это стихотворение, своей первой строкой напоминающее есенинское — “До свиданья, друг мой, до свиданья...”:

До завтра, друг. И без рукопожатья,
Одним кивком простились до утра.
Еще живую руку мог пожать я,
Еще бы взгляду, слову был бы рад...
А нынче — храм. Высокий сумрак. Чтица.
Как белый мрамор, серебрится гроб.
И в нем, в цветах, мерещится, тaitся
Знакомое лицо, высокий лоб...
Ушли друзья, ушли родные. Ясно
Луна над церковью плывет...
“Не ведаем ни дня себе, ни часа” —
Бормочет чтица, повторяет свод...
Блаженство безмятежного покоя.
Ушел — уйдем. К кресту усталых рук

Прижался нежный стебелек левкою:
Привет с земли. Прости. До завтра, друг!

Ни российские исследователи творчества Арсения Несмелова, ни я не знали, по какому поводу поэт написал это трагическое стихотворение. Ко мне в руки чудом попала редчайшая книга, изданная в Шанхае в 1941 году, роман Якова Ловича “Враги”. На странице 381-ой книги я прочел: “Печальный и страшный был 1932 год для русской эмиграции на Дальнем Востоке. А эмигрантские журналисты получили еще два тяжелых удара: умерли любимец харбинцев, сотрудник “Сигнала” Костя Педенко... Поэт Арсений Несмелов на смерть Кости Педенко написал стихотворение, пронизывающей печалью которого можно бы закончить этот тяжелый год... “Телефонный звонок в Калифорнию, практически через жизнь, и я узнаю, что Костя Педенко всю жизнь бредил Есениным и подготовил к печати трехтомник его сочинений. Этот факт, очевидно, повлиял на Арсения Несмелова при написании стихотворения “До завтра, друг...”

Мною подготовлена к печати антология стихов эмигрантских поэтов под заглавием “Венок Сергею Есенину”. В этой антологии представлены поэты всех волн российского исхода, которые в своем творчестве отдали дань великому русскому поэту. К сожалению, почти варварские реалии книжного рынка русской Америки не позволяют мне издать эту книгу.

Памяти Эммануила Штейна (1934–1999)

3 октября 1999 г. после тяжелой болезни ушел из жизни известный публицист, библиограф и библиофил Эммануил (Эдурд) Алексеевич Штейн.

Э.А.Штейн печатался во многих газетах и журналах не только России, но и русского зарубежья, выступал на русском канале радио и телевидения США, подготовил и издал два библиографических справочника: “Поэзия русского рассеяния” и “Русская печать лагерей Ди-Пи”.

Э.А.Штейн активно сотрудничал с Есенинской группой ИМЛИ, участвовал в праздновании 100-летия со дня рождения поэта, печатал свои статьи в сборниках нашего Института, помогал вернуть в Россию автографы Есенина, способствовал передаче архива русского поэта Перелешина из Бразилии в РО ИМЛИ.

Таким и остается в нашей памяти Э.А.Штейн.

Есенинская группа ИМЛИ

ЕСЕНИН В КОРЕЕ

Многие корейские литераторы считают, что крестьянская литература как социальное и художественное явление в настоящее время существует только в трех странах: в России, Китае и Южной Корее¹.

Для культур Китая и Южной Кореи знакомство с русской новокрестьянской поэзией начала века оказалось чрезвычайно важным.

Эти две страны, перед которыми в 20-м веке возникла задача огромной исторической важности — резко ускорить своё социальное развитие, чтобы идти в ногу с современной историей, столкнулись в ходе решения этой проблемы с необходимостью поднять культурный и социальный уровень огромных масс крестьянства в своих странах.

При решении этих проблем оказалось, что опыт и достижения русской новокрестьянской поэзии можно использовать и в Китае, и в Корее.

В условиях Кореи становление национальной крестьянской поэзии происходило в ситуации острой необходимости защиты и сохранения национальной культуры, её самобытности и глубинных национальных корней от попыток японских колонизаторов декоризировать культуру Кореи.

В условиях Китая становление крестьянской поэзии происходило в ситуации активного культурного строительства на основе стремления создать новую социальную систему.

С учетом этих исторических обстоятельств крестьянская поэзия в Корее оказалась под значительным влиянием прежде всего русской новокрестьянской поэзии начала 20-го века, тогда как в Китае новая крестьянская литература находилась под непосредственным воздействием официальной крестьянской литературы, возникшей в России после 1917 года.

Известно, что художественная литература позднефеодальной Кореи оказалась под большим влиянием, с одной стороны, европейских литератур, с другой — японской литературы. Это явилось неизбежным следствием того, в каком международном положении оказалась Корея в этот исторический период. Феодалная Корея начала 20-го века была государством, которое пыта-

лись превратить в свою колонию в той или иной форме такие страны, как Япония, США, Англия, Франция, Россия.

Представители корейской интеллигенции этого периода, выступая с позиций просветительства, ратовали за необходимость приобщить народные массы к европейской культуре, науке, литературе.

На начальном этапе интеллигенция старалась познакомить читающую часть общества с богатством идей в европейской литературе, с творческими биографиями крупнейших европейских писателей. Затем (во многом благодаря огромному интересу к русской литературе в Японии) через японские переводы литература русская, как представительница европейской, постепенно начинает распространяться в Корею.

Среди первых европейских писателей, которые стали известны в Корею в это время, были А.С.Пушкин, Л.Н.Толстой, И.С.Тургенев, Ф.М.Достоевский.

В творчестве этих писателей, в том, как в их произведениях отображалась жизнь русского народа, его мировоззрение, менталитет, корейцы почувствовали много близкого своему миропониманию, своему народному духу.

В образах героев русских писателей, героев, страдавших от тягот жизни в огромной российской свержимперии, корейцы почувствовали что-то близкое им, живущим под гнётом японской имперской государственной машины.

Если на начальном этапе корейцы знакомились с русской литературой при помощи дайджестов литературных произведений, то в 20-е годы, которые стали во многом переломным моментом, множество произведений европейских писателей переводится на корейский язык. Причем, почти половина из них — это произведения русских писателей. Читающая Корея получила возможность познакомиться с творчеством А.Чехова, С.Есенина, В.Маяковского, Ф.Сологуба, В.Короленко, Н.Лескова, В.Брюсова и других.

Всё увеличивающийся интерес к европейской литературе привёл в это время к тому, что в середине 20-х годов в Корею возникают как самостоятельные течения крестьянское и пролетарское направления литературы.

Так, Корейская Ассоциация пролетарских писателей была создана в 1924 году. А год 1926 стал тем годом, когда крестьянская литература осознала себя как отдельное направление корейского просветительного движения.

Следует отметить, что в начале 20-го века в Корею делались попытки создавать литературные произведения, используя творческий опыт таких европейских литературных направлений, как классицизм, романтизм, неоромантизм, реализм, натурализм, символизм, дадаизм. Однако эти направления в корейской лите-

ратуре просуществовали весьма недолго и скоро сошли с литературной сцены, перестав интересовать читающую Корею.

Этого нельзя сказать, однако, о крестьянской литературе. Корейская крестьянская литература, возникшая в начале 20-го века, и по сей день является предметом литературных споров.

Первые дискуссии о крестьянской литературе стали значимым феноменом культурной жизни Кореи в тот период, когда пролетарская и крестьянская литературы превратились в факт общественного сознания. Это были споры о том пути, по которому должна пойти корейская демократическая литература: по пути крестьянской литературы, поскольку огромное большинство населения Кореи составляло крестьянство, или по пути пролетарской литературы.

В 1935 году Корейская Ассоциация пролетарских писателей была распущена. В Японии также были приняты меры против классово-ориентированных писателей. Пропаганда классового подхода к анализу социальных проблем общества была в Корее и Японии запрещена.

Но крестьянская литература не прекратила своего существования в Корее. Известная корейская газета “Донга ильбо” предоставила свои страницы для произведений крестьянской литературы. Это происходило в рамках социального и культурного движения, которое называлось “В народ”.

С этого времени крестьянская литература Кореи пошла по иному пути. Она развивалась во многом в традициях известного в России в 70-е годы 19-го века народничества.

Первым русским стихотворением, переведенным на корейский язык, был “Порог” Тургенева (1915), затем в 1916 году были переведены стихотворения Сологуба. Во второй половине 20-х годов усилилось влияние российской литературы², кроме того при активной деятельности Корейской ассоциации пролетарских писателей (КАПП) были переведены произведения Пушкина, Блока, Бунина и др., в этот же период стали переводить и стихи Есенина.

Самым первым произведением Есенина, переведенным на корейский, была “маленькая поэма” “Инония”, напечатанная в ежедневной газете “Чжунвэ ильбо” 8 ноября 1927 года. Переводчик печатался под псевдонимом Токин³; и им за год были переведены некоторые произведения Есенина, А.Блока, А.Белого, М.Герасимова и др. 23 ноября 1927 года в той же газете был напечатан перевод поэмы Есенина “Преображение”. Затем 7 сентября 1933 года Тё Пёк Ам напечатал перевод стихотворения “Чёрная, потом пропахшая выть!..”, 1 июля 1938 года У Ам перевел “Край любимый сердцу снятся...” и напечатал это стихотворение в вестнике выпускников университета Мейдзи (Япония).

После освобождения Кореи от колониального ига О Чжанг Хван перевел сборник стихов Есенина и напечатал в 1946 году отдельным изданием. Но из-за идеологических разногласий, возникших после освобождения Кореи, и войны между Севером и Югом произведения пролетарских писателей были запрещены в Южной Корее вплоть до 1988 года, и перевод сборника стихов, выполненный эмигрировавшим на Север писателем О Чжанг Хваном, не мог быть знаком читателям Южной Кореи. Только после 1970 года, благодаря усилиям Пак Хёнг Кю, Ли Дэ Ву и др., стали переводить и изучать произведения Есенина.

Биографическая статья о поэте впервые появилась 29 декабря 1929 года в газете “Чосон ильбо” под названием “Трактат о Есенине”, автором которого был специалист по русской литературе Хам Тэ Хун, и после этого началось интенсивное исследование его произведений.

25 декабря 1931 года критик Пэк Чхоль напечатал статью “В связи с шестой годовщиной со дня смерти крестьянского поэта Есенина”. Однако эта статья, в отличие от благосклонной оценки Хам Тэ Хуна, была крайне критической, написанной с точки зрения пролетарского литератора.⁴ Он подчеркивает, что Есенина следует воспринимать как поэта, ограниченного в историческом, классовом, временном и пространственном аспектах. 17 января 1932 года он выпустил статью “Крестьянский поэт Есенин”, где написал, что “его следует воспринимать не как крестьянского поэта, а как буржуазного”⁵. Приведя слова А.В.Луначарского по поводу есенинщины, критик говорил о влиянии поэзии Есенина и есенинщины на корейских пролетарских поэтов Им Хва и Ким Чанг Сыл⁶.

Критика Есенина Пэк Чхолем получила свое продолжение в дискуссии по крестьянской литературе: “Не являясь народным литератором, но испытав сильное народное влияние, знаменитый Есенин описывал спокойную русскую природу, синее небо и звезды и с боязнью воспевал появление в деревне страшного ‘железного гостя’. Для последователей Есенина, отражающих идеологию среднего класса крестьянства, невозможно объединение с пролетарской идеологией, кроме того Есенин не понимал социализма деревни”.

Критика Пэк Чхолем Есенина как поэта “предательского” (среднего) крестьянского сословия распространилась и на пролетарского поэта О Чжанг Хвана, любившего Есенина и его стихи. Пэк Чхоль охарактеризовал его как поэта, “тоскующего по родным местам детства”.

Таким образом, Есенин в период со второй половины 20-х годов по начало 50-х годов рассматривался как крестьянский поэт, деревенский социалист, а после 50-х годов, благодаря

переводам пролетарского литератора, наоборот, имел репутацию российского пролетарского поэта, хотя и непоследовательного.

Современная корейская поэзия, берущая свое начало со второй половины XIX в., имеет три основных течения: традиционные лирические стихи, модернистские и реалистические.

Хотя в 30-е годы XX в. Корея находилась под игом японского империализма и подвергалась различным формам социального угнетения, но и это время было важным периодом творческого подъема многих поэтов. Но в отличие от традиционной лирической или модернистской поэзии из-за идеологических противостояний между Севером и Югом невозможно было изучение творчества литераторов, выбравших режим Северной Кореи. Лишь в июле 1988 года был отменен запрет на произведения поэтов реалистического направления и стало возможным их издание и изучение.

Одним из известных поэтов периода после 30-х годов является О Чжанг Хван (1918-?), которого причисляют к реалистическому течению. Анализ его произведений показывает, что в них проявляется влияние Есенина.

На первый взгляд, трудно найти общие точки между Есениным и О Чжанг Хваном. Это вызвано тем, что произведения Есенина разворачиваются на фоне деревенской жизни, а О Чжанг Хван отрицал традиции и привычки и стремился общаться с новым миром и не отстать от него. Но несмотря на временные и пространственные препятствия, они нашли друг друга на основе общего мировоззрения. Для молодого поэта О Чжанг Хвана, который в условиях колониальной Кореи обращал свои взоры во внешний мир (современная западная культура), стихи Есенина, воспевающие свою родину, казались идеальной моделью. О Чжанг Хван в молодые годы был поражен поэзией Есенина, переводил её и под его влиянием писал свои стихи. Поскольку пролетарские критики, с которыми О Чжанг Хван имел литературные и дружеские отношения, критиковали русского крестьянского поэта, О Чжанг Хван не мог официально поддерживать Есенина и скрывал свою любовь к его поэзии: "Как я любил и пел эту песню (поэзию Есенина)... Любовь к поэзии Есенина не ради духовной жизни, а для лечения больного сердца"⁷.

О Чжанг Хван не только скрывал свою любовь к Есенину, но и критиковал его: "В мире его (Есенина) называют крестьянским или последним российским крестьянским поэтом. В воспевании красоты природы никто не мог состязаться с ним. Однако трудно назвать его пасторальным поэтом, тем более последним крестьянским поэтом. Он до конца был городским поэтом, декадентом..."⁸

Вполне вероятно, что О Чжанг Хван искренне критиковал Есенина. Придуманым миром О Чжанг Хвана были родная

страна, принявшая современную западную культуру, и социалистическое государство, где все люди живут одинаково, а также “совершенная классовая революция в Корее”. Затем, освободившись от отчаяния, поэт О Чжанг Хван снова обретает надежду и хранит в своем сердце “литературу ради жизни” и “литературу ради долга”⁹, поэтому, естественно, у него возникал конфликт с миром есенинской деревни. Такая оценка оправдана большой любовью и значительным влиянием Есенина на поэта О Чжанг Хвана: их жизненный опыт и эмоции очень схожи. О Чжанг Хван так защищал Есенина: “Есенин из всех самый честный, Есенин самый искренний, Есенин самый чувствительный... Есенин жил в тот период, когда через 7 лет после октябрьской революции проводилась в жизнь политика НЭПа, и у него была значительная выдержка; он многое испытал, поэтому порицать только Есенина несколько несправедливо”.

Сравнивая смерть Есенина и смерть талантливого корейского поэта Ким Со Вола¹⁰ и выражая свою скорбь и сочувствие, О Чжанг Хван критиковал их за пораженческие настроения, которые привели к самоубийству¹¹. Такое двусмысленное отношение к Есенину, т.е. одновременная любовь и ненависть к нему, и есть позиция О Чжанг Хвана.

Итак, с середины 20-х годов среди корейской интеллигенции стали распространяться стихи Есенина и его биография, а также российские критические статьи о поэте. В период с 1927 по 1936 год было опубликовано лишь несколько стихотворений Есенина в переводе Токина и Хам Тэ Хуна, и только в 1946 году О Чжанг Хваном были переведены многие произведения Есенина и был выпущен сборник его стихов. Перевод Есенина, выполненный О Чжанг Хваном, является первым изданием зарубежного поэта, выпущенным отдельной книгой. К тому времени было сделано много переводов Тургенева, Бодлера, Гете и др., но не было отдельного издания. То, что в Корее отдельным изданием впервые была выпущена именно поэзия Есенина, объясняется большой любовью О Чжанг Хвана к русскому поэту.

Решение О Чжанг Хвана заняться переводами Есенина не было случайным. В стихах О Чжанг Хвана, начиная с первого его стихотворения “Ностальгия” (1936) и заканчивая стихотворением “Там, где я живу”, написанным непосредственно перед эмиграцией на Север, просматривается сильное влияние Есенина. Его интерес и любовь к Есенину продолжались свыше 10 лет. Когда он в полной мере стал понимать поэзию Есенина, он решил сдаться на отдельное издание сборника стихов поэта. При этом следует отметить несколько особенностей перевода стихов Есенина.

Во-первых, О Чжанг Хван переводил стихи Есенина с японского языка на корейский. В период с 1936 по 1939 годы О

Чжанг Хван жил в г.Токио и стал известен тем, что его первые стихи восхваляли марксизм. У нас нет доказательств того, что он хорошо знал русский язык¹². О Чжанг Хван только один раз использовал русское слово “Гимн” в своем четвертом сборнике стихов для названия одного своего стихотворения, а во всех переводах им использованы личные имена в японской транскрипции. Кроме того, О Чжанг Хван часто допускал ошибки, повторяя неточности японского варианта перевода стихов Есенина. Первые переводы стихов Есенина на корейский язык непосредственно с русского языка были выполнены после 1970 года Пак Хёнгу, Ли Дэ У и др.

Во-вторых, О Чжанг Хвану удалось перевести стихи Есенина, используя соответствующие прекрасные выражения в корейском языке, что наилучшим образом гармонирует с чувствами корейцев, но были и ошибки в переводе, в частности, вместо 4 строк оказывалось 5 или 6 строк. Однако он использовал яркие образы корейского языка, и эти оплошности практически не заметны, если и появлялась непонятная стихотворная строка, то читатель воспринимал ее как стихотворную абстракцию.

В есенинский сборник включено 14 стихотворений: “Я последний поэт деревни...” (1920), “Мы теперь уходим понемногу...” (1924), “Устал я жить в родном краю...” (1915–1916), “Мелколесье. Степь и дали...” (1925), “Весна...” (1924), “Письмо матери” (1924), “Все живое особой метой...” (1922), “Мой путь” (1925), “Русь советская” (1924), “Стансы” (1924), “Голубая кофта. Синие глаза...” (1925), “Снежная замять крутит бойко...” (1925), “Исповедь хулигана” (1920), “Русь уходящая” (1924).

Из этих 14 стихов только “Устал я жить в родном краю...” (1915–1916) относится к ранним стихам, а остальные — к более поздним периодам, в частности 1924–1925 гг. В сборнике эти стихи (выше названия стихов приведены в том порядке, как они включены в сборник) расположены независимо от года их появления. Это может означать, что О Чжанг Хван, долгое время воспевавший Есенина¹³, выбирал эти стихи для перевода не случайно. О Чжанг Хван, активно включившись в пролетарскую литературную деятельность после освобождения в 1945 году¹⁴, хотел познакомить других с молодым крестьянским поэтом, который страдал и мучился в революционный период, а не с крестьянским поэтом, мечтающим о прекрасной природе и деревенской жизни. Этим, наверное, О Чжанг Хван хотел уберечь любимого российского поэта от революционной критики.

О Чжанг Хван, читая стихи Есенина, схожего по духу и по положению с ним, был поражен и, когда переводил их, был в сильном возбуждении. Поэтому в своих переводах он использовал слова “сумасшедший”, “безумный”, “свирепый” и другие прилагательные, отсутствующие в самих стихах Есенина, для

передачи сильных эмоций. Другими словами, поэт О Чжанг Хван изучал “своего Есенина, далекого от истинного Есенина”,¹⁵ и с помощью стихов русского поэта передавал собственные чувства. О Чжанг Хван переводил поэзию Есенина и создал образ Есенина.

В чем причина того, что О Чжанг Хван хорошо понял Есенина и передал в своих произведениях слово и дух стихов поэта? Как было указано выше, жизненные ситуации, в которых находились Есенин и О Чжанг Хван, были схожими. О Чжанг Хван считал, что Есенин воспевал его собственные глубокие чувства. Иными словами, чувство тоски по родному краю у Есенина, который покинул село и из Москвы наблюдал за исчезновением старой деревни, и чувство отчаяния от тоски по родине у О Чжанг Хвана, который покинул колониальную страну и бродил по городам (в основном это портовые города), были их общими чертами, что и ощутил О Чжанг Хван.

Он считал, что его родина стала колониальной страной из-за своей прошлой истории и традиции, поэтому для изучения современной зарубежной литературы он покидает родину, а Есенин с наивной мечтой стать первым поэтом едет в Москву. Но двух поэтов ожидали не мир западной литературы, которая помогла бы родине, и не возгласы одобрения крестьянским поэтам, которые рассказывали о природе и деревне. Однако два поэта, испытывая трудности и лишения соответственно в портовом городе и в Москве, становились на путь “хулигана” или богемы и предпринимали попытки вернуться на родину.

Весьма сложно найти в произведениях О Чжанг Хвана прямые следы влияния Есенина. Это вызвано тем, что в отличие от современного языка, отражающего общее мировоззрение, два поэта соответственно использовали чистый язык российских крестьян и истинный корейский язык со всеми красками местного наречия, поэтому малейшее отличие в использовании выражения и языка поэзии может привести к отрицанию взаимозависимости между двумя поэтами. Однако нельзя отрицать их близость.

Основой лиризма О Чжанг Хвана является есенинский лиризм. В стихотворении “Ностальгия” О Чжанг Хван сетует на то, что не может приспособиться к новому миру и ведет развратную жизнь, не имея возможности забыть покинутую родину и мать, он хранит в душе память о них. В этом стихотворении О Чжанг Хван копирует дух стихотворений Есенина “Все живое особой метой...” и “Письмо матери”. К тому же подобная стихотворная форма в 30-е годы в Корее практически не встречалась, и очевидно эта форма, в которой соединены описательная и лирическая составляющие, заимствована у Есенина.

Стихотворения “Сумерки” и “Аллилуйя” выражают не только тоску по родине, но даже отчаяние и болезненный скептицизм. В частности, во втором стихе О Чжанг Хван показывает размышления, связанные со смертью, как в стихах Есенина. Для О Чжанг Хвана нет иного выхода, поэтому “все дороги ведут в мир иной”.

В стихотворениях “Навеки вернусь” и “Пустошь” О Чжанг Хван говорит о возвращении на родину насовсем после разочарования в городской жизни. Но это происходит после того, как исчезла не только реальная, но даже наивная мечта. Увидев родину, О Чжанг Хван пишет: “На железной крыше почти разрушенной и пустой церкви тень от креста косо лежит” (ср. с есенинскими стихами: “Где каланчой с березовою вышкой / Взметнулась колокольня без креста” или “Здесь даже мельница — бревенчатая птица / С крылом единственным — стоит, глаза смежив”).

Подобно тому, как Есенин, не узнав старика, спрашивает: “Где тут живет Есенина Татьяна?”, так и О Чжанг Хван спрашивает дорогу в свою деревню у торговцев. Утверждение самого себя, ставшего чужим в родном краю, является лейтмотивом в стихах “Мой путь”, “Русь советская”, “Исповедь хулигана” и других произведениях Есенина.

В стихотворении “Снова деревня Миданри...” поэт возвращается на родину и видит старую и бедную мать, у него болит душа, и он сожалеет, что за это время ни он сам, ни его мать ничего не приобрели. Подобный поэтический дух совершенно схож с настроением, выраженным в “Письме матери”. В этот период О Чжанг Хван старался перенять дух поэзии Есенина (не только растерянность после того, как он убедился, что чужой на родине, или сожаление о бродячей жизни, но и обращение к потерянному или забытому миру природы).

Подобное сочувствие поэта животным представляет анималистический взгляд на мир, издавна присущий крестьянской литературе, и подражание мифологическому взгляду Есенина на природу. Подобные мотивы звучат в есенинских стихах “Песнь о собаке”, “Лисица” и др. Появление таких стихов говорит о том, что О Чжанг Хван полностью принял есенинский взгляд на природу, что из-за насильственных действий человека нарушена гармония между ним и природой, которую он губит.

Стихотворение “Песня темной ночи” — это измененный голос Есенина, который спрашивал: “Где мое счастье? Где моя радость?”, а стихотворение “Мама приезжает в Сеул” — это измененные стихи Есенина “Письмо матери” и “Исповедь хулигана”. Все это указывает на то, что в пролетарский период О Чжанг Хван все еще находился под влиянием Есенина и также страдал душевно. Кроме того, стихи О Чжанг Хвана не были

нравоучительными или агитационными, а всего лишь самопокаянием, как и у Есенина.

Таким образом, О Чжанг Хван, ровесник Есенина, прошедший сходный жизненный путь, в своем творчестве воспринял мир поэзии Есенина, расширил собственный образный мир и нашел свой путь поэта. Всю полноту чувств русского поэта, конечно, невозможно передать с помощью корейского языка, не имеющего ударения, передать мелодику, метрику, ритм, рифму, но в полной мере переданы творческий мир Есенина, его взгляд на природу, дух родины, способы выражения, поэтические слова и др.

В настоящее время трудно найти современных крестьянских поэтов, которые писали бы стихи на крестьянские темы на простом языке, используя при этом язык, образы, стихотворную форму более национальные и с оттенком местного колорита, как поэт О Чжанг Хван. Он писал под прямым влиянием Есенина. У современных крестьянских поэтов, таких как Ким Ди Ха, Син Кён Рим и др., видно влияние О Чжанг Хвана¹⁶, но современные корейские крестьянские поэты испытывают уже вторичное влияние Есенина, опосредованно, в том числе и через поэзию О Чжанг Хвана.

Есенин близок корейским литераторам тем, что он как бы напоминает об истинных истоках, откуда должно брать начало любое истинное поэтическое творчество.

Примером корейским поэтам 30–40 гг. 20 века служит и то, что на основе русской крестьянской мифологии Сергей Есенин разработал свою собственную оригинальную художественную систему, в которой поэтические образы развиваются по нарастающей степени усложненности и насыщенности внутренним содержанием. В корейской литературе вслед за Есениным этим же путем идет поэт О Чжанг Хван.

Воплощая в своей поэзии символы и образы нового времени, Есенин органически соединил древние корни и новейшие реалии. Новое время поэт ощущает как знак возрождения культуры, рожденной в недрах старой русской деревни. Но и есенинская сказочная утопия стала основой для уникальных поэтических разработок и создания цельных и органических, единственных в своем роде произведений, не имеющих аналогов ни в русской ни в мировой поэзии.

Вместе с тем, крушение утопии повлекло за собой кардинальные перемены в мире есенинской поэзии и внесло в его образную систему новый слой дисгармоничных нот, красок, оттенков, которые на непродолжительное время стали определять воплощение им в поэзии нового, изменившегося лика русской деревни.

Сопоставляя известных корейских поэтов с Сергеем Есениным, наряду с большими различиями образных систем мы обнаруживаем ряд существенных сближений на уровне поэтики. Эти сближения были возможны благодаря непосредственному знакомству ряда корейских поэтов с богатым творчеством С.Есенина, эти сближения продуктивно возникают и по целому ряду исторических закономерностей, которыми независимо друг от друга отмечен ход общественного развития двух соседних стран — России и Кореи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. *Ким Чи Су*. Теория крестьянской новеллы // Теория крестьянской литературы. Сборник трудов. Сеул, 1983, с. 34–47.
- ² С середины 20-х годов по конец 30-х годов в Корею переводились произведения российских авторов гораздо больше, чем писателей Англии, США, Франции и др. стран.
- ³ Предполагают, что под псевдонимом Токин печатался пролетарский писатель Ким Ги Дин, чтобы избежать цензуры японских властей, и специалист по российской литературе Хам Тэ Хун, который появился на литературной сцене после ухода с этой сцены Токина.
- ⁴ *Пэк Чхоль*. В связи с шестой годовщиной со дня смерти крестьянского поэта Есенина // Газ. “Чосон ильбо”, 1931, 25 декабря.
- ⁵ *Пэк Чхоль*. Крестьянский поэт Есенин // Газ. “Чосон ильбо”, 1932, 17 января.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *О Чжанг Хван*. О Есенине // Сборник стихов Есенина. Сеул, 1946.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *О Чжанг Хван*. Падение литературной сцены и новая литература // Газ. “Чосон ильбо”, 1937, 28 и 29 января.
- ¹⁰ Ким Со Вол (1903–1934) — один из талантливых поэтов Кореи, писал традиционные корейские стихи, кончил жизнь самоубийством, приняв большую дозу наркотика.
- ¹¹ *О Чжанг Хван*. Самонаказание // Журн. “Син Чен Чжи”. Сеул, 1948, январь.
- ¹² *О Се Йенг*. Изучение литераторов, эмигрировавших на Север, поиск родины “хулиганов”. Сеул, 1989, с. 289.
- ¹³ О Чжанг Хван во введении к сборнику стихов Есенина, говоря о стихотворении “Да! Теперь решено. Без возврата...”, писал: “Как я любил и воспевал эту песню! Естественно, когда я выпивал вина... Конечно, это было гораздо раньше освобождения Кореи (15 августа 1945 года). Тогда я жил в Токио. Было самое ужасное время для меня. Работал по найму и словно встретил друга моей родины, вместе я с ним пил и с радостью пел эту песню”. Он часто цитировал отрывок из “Возвращения на родину” и признавался: “С давних пор я так много плакал, когда читал эти стихи”. Эти слова О Чжанг Хвана доказывают, что он с давних пор понимал поэзию Есенина (*О Чжанг Хван*. О Есенине... // Сборник стихов Есенина. Сеул, 1946).

- 14 После возвращения на родину в 1939 году О Чжанг Хван занимался только творческой деятельностью, в 1946 году принимал участие в первом съезде корейских литераторов, стал членом исполкома сеульского отделения Союза писателей Кореи (впоследствии Корейская ассоциация писателей), принимал участие в пролетарской литературной деятельности как член движения популяризации литературы (О Се Йенг. Изучение литераторов, эмигрировавших на Север, поиск родины "хулиганов". Сеул, 1989, с. 290).
- 15 О Чжанг Хван. О Есенине // Сборник стихов Есенина. Сеул, 1946.
- 16 Юн Йен Чон. Общинная мечта и её крах // Ку Чжын Со и др. Литературный мир. Сеул, 1995, с. 177.

Гордон Маквей
Англия

ПУБЛИКАЦИИ О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ, ВЫШЕДШИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В 90-Е ГОДЫ

ПРИМЕЧАНИЯ

Раньше была предпринята попытка описать и оценить некоторые воспоминания, исследования и переводы, появившиеся в Англии и Северной Америке по 1980 год.¹

Надеемся в дальнейшем довести этот обзор до сегодняшнего дня.² Предварительно перечислим некоторые публикации последних лет. В редких случаях упоминаются работы английских и американских исследователей, опубликованные на русском языке во Франции и России, и статьи на русском языке, изданные в США (такие работы отмечены звездочкой).

¹ *Лек Часъ*. В связи с шестой годовщиной со дня смерти христианского поэта Есенина // Газ. "Часъ" № 931, 25 декабря.

1990

² *Лек Часъ*. Христианский поэт Есенин // Газ. "Часъ" № 1571.

Jessie Davies. *Isadora Duncan's Russian Husband: The Life of Sergei Yesenin (1895–1925)*, Print Origination (NW) Limited, Formby, Liverpool, 1990, 286 с. (роман-биография, с иллюстрациями).

Рец.: Gordon McVay // *Slavonica*, Keele University Press, 1994/95, т. 1, № 2, с. 115–116; *Русистика / Rusistika*, England, 1995, № 11, с. 53–54.

Vladimir Mayakovsky. *How Are Verses Made? with A Cloud in Trou-sers and To Sergey Esenin*, translated by G.M. Hyde, Bristol Press, Bristol, 1990, vi + 127 с. (переводы трех произведений Владимира Маяковского — *Как делать стихи?*, *Облако в штанах*, и *Сергею Есенину* — с предисловием и примечаниями)

Рец.: Gordon McVay // *The Modern Language Review*, England, April 1992, т. 87, № 2, с. 538–539.

Gordon McVay. "The Prose of Anatolii Mariengof" // *From Pushkin to "Palisandriia": Essays on the Russian Novel in Honour of Richard Freeborn*, edited by Arnold McMillin, Macmillan, London, 1990, с. 149–167 (статья о прозе Анатолия Мариенгофа: *О Сергее Есенине. Воспоминания; Роман без вранья; Циники; Бритый человек; Екатерина. Фрагменты из романа; Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги*).

* Гордон Маквей. “Есенин в Америке” // *Голос*, Рязань, 27 сентября 1990, с. 7 (“перевод сделан по заказу редакции В.Васиным”)³.

1991

Evelyn Bristol. *A History of Russian Poetry*, Oxford University Press, New York and Oxford, 1991, ix + 354 с. (о Есенине в статье на с. 246–248. и в библиографии на с. 335–336; в статье некоторые неточности; на с. 247 перевод стихотворения *Осень* и на с. 248 перевод стихотворения “Прощай, Баку! Тебя я не увижу...”).

Рец.: Gordon McVay // *Scottish Slavonic Review*, Glasgow, 1992 [опубликовано 1993], № 19, с. 119–120.

[Jessie Davies]. Sergei Esenin, *All Souls' Day (Radunitsa, 1916)*, in parallel text, translated from the Russian by Jessie Davies, published by Lincoln Davies, Liverpool, 1991, iii + 92 с. (перепечатка книги *Радуница*, 1916 г., с параллельным английским переводом и предисловием Джесси Дэйвис).

Рец.: Gordon McVay // *Русистика / Rusistika*, England, 1995, № 11, с. 53–54.

[Jessie Davies]. Sergei Esenin, *Azure (Goluben', 1918)*, in parallel text, translated from the Russian by Jessie Davies, published by Lincoln Davies, Liverpool, 1991, iv + 97 с. (перепечатка книги *Голубень*, 1918 г., с параллельным английским переводом и предисловием Джесси Дэйвис).

Рец.: Gordon McVay // *Русистика / Rusistika*, England, 1995, № 11, с. 53–54.

Anne Nesbet. “Suicide as Literary Fact in the 1920s” // *Slavic Review*, USA, 1991, т. 50, № 4, с. 827–835 (самоубийство Есенина упоминается на с. 827, 830, 832).

Olga Peters Hasty.⁴ “Reading Suicide: Tsvetaeva on Esenin and Maiakovskii” // *Slavic Review*, USA, 1991, т. 50, № 4, с. 836–846 (содержательная статья об отношении Марины Цветаевой к самоубийству Есенина и Маяковского и об отношении Маяковского к самоубийству Есенина).

Victor Terras. *A History of Russian Literature*, Yale University Press, New Haven and London, 1991, x + 654 с. (о Есенине на с. 548–550).

Gordon McVay. “Khlebnikov and the Imaginists: Two Forgotten Obituaries” // *Irish Slavonic Studies*, Dublin, 1990 (1991) [опубликова-

но 1991], № 11, с. 91–97 (некрологи о В.Хлебникове, написанные В.Шершеневичем и А.Мариенгофом, на русском языке, с тремя иллюстрациями).

Gordon McVay, рец. на спектакль: Martin Sherman, *When She Danced* (Globe Theatre, London) // *Plays and Players*, London, October 1991, № 452, с. 33 (пьеса о совместной жизни Айседоры Дункан и Сергея Есенина; в ролях выступали Ванесса Редгрейв [Айседора] и Олег Меньшиков [Есенин])⁵.

1992

[Jessie Davies], Sergei Esenin. *The Lyrics of a Tortured Poet*, in parallel text with stressed Russian versions, translated by Jessie Davies, published by Lincoln Davies, Liverpool, 1992, xiii + 82 с. (тридцать стихотворений Есенина на русском языке, с параллельным английским переводом и предисловием Джесси Дэйвис).

Рец.: Gordon McVay // *Slavonica*, Keele University Press, 1994/95, т. 1, № 2, с. 115–116.

[Jessie Davies], Sergei Esenin. *My Way: Nine long poems (1914–24)*, in parallel text with the Russian versions in the old pre-revolutionary script, translated by Jessie Davies, published by Lincoln Davies, Liverpool, 1992, 100 с. (перепечатка книги: Сергей Есенин, *Мой путь: Стихи*, издательство “Очарованный странник”, Париж, 1926 г., с параллельным английским переводом и предисловием Джесси Дэйвис).

Рец.: Gordon McVay // *Slavonica*, Keele University Press, 1994/95, т. 1, № 2, с. 115–116.

The Cambridge History of Russian Literature, revised edition, edited by Charles A. Moser, Cambridge University Press, Cambridge, 1992 [впервые опубликовано 1989], x + 709 с. (о Есенине на с. 447–449 в статье Evelyn Bristol и в библиографии на с. 634).

Michael Clark Troy. “Esenin and Majakovskij” // *Russian Literature*, North-Holland — Amsterdam, 1992, т. XXXI [т. 31], с. 415–448 (о Есенине и Маяковском — сочувствие обоих поэтов к лошади, тема самоубийства, их “поэтическая маска” и отчуждение от масс, скрытые ссылки на Есенина в стихах Маяковского).

Gordon McVay. “Introduction” [Гордон Маквей: “Предисловие”] // *Есенин. Жизнь. Личность. Творчество*, под ред. Е.Ф.Никити-

ной (перепечатка с издания М., 1926, 288 с.), с. vii–xxiii, Willem A. Meeuws, Oxford, 1992.

G. McVay. “Isadora and Esenin: forgotten photographs” // *Русистика / Rusistika*, England, 1992, № 6, с. 48–50 (с шестью редкими фотографиями).

* Надежда Вольпин. “Блудный сын (1923–1925). Воспоминания о Сергее Есенине” // *Минувшее. Исторический альманах*, под ред. Vladimir Alloy, Atheneum, Париж, 1991 [опубликовано 1992], т. 12, с. 189–215 (публикация, вступление и примечания Г.Маквея, с тремя фотографиями на обложке и между с. 256 и 257).

1993

[Антология] *Twentieth-Century Russian Poetry*, selected with an introduction by Yevgeny Yevtushenko, edited by Albert C. Todd and Max Hayward (with Daniel Weissbort), Fourth Estate, London, 1993 [copy-right bantam Doubleday Dell, USA, 1993].

На с. 289–306 английский текст пятнадцати стихотворений Сергея Есенина: *Песнь о собаке*, “Не жалею, не зову, не плачу...”, “Все живое особой метой...”, “Годы молодые с забубенной славой...”, *Собаке Качалова*, “Клен ты мой опавший, клен заледенелый...”, “Ты меня не любишь, не жалеешь...” (чуткие переводы Daniel Weissbort); “Мне осталась одна забава...”, *Письмо матери*, “Мы теперь уходим понемногу...”, “Отговорила роща золотая...”, “Я спросил сегодня у менялы...”, “Цветы мне говорят — прощай...”, *Черный человек*, “До свиданья, друг мой, до свиданья...” (посредственные переводы Geoffrey Thurley).

Life into Art: Isadora Duncan and Her World, edited by Dorŭe Duncan, Carol Pratt, and Cynthia Splatt, W.W. Norton and Company, New York and London, 1993, 199 с. (с превосходными иллюстрациями; о Есенине на с. 157–161).

Рец.: Gordon McVay // *Slavonica*, Keele University Press, 1994/95, т. 1, № 2, с. 115–116; // *The Slavonic and East European Review*, London, April 1995, т. 73, № 2, с. 327–328.

Gordon McVay. “Introduction” [Гордон Маквей: “Предисловие”] // *Явь* (перепечатка с издания М., 1919, 69 с.), с. i–xxi, Willem A. Meeuws, Oxford, 1993.

Рец.: Andrei Rogachevskii // *The Slavonic and East European Review*, London, July 1994, т. 72, № 3, с. 519–521.

Gordon McVay. "Vsevolod Meyerhold, Zinaida Raikh, Konstantin Esenin, and Tatyana Esenina: A Pictorial Tribute" // *Scottish Slavonic Review*, Glasgow, 1992 [опубликовано 1993], № 19, с. 55–64 (с семью фотографиями)⁶.

Gordon McVay. "Sergei Esenin's Letter to Isadora Duncan: The Complete Text" // *The Slavonic and East European Review*, London, April 1993, т. 71, № 2, с. 274–277 (письмо Есенина к Айседоре Дункан от 20 августа 1923 г. [на русском языке], с комментарием на английском языке).

1994

Gordon McVay. "Introduction" [Гордон Маквей, "Предисловие"] в сб. *Памяти Есенина* (перепечатка с издания М., 1926, 272 с.), с. vii–xxii, Willem A. Meeuws, Oxford, 1994.

* Г. Маквей. С.А.Есенин в культурной жизни англоязычных стран: Обзор // *О, Русь, взмахни крылами...: Есенинский сборник*, вып. I, М., 1994, с. 193–217.

1995

Jessie Davies. *The Poetic Soul of Russia — Sergei Esenin (1895–1925). Biographical and Critical sketches to commemorate the centenary of the poet's birth*, Lincoln Davies, Formby, 1995, xi + 227 с. (биографические и критические очерки, с двумя иллюстрациями).

Рец.: Gordon McVay // *The Slavonic and East European Review*, London, 1998.

Jessie Davies. "The Esenin Centenary" // *British East-West Journal*, published by the British-Russia Centre and the British East-West Centre, London, December 1995, № 102, с. 3–4 (с фотографией нового памятника Есенину в Москве на с. 2).

Gordon McVay. "Letters from Evgeny Evtushenko and Bella Akhmadulina" // *Русистика / Rusistika*, England, 1995, № 11, с. 50–52 (письма о Есенине от Евгения Евтушенко [13 мая 1980 г.] и Беллы Ахмадулиной [17 октября 1965 г.], тексты на русском языке).

Gordon McVay. "Esenin, Sergei Aleksandrovich" // *Reference Guide to World Literature*, edited by Lesley Henderson, St. James Press, New York and London, 1995, т. I, с. 403–404.

Gordon McVay, рец. на книгу: С.А.Есенин. *Материалы к биографии*, сост. Н.И.Гусева, С.И.Субботин, С.В.Шумихин, М. 1992 [опубликовано 1993] // *The Slavonic and East European Review*, London, October 1995, т. 73, № 4, с. 764–766⁷.

Gordon McVay, рец. на три книги Юрия Волкова — Юрий Волков, *Романс и элегия*, М., 1989; *Золотые перья Жар-птицы*, Пушкино, 1992; *Поздняя сирень*, М., 1992 // *The Slavonic and East European Review*, London, October 1995, т. 73, № 4, с. 766–767 (о стихах, посвященных Сергею Есенину).

* Gordon McVay. “Георгий Адамович о Сергее Есенине: Новые материалы” // *Revue des études slaves*, Paris, 1995, т. 67/1, с. 145–159 (высказывания Г.Адамовича разных лет, и два письма о Есенине от 23 апреля 1967 г. и 2 мая 1967 г.).

* Гордон Маквей. “Есенин — поэт общечеловеческий” // *Вечерняя Москва*, 22 сентября 1995, с. 6.

[В интервью много неточностей, но правильно передаются некоторые мысли Г.Маквея, например, о самоубийстве поэта].

* Гордон Маквей. «Прощание с Америкой (из книги “Изадора и Есенин”)», перевод Анны Дармодехиной // *Огонек*, М., 1995, № 40, с. 64–68 (отрывок из книги Gordon McVay, *Isadora and Esenin*, USA and England, 1980, с иллюстрациями).

1996

* Владимир Хазан. “Об интертекстуальности С.Есенина: Несколько предварительных тезисов” // *Russian Language Journal / Русский язык*, East Lansing, Michigan, США, 1996, т. L [т. 50], № 165–167, с. 155–168.

1997

Anna Benn and Rosamund Bartlett. *Literary Russia: A Guide*, Picador, London, 1997, 495 с. (в книге упоминаются Есенин и Айседора Дункан).

Рец.: Ann Pasternak Slater. *The Sunday Times*, London, 23 November 1997, Books section, с. 4.

Birgit Beumers. *Yury Lyubimov at the Taganka Theatre 1964–1994*, Harwood Academic Publishers, Amsterdam, 1997, xviii + 361 с. (на с.

45–48 — о постановке есенинского *Пугачева* в Театре на Таганке; на с. 91 — две фотографии этого спектакля).

Ronald Vroon. “The garden in Russian modernism: Notes on the problem of mentality in the New Peasant poetry” // *Revue des études slaves*, Paris, 1997, т. 69/1–2, с. 135–150 (о “садах Есенина” [“Esenin’s gardens”] на с. 141–142).

* Мария Павловски. “Религия русского народа в поэзии Есенина (Лингвостилистические соображения)” // *Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум. Есенинский сборник*, вып. III, М., 1997, с. 93–115.

* Эммануил Штейн, “Поэты русского зарубежья о Есенине”, в сб. *Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум. Есенинский сборник*, вып. III, М., 1997, с. 327–333.

* Эммануил Штейн. “Поэзия Есенина в лагерях ДИ-ПИ” // *Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум. Есенинский сборник*, вып. III, М., 1997, с. 447–452.

* Гордон Маквей. “Неопубликованные письма о Сергее Есенине” // *Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум. Есенинский сборник*, вып. III, М., 1997, с. 457–473.

1998

María Pavlovskzy, две статьи — “*Radunitsa*” и “*Moscow of the Taverns [Moskva kabatskaia]*” // *Reference Guide to Russian Literature*, edited by Neil Cornwell, Fitzroy Dearborn Publishers, London and Chicago, 1998.

Gordon McVay, две статьи — “Esenin, Sergei Aleksandrovich” и “Mariengof, Anatolii Borisovich” // *Reference Guide to Russian Literature*, edited by Neil Cornwell, Fitzroy Dearborn Publishers, London and Chicago, 1998.

Gordon McVay, “The Centenary of Sergei Esenin: A Survey of Publications” // *The Slavonic and East European Review*, London, 1998, July, vol. 76, № 3, с. 494–528 (подробный обзор публикаций о Есенине, вышедших в России и за пределами России за последние годы).

* Гордон Маквей (ред. и сост.). *Сергей Есенин: Новые материалы*, т. 1 / Gordon McVay (ed. and comp.). *Sergei Esenin: New Materials*, vol.

1, Willem A. Meeuws, Oxford, 1998, 400 с. (письма к Г. Маквею от русских поэтов и писателей, и от друзей и знакомых Есенина, в том числе письма от Г.В.Адамовича, М.И.Алигер, П.Г.Антокольского, В.Ф.Бокова, Е.М.Винокурова, А.А.Жарова, В.М.Инбер, М.В.Исаковского, Б.Ш.Окуджавы, А.А.Прокофьева, В.А.Рождественского, И.Л.Сельвинского, К.М.Симонова, Я.В.Смелякова, В.А.Солоухина, А.Т.Твардовского, Н.С.Тихонова, С.П.Щипачева, и от А.В.Бахраха, Н.Н.Берберовой, Р.Б.Гуля, Т.С.Есениной, Р.А.Ивнева, А.Б.Кусикова, П.П.Лазовского, Л.М.Леонова, С.М.Лифаря, В.А.Мануйлова, А.Л.Миклашевской, Е.Б.Оганян, Л.О.Повицкого, М.Д.Ройзмана, Н.П.Стора, К.И.Чуковского, М.З.Шагала, А.Ярмолинского и др.; все тексты приводятся на языке оригинала, с иллюстрациями и примечаниями).

В заключение хотелось бы добавить, что на мой взгляд, самыми ценными и незаменимыми книгами о Есенине, изданными за последние годы, являются следующие: академическое издание сочинений поэта (М., 1995–2000); четырехтомник *Сергей Есенин в стихах и жизни* (М., 1995), прежде всего тт. 3 и 4; сб. *С.А.Есенин: Материалы к биографии*, М., 1992 [опубликовано 1993]; двухтомник *Русское зарубежье о Есенине* (М., 1993); книги Н.Г.Юсова *Прижизненные издания С.А.Есенина* (М., 1994) и “С добротой и щедротами духа...”: Дарственные надписи Сергея Есенина (Челябинск, 1996); книга *Есенин без тайны* Анатолия Панфилова (М., 1994); документы в сб. *Растерзанные тени* (М., 1995); сб. *Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии* (М., 1996); и альбом *Музей Есенина в книге* (М., 1995).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Маквей Г.* “С.А.Есенин в культурной жизни англоязычных стран: Обзор” // *О, Русь, взмахни крылами...: Есенинский сборник*, вып. 1, М., 1994, с. 193–217. Впервые опубликовано в ж. *Russian Language Journal / Русский язык*, East Lansing, Michigan, США, 1983, т. XXXVII [т. 37], № 128, с. 103–129.

² Например, среди “есенинских” и “околоесенинских” публикаций Г.Маквея в 1980-е годы можно было бы отметить:

“Сергей Есенин и Айседора Дункан” // *Русский Альманах*, под ред. Зинаиды Шаховской, Ренэ Герра и Евгения Терновского, Париж, 1981, с. 205–221; “Pasternak and Other Poets: Unpublished Texts” // *Journal of Russian Studies*, England, 1984, № 47, с. 29–33; “Nikolay Kliuev and Sergey Klyuchkov: Unpublished Texts” // *Oxford Slavonic Papers*, Oxford, 1984, т. 17, с. 90–108; “An Unpublished Letter by Sergey Esenin” // *Scottish Slavonic Review*, Glasgow, 1984, № 3, с. 78–81 (письмо Есенина к Рюрику Ивневу);

“Unpublished Texts of Nikolay Kliuyev” // *The Slavonic and East European Review*, London, October 1985, т. 63, № 4, с. 560–566; “Sergey Esenin —

- New Materials" // *Scottish Slavonic Review*, Glasgow, 1986, № 6, с. 96–118 (надпись Есенина Томасу Г.Дикинсону, письма к Г.Маквею от Л.Леоннова и М.Шагала, портрет Есенина рукой Д.Бурлюка и другие материалы); "Aleksandr Shirjaevets: New Texts and Photographs" // *Russian Language Journal / Русский язык*, East Lansing, Michigan, 1987 [опубликовано 1988], № 140, с. 217–226; биография *Esenin. A Life*, Paragon House, New York, 1988, 352 с., с иллюстрациями (перепечатка с издания 1976 г.); "Esenin, Kliuev, Klychkov, Oreshin and Shiryajevets: Rare and Unpublished Photographs" // *Russian Literature Triquarterly*, Ann Arbor, 1988, № 21, с. 191–204; "Ten Letters of A.V.Shirjaevets (1923–1924)" // *Oxford Slavonic Papers*, Oxford, 1988, т. 21, с. 153–170; "Vadim Shershenevich: New Texts and Information" // *Russian Literature Triquarterly*, Ann Arbor, 1989, № 22, с. 280–324; "Nikolai Kliuev (1884–1937); Unpublished Letters" // *The Slavonic and East European Review*, London, October 1989, т. 67, № 4, с. 596–599.
- 3 Приблизительно с 1989 г. появляются в России переводы некоторых публикаций Гордона Маквея, часто без ведома и без участия автора. См., например: "Два лада: Сергей Есенин и Айседора Дункан", в газ. *День*, М., № 21, 25 октября — 8 ноября 1991, с. 13 (опубликовано без ведома автора); "Сергей Есенин и Айседора Дункан: "Love story" в документах", в ж. *Дар*, М., 1992, № 1, с. 102–111 (с пятью редкими фотографиями, опубликовано без участия автора): "Есенин и Айседора", *Есенинский вестник*, Государственный музей-заповедник С.А.Есенина, [Рязань], 1992 [№ 1], с. 21 (отрывок из журнала *Дар*, М., 1992, № 1, с одной фотографией); "Есенин в Америке", в газ. *Криминальный вестник Санкт-Петербурга*, СПб., № 43 (2017), ноябрь 1992, с. 6 (опубликовано без участия автора); "Сергей Есенин в Америке", в газ. *Кавказский край*, Пятигорск, № 35 (218), 31 августа — 7 сентября 1995, с. 8–9; "Сергей Есенин — это", в ж. *Российская провинция*, М., 1995, № 4, с. 2–11 (опубликовано без ведома и без участия автора); "Есенин в Америке", в газ. *Добрый вечер!* (литературное приложение к газ. *Липецкая газета*). Липецк, октябрь 1996, № 40, с. 5 ("перевод с английского В.Васина", опубликовано без участия автора).
- 4 См. также: *America Through Russian Eyes, 1874–1926*, edited and translated by Olga Peters Hasty and Susanne Fusso, Yale University Press, New Haven and London, 1988, xi + 226 с. На с. 144–158 — глава "Sergej Esenin, An Iron Mirgorod" (перевод очерка *Железный Миргород*, с предисловием, примечаниями, библиографией и одной фотографией). См. рец. на эту книгу: Gordon McVay // *Scottish Slavonic Review*, Glasgow, 1988, № 11, с. 162–163.
- 5 См. также рец. на другую постановку этой же пьесы: Gordon McVay. "A Play about Isadora and Esenin" // *Scottish Slavonic Review*, Glasgow, 1988, № 11, с. 186.
- 6 О Зинаиде Райх см. также: Gordon McVay "Meierkhöld's Last Production: Two Letters from Zinaida Raikh to Nikolai Ostrovskii" // *The Slavonic and East European Review*, London, July 1990, т. 68, № 3, с. 502–506 (два письма Зинаиды Райх к Николаю Островскому от 24 апреля 1936 г. и 1 июля 1936 г. [РГАЛИ, фонд 363, опись 2, ед. хран. 10]; тексты опубликованы на русском языке, с комментарием и примечаниями на английском языке).
- 7 Эта рецензия на книгу С.А.Есенин. *Материалы к биографии* также опубликована ("перевод с английского Ф.Семенова") // *Новое Литературное Обозрение*. М., 1995, № 15, с. 390–391.

Мишель Никё
Франция

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЕСЕНИНА¹

Начиная с шестидесятых годов, в годовщины рождения Есенина (особенно с круглой датой) появлялось изобилие статей, которые относились больше к каждению ладаном или к лирико-патриотическому воспеванию, чем к литературоведению. Как писал В. Харчевников, “есениноведение, даже с учетом большой и полезной работы, проделанной исследователями, чрезвычайно засорено малонаучным материалом”². После борьбы с “есенинщиной” и ликвидации “есенинской плеяды”³ появилась другая крайность: канонизация поэта, музеификация его родного села, кульминацией которых стала 90-летняя годовщина со дня рождения поэта. Такое официальное присвоение Есенина, опирающееся на настоящую популярность бывшего “проклятого поэта”, стеснило научный подход к нему и навредило образу Есенина среди зарубежных исследователей, которые отдали предпочтение изучению Пастернака, Мандельштама или Цветаевой, применяя все средства литературной и исторической науки. Некоторые добротные монографии все-таки были опубликованы, но споры, вызванные поэзией Есенина еще при его жизни, в них сильно сглажены⁴. Перестройка принесла, как и для других писателей, свою долю журналистских “открытий” и научных публикаций. Вопрос о самоубийстве Есенина (как и Маяковского) вдохновил ряд “детективов”⁵; воспоминания друзей (подруг) Есенина, до сих пор неизданные, или изданные с купюрами, как и некоторые тексты самого Есенина, были опубликованы⁶; были собраны тексты эмиграции о Есенине⁷. Наконец, предпринято восьмитомное “академическое” издание Есенина, первые тома которого должны выйти осенью 1995 г. к международному научному симпозиуму, посвященному 100-летию со дня рождения поэта (29 сентября — 3 октября)⁸.

Франция не могла не участвовать в праздновании этой годовщины. Благодаря слависту Пьеру Паскалю, который в 1922 г. представил и перевел для журнала “Клартэ” две поэмы Есенина⁹, и Францу Элленсу, который издал по-французски “Исповедь хулигана” и “Пугачева”¹⁰, Есенин пользовался с 1922 г. (в особенности в революционных кругах)¹¹ известностью, которая, однако, не возросла, несмотря на книжку Софи Лаффит, изданную в 1959 г. в популярной серии “Современные поэты”¹².

Статьи, собранные для специального выпуска “Revue des Etudes slaves” отражают новый подход к изучению Есенина: в статье М.Скорородова о “Радунице” религиозная символика уже не считается пережитком прошлого, который в конце концов поэт сумел бы “преодолеть”; отношение Есенина к революции рассматривается Э.Б.Мекшем на основе “Кобыльих кораблей”, где с большой выразительностью отвергается любое насилие над человеком и над природой; В.Хазан показывает мифологические и литературные измерения мотива смерти, предчувствия смерти: этот мотив является одним из элементов создания литературного персонажа, который “формалисты”, и в особенности Б.Эйхенбаум, узнали в разных масках и скандалах поэта. Отношения формалистов к Есенину освещает К.Депретто во вступительной статье к публикации тех отрывков дневника Б.Эйхенбаума, где упоминается Есенин. Большой интерес представляет публикация С.Субботиным и Р.Гейро докладов, прочитанных в 1926–1927 гг. Б.Эйхенбаумом (в Ленинграде) и И.Зданевичем (в Париже): идейное и эстетическое расстояние, отделявшее этих авторов от Есенина, позволило им избежать банальности и лубочности, часто свойственных такому роду мемориальных выступлений. Футуристы и формалисты уловили, что романтизм, — “понимание жизни как жизни поэта”¹³, определяет всю жизнь и творчество Есенина. Утверждение, как у И.Зданевича, что Есенин не является (также как и Н.Клюев или С.Клычков) “крестьянским поэтом” наподобие Кольцова или Дрожжина, может еще в наши дни вызвать полемику: тем не менее, только отказом от сведения поэта к социологической или генетической схеме (как, например, “поэт-самородок”) можно понять и самобытность Есенина и его принадлежность к европейской поэзии: Н.И.Шубникова-Гусева раскрывает глубоко личную интерпретацию “Декабрьской ночи” Мюссе в “Черном человеке”; Ж.-К.Ланн показывает, как Хлебников включает, в пародийных и творческих целях, имажинистские приёмы в свою собственную теорию поэтического образа (на основе стихотворения “Москвы колымага...”).

Этот сборник статей о символике есенинской поэзии (в “Радунице”, “Кобыльих кораблях” и “Пугачеве”¹⁴ — объединенных присутствием смерти) и о восприятии Есенина писателями, отдаленными от него, кончается заметкой С.Кошечкина и Н.Юсова о “Послании евангелисту Демьяну”, которое Г.Иванов уверенно приписывал Есенину, тогда как его автор был установлен еще в 1926 г. (Н.Н.Горбачев [1888–1928?], реабилитированный в 1994 г.)¹⁵, подборкой суждений (довольно сдержанных) Г.Адамовича о Есенине (публикация Г.Маквея) и эссе М.Никё о двух полюсах, между которыми натянулись до разрыва жизнь и творчество Есенина, — тишине и буйстве¹⁶.

Эпитафию Марины Цветаевой к смерти Есенина можно применить ко всем поэтам, опаленным Россией:

... И не жалость — мало жил,
И не горечь — мало дал,—
Много жил — кто в наши жил
Дни, всё дал — кто песню дал.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Автоперевод вступительной статьи к специальному выпуску французского журнала "Revue des Études slaves" (1995, т. 67, вып. 1), посвященному Есенину (под ред. М.Никё). Работы о Есенине, вышедшие с 1995 г., не учтены.
- ² Харчевников В.И. Изучение С.Есенина в средней школе. Элиста, с. 4. Цит. по: Захаров А.Н. Проблемы поэтики С.А.Есенина в отечественном и зарубежном литературоведении последних лет // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филологические науки. 1993. № 2. С. 12. Вот название некоторых статей из сборника, составленного А.А.Михайловым и С.С.Лесневским "к 90-летию со дня рождения великого русского поэта" ("В мире Есенина", М. 1986): "Он милел ко всему советскому, гордился им" (А.Прокофьев), "Цветок полевой России" (С.Викулов), "Гордость России" (К.Ваншенкин), "Самый русский поэт" (Е.Евтушенко), и т.д. Сборник все-таки содержит ряд ценных литературоведческих статей. Самая полная библиография Есенина и о Есенине дана в восьмом томе серии "Русские советские писатели: Поэты" (М.: Книга. 1985), но в нем есть "белые пятна" (Бухарин, Троицкий) и он не учитывает зарубежных работ о Есенине.
- ³ См.: McVay G. Yesenin's posthumous fame, and the fate of his friends // Modern Language Review. 1973. vol. 67, № 13, p. 590–602. Ни одного собрания сочинений не было издано между 1927 и 1955 гг.
- ⁴ Наиболее важными монографиями являются, в хронологическом порядке, книги Е.И.Наумова (Л., 1960, 1969), Ch. Auras (München, 1965), П.Ф.Юшина (М., 1969), А.Марченко (М., 1972, 1989), G. McVay (Ann Arbor, 1976), А.В.Кулинича (Киев, 1980), В.И.Хазана (Грозный, 1988), Э.Б.Мекша (Рига, 1989), Л.Л.Бельской (М., 1990). В статьях А.Н.Захарова (Проблемы поэтики С.А.Есенина в советском и зарубежном литературоведении // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филологические науки. 1975. № 5. С. 19–32, и статья, указанная в прим. 2) и Л.Л.Бельской (Между двумя юбилеями: работы последних лет о творчестве Есенина // Русская литература. 1976. № 3. С. 197–209) дан обзор научной литературы последних десятилетий о Есенине.
- ⁵ С.Кошечкин изложил состояние вопроса в "Правде" от 6 июля 1991 г.: "Смерть Есенина: две версии"; см. также "Книжное обозрение", 1993, № 31 и 34, "De Visu", М., 1993, № 11, с. 94–95. Кроме версий о самоубийстве и убийстве третья версия была защищена С.Клычковым, — версия об неудавшейся инсценировке (см. воспоминания В.Ардова в кн.: С.Клычков. Избранная поэзия. УМСА-Press. 1985. С. 172).
- ⁶ С.А.Есенин: Материалы к биографии / Составление, подготовка текстов, комментарии — Н.И.Гусева, С.И.Субботин, С.В.Шумихин. М. 1992. 448 с. (тексты, опубликованные в этом сборнике бросают свет, в

особенности, на отношения между Есениным и ВЧК-ОГПУ, Есениным и Троцким, на вопрос об антисемитизме, и т.д.). См. также: Как жил Есенин: мемуарная проза / Издание, послесловие и комментарии А.Л.Казакова. Челябинск. 1992. 384 с.

7 Русское зарубежье о Есенине. Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи. В двух томах / Вступительная статья, составление и комментарии Н.И.Шубниковой-Гусевой. М. 1993.

8 Это издание (главный редактор — Ю.Л.Прокушев) призвано решить важные проблемы текстологии и датировки. См.: *Субботин С.И.* О подготовке собрания сочинений С.А.Есенина // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 330–333; *Кошечкин С.* Правда и домыслы о творчестве и судьбе Сергея Есенина: о работе над Полным собранием сочинений С.А.Есенина // Гласность. М., 1993. № 30.

9 “Певущий зов” и “Товариш” — “Клартэ”, № 9, 15 марта 1922 (вступительная статья и переводы перепечатаны в кн. П.Паскаля “*Mon journal de Russie*. T. 3”. *L’Age d’homme*, Lausanne 1982. P. 41–45). См. также: *P.Pascal*. Essÿnine — roÿte de la campagne russe // *Revue des Etudes slaves*. 1961. T. 38. P. 19–36 (статья перепечатана в кн.: *Pascal P.* *Civilisation paysanne en Russie*. Lausanne. 1969. P. 111–137).

10 Издательство “L’Age d’homme” переиздало в 1983 г. под одной обложкой две книжечки 1922 и 1926 г.: *Essÿnine S.* *La Confession d’un voyou, suivi de Pougatcheff*. Traduit du russe par Marie Miloslawsky et Franz Hellens, 106 с. (см. рецензию S.Fauchereau в журн. “La Quinzaine littÿraire” (1–15 марта 1984), озаглавленную “Великий Есенин” (“Essÿnine le Grand”).

11 См. статью В.Сержа (который видел Есенина): *Essÿnine // Esprit du temps*, 1933, № 1. С. 26–34 (и в кн.: *V.Serge*. *Le tournant obscur*. Paris, 1951. P. 73–85).

12 *Laffitte S.* *Essÿnine*. Seghers, Paris, 1959, 220 с. К тому же поэт Рене-Ги Калу (1920–1951) написал в 1949 г. “Оду Сергею Есенину”, а славист Ж.Веренк исследовал стихосложение С.Есенина: *Veurenc J.* *La forme roÿtique de S.Esenin*. The Hague-Paris. 1968. 222 с.

13 *Пастернак Б.* Охранная грамота, часть 3, гл. 11.

14 *Самодолова Е.А.* Символика образов животного мира в “Пугачеве” С.А.Есенина.

15 Стилистический анализ поэмы показал бы также, что атрибуция Есенину сомнительна.

16 Русский вариант статьи опубликован в журн. “Звезда” (1995. № 9. С.124–126).

*Галина Шипулина
Азербайджан*

ЕСЕНИН И АЗЕРБАЙДЖАН. ГОД 1995-Й

Баку, город, с которым неразрывно связаны жизнь и творчество Сергея Есенина, — один из самых любимых городов поэта. Бакинцы тоже всегда с большой любовью и чуткостью относились к великому русскому поэту.

Не был исключением и год 100-летия Сергея Александровича Есенина. Торжественный юбилей стал поводом для новой встречи с любимым поэтом и его поэзией. Самыми разнообразными мероприятиями отметила столица Азербайджана эту славную дату: научная конференция и литературно-музыкальные вечера, публикации в местной прессе и теле- и радиопередачи, конкурсы и встречи с бакинскими поэтами.

1 сентября 1995 года Президент Азербайджанской Республики издал Распоряжение “О проведении 100-летнего юбилея со дня рождения Сергея Есенина”:

“В этом году исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося русского поэта Сергея Есенина. В связи с празднованием юбилея великого мастера **ПОСТАНОВЛЯЮ:**

1. Торжественно отметить в Азербайджанской Республике 100-летний юбилей Сергея Есенина.

2. Для проведения юбилейных мероприятий создать организационный комитет... (из 9 человек, в числе которых: зам. премьер-министра АР, председатель Союза писателей, зав. отделом гуманитарной политики аппарата Президента АР, глава исполнительной власти Баку, министры образования и культуры АР, президент АНАР, академик-секретарь ОЛЯИ АН АР и зам. министра культуры РФ Михаил Швидкой. — Г.Ш.).

3. Поручить Кабинету министров АР решение вопросов, вытекающих из данного распоряжения” (газета “Азербайджан”, 9 сентября 1995 г.).

27 октября 1995 г. Азербайджанский педагогический институт русского языка и литературы им. М.Ф.Ахундова, единственный в СНГ специализированный институт подобного профиля, провел Республиканскую научную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения поэта. Доклады ученых были посвящены жизни и творчеству поэта, его связям с Азербайджаном, переводу произведений Есенина на азербайджанский язык, вы-

разительному чтению его стихотворений. По итогам конференции был опубликован “Тематический сборник научных статей, посвященный 100-летию со дня рождения С.Есенина” (Баку, Мутарджим, 1995, 28 стр.):

Статьи проф. Мамедова “Сергей Есенин в Азербайджане”, доцента Э.Рагимовой “Восприятие С.Есенина в Азербайджане”, проф. С.Турабова “Поэтический мир Есенина” и доцента Г.Шипулиной “Хорошо бродить среди покоя голубой и ласковой страны” освещают разные аспекты пребывания С.Есенина в Азербайджане, в Баку. Здесь хотелось бы выделить статью к.ф.н. С.Мамедова “Еще раз о пребывании С.Есенина в Баку”, в которой со ссылкой на документально-художественную повесть Г.Наджафова “Балаханский май” ставится проблема взаимоотношений С.Есенина с азербайджанским поэтом Алиага Вахидом. Было бы очень важно ввести в научную есениниану новое имя, тем более поэта. Однако этот факт до сих пор остается легендой. В 1996 г. отмечался столетний юбилей Вахида, однако о его знакомстве с Есениным не упоминалось.

Статьи проф. Р.Новрузова “Поэзия С.Есенина в переводах А.Кюрчайлы” и доцента Г.Оруджева “Два перевода одного стихотворения (С.Есенин. Собаке Качалова — так в тексте.— Г.Ш.)” посвящены лучшим переводам стихотворений С.Есенина на азербайджанский язык. Во второй статье перевод А.Кюрчайлы сопоставляется с переводом известного азербайджанского поэта и переводчика С.Мамедзаде.

В статье доцента З.Велиевой “Жили ...чудаки на свете” речь идет о “движении цветового сюжета” и “обонятельных” метафорах С.Есенина.

Статья А.Тагиевой “Выразительное чтение лирики С.Есенина в педвузе” носит методический характер.

Все газеты Азербайджана, выходящие на русском языке, регулярно помещали материалы, связанные с юбилеем: 11 статей было посвящено жизни и творчеству С.Есенина, в пяти заметках читателей информировали о проведенных есенинских вечерах, публиковались стихотворения С.Есенина, связанные с Азербайджаном, и стихотворения бакинских авторов, посвященные поэту.

Во всех статьях основное внимание уделялось пребыванию С.Есенина в Баку. Хотелось бы обратить внимание на две статьи, напечатанные в газете “Вышка” 20 мая (“Дом, в котором бывал поэт”) и “Азербайджан” 30 сентября (“Здесь когда-то бывал Есенин”). В них идет рассказ об одном малоизвестном приятеле С.Есенина — Федоре Семеновиче Непряхине и его квартире в доме № 11 по ул. Горького, где, по крайней мере, дважды побывал С.Есенин. Обнаружение этого адреса, введение в есениниану

еще одного имени человека, знавшего Есенина, хотя и не оставившего своих воспоминаний о встречах с поэтом, — на наш взгляд, важная заслуга бакинских есенинцев.

В статье “Прощай, Баку” (“Вестник”, 26 мая) рассказана история создания стихотворения, которому накануне, 25.V, исполнилось 70 лет, и вновь привлечено внимание к В.И.Болдовкину, которому оно посвящено.

В Баку жив человек, который, по его словам, встречался с С.Есениным в Баку в 1924–25 гг. Его воспоминания “Большое видится на расстоянии” помещены в газете “Гюнай” 7 октября. На наш взгляд, к ним следует отнестись с большой осторожностью: человек, который в течение 70 лет не вспоминал о своих встречах с крупнейшим поэтом XX века, а потом не смог вспомнить ничего, кроме пьяных застолий, вряд ли заслуживает доверия.

В этом же номере газеты “Гюнай” от 7 октября помещена первая публикация о творчестве азербайджанских композиторов, писавших на стихи С.Есенина — о первых музыкальных опытах бакинской студентки Елены Юкель, песни которой слышал сам Есенин, о вокальном четырехчастном цикле М.Мирзоева “Персидские мотивы”, о балете Т.Бакиханова “Восточная поэма”.

Важнейшим событием в культурной жизни Баку, связанной с юбилеем, стал Республиканский конкурс, проводившийся по семи номинациям. Ему предшествовали конкурсы в школах и пединститутах русского языка и литературы.

Председатель жюри Республиканского конкурса Анар Рзаев (председатель Союза писателей Азербайджана), открывая третий, заключительный тур конкурса, рассказал о значении С.Есенина не только для русской поэзии, но и для всех наций, входивших когда-то в СССР, о важности проведения подобного конкурса. Затем председатели предметных жюри оглашали итоги конкурса по своим номинациям, и победители исполняли произведения С.Есенина и собственные произведения, посвященные поэту.

Конкурс проходил по следующим номинациям: на лучшее чтение произведений С.Есенина; на лучшее исполнение песен и романсов на стихи поэта; на лучшее стихотворение, посвященное Есенину; на лучший перевод его произведений на азербайджанский язык; на лучшее музыкальное произведение на стихи С.Есенина и два конкурса (детский и взрослый) на лучшее произведение изобразительного искусства на есенинскую тему.

Все произведения изобразительного искусства были представлены в фойе и в зале и прекрасно дополнили организованную Музеем им.Низами выставку к 100-летию С.Есенина.

Конкурс, как и большинство мероприятий, посвященных юбилею Есенина, был организован Центром культуры славян

Азербайджана, Московской Международной организацией ЦКСА, Союзом писателей республики и Музеем азербайджанской литературы им. Низами.

По итогам Республиканского конкурса было принято решение издать сборник, посвященный С. Есенину, и включить в него стихотворения победителей и дипломантов конкурса, а также лучшие переводы его стихотворений на азербайджанский язык. ЦКСА подготовил к изданию сборник "Здесь о тебе сказали: наш". Он состоит из следующих разделов: Стихи С. Есенина о Баку; Бакинские поэты о Сергее Есенине; Гости Баку о Сергее Есенине; Стихи победителей конкурса, посвященного 100-летию со дня рождения С. Есенина; Лучшие переводы произведений С. Есенина на азербайджанский язык.

Наибольший резонанс в Баку получили 12 литературно-музыкальных вечеров, посвященных С. Есенину и подготовленных ЦКСА и ММО ЦКСА совместно с другими организациями.

Два вечера — "С. Есенин и Баку" (27.I.95) и "Самодетельные поэты о Сергее Есенине" (3.X) — состоялись в доме 11 по ул. Горького, в бывшей квартире Ф.С. Непряхина, где бывал поэт. Там была создана своеобразная Литературная гостиная, в которой часто собираются молодые бакинские поэты и, как во времена Ф.С. Непряхина, читают свои стихи. Напротив этого дома когда-то был кабачок Сандро, в котором тоже бывал С. Есенин. У нас была идея создать там литературное кафе "У Есенина", но ее, к сожалению, не удалось осуществить.

Литературные вечера, посвященные юбилею, прошли в АПИ русского языка и литературы (18.IX), в Музее азербайджанской литературы (4.IV), в Городской библиотеке (7.X).

Были проведены и тематические вечера: "Сергей Есенин. Поэт и человек" (2.XI. Союз писателей), "Сергей Есенин. Жизнь и творчество" (Дом офицеров флота, 9.X), "Любимые женщины Есенина" (5.IX, Союз театральных деятелей).

На этом вечере три исполнительницы последовательно, в хронологическом порядке рассказали об 11 женщинах, с которыми судьба свела поэта.

Очень интересным оказался и для исполнителей, и для слушателей вечер "Сергей Есенин о Сергее Есенине" (20.IX, Союз писателей). Здесь жизнь и творчество поэта были переданы через его поэзию. Идеей вечера заинтересовался американский есениновед Эдуард Штейн, передавший по одной из программ американского радио поэтическую часть этой композиции, которую слушали в США около 300 тысяч человек. А во вступлении он сказал: "Стало настолько очевидно, что лучше о Сергее Есенине, чем он сам, никто не рассказал, что именно его стихи — это неповторимый венок поэту. Даже сокращенный вариант компози-

ции не укладывается в отпущенное мне эфирное время, поэтому с болью в сердце я вынужден страшными редакторскими ножницами срезать блистательные есенинские строфы” (4.XII.95 г.).

Вечер “Тайна смерти Есенина” состоялся 26.XII в Национальной библиотеке им. М.Ф.Ахундова. Подбор стихотворений самого поэта, его современников и поэтов второй половины XX века, архивные материалы и воспоминания друзей и близких Есенина убедили аудиторию в том, что смерть его была самоубийством, попыткой поэта освободиться от кошмара окружавшей его действительности.

Там же 26 ноября состоялся вечер “Бакинские поэты о Сергее Есенине”, в котором приняли участие и профессиональные и самодеятельные азербайджанские поэты, прочитавшие свои посвящения С.Есенину.

Завершился цикл есенинских вечеров большим Правительственным вечером в Театре песни им. Р.Бейбутова, на котором присутствовало все руководство Азербайджана во главе с Президентом Г.А.Алиевым и дипломатический корпус, аккредитованный в Азербайджане.

Вечер был построен как своеобразный музыкально-поэтический гимн поэту: стихи азербайджанских и русских поэтов, посвященные Есенину, переплетались со стихами самого поэта, с романсами и песнями на его стихи. На сцене стоял огромный букет желто-красных кленовых листьев, привезенный из Константинова.

Азербайджанское Телевидение оперативно сообщало обо всех проводимых есенинских мероприятиях: как правило, в информационных программах на азербайджанском и русском языках давались анонсы о предстоящих вечерах, а потом транслировались отдельные части этих вечеров. Программа “Мир” не только передавала на Центральное телевидение информацию обо всех вечерах, но и подготовила специальную получасовую передачу о бакинском Музее С.Есенина по адресу: ул. Сабаил, д. 56, кв. 22, показанную по Центральному телевидению 4.X.95 г.

Часовая передача по Азербайджанскому телевидению 19.I.1996 г. была подготовлена на основе Правительственного вечера, состоявшегося 23.XII.95. В передачу были включены фотоматериалы 20-х годов, кадры открытия Музея Есенина в Мардакянах, есенинских праздников поэзии, которые более двух десятилетий проводились в Баку и Мардакянах.

Международная редакция Азербайджанского радио “Голос Азербайджана” (на русском языке) в течение трех вечеров 7, 8, 9.XI.95 г. по 15 мин. передавала рассказ о литературно-музыкальном вечере “Любимые женщины Есенина”, а 30.XII вновь рассказала о любви великого русского поэта и американской танцовщицы А.Дункан.

Юбилейные торжества завершились в конце 1995 г., но интерес бакинцев к Есенину, к его поэзии не угас. Идя навстречу настоятельным просьбам бакинцев, ЦКСА и ММО ЦКСА вновь решили вернуться к поэзии С.Есенина и 27.IX.1997 г. состоялся вечер, посвященный 102-й годовщине со дня рождения С.А.Есенина и 850-летию Москвы, на тему: “Стихи мои, спокойно расскажите про жизнь мою”.

Тема вечера была подсказана одним из наиболее удачных вечеров 1995 г. (“Сергей Есенин о Сергее Есенине”) и является ее продолжением и развитием. 400-сотместный зал Бакинской музыкальной академии им. Уз.Гаджибекова был почти полон, хотя в этот день в городе состоялись концерты старинного русского романса, авторские песни и вечер КВН. Весь вечер звучали грустные и напевные стихи С.Есенина и песни и романсы на его стихи. Посол Российской Федерации А.В.Блохин, благодаря участников в конце вечера, сказал, что уже 14 раз авторы находят все новые слова и музыкальные краски, чтобы рассказать о любимом поэте. Много лет Есенина нет с нами, но он продолжает служить добруму делу: его лирика помогает двум народам — русскому и азербайджанскому — находить что-то общее, ведь именно любовь к поэзии Сергея Есенина собрала в зале людей разных национальностей. И собрал всех человек, который принадлежит всем нам — великий русский поэт Сергей Александрович Есенин.

Ю.А. Паркаев

1. “КТО-НИБУДЬ В ТЕТРАДЬ ЗАГЛЯНЕТ...”

Стихотворение Сергея Есенина “Край любимый! Сердцу снятся...” было, как известно, впервые опубликовано в петроградской газете “Биржевые ведомости”, в номере от 25 декабря 1915 г. В научном комментарии А.А.Козловского к I тому академического собрания сочинений указывается, что было известно два полных автографа стихотворения: одно — из собрания М.Мурашева (находится в Гослитмузее), второй автограф — по свидетельству редактора первого собрания сочинений поэта, был вписан в альбом, принадлежавший во время выхода четырёхтомника И.В.Репину. Евдокимов, изучивший автограф, внёс разночтения первых двух строк первой строфы в комментарий, не указав при этом авторской датировки. Это отмечено в комментарии последнего собрания сочинений поэта: “Был ли он датирован — не указано”, — свидетельствует Козловский, добавляя: “Местонахождение автографа в настоящее время неизвестно”. В связи с этим стихотворение датируется по помете в наборном экземпляре 1914 годом.

В альбоме И.В.Репина, хранящемся в РГАЛИ, есть несколько автографов С.Есенина, но стихотворения “Край любимый...” среди них нет. Стало быть, речь идёт о каком-то другом альбоме, который владелиц вёл в это же время? Начались долгие поиски, подтвердившие в конце концов старую поговорку, что на ловца и зверь бежит! Кроме вышеназванного стихотворения в альбоме оказались автографы ещё двух стихотворений Сергея Есенина: “Корова” и “Задымился вечер. Дремлет кот на брусѣ”. Все три стихотворения имеют датировку, а первое — даже неучтѣнное в 1926 году Евдокимовым разночтение. Вот как выглядит первая строфа:

Край родной, тропарь из святцев
С криком сов неугомонных.
Я хотел бы затеряться
Меж полей твоих стозвонных.

(Сравни: “В зелѣнях твоих”)

Записи Есенина в альбоме Репина производились в период его коротких наездов в Москву, между поездками в Константиново и Петроград, с мая 1915 по конец июня 1916 г. — в период активного вхождения поэта в литературу. Датировки позволяют

определить время его пребывания в Москве, дополняя весьма неполную и неточную хронику жизни и творчества великого поэта.

Стихотворение “Задымился вечер...” датировано 1 мая 1915 г. Оно вписано чёрными чернилами в последней части альбома. Два других стихотворения (тоже чёрными чернилами) вписаны в середине альбома на соседних страницах, но их разъединяет почти год. Стихотворение “Край родной...” датировано 1 октября 1915 г., стихотворение “Корова” — 28 июня 1916 г. Это даты написания их в альбом, а сами стихотворения были написаны раньше: в рукописях нет помарок.

Несколько слов о самом альбоме.

Внешне он весьма эффектен: цельнокожаный чёрный переплёт, богатый форзац, золотой обрез. В нём 260 страниц, пронумерованных владельцем. Самые ранние записи сделаны в январе 1913 г., самая поздняя — в августе 1936. Хронология не соблюдена: авторы писали там, где считали нужным. Среди забытых и полузабытых имён часто мелькают имена Спиридона Дрожжина, Сергея Кашкарова, Новикова-Прибоя, Николая Мешкова, Фёдора Шкулёва, Гусева-Оренбургского, Ивана Морозова, Георгия Устинова. Есть любопытная запись, сделанная Борисом Пильняком. Некоторые записи интересны тем, что носят характер декларации или застольного диспута о путях литературы. Многие записи полны дружеских чувств к хозяину дома. Среди участников товарищеских встреч значительное число суриковцев.

Альбом представляет несомненный интерес как памятник истории и культуры. Сам владелец альбома Иван Васильевич Репин, мелкий московский купец, жил в районе Таганской площади на улице с названием Дурная, в доме, где находилась и его лавка. Продукция, которой он торговал, была проста: куры и яйца. Но не прост был хозяин: на огонёк его квартиры слетались в начале века многие демократически настроенные литераторы. Иван Васильевич и сам пописывал стихи, которые не уступали произведениям суриковцев. На страницах альбома сохранилось немало его поэтических опытов. Один из них и открывает альбом 1 января 1913 года — пророческой записью, адресованной друзьям:

Смех, веселье, горе, слёзы,
Песни, шутки, думы, грёзы,—
Всё пишите мне в тетрадь.
Будет время,— нас не станет,
Кто-нибудь в тетрадь заглянет
И в душе своей вспомянет
Нашу пишущую рать.

Помянем и мы добрым словом забытого стихотворца, собиравшего в своём доме поэтов и писателей, и просто любителей литературы, человека, сохранившего в своём альбоме бесценные строки молодого, ещё только начинающего свой путь поэта, чьё звонкое имя — Сергей Есенин — ныне известно во всех уголках земли!

1997

2. ХРАНИЛОСЬ У ГРИШИ ПАНФИЛОВА

Это имя хорошо известно всем исследователям жизни и творчества Сергея Есенина, точнее сказать — его юношеской поры, того весьма мало изученного периода, когда будущий поэт учился в Спас-Клепиковском училище (1909–1912 гг.). Письма этой поры, адресованные Грише Панфилову и сохранившиеся в его архиве, опубликованы и изучены. Как верно заметил В.Вдовин, эти материалы — “ценнейший и зачастую единственный источник, из которого мы узнаём о формировании поэтического дара у молодого Есенина, о его духовных исканиях и эстетических убеждениях...” Кроме писем, представляющих огромный научный интерес, сохранилось стихотворение Есенина, написанное на обороте фотографии — посвящённое “Горячо любящему другу Грише” и недавно опубликованное.

Казалось бы, все материалы, хранившиеся у Гриши Панфилова (он умер в феврале 1914 г.) попали в поле зрения исследователей и давно уже вошли в научный оборот. Тем неожиданнее была информация о том, что некоторая часть материалов хранится в частном собрании и никогда не была опубликована. Надо ли говорить о том потрясении, которое испытывает исследователь, беря в руки никому не ведомые материалы, пожелтевшие листки, исписанные юношеским почерком и пролежавшие в частном архиве более восьмидесяти лет! Вот уж воистину — рукописи не воруют!

Первое стихотворение носит характер дружеского посвящения. Оно так и называется — ДРУГУ.

Сей стих тебе напомнит обо мне,
Когда я буду от тебя далёко.
Я написал его тебе
С слезами и тоской глубокой.

Ты радости дышишь весь,
Ты скоро будешь ведь на воле,
А я останусь опять здесь
Мне в ненавистой этой школе.

Не забывай ты про меня
Среди друзей иного круга.
Во мне таятся для тебя
Искры преданного друга.

Чтобы в глуши я не затих,
Чтоб другом был тебе при этом,
Я написал тебе сей стих,
Хотя и не слышу поэтом.

Есенин

Известно, что Панфилов закончил училище на год раньше Есенина, весной 1911 г. Очевидно, в это время и было написано данное стихотворение с весьма характерным для Есенина-ученика настроением. Достаточно вспомнить его более позднее стихотворение, посвящённое пребыванию в школе:

Душно мне в этих холодных стенах,
Сырость и мрак без просвета.
Плесенью пахнет в печальных углах —
Вот она, доля поэта.

Стихотворение “Другу” не было включено Есениным в цикл “Больные Думы”: поэт посчитал его слабым. Долгие годы оставаясь неизвестным текст стихотворения “Наступление весны”, упомянутого Есениным в одном из писем к Панфилову (июнь 1911) с сообщением о том, что данное произведение уничтожено...

А вот в архиве Панфилова стихотворение сохранилось, и что интересно, оно датировано 1 декабря, т.е. было написано — до 1911 г.!

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

Весна наступает,
Снег быстро тает,
И всё оживает
С приходом ея!
Деревья оделись
Зелёной листвою,
Луг зеленеет,
Покрытый травой.
Поля зазеленели,
Ароматом дыша,
Цветы запестрели,
Птицы прилетели.
Лес оживился
Щебетаньем,
Воздух наполнился
Благоуханием.

На полях стихотворения, справа от автографа — пометка рукой неустановленного лица (весьма возможно, рукой учителя словесности Е.М.Хитрова): “Недостаточно обработаны последние строки. Остальное всё хорошо”.

Начинающий поэт и сам прекрасно понимал, что до “хорошего” ещё далеко, что нужна серьёзная и долгая учёба. Понимал и то, что настоящего наставника в этих казённых стенах ему не найти. Писал Есенин в этот период чрезвычайно много — об этом вспоминают и его учитель, и однокашники. Это были беспомощные опыты, робкие, подражательные, но сквозь словесную немоту уже пробивался слабый, но обнадеживающий свет большого таланта. Чувствующий свою силу молодой поэт безжалостно уничтожал написанное и медленно, но верно шёл вперёд. На этом пути ему верной опорой был ближайший друг и искренний советчик Гриша Панфилов, веривший в талант своего друга до ранней своей могилы.

В связи с находками последних лет (цикл “Больные думы”, стихотворение “Поэт”, наконец, этими стихами, относящимися к раннему периоду творчества поэта), можно поставить под сомнение авторские датировки под рядом несомненных шедевров, помеченных Есениным десятым-двенадцатым годами. Творческий взлёт поэта произошёл значительно позднее, к концу 1914 года.

1997

Н.Г. Юсов

О ДВУХ КНИГАХ ЕСЕНИНА ("Микола" и "Телец")

1. Неизвестная книга Есенина

До недавнего времени было известно 30 авторских прижизненных книг Сергея Есенина. Ещё одна — "Исповедь хулигана" на французском языке в переводе Марии Милославской и Франца Элленса вышла в Париже двумя изданиями (1-е — в сентябре 1922 г., 2-е — в мае 1923 г.).

Имеются также сведения (окончательно не подтверждённые), что в 1923 г. в Токио был издан сборник стихов Есенина на японском языке под названием "Товарищ". Кроме того, поэтом были подготовлены и сданы в Госиздат 3 тома Собрания стихотворений, вышедшие, увы, после его смерти в марте-июне 1926 года.

И вот нечаянная радость — найдена 32-я неизвестная до сих пор книга Есенина. Это отпечатанная отдельным изданием поэма "Микола". Держишь в руках эту редчайшую книжку и не веришь, что она существует. Ведь за столько лет никто и нигде не обмолвился и словом об ней! Вот её описание.

Микола: Поэма Сергея Есенина. М.: Изд. камерного кружка свободного искусства, 1919, июнь, 14, [1] с., 18,5 x 22,5 см (На обл. в вых. данных: С. Есенин. Микола), цена не обозначена, тираж не установлен.

Обложка, рисунки и 5 вклеенных линогравюр — авторские оттиски работы Николая Андриановича Тряскина (1902—1993) с монограммой художника.

Рукописный текст поэмы и рисунки отпечатаны на белой бумаге с помощью стеклографа в графической мастерской 1-х свободных художественных мастерских.

Хотя тираж точно и не установлен, но по дарственной надписи в найденной книжке можно кое-что определенное сказать. Приведём сначала этот инскрипт:

"Константину Бондаренкову экземпляры № 21 автор гравюр.
Ник. Тряскин.

13

19 — 19".

IX

Как видим, было отпечатано более 20 экз. этой книжки...

А, может быть, камерный кружок свободного искусства в Москве выпустил отдельными изданиями и другие произведения Есенина? Ведь и сам поэт делал попытки издать литографским способом свои поэмы в художественных папках, в частности, “Октоих” с иллюстрациями С.Т.Коненкова и “Пантократор” с иллюстрациями Г.Б.Якулова (см. совместное заявление С.Есенина и А.Мариенгофа в Государственное изд-во от 28 декабря 1919 г. в книге “С.А.Есенин: Материалы к биографии. М., 1993, с. 267–268).

Хочется надеяться, что это не последняя находка в есенинском книжном мире, а раритет “Микола” войдёт теперь во все будущие библиографические справочники и указатели.

2. О невышедшем сборнике Есенина “Телец”

Совсем недавно стала доступна современным литературоведам вёрстка невышедшего сборника Сергея Есенина “Телец” (на титул. л. “ЕЛЕЦ”). Книга первая. М.: Гос. изд-во, 1920.

Впервые содержание сборника было описано И.В.Евдокимовым в примечаниях к 4-му тому Собрания стихотворений Сергея Есенина “Стихи и проза”. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. Там на с. 431–432 указывалось: “В вариантах к I–IV тт. сделаны ссылки на три несостоявшиеся издания стихотворений Есенина — “Елец, 1920”, “Ржаные кони, 1921”, “Руссеянь, 1921” <?>, которые нам удалось получить в свёрстанном виде. “Ржаные кони” и “Руссеянь” с последними корректурными исправлениями поэта перед подписью к печати, “Елец” — без этих исправлений. “Руссеянь” доставил А.М.Кожебаткин, бывший владелец издательства “Альциона”, “Ржаные кони” (того же издательства) — поэт В.И.Цветков, “Елец” — С.Б.Борисов, <писатель>. Благодаря внимательности названных лиц к поэзии Есенина, “есенинада” обладает ценными униками, перешедшими ныне <в 1926 году> в “Музей Есенина” при доме Герцена (Москва, Тверской бульвар, 25)”

В музее “Елец” сохранялся до 1929 года, после закрытия музея судьба сборника неизвестна (“Руссеянь”, 1920 и “Ржаные кони”, 1921 хранятся в настоящее время в рукописном отделе ИМЛИ имени А.М.Горького).

Обнаруженный ныне сборник представляет собой свёрстанные печатные страницы (печать нанесена только на одной стороне листа, хотя соблюдена обычная нумерация страниц; всего в книге с оглавлением 188 с.). Вёрстка без каких-либо правок.

Название сборника обозначено на титуле как “Елец. Книга первая” (последнее, кстати, И.В.Евдокимовым не указывалось). Пропущенная в названии сборника буква “Т”, скорей всего,

должна была быть рисованной. Наборная же часть названия была подготовлена в типографии и оттиснута в корректурных листах, а само клише, вероятно, не было готово. Почему в оттиске и появилось усечённое слово “ЕЛЕЦ”.

И. Евдокимов, видимо, не знал, что Есенин в своё время подготовил к печати именно “Телец” и принял усечённое “ЕЛЕЦ” за полное название сборника.

Позднее по примечаниям Евдокимова были попытки реконструировать содержание этого сборника (см., например, “Литературную хронику” В. Белоусова, часть I. М., 1969, с. 279–281). Однако из-за отсутствия самого подлинника (вёрстки) научного описания его не было до сих пор. И только сейчас это представляется возможным.

Сборник “Телец” состоит из 7 разделов лирических стихотворений и 10 поэм. Перечислим разделы и их состав: “**Радуница**” (“Пойду в скуфейке, светлый инок...” <“Пойду в скуфье смиренным иноком...”>; “Шел Господь пытаться людей в любви...”; “Тихо в чаше можжевеля по обрыву...” (Осень), посв.: “Р. В. Иванову”; “Не ветры осыпают пуши...”; В хате; “Гой ты, Русь, моя родная...”; “Я пастух, мои палаты...”; “Чую радуницу Божью...”). “**Русь**” (“Край родной! Поля как святцы...” <“Край любимый! Сердцу снятся...”>; “Сторона ль моя, сторонка...”; “По дороге идут богомолки...”; “Заглушила засуха засевок...”; “На лазоревые ткани...”; “По селу тропинкой кривенькой...”; Песня о собаке <Песнь о собаке>; “Край ты мой заброшенный...”; “Чёрная, потом пропахшая выть...”, “Топаи да болота...”; “Сохнет стаявшая глина...”).

“**Голубень**” (“За тёмной прядью перелесниц...”; “В том краю, где жёлтая крапива...”; “Я снова здесь, в семье родной...”; “Не бродить, не мять в кустах багряных...”; “О красном вечере задумалась дорога...”; “Ночь и поле, и крик петухов...”; “О край дождей и непогоды...”).

“**Под отчим кровом**” (Голубень; “Жёлтый лист звезды в затоне...” <“Колокольчик среброзвонный...”>; “Запели тёсаные дроги...”; “Не напрасно дули ветры...”; Корова; “Под красным вязом крыльцо и двор...”; Табун; “О товарищах веселых...”; “Весна на радость не похожа...”; “Алый мрак в небесной черни...”).

“**Златой посев**” (“Устал я жить в родном краю...”; “Прощай, родная пуша...”; “Покраснела рябина...”; “Твой глас незримый, как дым в избе...”; “В лунном кружеве украдкой...”; “То не тучи бродят за овином...”; “Тучи с ожерёба...”; Лисица, посв.: “А. М. Ремизову”; “О Русь, взмахни крылами...”; “Гляну в поле, гляну в небо...”; “Там, где вечно дремлет тайна...”).

“**Предчувствие**” (“Вот она, вот голубица...” (3-я глава из поэмы “Иорданская голубица”); “Разбуди меня завтра рано...”);

“Земля моя, золотая!” (1-я главка из поэмы “Иорданская голубица”); “О Матерь Божья...”; “Где ты, где ты, отчий дом...”; “О новый, новый, новый...” (5-я главка из поэмы “Иорданская голубица”); “О верю, верю, счастье есть!”; “Душа грустит о небесах...”; “О Боже, Боже, эта глубь...”).

“Вечер с метелкой” (“Братья мои, люди, люди!”) (4-я главка из поэмы “Иорданская голубица”); “Нивы сжаты, рощи голы...”; “Зелёная причёска...”, посв.: Л.И.Кашиной; “Серебристая дорога...”; “Отвори мне, страж заоблачный...”; “О пашни, пашни, пашни...”; “Проплясал, проплакал дождь весенний...”; “Закружилась листва золотая...”; “Хорошо под осеннюю свежесть...”; “Ветры ветры, о снежные ветры...”; “Я по первому снегу бреду...”; “Вот оно, глупое счастье...”; “Песни, песни, о чём вы кричите?”; “О муза, друг мой зыбкий...”).

Поэмы: Марфа Посадница; Русь; Никола; Ус; Октоих, с эпигр.: “Гласом моим пожру Тя, Господи. Ц.О.; Пантократор; Преображение, с посв.: “Р.В. Иванову”; Пришествие, с посв.: “Андрею Белому”; Инония, с посв.: “Пророку Иеремии”; Отчарь. Причём, к каждой поэме сделан свой шмуцтитул — раздел по названию поэмы. Под стихотворениями даты не проставлены, даты стоят только под двумя поэмами — “Марфой Посадницей” и “Отчарем”.

Состав сборника вызывает несомненный интерес, тем более, что приводимое Евдокимовым содержание несколько отличается от имеющегося оригинала. Так, на с. 5 Евдокимов указывает стихотворение “Задымился вечер, дремлет кот на брус...” , а в оригинале — “Пойду в скуфейке, светлый инок...” (один из первоначальных вариантов стихотворения “Пойду в скуфье смиренным иноком...”). Кроме того, Евдокимов указал, что поэма “Иорданская голубица” (“Земля моя золотая...”) располагается на с. 75, хотя и уточнил: “В Ельце <Тельце> напечатаны части: первая, третья, четвертая и пятая”. На самом же деле 4 главки поэмы напечатаны отдельно в разных разделах сборника вместе с другими лирическими стихотворениями и не объединены общим названием: 1-я главка на с. 77, 3-я — на с. 75, 4-я — на с. 87, 5-я — на с. 80.

А теперь немного об истории печатания сборника “Телец”, хотя она до конца ещё не прояснена. Имеются сведения, что сборник поступил в Госиздат РСФСР ещё в 1919 году — среди списка книг, издание которых было приостановлено в октябре 1919 года, значится: “С.Есенин. Телец. Стихотворения” (ГАРФ). В этом же архиве сохранился и титульный лист: “Телец. Книга первая”. М.: Госиздат, 1920”.

Возможно, Есенин, узнав о приостановке печатания сборника в Госиздате, пытался издать “Телец” в книгоиздательстве “Имажинисты”— см. рекламное объявление в сборнике “Пла-

вильня слов". М., 1920 (фактически вышел до 9 декабря 1919 года), где читаем: "С.Есенин. Телец (том первый)". Сохранилось 5 листов с рисунками художника Н.Р.Эрдмана для сборника "Телец", в том числе и рисованная обложка (ГЛМ. Отдел изобразительных фондов XX века). Рисунки, по всей вероятности, и предназначались для этого имажинистского издания.

Спустя несколько месяцев, Есенин делает ещё одну попытку выпустить "Тельца" уже в авторском издании под маркой «Злак» (см. его заявление в Отдел печати Моссовета Н.С.Ангарскому до 18 февраля 1920 года, машинописная копия — ГАРФ). В заявлении поэт определяет объём и тираж сборника: "«Телец». 12 печатных листов. 5000 экз." и в примечаниях сообщает: "Издание «Тельца» является необходимым для автора, как первый том, где будет выяснен подсчёт его силы за 5-летнюю литературную работу". Однако оба эти издания не состоялись. Тем не менее сборник в Госиздате был всё-таки доведён к ноябрю 1920 года до вёрстки. В том же месяце он был отправлен Г.Ф.Устинову на рецензию. Отзыв был не положительный, и Есенина 12 декабря 1920 года пригласили в Госиздат "для переговоров". Переговоры, по-видимому, не дали результатов, и 24 декабря 1920 года распорядительная комиссия Госиздата РСФСР окончательно отклонила выпуск книги "Телец"...

В заключение хочется надеяться, что это не последняя находка из задуманных и подготовленных к печати сборников Есенина. Ждёт ещё своего часа "Голубень" (1917) — ведь достоверно известно, что были сделаны корректурные оттиски страниц этого сборника, и их, в частности, держала в руках сестра поэта Е.А.Есенина. Интерес к нему подогревается ещё и тем, что он связан по кое-каким данным с именем последней российской императрицы Александры Феодоровны. Надо искать и рукопись сборника "Звёздное стойло", сданную Есениным в Государственное издательство РСФСР летом 1919 года и взятую им самим назад через некоторое время, а также другие есенинские раритеты.

В. О. Осипов

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН — ВСЕГДА ОБЖИГАЮЩАЯ БИОГРАФИЯ

(Поэт и романист. <Шолохов>.

Объективная книга <“Смерть Есенина...”>)

Сергей Есенин и Михаил Шолохов — трудно предложить, что их могло бы что-нибудь объединять уже хотя бы потому, что в сущности жили и творили в разные времена, и это несовпадение — политическая пропасть. Есенин лишь начинал познавать реалии творчества в советской системе — Шолохов сполна пережил все это, скончавшись за год до начала провозглашения перестройки.

И все-таки намечу узелки совпадений. Это будут факты сугубо биографического свойства, ибо не место в выступлении на Круглом столе пытаться пространно теоретизировать, чтобы искать возможную, к примеру, эпическую общность или начать развивать, скажем, тему “Творцы: крестьянство — революция — обретение — драма”.

Итак, факт первый (и пока еще малоизвестный): рязанский. Корни Шолоховых из Рязанской области, из Зарайска. Здесь начинал купечествовать дед будущего нобелевца, впоследствии перебравшийся в станицу Вешенскую. Нетрудно догадаться: почему писатель не очень-то распространялся о своей купеческой родословной и в годы рапповщины, и в пору раскулачивания, и в годину ежовщины и бериевщины. Его и без того обвиняли в правах уклонах и приклеивали ярлыки врага народа.

Факт второй. В архиве ЦК обнаружил письмо, на котором подпись вешенца, с просьбой обеспечить вступление в право есенинского наследия сестрам поэта. Напомню: эта мера давала бы возможность получать некоторую долю гонорара; ранее все доходы отходили государству.

Факт третий. Мне он достался из свидетельства Ю.Л.Прокушева. Оказывается, академик Шолохов дал согласие стать главным редактором задуманного академического собрания сочинений Есенина. И не явил себя “свадебным генералом”. Он много раз встречался с теми, кто решил встать у истоков инициативы. Как известно, идею академического издания 25 лет тому назад

свершить не удалось. Но согласие классика подхватить, возглавить и “пробивать” инициативу сыграло свою вполне понятную роль в вызревании есенинской издательской программы.

И еще мысль — эмоциональная. Судьбы двух великих сынов России сходны тем, что оба пережили вмешательство политиканов-конъюнктурщиков. Надо ли напоминать, сколько грязи лилось на Есенина. И надо ли забывать, как после смерти Шолохова начали, очерняя, сбрасывать автора “Тихого Дона” с корабля современности. Замечу: сколь клеветнически, столь же и ретиво.

Вот тут-то и перейду ко второму пласту своих размышлений — хочу поделиться отношением к книге “Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии” (М.: Наследие, 1996, 414 стр.: илл. Составители: Ю.Прокушев, М.Стахова).

Напомню, что существуют две версии кончины Есенина: самоубийство и убийство.

В сообщении “От редакции” заявлено: “Сборник включает все документы, имеющие отношение к гибели С.А.Есенина, выявленные на сегодняшний день и рассмотренные комиссией”.

Свидетельство это, как убедился, вполне обоснованно. В книге два раздела: “Материалы и документы комиссии...” и “Точка зрения”. Сердцевина первого — официальные запросы с четко сформулированными с учетом наличия двух именно версий во многие официальные, как нынче принято выражаться, инстанции, и ответы, столь же официальные и конкретные. (Перечислю некоторые госучреждения, что участвовали в работе комиссии: специалисты Министерств юстиции, Внутренних дел, Здравоохранения, Армии, Генпрокуратуры и т.д.). Во втором разделе — мнения и литераторов, и ученых-есениноведов, и журналистов, и специалистов-медиков, а также обзоры прессы и стенограммы. Отмечу наиважную деталь структуры книги — Приложение, в коем выделяется рубрика “Родственники и близкие о смерти С.А.Есенина и о возможности эксгумации останков поэта”.

ГАРАНТИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ. Взял в руки объемный том с внутренним предубеждением: составители будут навязывать свою — и только свою — точку зрения. Приучен не только опытом прошлого, но и, к сожалению, нередкими трудами нынешних политконъюнктурщиков. Опаска оказалась напрасной...

Сборник составлен так, что являет открытое ристалище для схваток противоположных мнений. Истинный плюрализм! Это обеспечено и разделом “Отклики на пресс-конференцию по итогам работы комиссии...” (с 11-ю статьями), и оповещением о различных взглядах в разделе “Обзоры”, и тремя исследованиями в разделе “Взгляд на проблему судебных медиков и криминалистов”. Замечу и выделю: право на свободу мнений гарантиро-

вано не просто краткими цитатами. Идут перепечатки — полные! Например, обнародована острая статья “Поэт себя не убивал. Протест против заключения комиссии по расследованию обстоятельств гибели С.А.Есенина”. И еще характерное достоинство книги — она прочно документализирована. Вот впервые полностью обнародовано — репринтно! — “Дело Есенина 1926 года”. Вот наборы фотографий, весьма важных для поиска истины. Вот самые разные таблицы...

Выходит, что составители добротнo позаботились о читателе и дали ему обоснованную возможность самому выбирать одну из версий.

ВЫВОДЫ. Нетрудно догадаться: не будь инициативы и исследования тайны смерти и подготовки книги истинными учеными, как легко было им соблазниться плыть по ветру сейчас модной политической конъюнктуры — ЧК погубитель!

Вывод иной — самоубийство. Чем доказывает это Юрий Прокушев, идеолог исследований (стоит напомнить: он стал верным пропагандистом творчества Есенина еще тогда, когда сие было сугубо запретным делом)? Читаю: “Естествен вопрос: есть ли в просмотренных и изученных комиссией материалах, в том числе и мной лично, новые документальные данные, свидетельствующие о насильственной смерти Есенина? Со всей ответственностью хочу сказать: на сегодня таких прямых, неопровержимых данных нет, как нет их и в публикациях об убийстве поэта”.

КТО ФОРМИРОВАЛ ВЕРСИЮ О САМОУБИЙСТВЕ? Видимо, тех кто еще не читал книгу, необходимо ознакомить хотя бы с некоторыми доводами, на которые опиралась комиссия:

— Профессор по кафедре судебной медицины, доктор наук Б.Свадковский: “Опубликованные ныне “версии” об убийстве поэта с последующей инсценировкой повешения, несмотря на отдельные разночтения, с судебно-медицинской точки зрения являются вульгарным, некомпетентным толкованием специальных сведений, порой фальсифицирующим результаты экспертизы...”

— Начальник управления по надзору за следствием и дознанием Генпрокуратуры РФ В.Титов: “Каких-либо объективных доказательств, подтверждающих версию об убийстве С.А.Есенина, не установлено...”

— Дочь поэта, Т.С.Есенина: “Главным документом, подтверждающим, что произошло именно убийство, считается одна из фотографий Есенина в гробу... На лбу у покойного большое темное пятно, которое и воспринимают как след от удара, разбившего череп. Склоняясь над гробом вместе с матерью, я не видела следов ранения, лоб был чистый. Никогда не слышала, чтобы взрослые их видели...”

Нелегко шла комиссия к поддержке версии о самоубийстве. Подтверждение этому нахожу в свидетельствах ее председателя Ю.Л.Прокушева: “Первая самая главная задача, которая стояла перед членами нашей комиссии, — подвергнуть все документы и материалы экспертизе, убедиться в их подлинности, исследовать их, а также дать оценку “версиям” с точки зрения судебной медицины и криминалистики. Во-вторых, экспертизе были подвергнуты документы и материалы дознания по факту самоубийства Есенина. Тут нас прежде всего интересовал вопрос, были ли в свое время законные основания для принятия судебными органами известного “Постановления о прекращении дознания по делу о самоубийстве Есенина” от 23 января 1926 года. Ведь авторы “версий” опровергали правомерность такого решения. И, в-третьих, важно было, если угодно, разобраться в морально-психологической обстановке, окружавшей Сергея Александровича в последние годы жизни. Что я имею в виду? Прежде всего — сделать научный анализ произведений и писем Есенина, воспоминаний родных и близких, друзей и знакомых. Особенно нас интересовали их встречи в последние месяцы и дни его жизни. Ведь решение о самоубийстве не приходит в одну минуту, и зарождение такого замысла определенным образом окрашивает психологический портрет личности...”

ДВАЖДЫ УБИЙСТВО. Убедила ли книга присягнуть на верность версии о самоубийстве? Меня — да!

Но не в безвоздушном пространстве отклонена версия о “руке ЧК”. Как же сложны и биография великого — и много-страдального — Поэта, и история культуры великой — и много-страдальной — страны. Принципиальны в связи с этим утверждения Ю.Л.Прокушева: “Завершая разговор о гибели поэта, хочу сказать, что для меня со временем становится все более очевидной та истина, что Есенин был убит дважды. Да! Дважды! Поэта довели до петли, до самоубийства или действительно убили — если это будет в конце концов установлено документально и неопровержимо — преднамеренно... Второй раз Сергея Есенина убили уже после смерти — убили на десятилетия его поэзию, убтаясь кощунственно оторвать поэта от народа. Есенин, по сути дела, на четверть века был официально, на государственном уровне исключен из духовной жизни народа”.

КОЕ-ЧТО О БУЛЬДОЗЕРИСТАХ. Галерея портретов великих соотечественников... Как же нуждается едва ли не каждый из них в реставраторах-профессионалах: здесь от бывшего партагит-пропа белые пятна, там — черные нашлепки, тут хитроумная — не сразу и разглядеть — подмалевка на искажение... И неотвратимо веление времени восстановления правды.

К образу Есенина, к реставрации-восстановлению самой последней страницы его жизни, как убедился по книге, прикосну-

лись подлинными профессионалы. С тонкими кистями — не клякнуться бы. С острыми лезвиями — не соскреbnуть бы лишку. И верные научной этике тщательно отработывали научное задание со всеми заинтересованными коллегами, даже с оппонентами.

Как же поучителен сей пример!

Радищев, Чернышевский, Кибальчич... Я нашел эти имена — два писателя и ученый — в анафеме одного наисреднего писателя, что была обнародована в наиавторитетной газете в 1992 году. Прочтем же полностью: “Если к интеллигенции относятся (далее шли три уже приведенных творца, а также три политика, в т.ч. братья Ульяновы.— В.О.), то я к интеллигенции себя не отношу. Это ниже моего достоинства” (“Кн. обозрение”, 1992, № 46). Вот так вот — без никаких аргументов и комментариев в явном расчете на тех, кто привык мыслить по-рапповски, по-большевистски. Забыл сей автор, что Н.Бердяев причислил Радищева к самым первым интеллигентам. Если бы только эти три творца пугали примитивно мыслящего современного культуртрегера-конъюнктурщика. Могу напомнить, кто еще приговорен либо к замалчиванию, либо только к критике и поношениям. Итак, часто ли мы видим в средствах массовой (подчеркиваю — массовой!) информации (подчеркиваю — информации!) такие имена, как Рылеев... Белинский, Добролюбов... Некрасов, Шедрин... Горький... Серафимович, Фурманов, Эренбург, Фадеев, Ник. Островский... Исаковский, Смеляков, Симонов... Твардовский... Шолохов... В залы с портретами этих творцов — впрочем и многих других — доступ для массового посетителя — читателя и зрителя ТВ — прекращен. Будто вывешена табличка: “Вход запрещен — идет реставрация!” Но что-то вместо сосредоточенной тишины оттуда — грохот. То, опережая людей в белых халатах, в залы ринулись бульдозеристы с тупыми, но мощными скребками наперевес. В оглушительном шуме политической подгазовки они исполняют наряд-задание на нивелировку истории литературы, а то, что мешает упрощенной социологизированной схеме, — в отвалы, в отвалы либо очернения, либо замалчивания...

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН В ПЕТРОГРАДЕ-ЛЕНИНГРАДЕ: ХРОНОЛОГИЯ И АДРЕСА (1914–1925)

1914

15 мая (здесь и далее даты по ст. ст.) В газете “Путь Правды” (адрес редакции: Ивановская ул., 11, кв. 8) опубликовано стихотворение Сергея Есенина “Кузнец” (“Душно в кузнице угрюмой...”) Это первая публикация С.Есенина в Петрограде.

1915 год

9 марта Впервые приехал в Петроград на Николаевский (Московский) вокзал (Знаменская пл., 2). Ныне пл. Восстания.

Зашел в Книжную лавку писателей (Невский пр., 66).

Побывал в редакции журнала “Огонёк” (Галерная, 40).

Пришел к А.А.Блоку на Офицерскую (Декабристов) ул., д. 57, кв. 21. Читал стихи. Блок подарил ему книгу своих стихов с дарственной надписью и дал рекомендательные письма к М.П.Мурашеву и С.М.Городецкому.

Пришел к Мурашеву (Театральная пл., 2, кв. 23).

11 марта Встретился с С.Городецким и остался у него жить (Малая Посадская ул., 14, кв. 8).

12 марта С рекомендательным письмом Городецкого побывал у В.С.Миролубова в редакции “Ежемесячного журнала” (Серпуховская ул. д. 40). Передал для публикации поэму “Галки”.

14 марта Читал стихи в салоне у Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус (Сергиевская ул., 83, кв. 17), ныне ул. Чайковского, познакомился там с Д.В.Философовым.

26 марта Познакомился с Рюриком Ивневым, который подарил поэту стихотворение “Я тусклый, городской, больной...” с посвящением: “Сергею Александровичу Есенину”.

- 28 марта Был с Городецким в “Доме Армии и Флота” (Литейный пр., 20), где проходил вечер поэзии “Поэты воинам”. Познакомился с поэтами К.Ю.Лянду, В.С.Чернявским, М.А.Струве.
- 29 марта Ответил Р.Ивневу стихотворением “Я одену тебя побирушкой...”
Побывал у Константина Лянду (Наб. р.Фонтанки, 23).
- 30 марта Читал стихи в редакции “Нового журнала для всех” по адресу: Эртелев (Чехова) пер., 3.
- Март — Жил на Преображенской (Радищева) ул., 43-а, кв. 12
апрель Посещал салон Ольги Снегиной (Херсонская ул., 1).
Познакомился с В.А.Рождественским в редакции одного из “толстых” журналов.
Посещал редакцию журнала “Голос жизни” (Лиговский пр., 114).
- Март — Читал стихи у Рюрика Ивнева по адресу Симеоновская (Белинского) ул., 11, кв. 8.
апрель Читал стихи на квартире Павла Павлова в доме № 27–29 на Моховой улице.
Побывал у литератора Л.М.Клейнборта — Лесной участок, Английский (Пархоменко) пр., 14.
Побывал у Леонида Каннегисера (Саперный пер., 10).
“Новый журнал для всех”, № 4 опубликовал стихотворение “Кручина” (“Зашумели над затоном тростники...”).
- 12 апреля В журнале “Задуманное слово”, № 24 перепечатано стихотворение “Черемуха”.
- 18 апреля Побывал у А.М.Ремизова (Таврическая ул., 7).
- 22 апреля Блок написал Есенину письмо, где, в частности, сказал, что “... путь Вам, может быть, предстоит не короткий, и, чтобы с него не сбиться, надо не топтаться, не нервничать”.
В журнале “Голос жизни”, № 17 опубликованы стихотворения Есенина “Гусяр” (“Тёмна ноченька, не спится...”), “Богомолки” (“По дороге идут богомолки...”), “Рыбак” (“Под венком лесной ромашки...”), “В хате” (“Пахнет рыхлыми драченами...”). Здесь же статья Романа Аренского (З.Н.Гиппиус) о Есенине “Земля и камень”.

- 23 апреля Эсенин написал первое письмо Николаю Клюеву.
- 25 апреля Побывал в редакции журнала “Лукоморье” (Невский пр., 40).
- Апрель, конец Вошёл в литературную группу “Краса”, организованную Сергеем Городецким.
- 29 апреля Выехал из Петрограда в Москву и в Константиново.
- Май В “Новом журнале для всех”, № 5 опубликовано стихотворение “Русь” (“Потонула деревня в ухабах...”, строки 17–28).
- Июнь В “Ежемесячном журнале”, № 6 опубликованы стихотворения “Троица” (“Троицыно утро, утренний канон...”), “Сыплет черёмуха снегом...”, “Девичник” (“Я надену красное монисто...”).
- Июль, начало В журн. “Русская мысль”, № 7 напечатаны стихи: “Инок” (“Пойду в скуфье смиренным иноком...”), Калики, Вечер (“На лазоревые ткани...”).
- 26 июля В журнале “Огонёк”, № 30 опубликовано стихотворение “Рекруты” (“По селу тропинкой кривенькой...”).
- Июль — август В журнале “Северные записки”, № 7/8 опубликовано полностью стихотворение “Русь” (“Потонула деревня в ухабинах...”).
- 25 августа В газете “Биржевые ведомости”, утр. вып. (адрес редакции: Серпуховская ул., 40) опубликовано стихотворение “Микола” (“В шапке облачного скола...”).
- Август В “Ежемесячном журнале”, № 8 опубликовано стихотворение “Пастух” (“Я пастух, мои палаты...”) и перепечатано стихотворение “Выткался на озере алый свет зари ...”.
- 2–3 октября Второй приезд в Петроград. Поселился у С.Городецкого на Малой Посадской (Жил по ноябрь 1915 г.).
- 4–5 октября На квартире Городецкого познакомился с Н.А.Клюевым.
- 6 октября Вместе с Н.Клюевым побывал у литератора А.А.Измайлова (Васильевский Остров, 17-я линия, 70).
С Н.Клюевым был у Ф.Ф.Фидлера по адресу: 9-я Рождественская (Советская) ул., 22. В альбом Фид-

- лера записал стихотворение “Перо не больница, но в нём есть звон ...”.
- 7 октября С Н.Клюевым побывал у В.А.Юнгера на Алексеевской (Писарева) ул., 10, кв. 17. Юнгер выполнил один из первых рисунков Есенина с натуры.
- 10 октября Участвовал в совещательном собрании литературно-художественного общества “Страда” на квартире Городецкого.
- 11 октября В газете “Биржевые ведомости” опубликовано стихотворение “Выть” (“Черная, потом пропахшая выть ...”).
- 17 октября Присутствовал на учредительном собрании лит.—худож. общества “Страда”. Познакомился с поэтом Пименом Карповым.
- 21 октября Читал стихи в редакции “Ежемесячного журнала”. Вместе с Н.Клюевым был у А.А.Блока.
- 23 октября Городецкий написал редактору Петроградского отделения газеты “Русское слово” Руманову письмо с просьбой издать книгу стихов Есенина “Радуница” в издательстве Сытина. (Издание не состоялось).
- 25 октября Выступал с чтением стихов на первом вечере общества “Краса” в зале Тенишевского училища на Моховой ул., 33—35.
- В газете “Биржевые ведомости” опубликовано стихотворение “Алый мрак в небесной черни...”.
- Встретился с графологом К.К.Владимировым и передал ему для исследования автограф “Победа духа над космосом создаст тот невидимый мир, в который мы уйдем. Сергей Есенин”.
- Октябрь — С Клюевым побывал у певицы Надежды Плевицкой (Сергиевская ул., 83).
- ноябрь С В.С.Чернявским побывал у юриста А.Ф.Кони на Надеждинской (Маяковского) ул., 3, кв. 15.
- Бывал у И.И.Ясинского на Головинской (Лисичанской) ул., 9, где был принят в литературное общество “Вечера Случевского” и познакомился с Н.С.Гумилевым и Ф.К.Сологубом.
- Несколько раз побывал у литературного критика и поэтессы З.Д.Бухаровой (Кавалергардская ул. 8).
- В доме № 33 по Сергиевской (Чайковского) ул., вместе с Клюевым читал стихи.

- В редакции газеты “Биржевые ведомости” встретился с редактором и писателем И.И.Ясинским. Побывал в Большом зале Оперной студии Консерватории (Театральная пл., 3) на опере “Евгений Онегин”.
- Ноябрь — Знакомство с А.М.Горьким на квартире художницы Н.И.Любавиной (Малая Посадская ул., 14).
- 3 ноября — Есенин с Клюевым побывал на квартире артистки В.К.Уструговой (Таврическая ул., 19). Читал там стихи.
- Начало ноября — С Клюевым побывал у юриста И.В.Гессена в доме 3 (1—3) по Малой Конюшенной улице. Здесь художник А.Н.Бенуа нарисовал с натуры Есенина.
- 14 ноября — В газете “Биржевые ведомости” опубликовано стихотворение “Гой ты, Русь, моя родная ...”.
- 16 ноября — Подписал запродажную книгоиздателю М.В.Аверьянову на издание сборника стихотворений “Радуница”.
- С 16 ноября по 19 апреля 1916 г. вместе с Н.Клюевым жил у сестры Клюева К.А.Расщепериной (Наб. р.Фонтанки, 149, кв. 9).
- 19 ноября — Выступал с чтением стихов на первом вечере литературно-художественного общества “Страда” в театральном зале Товарищества гражданских инженеров (Серпуховская ул., 10).
- 22 ноября — В газете “Биржевые ведомости”, утр. вып., опубликовано стихотворение “Не с бурным ветром тучи тают ...” (“Не ветры осыпают пуши...”).
- Ноябрь — В “Ежемесячном журнале”, № 11 опубликовано стихотворение “Танюша” (“Хороша была Танюша, краше не было в селе ...”).
- С В.А.Рождественским побывал в кружке университетских поэтов у Ларисы Рейснер (П.С., ул. В.Зеленина, 26-6). Читал стихи и пел под гитару.
- С Чернявским и Клюевым побывал в Александрийском театре — пл.Островского, 2 — на спектакле по пьесе А.С.Грибоедова “Горе от ума”.
- Побывал в “Доме Зубова” — Институте истории искусств (Исаакиевская пл., 5).

- Познакомился с актером и режиссером В.В.Шимановским.
- С Рюриком Ивневым побывал в салоне сенатора П.А.Харитоновна (Наб. р.Мойки, 74).
- Читал стихи у К.С.Петрова-Водкина по адресу: Васильевский остров, 18-я линия, 9.
- 1 декабря В ж-ле "Северная звезда", № 13 перепечатано стих-е Калики. То же стих-е помещено в Лит.—худож. альманахе. Бесплат. прил. к журн. "Женщина" за 1915 г., № 24.
- 6 декабря В петроградских газетах "Речь" и "День" А.Ремизов опубликовал сказки "Каленые червонцы", "Николин умолот", "Свеча воровская", переданные ему Есениным. При публикации этих сказок в сборнике "Николины притчи" (Петроград, 1917) Ремизов назвал их "Рязанскими сказками с.Константинова, переданными ему поэтом С.Есениным".
- 10 декабря Общество "Страда" провело вечер, посвященный творчеству Есенина и Клюева. Доклад о творчестве поэтов сделал И.И.Ясинский. Стихи Есенина читали автор и артист В.В.Игнатъев.
- 13 декабря В газете "Биржевые ведомости", утр. вып. опубликовано стихотворение "В лунном кружеве украдкой ...".
- 25 декабря С Н.Клюевым был в гостях у А.А.Ахматовой и Н.С.Гумилева в Царском Селе (Малая ул., 63). Ахматова и Гумилев подарили Есенину публикации своих произведений с дарственными надписями.
- В газете "Биржевые ведомости", утр. вып. опубликовано стихотворение "Край родной! Поля как святцы ..." (Край любимый! Сердцу снятся ...).
- Декабрь, середина Познакомился с В.В.Маяковским на квартире Ф.К.Сологуба (Разъезжая ул., 31, кв. 4).
- Состоялось также знакомство в Петрограде с Р.В.Ивановым-Разумником.
- Декабрь, конец На квартире И.С.Каннегисера (Саперный пер., 10) познакомился с Мариной Цветаевой.
- Декабрь Журнал "Весь мир", № 51 (редакция: ул. Жуковского, 23) опубликовал стихотворение "Колдунья" ("Косы растрепаны, страшная, белая...").

Литературные и популярно-научные приложения к журналу "Нива", № 12 опубликовали стихотворения Есенина: "Страна ль моя, страна ...", "Тебе одной плету венок ...", "Занеслися залетною пташкой ..." под общим заголовком "Русь".

Зима 1915–1916 гг. Побывал у И.Е.Репина в поселке Куоккала (Репино), где читал стихи. Познакомился там с художником Ю.П.Анненковым.

1916 год

1 января В ж-ле "Северная звезда", № 1 перепечатаны стихи Вечер ("На лазоревой ткани..."), Инок ("Пойду в скуфье ...").

Январь — начало Есенин вместе с М.Цветаевой, Н.Кузминым, О.Мандельштамом, Г.Ивановым, Н.Оцупом, Р.Ивневичем, Л.Каннегисером был на лит. вечере в доме издателей Я.Л.Сакера и С.И.Чацкиной.

4 января С.Есенин и Н.Клюев приехали в Москву из Петрограда (при материальной поддержке полковника Д.Н.Ломана).

10 января В газете "Биржевые ведомости", утр. вып., опубликовано стихотворение "Лисица" ("На раздробленной ноге приковыляла ...").

16 января Полковник Д.Н.Ломан обратился с рапортом к начальнику Генерального штаба о разрешении зачислить в штат лазарета в Царском Селе нескольких санитаров. К рапорту приложен список из пяти человек, среди которых третьим назван "крестьянин Рязанской губернии и уезда Кузьминской волости села Константиново Сергей Александрович Есенин".

До 28 января Отпечатан тираж первой книги С.Есенина "Радуница", изд. М.В.Аверьянова, Пг., 1916 (Набережная реки Фонтанки, 38).

До 28 января Есенин с Клюевым возвратились из Москвы в Петроград, взял у издателя несколько экземпляров "Радуницы".

28 января Сборник "Радуница" поступил к цензору Петроградского комитета по делам печати.

- 29 января Написал дарственную надпись на сборнике “Радуница” учителю русского языка Спас-Клепиковской второклассной учительской школы Е.М.Хитрову.
- 15 марта
- 30 января Сборник “Радуница” одобрен цензором.
- 31 января Сделал дарственные надписи на сборнике “Радуница” З.Д.Бухаровой, З.Н.Гиппиус.
- 1 февраля Вышел в свет сборник “Радуница”. Книга отпечатана в типографии Главного управления уделов (Моховая, 40).
- 4 февраля Побывал у М.П.Мурашева на Театральной пл., 2. Оставил ему на память “Радуницу” с надписью.
- 7 февраля В газете “Петроградский вечер” опубликовано стихотворение “Не в моего ты Бога верила...”. Побывал дома у И.Ясинского на Головинской, 9. Подарил ему “Радуницу” с дарственной надписью. Выступал с чтением стихов в день открытия театра “Новая студия”, организованного при литературно-художественном обществе “Страда” в зале Товарищества гражданских инженеров (Серпуховская ул., 10).
- 8 февраля Надписал сборник “Радуница” Натану Венгрову.
- 9 февраля Сделал дарственную надпись на книге Ю.Балтрушайтису.
- 10 февраля В газете “Петроградский вечер” (адрес редакции — Гороховая ул., 42) опубликовано стихотворение “Закружилась пряжа снежистого льна ...”. Надписал книгу “Радуница” А.М.Горькому. С Н.Клюевым был на занятии литературного кружка Императорского женского педагогического института. Читал стихи. С сообщением о творчестве Есенина выступил профессор П.Н.Сакулин. Есенин записал четверостишие “Холодной, чем у склотовой проруби ...” в записную книжку студентки Антонины Вошакиной.
- 11 февраля Вместе с Клюевым побывал у артистки Уструговой на Таврической ул., 19.
- 14 февраля В.Я.Шишков написал открытку Есенину и Клюеву с просьбой прийти к нему в гости.
- Февраль, середина С чтением стихов выступал вместе с Игорем Северяниным, Константином Бальмонтом, Рюриком Ивневым и Николаем Клюевым в зале Город-

- ской Думы (Невский пр., 33) на вечере в пользу семей погибших на полях первой мировой войны.
- 19 или 20 февраля С Клюевым был на вечере литературного кружка В.М.Чулицкого (Торговая ул., 15).
- 20 февраля Надписал сборник "Радуница" В.С.Миролюбову.
- 21 февраля Посетил И.И.Ясинского, записал для него стихотворение "Гой ты Русь, моя родная...".
- 23 февраля Цензор запретил к публикации поэму "Марфа Посадница".
- 24 февраля Надписал сборник "Радуница" Н.А.Котляревскому.
- До 27 февраля Подписал написанное Клюевым "Прошение в постоянную комиссию для пособия нуждающимся литераторам и публицистам при Императорской Академии наук" о денежной помощи.
- 29 февраля С Клюевым побывал у Е.И.Замятина (П.С., Широкая ул., 29). Написал ему на сборнике "Радуница" дарственную надпись.
- Февраль В журнале "Летопись", № 2 опубликовано стихотворение "Молебен" ("Заглушила засуха засевок...").
- В сб. "Северная звезда", № 4 опубликовано стихотворение ("Скупились звезды в невидимом бредне...").
- В журнале "Северные записки", № 2 опубликована первая часть повести "Яр".
- Февраль Работает над пьесой "Крестьянский пир" для "Нового театра" литературно-художественного общества "Страда".
- Февраль-март Посещал редакцию журнала "Северные записки" (Саперный пер., 21) и квартиру издателей Я.Л.Сакера и С.И.Чацкиной.
- С Георгием Ивановым побывал у поэта Б.А.Садовского (Вознесенский пр., 15-17).
- Бывал в кабаре "Привал комедиантов" (Наб. Фонтанки, 1), где познакомился с А.Н.Толстым и Вс.Э.Мейерхольдом.
- Побывал в "Художественном бюро" Н.Е.Добычиной на наб. р. Мойки (Марсово поле, 7).
- 9 марта С Клюевым и Чернявским побывал в театре П.П.Гайдебурова и Н.Ф.Скарской на спектакле по

- пьесе Р.Тагора “Письмо царя” в театральном зале Тенишевского училища.
- 15 марта В сб. “Северная звезда”, № 6, прил. к журн. “Женщина” перепечатано стих-е Гусяр (“Тёмна ноченька, не спится ...”) с ошибочной подписью “Яков Годин”.
- 20 марта Есенин с Клюевым читали стихи в зале 19-го городского попечительства о бедных.
- 25 марта Побывал у артиста и педагога В.В.Сладкопевцева (П.С., Б.Пушкарская ул., 59 (?), кв. 57).
Призван на военную службу.
- 27 марта В зале Петровского коммерческого училища (Почтамтская, 13) вместе с Уструговой, Клюевым и заслуженным артистом Императорской драмы Н.Н.Ходотовым выступал на вечерах сказок и былин.
- Март В журнале “Северные записки”, № 3 опубликована вторая часть повести “Яр”.
С М.П.Мурашевым побывал в ресторане “Вена” (Малая Морская, 13/3).
- Апрель В журнале “Весь мир”, № 16 опубликовано стихотворение “Месяц рогом облако бодает...”.
В “Ежемесячном журнале, № 4 опубликовано стихотворение “За горами, за желтыми долами ...”, с посвящением “Анне Сардановской”.
- 5 апреля Получил от полковника Д.Н.Ломана удостоверение об откомандировании в Полевой Царскосельский военно-санитарный поезд № 143.
В ответ на письмо полковнику Ломану, Николай Клюев получил удостоверение о зачислении Есенина в Полевой Царскосельский военно-санитарный поезд № 143.
- 14 апреля Дано “Петроградскому резерву санитаров” предписание об откомандировании санитаря С.А.Есенина в Полевой Царскосельский военно-санитарный поезд № 143.
- 15 апреля В концертном зале Тенишевского училища на Моховой ул. выступал на “Вечере современной поэзии и музыки”. На вечере также выступали А.Ахматова, А.Блок, Г.Иванов, Н.Клюев и другие.

- В сб. “Северная звезда”, № 8 опубликовано стихотворение “Нищий с паперти” (“Глаза — как выцветший лопух ...”).
- 16 апреля Вместе с Ключевым побывал на опере М.П.Мусоргского “Борис Годунов” с Ф.И.Шаляпиным в главной роли в театре Народного дома (Александровский парк, 4).
- 16 апреля Откомандирован в Полевой Царскосельский военно-санитарный поезд № 143.
- 17 апреля В газете “Биржевые ведомости”, утр. вып. опубликовано стихотворение “Запели тесаные дроги ...”.
- 20 апреля Прибыл в Царское Село, в Феодоровский городок для прохождения дальнейшей военной службы. Занесён в список личного состава поезда № 143.
- 25 апреля Фамилия Есенина названа в приказе по поезду № 143. Его назначили санитаром в вагон № 6.
- До 26 апреля В сборнике “Страда” опубликовано стихотворение “Теплый вечер” (“Теплый вечер грызет воровато...”) (“Гаснут красные крылья заката ...”).
- 27 апреля Приехал в Петроград. Днем заходил к М.П.Мурашеву и оставил записку.
В 18 часов выехал к линии фронта санитарным поездом по маршруту: Петроград — Москва — Курск — Харьков — Мелитополь — Евпатория — Севастополь — Симферополь — Синельниково-Полтава — Киев — Казатин — Ровно — Шепетовка — Киев — Гомель — Орша — Н.Сокольники — Петроград.
- Апрель-май В журнале “Северные записки”, № 4–5 напечатана третья часть повести “Яр”.
- Начало мая В сборнике “Пряник осиротевшим детям”. Пг., 1916 помещены стихотворения “Весна на радость не похожа ...”, “Еще не высох дождь вчерашний...”.
- 16 мая Вернулся в Царское Село.
- 28 мая, утро, Приехал в Петроград.
- 14 часов. Выехал на фронт в санитарном поезде по маршруту: Петроград—Москва—Тихонова Пустынь—Конотоп—Киев—Шепетовка—Киев—Жмеринка—Новосельцы—Могилев—Киев—Конотоп—Тула—Царское Село.

- Май В "Ежемесячном журнале", № 5 опубликовано стихотворение "Белая свитка и алый кушак ..."
- 12 июня Вернулся в Царское Село из поездки к линии фронта.
- 15 июня Есенину выписан "Отпускной билет" в "Рязань сроком на пятнадцать дней".
- 16 июня Подарил свой фотопортрет 1916 г. Пимену Карпову с дарственной надписью.
- 16 июня Выехал в Москву вместе с Н.Клюевым, который проследовал с ним в Константиново.
- 30 июня Вернулся в Царское Село.
- До 3 июля Приехал в Петроград.
- 3 июля Присутствовал на собрании писателей в квартире М.П.Мурашева (Театральная пл., 2). Записал в альбом Мурашева стихотворение "Слушай, поганое сердце ...".
- 3-4 июля Вернулся в Царское Село.
- 8-9 июля Приехал в Петроград.
- 9 июля Побывал у поэтессы М.М.Марьяновой на Забалканском (Московском) пр. Вписал в её альбом стихотворения "В глазах пески зеленые..." и "Небо сметаной обмазано ...".
- 9-10 июля Вернулся в Царское Село.
- 12 июля Приехал в Петроград. День провел в гостях у заслуженного артиста Императорских театров В.Н.Давыдова (Б.Морская, 8).
- 13 июля На квартире Мурашева присутствовал на редакционном совещании по изданию альманаха "Творчество". Встретился с А.А.Блоком. Представил стихотворение "Исус-младенец" в Петроградский комитет по делам печати (Театральная пл., 8). В тот же день оно было рассмотрено и запрещено к публикации духовной цензурой.
- 13-14 июля Вернулся в Царское Село.
- 17 июля С поэтом А.Ганиным выехал в Вологду, там намеревался издать поэму "Галки". Издание не состоялась. Текст ее не найден.
- 19 июля Вернулся в Царское Село.
- 22 июля Читал стихи на концерте в Царскосельском лазарете № 17 в Феодоровском городке в присутствии Императрицы Александры Феодоровны и всех четырех Великих княжен.

- 29 июля Приехал в Петроград. Встретился с графологом К.К.Владимировым и подарил ему свою фотографию с надписью.
- 29 июля В редакции “Ежемесячного журнала” зарегистрировано поступление стихотворения “Исус-младенец”.
- 31 июля Вписал в альбом М.М.Марьяновой стихотворение “За темной прядью перелесиц ...”
- 31 июля —
- 1 августа Вернулся в Царское Село.
- Июль-август “Ежемесячный журнал”, № 7/8 перепечатал стихотворение “Сереют избы. Небо бело...”, (“Запели тесаные дроги...”).
- 15 августа В газете “Биржевые ведомости”, утр. вып. опубликовано стихотворение “Странник” (“Без шапки, с лыковой котомкой...”).
- 21 августа В газете “Биржевые ведомости”, утр. вып. напечатан рассказ С.Есенина “У белой воды”.
- 29<?> августа Из-за опоздания на службу арестован на 20 суток.
- 16 сентября В редакцию “Ежемесячного журнала” поступило стихотворение “Мечта”.
- До 26 сентября Подал прошение в Комитет литературного фонда с просьбой о денежной ссуде.
- Сентябрь Журнал “Северные записки”, № 9 опубликовал стихотворения: “Устал я жить в родном краю...”, “За темной прядью перелесиц...”, “Корова”.
- Сентябрь —
- октябрь В “Ежемесячном журнале”, № 9—10 опубликованы стихотворения: “Опять раскинулся узорно...”, “В том краю, где желтая крапива...”
- 13 октября Приехал в Петроград. Вместе с Н.Клюевым побывал у писателя А.М.Ремизова (В.О., 14-я линия, 31, кв. 48).
- 14 октября Был на квартире Л.Н.Андреева (Наб. р. Мойки, 1). Оставил ему книгу “Радуница” с дарственной надписью.
- 21 октября Вместе с Н.Клюевым был у К.И.Ярошинского (Б.Морская, 52), где одетые в кафтаны, сшитые по эскизу В.М.Васнецова, читали свои стихи на вечере “Общества возрождения Художественной Руси”.
- Октябрь Литературные и популярно-научные приложения к журналу “Ника”, № 10 опубликовали стихотворение “В зеленой церкви за горой...”.

- 3 ноября Выехал из Петрограда в Москву в командировку.
- До 20 ноября Возвратился в Царское Село.
- Ноябрь В “Ежемесячном журнале”, № 11 опубликовано стихотворение “День ушел, убавилась черта ...”.
- 11 декабря Присутствовал на “Вечере бытового русского искусства” в зале гимназии Императора Александра I на Казанской (Плеханова) ул., 27.
- 28 декабря В Феодоровском городке Царского Села читал стихи на “Вечере народного искусства”. В концерте приняли участие А.Ваганова, Ю.Морфесси, В.Давыдов, Н.Ходотов.
- 29 декабря Приехал в Петроград. Побывал в редакции “Ежемесячного журнала”.
- 29—30 декабря Вернулся в Царское Село.
- 31 декабря Получил пропуск на богослужение в Феодоровский собор.
- Декабрь В “Ежемесячном журнале”, № 12 напечатано стихотворение “Исус-младенец”.
- Посетил редакцию газеты “Биржевые ведомости” (Адмиралтейский канал, 15), где оставил у А.Л.Волынского стихи для передачи их И.И.Ясинскому.
- Июль — Побывал у Григория Распутина (Гороховая ул., 64).
- декабрь Вместе с Распутиным побывал в ресторане “Вилла Родэ” (Новодеревенский уч., Строгановская ул., 2).
- С Л.Каннегисером побывал у Т.Г.Краснопольской на Шпалерной ул., 8.
- Написал пьесу “Крестьянский пир” <?>.
- Подготовил к печати сборник стихов “Голубень”.
- Выступал с чтением стихов в Китайском театре (Александровский парк Царского Села).

1917 год

- Январь, начало В альманахе “Творчество”, № 1 опубликовано стихотворение “Я снова здесь, в семье родной ...”
- 1, 5, 6 января Побывал на богослужении в Феодоровском соборе.
- 14 января Приведен к присяге вместе с группой санитаров. Подписал типографский текст военной присяги.
- Январь, Детские альманахи “Творчество, кн. I
- середина перепечатали стихотворение “Воробышки” (“Поет зима — аукает ...”).

- 18 января В редакции “Ежемесячного журнала” зарегистрировано поступление стихотворений Есенина: “Голубень”, “Снег, словно мед ноздреватый...”, “Как покладинка, лёг через ров...” <”Ночь и поле и крик петухов...”>.
- Январь— февраль Побывал с В.Чернявским на “богемном вечере” (Литейный пр., 29).
- Февраль, начало Познакомился с А.Белым на квартире Р.В.Иванова-Разумника в Царском Селе по адресу: Колпинская (Пушкинская) ул. 20, кв. 2.
- 6 февраля С Н.Клюевым посетил художника К.А.Сомова по адресу: Екатерингофский (Римского-Корсакова) пр., 97. Читал стихи.
- 11 февраля Ездил в Петроград. Вписал в альбом М.Марьяновой стихотворение “Песня, луг, реки, затоны ...” <”Колокольчик среброзвонный...”>.
- 19 февраля Читал стихи в Трапезной палате Феодоровского городка (Царское Село) во время приема членов “Общества возрождения Художественной Руси”.
- 23 февраля Получил удостоверение об откомандировании в г.Могилев и “экстренный отзыв” на имя начальника станции Царское Село с просьбой отправить санитар Есенина “в г.Могилев по делам ... поезда”. Есть предположение, что имея документы на руках, Есенин в Могилев не поехал.
- В тот же день прибыл в Петроград.
- Посетил редакцию “Ежемесячного журнала”, где получил гонорар — 25 р. 20 к.
- 25 февраля В редакции “Ежемесячного журнала” зарегистрировано поступление стихотворения Есенина “Белые скользкие тропы...”. Текст неизвестен.
- 27 февраля Был у поэтессы М.Марьяновой.
- 17 марта В связи с сокращением штата поезда № 143 направлен в распоряжение Воинской комиссии при Государственной Думе.
- 18 марта В журнале “Нива”, № 10 перепечатано стихотворение “Лисица”.
- 20 марта Есенин получил последний военный документ-аттестат, в котором в частности, говорится, что “...возложенные на него обязанности выполнялись им честно и добросовестно”.
- Самовольно покинул армию.

- Март,
2-я половина Выехал в Москву.
- 28 марта В газете “Дело народа” опубликовано стихотворение “Наша вера не погасла...”.
Начало сотрудничества в эсеровской печати, в основном в изданиях, редактируемых Р.В.Ивановым-Разумником.
- До 30 марта Вернулся в Петроград.
- Март В “Интимном журнале”, № 1 опубликовано стихотворение “К теплому свету, на отчий порог...”.
- Март-апрель Побывал у М.Горького (Кронверкский пр. 23, кв. 10).
Написал поэмы “Товарищ” и “Певущий зов”.
В редакции газеты “Дело народа” (Галерная ул., 40) познакомился с Зинаидой Николаевной Райх.
- 9 апреля В газете “Дело народа” опубликована поэма “Марфа Посадница”.
- 14 апреля В Тенишевском училище на Моховой ул., 33–35 участвовал в вечере “Свободной поэзии”.
Выступали: Н.Ходотов, В.Маяковский, Ф.Сологуб, К.Чуковский, Л.Яворская и др.
- 30 апреля В газете “Дело народа” опубликована поэма “Ус”.
- 25 мая В однодневной газете “Во имя свободы” опубликовано стихотворение “Есть светлая радость под сенью кустов...”.
- 26 мая В газете “Дело народа” опубликована поэма “Товарищ”.
- Май С Н.Клюевым ездил на несколько дней в Новгород и затем вернулся в Петроград.
- Конец мая —
начало июня Выехал из Петрограда в Константиново.
- 28 июня В газете “Дело народа” опубликована поэма “Певущий зов”.
- Июль, начало Вернулся в Петроград.
- 17 июля Поездка в пригород Петрограда — Павловск вместе с З.Н.Райх, А.А.Ганиным, М.Л.Свирской.
- Около 25 июля Выехал вместе с З.Н.Райх и А.А.Ганиным в д.Коншино, Вологодского уезда.
- 30 июля Венчание с З.Н.Райх в церкви Кирика и Иулитты, дер. Толстикovo, Вологодского уезда.
- (12 авг. н.ст.)
До 30 июля Вышел в свет сб. “Скифы”, № 1 (отпечатан в типографии Николаевской военной академии — Суво-

- ровский пр., 32-б), где опубликована поэма “Марфа Посадница”, а также стихотворения: “Осень”, “О красном вечере задумалась дорога...”, “Синее небо, цветная дуга ...”, “О товарищах веселых ...” под общим заглавием “Голубень”.
- Август, 2-я половина Вернулся ненадолго в Петроград из поездки на Север. Жил на Литейном пр., 49. Затем уехал с З.Н.Райх к её родителям в Орёл.
- Август Написал поэму “Октоих”.
- 10 сентября В газете “Дело народа” опубликована поэма “Отчарь”.
- 21 сентября В газете “Земля и воля” опубликовано стихотворение “Не бродить, не мять в кустах багряных...”.
- 30 сентября В газете “Земля и воля” опубликовано стихотворение “Голубень”.
- Октябрь, начало Вернулся с З.Н.Райх в Петроград и поселился с ней на Литейном пр., д. 33, кв. 11.
- Осень (октябрь?) Познакомился с писателем А.П.Чапыгиным и поэтом П.В.Орешиним. Бывал у Орешина на 7-й Рождественской (Советской) ул., 40, кв. 30. На квартире поэтессы М.М.Шкапской (Кирочная ул., 43-в) познакомился с И.Г.Эренбургом.
- Октябрь В “Ежемесячном журнале”, № 7–10 опубликовано стихотворение “Не от холода рябинушка дрожит...”
- 25 октября (7 ноября) Октябрьскую революцию Есенин встретил в Петрограде.
- Октябрь — ноябрь Написаны поэмы “Пришествие” и “Преображение”.
- Ноябрь, 1-я половина Выехал в Москву.
- Ноябрь, середина Вернулся в Петроград.
- 21 ноября Вместе с М.П.Мурашевым побывал в театре “Кри- вое зеркало” (Наб. кан. Грибоедова, 90).
- 22 ноября Состоялся первый “Вечер поэзии Сергея Есенина” в концертном зале Тенишевского училища.
- Ноябрь — декабрь В “Ежемесячном журнале”, № 11–12 опубликовано стихотворение “Как покладинка лёг через ров...” <”Ночь и поле, и крик петухов...”>.

- 14 декабря Выступил на вечере, посвященном памяти декабристов вместе с Р.В.Ивановым-Разумником в Соляном городке — Пантелеймоновская (Пестеля) ул., 2.
- 16 декабря Читал стихи на вечере поэтов и писателей в конференц-зале Академии художеств (Университетская наб., 17). На вечере выступали также А.Ахматова, А.Белый, О.Мандельштам, Ф.Сологуб, Н.Тэффи, Р.Ивнев, М.Кузмин.
- 24 декабря В газете “Новая жизнь” опубликованы стихотворения “Заметает пурга...”, “То не тучи бродят за овином...”.
- 28 декабря В газете “Знамя труда” перепечатано стихотворение “В лунном кружеве украдкой...”.
- 29 декабря Газета “Знамя труда” объявила о выходе 2-го сборника “Скифы”. В нем напечатаны циклы Есенина “Стихослов” (4 поэмы) и “Под отчим кровом” (15 стихотворений).
- 30 декабря Газета “Знамя труда” перепечатала стихотворение “Прощай, родная пуша...”.
- Декабрь Выступал вместе с П.Орешиным (читал стихи) на “концерте-митинге” в театре завода Речкина (ныне Вагоностроительный завод им.Егорова) на Московском пр., 115.
- На квартире А.М.Горького (Кронверкский пр., 23, кв. 5) встретился с В.В.Маяковским.
- С А.Ганиным побывал у Р.В.Иванова-Разумника в Царском Селе на Колпинской ул., 20. Познакомился с писателем Е.Г.Лундбергом.
- “Свободный журнал”, № 6 напечатал стихотворения “Свищет ветер под крутым забором...”, “О родина!” под общим заголовком “Неисходный час”. “Свирель”. Третий альманах молодой поэзии напечатал стихотворение “Разбойник”.

1918 год

- 1 января С П.Орешиным побывал у Р.В. Иванова-Разумника в Царском Селе.
- 2 января Присутствовал на митинге “Народ и интеллигенция” в зале Армии и Флота (Литейный пр., 20).
- 3 января Провел вечер у А.А.Блока.

- 6 января Выступал на вечере журнала “Революционная работница” в концертном зале Тенишевского училища.
- 7 января В газете “Знамя труда” опубликовано стихотворение “Пушистый звон и руга ...”.
- 20 января В журнале “Нива”, № 3 опубликовано стихотворение “Мечта” (“В тёмной роще на зелёных елях ...”) (Из книги «Стихи о любви»).
- 21 января Присутствовал на вечере “Утро России” в Тенишевском училище.
- 26 января Газета “Вечерняя звезда” напечатала стихотворение “Тучи с ожерёба...”.
- 30 января Участвовал в заседании редакции журнала “Наш путь” (Лиговской пр., 44, кв. 300).
- Январь Вместе с Е.Лундбергом был у Р.В.Иванова-Разумника в Царском Селе, где также присутствовали Е.Замятин и О.Форш.
В журнале “Жаворонок”, № 1 (Невский пр., 110) напечатано стихотворение “Заметает пурга...”.
- Февраль, середина Артелью художников “Сегодня” (Басков пер., 4, кв. 20) отдельной книгой издано стихотворение С.Есенина “Исус-младенец”.
- 20 февраля Участвовал в заседании редакции журнала “Наш путь” (Лиговский пр., 44, кв. 300).
В этот же день вечером присутствовал на чествовании А.Блока в связи с публикацией стихотворения “Скифы”. На чествовании, которое состоялось в столовой Технологического института, присутствовали: А.Ганин, Л.Д.Менделеева-Блок и другие.
- 21 февраля (Здесь и далее даты по н.ст.) Есенин записался в боевую дружину левых эсеров, которая помещалась в здании бывшего Пажеского корпуса (Садовая ул., 26).
- 24 февраля В газете “Знамя труда” опубликована поэма “Пришествие”.
- 25 февраля В издательстве “Революционный социализм” (Литейный пр., 21) вышел сборник “Красный звон” (Отпечатан в типографии Ю.Я.Римана, 4-я Рождественская (Советская) ул., 33). Вместе с Есениным в сборнике участвовали: Н.Клюев, П.Орешин, А.Ширяевец.
- Февраль Побывал у А.М.Горького (Кронверкский пр., 23, кв. 5).

- Познакомился с композитором А.М.Авраамовым, автором книги “Воплощение: Есенин. Мариенгоф”. М., 1921.
- 5 марта В газете “Вечерняя звезда” опубликовано стихотворение “Разбуди меня завтра рано...”.
- Март, середина Выехал из Петрограда в Москву.
- 21 марта В газете “Знамя борьбы” (Лиговский пр., 44, Дом Перцова) напечатано стихотворение “Наша вера не погасла...”.
- 23 марта В газете “Знамя борьбы” напечатано стихотворение “В том краю, где желтая крапива...”.
- 24 марта В газете “Знамя борьбы” напечатано стихотворение “Покраснела рябина...”.
- До 27 марта Вернулся в Петроград.
- 27 марта Побывал в редакции газеты “Знамя труда” (Лиговский пр., 44). Встретился с А.А.Блоком, Р.В.Ивановым-Разумником, В.В.Шимановским.
- До 31 марта В сборнике “Мысль”, кн. I напечатана поэма “Пришествие”.
- Март Вместе с Ин.Оксёновым побывал у В.Шимановского (Невский пр., 110, кв. 32). Читал стихи на вечере “Северной студии” молодых поэтов в женской гимназии (В.О., 2-я линия).
- 5 апреля В газете “Знамя труда” опубликована статья “Отчее слово”.
- 13 апреля Вышел первый номер журнала “Наш путь”, где опубликованы поэмы “Октоих”, “Пришествие”, “Преображение”.
- До 23 апреля Побывал в редакции газеты “Биржевые ведомости”, где встретился с Р.В.Ивановым-Разумником.
- 23 апреля Читал стихи на квартире поэта Н.Н.Шульговского (В.О., Большой пр., 44). Там же читали стихи Н.Клюев, Н.Шульговский, П.Карпов.
- До 25 апреля Выехал в Москву.
- 28 апреля В газете “Знамя борьбы” опубликованы стихотворения “Певущий зов” (Радуйтесь! Земля предстала...), “Гляну в поле, гляну в небо...”.
- 4 мая В газете “Знамя борьбы” опубликованы стихотворения “То не тучи бродят за овином...”, “Сохнет стаявшая глина...”.

- 12 мая В газете “Знамя борьбы” перепечатаны стихотворения “За темной прядью перелесиц...”, “Запели тесаные дороги...”.
- 16–22 мая В издательстве “Революционный социализм” вышел сборник С.Есенина “Голубень” (отпечатан в типографии Николаевской Военной Академии — Суворовский пр., 32-б).
- 19 мая В газете “Знамя труда” напечатаны отрывки из поэмы “Инония”.
- 15 июня Журнал “Наш путь”, № 2 напечатал поэму “Инония” и статью С.Есенина “О «Зареве» П.Орешина”.

1919 год

- 4–8 июля Приезжал в Петроград вместе с А.Мариенгофом.
- Октябрь, начало Приезжал в Петроград с художником Дидом Ладом и А.Мариенгофом.
С А.Мариенгофом был у врача В.А.Рудакова (Театральная пл., 8, кв. 8).
С А.Мариенгофом побывал в издательстве “Всемирная литература” (Моховая ул., 36), где встретился с А.Блоком.

1921 год

- Сентябрь Приезжал (?) в Петроград с художником Г.Якуловым и А.Мариенгофом. Вместе с ними побывал в Эрмитаже (Дворцовая наб., 34), в Георгиевском зале на концерте.
- Декабрь, конец В издательстве “Эльзевир” отдельным изданием вышла поэма С.Есенина “Пугачев”. Отпечатана во 2-й гос. тип. (Галерная ул., 1).

1922 год

- 10 февраля В 22 часа приехал в Петроград вместе с А.Дункан и И.Шнейдером.
- 10–13 февраля Присутствовал на концертах А.Дункан в Мариинском театре (Театральная пл., 1) и в Большом зале Филармонии (Михайловская ул., 2). Жил в гостинице “Англетер” (Вознесенский пр., 10).

- Вместе с А.Дункан побывал в кабаре “Сверчок на печи” (Невский пр., 30), где в присутствии артистов Александринского театра читал отрывки из драмы “Пугачев” и стихи.
- 13 февраля Запродал Петроградскому отделению Госиздата (Невский пр., 28) поэму “Пугачев”.
Издание не состоялось.
В этот же день выехал с А.Дункан в Москву.
- Сентябрь В журнале “Книга и революция”, № 7(29) опубликована рецензия Михаила Павлова (Н.Павлович) на книгу С.Есенина “Пугачов”. Пг.: “Эльзевир”, 1922.

1923 год

- 15 октября По просьбе Н.Клюева приехал в Петроград.
- 15–17 октября Побывал в Доме самодеятельного театра (Стремяная ул., 10), где встретился с В.В.Шимановским и В.А.Рождественским.
В труппе В.Шимановского читал драму “Пугачев”, предложив ее постановку в Доме самодеятельного театра.
Побывал в студии художника И.И.Бродского (пл.Искусств, 3).
Вместе с Н.Клюевым побывал в Доме Печати (наб. р.Фонтанки, 7).
С Н.Клюевым побывал у литератора Р.Ф.Куллэ на ул.Декабристов (Офицерская), 53.
- 17 октября Выехал в Москву с Клюевым.

1924 год

- 12 или 13 апреля Приехал из Москвы в Ленинград. Остановился в гостинице “Европейская” (Михайловская ул., 1/7).
На другой день переехал на квартиру А.М.Сахарова на Гагаринской (Фурманова) ул., 1, кв. 12.
Побывал в Летнем саду, где его снимали на киноплнку (не найдена).
- До 14 апреля Получил в Ленинградском отделении Госиздата корректуру книги “Москва кабацкая”.
- 14 апреля Состоялся авторский вечер в концертном зале Лас-сая в здании б.Городской Думы (Невский пр., 33).

- Газета “Последние новости” 14 апреля писала: “Сегодня 14-го апреля в зале имени Лассалья московский поэт Сергей Есенин прочтет ряд своих стихов: “Москва кабацкая”, “Любовь Хулигана” и другие, а равно скажет слово “О мерзости и прочем в литературе”. Всем несогласным с ним Есенин делает вызов, приглашая их на этот вечер”.
- Вместе с ленинградскими поэтами-имажинистами побывал у фотохудожника М.С.Наппельбаума (Невский пр., 72).
- 15 апреля Выступал с чтением стихов в Доме самодеятельного театра на Стремянной ул., 10. На вечере были Н.Клюев, В.Чернявский, А.Чапыгин, Ин.Оксёнов, Л.Борисов, В.Эрлих, В.Ричиотти, и другие. Надписал Ричиотти книгу “Пугачов” (М.: “Имажинисты”, 1922).
- 16 апреля Побывал на концерте Рины Зелёной и Леонида Утёсова в Свободном театре (Невский пр., 72).
- 18 апреля Побывал во Всероссийском союзе поэтов (Невский пр., 86).
- 20 апреля Побывал на вечере Рины Зеленой в художественном кружке Н.Н.Ходотова (Невский пр., 60, кв. 7).
- Апрель — май Вместе с группой поэтов-имажинистов побывал у А.П.Чапыгина (В.О., 9-я линия, 66).
- С В.Ричиотти и В.Эрлихом побывал в кафе “12” (Садовая ул., 12).
- Был в гостях у композитора В.Н.Липатова (Загородный пр., 13, кв. 34), автора музыки к стихотворению С.Есенина “Письмо матери”.
- В погребке “Кавказский” на Караванной ул. встретился с М.М.Зощенко.
- Вместе с поэтами-имажинистами выступал в театральной студии А.Н.Морозова (Стремянная ул., 11, кв. 10).
- Апрель — май Читал стихи в Институте Живого слова по адресу: пл. Александринского театра (пл. Островского, 7).
- Май, начало С.Есенин с группой ленинградских поэтов-имажинистов побывал в Эстонском клубе “Элит” по адресу: Каменноостровский пр., 31/33, на углу пл.Льва Толстого.

- 6 мая Побывал с писателем Н.Н.Никитиным в гостинице “Англетер”, где в последний раз увидел Айседору Дункан.
- До 9 мая Вернулся из Ленинграда в Москву.
- 12 мая В Ленинграде родился сын Александр Вольпин-Есенин.
- Июнь, середина Приехал из Москвы в Ленинград. Побывал в Сестрорецке.
- Июнь Закончил первую редакцию поэмы “Песнь о великом походе”. Сдал её в редакцию журнала “Звезда”. (Напечатана в пятом номере этого журнала).
- Июнь — июль Вместе с ленинградскими поэтами-имажинистами побывал у литератора Н.С.Тихонова (П.С. Зверинская ул., 2).
Побывал у поэта И.И.Маркова на Дворцовой наб. В парикмахерской (Литейный пр., 43) встретил сына полковника Д.Н.Ломана — Юрия.
Побывал в редакциях ленинградских газет и журналов (Социалистическая ул., 14). Там встречался с С.Я.Маршаком.
Побывал (?) у Гр.Шмерельсона — Красная (Галерная) ул., 21, кв. 1.
С Н.Клюевым и И.Марковым побывал у техника-архитектора В.В.Улитина (Стремянная ул., 20, кв. 5).
Несколько раз вместе с В.Рождественским и поэтами-имажинистами ездил в Детское Село (г.Пушкин), где читал стихи в санатории научных работников (Широкая ул., 9) и в Ратной палате близ Федоровского городка.
С поэтами-имажинистами побывал у артиста А.А.Мгеброва (Караванная ул., 14, кв. 6).
Побывал у Анны Ахматовой в доме № 2 по наб. р.Фонтанки. Оставил ей свою книгу “Москва кабацкая”.
Вместе с А.Ахматовой участвовал в вечере поэзии в клубе поселка Стрельна, близ Ленинграда.
Написал стихотворение “Русь советская”.
- Июнь — июль Побывал у Анны Ахматовой (Наб. р.Фонтанки, 34, кв. 44). Оставил ей на память драму “Пугачев”.
- 12 июля Выступал с чтением стихов в Сестрорецке на вечере в Курзале, организованном Ленинградским от-

- делением Всероссийского союза поэтов. В вечере приняли участие: Вс.Рожественский, И.Садофьев и другие.
- 13 июля Совершил поездку в Петергоф вместе с группой писателей, поэтов, художников на зафрахтованном Союзом писателей пароходе. В поездке участвовали: А.Н.Толстой, Вс.Рожественский, В.Пяст, И.Садофьев, И.Приблудный и другие.
- До 19 июля В Ленинграде вышел сборник “Москва кабацкая”. Тираж 3.000 экз. Отпечатан в типографии Госиздата им. тов. Бухарина (ул. Моисеенко, 10).
- 19 июля С Н.Клюевым побывал у Ин.А.Оксенова (В.О., Соловьевский пер. (ул. Репина), 17, кв. 19). Подарил Ин.Оксену “Москву кабацкую” с дарственной надписью.
- Надписал “Москву кабацкую” пушкинисту П.Е.Щеголеву.
- 31 июля Выехал из Ленинграда в Москву.

1925 год

- 3 ноября Приехал в Ленинград. Остановился у журналиста Уварова по адресу: Гагаринская (Фурманова) ул., 1.
- 3—6 ноября Побывал у Н.Н.Никитина (Полтавская ул., 10). Посетил Г.Ф.Устинова в гостинице “Англетер”. Побывал у И.И.Садофьева (ул. Ракова, 29). Читал поэму “Черный человек”.
- 7—8 ноября Вернулся в Москву.
- 24 декабря Приехал из Москвы в Ленинград. Остановился в гостинице “Англетер”, ком. № 5. Побывал у В.И.Эрлиха (ул. Некрасова, 29, кв. 8), которого не застал дома.
- 25 декабря С В.Эрлихом побывал у Н.А.Клюева (Б.Морская ул., 45, кв. 8).
- 25—27 декабря Встречался с Н.Клюевым, Г.Устиновым, И.Приблудным, В.Эрлихом, Гр.Шмерельсоном, Н.Никитиным, И.Садофьевым и другими литераторами.
- 27 декабря Написал стихотворение “До свиданья, друг мой, до свиданья...”.
- В ночь с 27—28 декабря Трагически погиб в гостинице “Англетер”.

ПОСМЕРТНЫЕ АДРЕСА С.А.ЕСЕНИНА

- 28 декабря В 16 часов труп С.Есенина доставлен в Обуховскую больницу им.Нечаева (наб. р.Фонтанки, 106).
- 29 декабря Гроб с телом С.Есенина установлен в Ленинградском отделении Союза писателей (наб. р.Фонтанки, 50, кв. 26).
- Вечером гроб с телом С.Есенина в специальном вагоне отправлен в Москву.
- 29 декабря В "Красной газете" (веч. вып.) напечатано стихотворение "До свиданья, друг мой, до свиданья...".
- 31 декабря "Красная газета" (веч. вып.) напечатала стихотворение "Издатель славный! В этой книге...".

Составил Л.Ф.КАРОХИН
при участии Ю.В.Васильева и Н.Г.Юсова.

СОДЕРЖАНИЕ

Прокушев Ю.Л. Есенин — это Россия 3

I. ИЗДАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Чагин А.И. Нескончаемый диалог (Есенин сегодня) 25

Дядичев В.Н. Сергей Есенин в академических комментариях 41

Шубникова-Гусева Н.И. “И над каждой строкой без конца...”: Проблемы текстологии в есенинских изданиях последних лет 59

Самоделова Е.А. Проблемы топонимики в изданиях Есенина 88

Воронова О.Е. Современные аспекты интерпретации творчества Есенина (по материалам исследований 1990-1997 гг.) 106

Шалагинова Л.М. О проблемах освещения раннего периода жизни Есенина 120

Павловски Мария (США). Есенин и Первая мировая война (размышления к постановке вопроса по поводу антологии “Anno mundi ardentis: Russia’s World War I Poetry”) 142

Субботин С.И. К истории деловых отношений Есенина с издательством ВЦИК и Госиздатом РСФСР (1919-1922 годы) 148

Савченко Т.К., Захаров А.Н. Есенин и имажинизм 170

Кошечкин С.П. Поэма “Анна Снегина” и ее толкователи 194

Шахов В.В. Есенин в школьном и вузовском обучении 203

II. БИБЛИОГРАФИЯ И АРХЕОГРАФИЯ

Архипова Л.А. Книжное собрание Государственного музея-заповедника С.А.Есенина 214

Айвазян М.А. Проблемы археографии Есенина до и после юбилея 225

Штейн Эммануил (США). Сергей Есенин в антологиях и сборниках поэзии “русского рассеяния” (опыт библиографического исследования) 231

Ли Дэ Ву (Корея). Есенин в Корее 236

<i>Маквей Гордон (Англия)</i> . Публикации о Сергее Есенине, вышедшие на английском языке в 90-е годы	248
<i>Никё Мишель (Франция)</i> . Новый взгляд на Есенина	257
<i>Шипулина Галина (Азербайджан)</i> . Есенин и Азербайджан. Год 1995-й	261
<i>Паркаев Ю.А.</i> 1. "Кто-нибудь в тетрадь заглянет..." 2. Хранилось у Гриши Панфилова	267
<i>Юсов Н.Г.</i> О двух книгах Есенина ("Микола" и "Телец")	272
<i>Осипов В.О.</i> Сергей Есенин — всегда обжигающая биография	277
Сергей Есенин в Петрограде-Ленинграде: Хронология и адреса (1914-1925) /Сост. Л.Ф.Карохин при участии Ю.В.Васильева и Н.Г.Юсова	282

Библиографический указатель

Выпуск IV

Международная конференция посвященная 100-летию со дня рождения поэта 1-2 октября 1997 г.

Организована и подготовлена М.И.Михайлова

ИД № 01386 от 23.03.2000

Формат 60x88 мм. Бумага офсетная. Тираж 200 экз. Печать офсетная. Цена в пер. 200 экз.

Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН
121080, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Тел.: (095) 202-21-23, 291-23-01

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы
им. А.М.Горького РАН

ИЗДАНИЯ ЕСЕНИНА И О ЕСЕНИНЕ

ИТОГИ
ОТКРЫТИЯ
ПЕРСПЕКТИВЫ

Есенинский сборник

Выпуск IV

Международная научная конференция,

посвященная 102-й годовщине
со дня рождения поэта

1–2 октября 1997 г.

Оригинал-макет изготовила

Мишутина Т.И.

ИД № 01286 от 22.03.2000

Формат 60x88 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Печ. л. 19.5. Тираж 500 экз.

II. БИБЛИОГРАФИЯ И АРХЕОГРАФИЯ

Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а

Тел.: (095) 202-21-23, 291-23-01

PY5

66 = 00
~~66~~.00